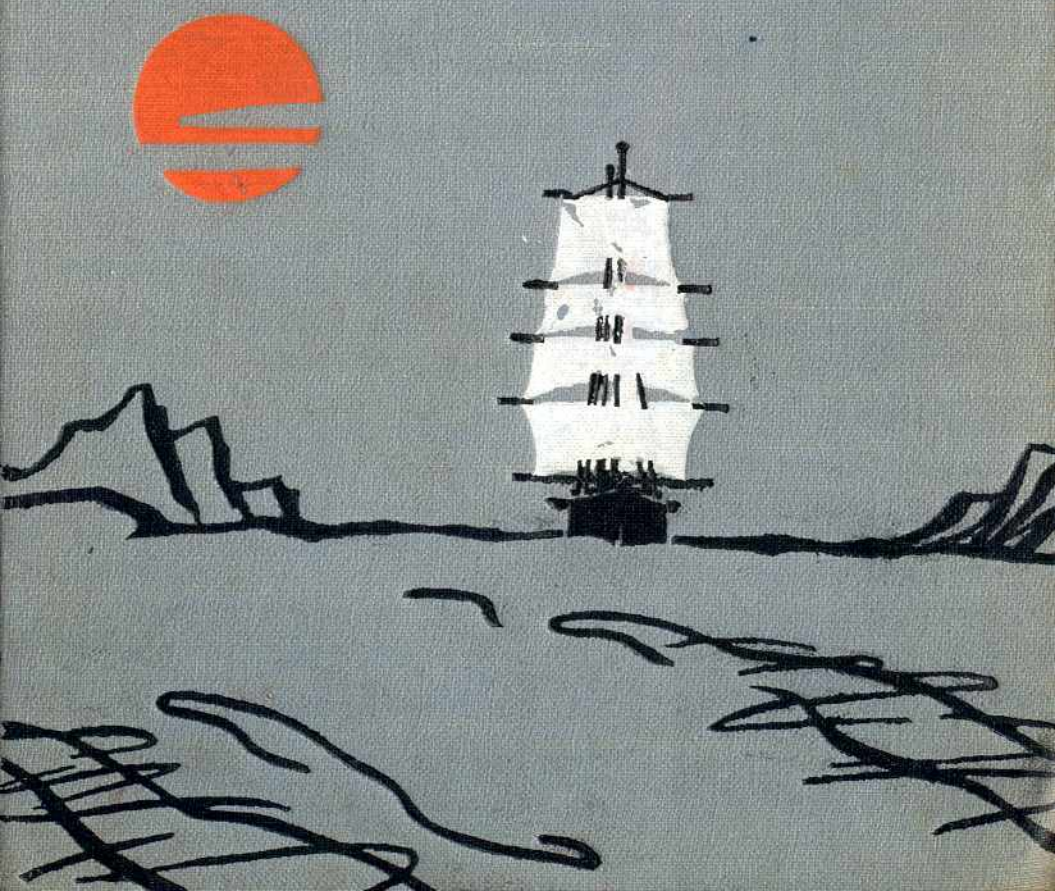

Э. В. ТОМЬ

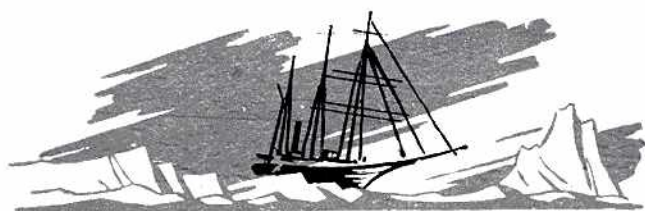
ПЛАВАНИЕ НА ЯХТЕ «ЗАРЯ»

Э. В. ТОЛМЬ

ПЛАВАНИЕ
на яхте
• ЗАРЯ •

1 9 5 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

Перевод с немецкого З. И. ВИТТЕНБУРГ.

Под редакцией П. В. ВИТТЕНБУРГА.

Э. Толль — известный русский полярный исследователь — в форме дневника повествует о своей экспедиции, снаряженной русской Академией наук в 1900 г. для исследования Таймыра и на поиски легендарной Земли Санникова.

В дневнике он говорит о своих спутниках, делится чувствами и мыслями, описывает наиболее интересные события из жизни двухлетней экспедиции и рассказывает о громадной научной работе, проделанной ею.

Художник Б. В. ШВАРЦ

ВСТУПЛЕНИЕ

Автор дневника «Плавание на яхте «Заря», начальник «Первой русской полярной экспедиции Академии наук», Эдуард Васильевич Толль был одним из замечательных полярных исследователей конца прошлого столетия.

Знаменитые путешественники того времени — Пайер, Вейпрехт, Де-Лонг, Нансен, Амундсен и другие — стремились достигнуть высоких широт Севера и в результате обогатили науку географическими открытиями, которые стерли много «белых пятен» с карты полярных стран.

В отличие от большинства путешественников, проводивших односторонние географические исследования, Э. В. Толль, как и Нансен, положил начало комплексному изучению природы Арктики.

Научные результаты трех полярных экспедиций Э. В. Толля (1885—1886 гг., 1893 г. и 1900—1902 гг.) составили семь томов в изданиях Академии наук. Исследования этих экспедиций были посвящены вопросам географии, ботаники, зоологии и особенно геологии и гляциологии; проводились систематические наблюдения по метеорологии, земному магнетизму, северным сияниям и наконец по этнографии. Произведенные Э. В. Толлем исследования ископаемого льда на Большом Ляховском острове по настоящее время не превзойдены. Их описание вошло во все учебные руководства по геологии и физической географии и переведено на многие иностранные языки.

Широкий научный кругозор и глубокие познания в области естествознания позволили Э. В. Толлю осветить многие проблемы, связанные с изучением природы Арктики.

Обладая сильной волей и высоко развитым чувством ответственности за порученное дело, Э. В. Толль не жалел сил и жизни, преодолевая неисчислимы трудности, стоявшие на пу-

ти полярного исследователя в ту эпоху, когда работа в Арктике граничила с героизмом. Нельзя забывать, что в те годы еще не использовались ледоколы, не существовала авиация, не было ни полярных станций, ни радиосвязи, ни ледовой разведки.

В 1885—1886 гг., впервые участвуя в полярной экспедиции под начальством А. А. Бунге, Э. В. Толль изучал геологию Новосибирских островов. Будучи на северо-западном берегу острова Котельного, он 13 августа 1886 г. занес в свой дневник: «Горизонт совершенно ясный. Вскоре после того, как мы снялись с устья реки Могур-урях, в направлении на северо-запад 14—18° ясно увидели контуры четырех гор, которые на востоке соединились с низменной землей. Таким образом, сообщение Санникова подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и надписать на ней: Земля Санникова».

На основании формы гор Э. В. Толль высказал предположение, что «Земля Санникова» сложена, подобно острову Беннетта, из базальтов. Расстояние от острова Котельного до «Земли Санникова», которую Э. В. Толль считал за часть неизвестного архипелага, он полагал равным 150—200 км.

Спустя семь лет, в 1893 г., Э. В. Толль руководил экспедицией Академии наук. На берегу Восточно-Сибирского моря, в 60 км к востоку от Святого Носа, Э. В. Толль производил раскопки мамонта и был занят устройством на Новосибирских островах по просьбе Нансена двух продовольственных складов на случай гибели «Фрама». На севере Сибири, в Прианском крае он проводил орографические исследования, описал Хараулахский хребет, а также хребты Чекановского и Прончищева, нанес на карту Анабарскую губу и низовья реки Анабары до 72-й параллели. Инструментальная съемка и определение астрономических пунктов, произведенные экспедицией Э. В. Толля, позволили исправить и уточнить географические карты того времени.

По возвращении в Петербург из второй полярной экспедиции у Э. В. Толля возникли принципиальные разногласия с автором академической инструкции, предложенной ему для руководства.

В результате Э. В. Толль оставил службу в Академии и перешел по приглашению академика Ф. Н. Чернышева в Геологический комитет. Вскоре на заседании Русского географического общества он познакомился с адмиралом С. О. Макаровым, который тогда вынашивал идею исследования полярных стран при помощи ледокола. В это время Э. В. Толль разрабатывал план изучения района гипотетической «Земли Санникова» при помощи деревянного судна. В 1897 г. осуществилась мечта С. О. Макарова, и Э. В. Толль принял участие в первом арктическом плавании ледокола «Ермак». Сов-

местная работа Э. В. Толля с С. О. Макаровым прервалась в связи с тем, что правительство отпустило средства на организацию «Первой Русской полярной экспедиции Академии наук» под начальством Э. В. Толля.

Вдохновитель этой экспедиции Э. В. Толль собрал большой научный материал, опубликованный Академией наук.

В настоящем дневнике Э. В. Толль дает описание плавания на яхте «Заря», начиная с ее выхода в море 21 июня 1900 г. Дневник написан не для опубликования в печати, а адресован Э. В. Толлем его жене Эммелине Толль. Этим объясняется интимный характер некоторых записей. Искренность суждений, мыслей и чувств, которыми проникнуты все записи, рисуют личность Э. В. Толля как человека гуманного, проникнутого гражданскими чувствами, целеустремленного в своей работе и отдающего все свои силы выполнению долга. Э. В. Толль беспощадно строг и требователен к себе, а по отношению к своим подчиненным он необычайно заботлив и полон товарищеского внимания.

Заслуживает быть отмеченной его искренняя дружба со старыми проводниками Джергели и Оммунджа и неизменно гуманное отношение ко всем туземцам-кочевникам, которые платили ему ответной любовью, подобно тому, как это было во взаимоотношениях Н. Н. Миклухо-Маклая с обитателями Новой Гвинеи.

Э. В. Толль не раз возвращается к анализу причин вымирания некоторых малых народностей, населявших север Азии, и стремится пробудить сочувствие к этим обездоленным «иностранцам», оказывая им со своей стороны постоянное содействие и помощь.

Как большого патриота Э. В. Толля волновали вопросы, связанные с хищнической эксплуатацией иностранцами природных богатств Русского Севера.

Дневник прерывается 5 июня 1902 г., когда вместе со своими тремя спутниками, астрономом Ф. Зеебергом и проводниками якутом В. Гороховым и эвеном Н. Протодьяконовым, Э. В. Толль с острова Котельного отправился на собаках и байдарках на остров Беннетта, чтобы оттуда достигнуть «Земли Санникова».

*

* *

Дневник Э. В. Толля был опубликован его вдовой на немецком языке в 1909 г. в Берлине. В настоящем издании он на русском языке публикуется впервые. При переводе были произведены некоторые сокращения; эти сокращения коснулись главным образом описаний праздников, биографических сведений о членах экипажа «Зари», сугубо личных обращений Э. В. Толля к жене, его рассуждений о прочитанных книгах,

большей частью художественной литературы на немецком языке, которым он владел в совершенстве.

В немецком издании записи в дневнике датированы по новому и старому стилям; в настоящем издании все даты приведены по новому стилю. Большинство старых русских мер, приводимых Э. В. Толлем, пересчитаны в метрические. В дневнике температуры были указаны частью в шкале Цельсия, частью в шкале Реомюра; в настоящем издании все температуры даны в шкале Цельсия.

Помещенные в книге фотографии и схемы заимствованы из немецкого издания.

П. Виттенбург

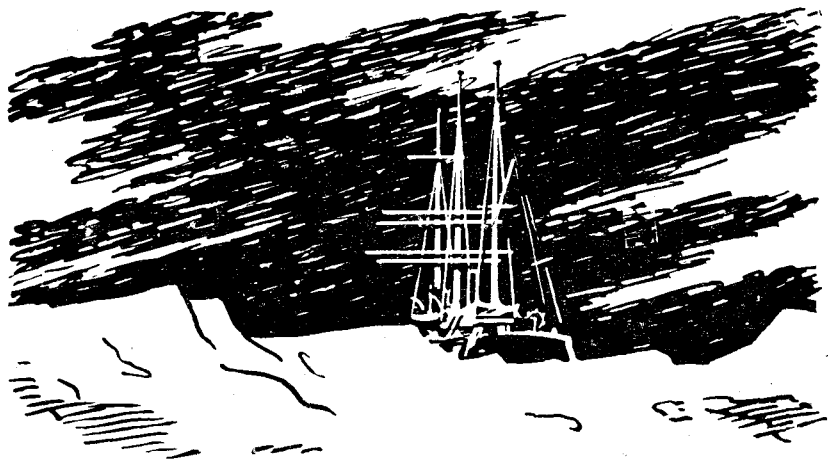
ПЛАВАНИЕ

РУССКОЙ
ПОЛЯРНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

на яхте

• ЗАРЯ •

Часть первая

ПЕРВАЯ НАВИГАЦИЯ С 21 ИЮНЯ 1900 г.
ПО 30 СЕНТЯБРЯ 1900 г.

Четверг 21 июня 1900 г. Кронштадт, борт «Зари», 11 часов вечера. Сегодня в 2 часа пополудни мы снялись с якоря в Петербурге у семнадцатой линии на Неве, где стояли у набережной 22 дня. Многие глубоко запечатлевшиеся в памяти образы и нахлынувшие за последние недели воспоминания так нагромодились друг на друга, что мне не удастся еще привести в ясность свои впечатления. Во всяком случае достоверно то, что положено начало экспедиции, которой я так долго добивался. Начало ли? Правильное ли это слово? Когда же именно было положено начало? Было ли это в 1886 г., когда я видел Землю Санникова, было ли это в 1893 г., когда, находясь на Новосибирских островах, я мысленно представил себе возможность достигнуть с острова Котельного Земли Санникова быстрым переходом на собачьих нартах? Было ли это после опубликования моего плана в 1896 г. или же начало было положено, когда я прошлой весной передал президенту Академии наук свой отчет о плавании на «Ермаке»? Что считать началом? Как бы то ни было, фактически экспедиция началась сегодня, 21 июня 1900 г., в теплый ясный летний

день, когда мы снялись с якоря и капитан Коломейцев вывел с большим мастерством «Зарю» без помощи буксира из устья Невы мимо множества судов и когда мы взяли курс на Кронштадт. Из наших глаз мало-помалу исчезали друзья, собравшиеся на набережной и на окружавших «Зарю» пароходах и лодках. Они долго еще посылали нам вслед прощальные приветствия и кричали «ура».

И вот мы опять в Кронштадте. Завтра погрузим уголь, примем хронометры, пассажный инструмент, взрывчатые вещества и остальное снаряжение. Насколько изменился внешний вид «Зари» по сравнению с 15 мая, когда здесь на рейде мы впервые бросили якорь!

Суббота 23 июня, 11 часов утра. Кронштадт, борт «Зари». Вчера дополнительно к имевшимся запасам угля приняли еще 68 т английского угля со складов Морского министерства. Сегодня получили остальную часть астрономического оборудования, 12 хронометров, которые с разрешения морского министра были нам переданы директором Кронштадтской обсерватории В. Фусом, и ручной пассажный инструмент Эртеля. Семья Фус оказала мне помощь при закупке библиотеки (русской литературы, театральных пьес для команды и т. д.). Часть книг для экспедиции была подарена.

Сегодня мне пришлось три раза пообедать: на «Заре» в половине первого, у Фуса в три часа и у Макаровых в семь часов вечера, и, тем не менее, как ни удивительно, я остался здоров! Встреча с Макаровым была сердечная. В своем тосте он сказал, между прочим, что по своему характеру я склонен использовать «свое положение в качестве буфера» между офицерами и учеными!

Послал телеграмму президенту Академии наук следующего содержания: «21-го в 2 часа мы снялись в Петербурге с якоря, вчера погрузили 68 т угля, сегодня получаем хронометры и различные инструменты. В 2 часа выходим в море, завтра вечером будем в Наргене, чтобы через Гельсингфорс, Стокгольм и Христианию поспешить в Берген, куда «Заря» прибывает без остановок 2 июля. Толль».

В половине второго на борт «Зари» прибыл адмирал Макаров проводить нас. «Заря» прошла мимо стоявших на рейде судов, с которых матросы, поднявшись на ванты, кричали прощальное «ура». На адмиральском судне играла музыка. Погода была великолепная. На большом рейде Макаров, а также родственники некоторых членов экспедиции сердечно распрощались с нами.

Воскресенье 24 июня. На борту «Зари», между Гогландом и Ревелем [Таллин]. Сегодня в 7 часов мы прошли Гогланд при прекрасной погоде и хорошей видимости; в 5 часов вечера должны быть у Наргена. В 9 часов старший машинист Ог-

рин сообщил, что основной трубопровод не в порядке и машина должна быть выключена на три часа.

Подняв паруса, мы шли сначала со скоростью менее одного узла. После полудня ветер несколько посвежел, так что к 5 часам делали уже более трех узлов. Пара до сих пор еще нет. Хорошо если будем у Наргена в полночь.

Воскресенье 22 июля. На борту «Зари» между Гаммерфестом и Нордкапом. Заносу кратко ход событий. 26 июня я оставил «Зарю» в Ревельской гавани и проехал через Гельсингфорс [Хельсинки], Стокгольм и Христианию [Осло] в Берген. В Христиании я получил от профессора Ф. Нансена много ценных указаний и советов. Кроме того, он согласился взять на себя выполнение нескольких поручений, которые были переданы из Христиании в Тромсё. Все заказы поступили своевременно.

Прибыв 3 июля почтовым пароходом в Берген, я увидел нашу прекрасную яхту в гавани. «Заря» быстро завершила плавание из Ревеля при благоприятном ветре.

Берген был тем пунктом, куда направлялись все инструменты и предметы снаряжения, выписанные из-за границы для экспедиции. Из Лондона поступил лот Лукаса и инклинатор, из Стокгольма — батометры, изготовленные под личным наблюдением профессора Петерсона и д-ра Хамберга. Здесь я принял наряду с другим снаряжением лыжи и сани, заказанные в Христиании по образцам Нансена, а также канадские лыжи, присланные непосредственно из Монреаля.

Из Бергена вышли 7 июля под парусами и 14-го прибыли в Тромсё. Здесь нас должен был нагнать груз в 10 т брикетного угля, заказанного в Ньюкасле. В случае гибели «Зари» во льдах этот уголь может послужить строительным материалом для сооружения жилья. Но пароход, на который в Бергене грузился уголь, запоздал, ввиду чего я был вынужден задержаться здесь вместо трех дней на целую неделю. В Тромсё мы взяли на борт, кроме всего прочего, ранее заказанный корм для собак — 1500 пудов сушеной рыбы и дополнительно 50 т угля. Вчера покинули Тромсё; до Нордкапа остается еще около 45 миль.

Понедельник 23 июля, 11 часов утра. На борту «Зари», между Варде и Екатерининской гаванью. В 4 часа утра миновали Нордкап. Он был скрыт туманом и не казался особенно величественным; в 9 часов, когда туман рассеялся, прошли своеобразный по своей красоте мыс Нордкин. От Тромсё до Нордкапа за сутки сделали 172 мили.

В 10 часов вечера стал виден Варде. До Екатерининской гавани¹ оставалось 96 миль. Накануне море было беспокойно, и «Зарю» немало качало. Повар Фома тяжело болел, но тем не менее выполнял свои обязанности. Бируля и Коломейцев

также внесли Нептуну свою лепту. У меня последствия качки сказались вялостью и необычайной пассивностью.

После того как мы оставили за собой северную оконечность Европы, ландшафт морского побережья изменился. Характерные горы Норвегии с их гротесковыми зубцами уступили место плато. Пересекаем Варангерфиорд и находимся снова в России, у северных берегов которой нам предстоит отныне провести от двух до ихс лет.

Вторник 24 июля. Екатерининская гавань. Около часу дня зашли в гавань Александровска-на-Мурмане — Екатерининскую гавань. Здесь стоял на якоре под флагом Невского яхт-клуба, под которым шли и мы, «Андрей Первозванный», судно научно-промысловой экспедиции под начальством Н. М. Книповича. Книпович пригласил нас совершить рейс в Ура-губу для ознакомления с работами на борту «Андрея Первозванного». Получили телеграммы и письма.

Среда 25 июля. Ночью совершили интересный и поучительный рейс в Ура-губу. В 6 часов вечера были приглашены Книповичем и участниками его экспедиции на обед. Это был последний обед, которым нас чествовали. После него я отправился с Книповичем и его женой осмотреть этот маленький и довольно пустынный городок. В нем имеется лишь несколько недавно построенных жилых домов для чиновников, церковь и еще несколько зданий. По своему положению и общему виду он напоминает города Финляндии, недостает только растительности. Когда мы спускались к пристани по прекрасному шоссе, нам повстречался Евстифеев, мой лучший матрос, недавно перезимовавший на Новой Земле. Евстифеев шел со своей женой и двумя детьми. Он нес покупки, приобретенные на литературный заработок за подготовленные им к печати былины. Жена Евстифеева приехала сюда с обоими детьми, чтобы попрощаться с мужем.

Бункеровка угля. Плохие рабочие. Задержка!

Четверг 26 июля. До обеда писал письма, послал в Архангельск телеграфный запрос о местонахождении «Пахтусова». После обеда пошел ненадолго в горы. Дул резкий северо-восточный ветер и нагнал туман. Осмотрел фирновый снег и фирновый лед, которым действительно свойственно типичное зернистое строение, как это описано Эмденом. Чай пить зашел к Книповичу, где встретил Бирулю.

Мы лишились здесь, в г. Александровске, не только одного матроса, которого пришлось уволить за непристойное поведение, но, к сожалению, и второго, заболевшего в Тромсё.

Северо-северо-западный ветер и дождь.

Сегодня произвел расчет с Тронтеймом, доставившим мне из Западной Сибири 40 остяцких собак, и уплатил ему оставшуюся сумму 400 рублей. 1600 рублей были мною уплачены раньше. Помимо этих западносибирских собак, я получил еще

20 восточносибирских, которых мне доставили унтер-офицер Якутского пешего казачьего полка Расторгуев, мой испытанный спутник в экспедиции 1893 г., и устьянский житель Петр Стрижев.

Невзирая на огромное расстояние от Усть-Янска через Верхоянск, Якутск, Иркутск, Москву, Архангельск, когда во время трехмесячного пути собаки ехали частью на оленьих нартах, частью на почтовых лошадях, на санях и телегах и наконец по железной дороге в самую жару, они все прибыли в отличном состоянии, что чрезвычайно важно для экспедиции. Помимо большой заботы, проявленной обоими проводниками, причина удачи этого дела лежит в помощи, оказанной в пути многими должностными лицами.

Воскресенье 29 июля. На борту «Зари», в Екатерининской гавани. Почтовый пароход «Николай» доставил нам из Архангельска последнюю почту, письма и посылки с родины, также заказанное позднее снаряжение, последние газеты и рождественские подарки. Эти подарки вместе со взятыми из Петербурга, Дерпта [Тарту] и Ревеля и уже находящимися на борту заняли немало места.

Сданная нами в Александровске обширная корреспонденция доставила местному почтовому чиновнику непривычно много хлопот.

Среди сообщений из Архангельска оказалось одно мало ободряющее: шхуна, нанятая для доставки в Югорский Шар, а если окажется возможным, то и дальше, отпущенного нам Морским министерством угля, тщетно пыталась достигнуть в середине июля острова Вайгача. Получив во льдах повреждение, она была вынуждена вернуться в Архангельск. Авария не могла быть значительной, так как 2 августа по предложению губернатора шхуна должна вновь выйти к месту назначения — мысу Гребень. Надеюсь при благоприятных условиях ее там встретить.

Вторник 31 июля. На борту «Зари», около 20 морских миль к востоку от острова Кильдина. В 5 часов пополудни мы смогли наконец сняться с якоря в Екатерининской гавани. Для меня наступает теперь время сосредоточиться в мыслях, чтобы быть готовым встретить всякие неожиданности, неизбежные на трудном пути экспедиции.

В 11 часов ночи Коломейцев доложил, что в машинном отделении в двух местах показалась течь и вода пробивается небольшой струйкой. Это меня не удивляет, так как мы сильно перегружены и сидим на один фут глубже, чем полагается, именно на 18 ф. 6 д. вместо 17 ф. 6 д. Какое это будет иметь значение в дальнейшем — покажет будущее.

Сегодня мы в первый раз спали под «музыку», так как отныне на борту находятся собаки. «Мои» собаки, т. е. восточносибирские, кротки и спокойны, в противоположность тронт-

геймовским, которые досаждают своим лаем. Буду надеяться, что крыша лаборатории не обрушится под тяжестью собак.

Среда 1 августа. На борту «Зари», севернее острова Колгуева. Проложили курс к северу от северной оконечности Колгуева и идем прямо на остров Вайгач. Несмотря на большую перегрузку, делаем пять узлов: сегодня южный ветер, подняты кливера. Перегрузка крыши лаборатории сказалась течью; течет также по стенам. Если нас настигнет шторм, лаборатория может сильно пострадать.

11 часов пополудни. Держим курс на Вайгач. Ветер свежий, юго-восточный; подняли паруса, делаем 6—7 узлов. От 3 до 4½ часов провели первую гидрологическую станцию.

Сегодня я отправился с доктором в трюм. По узкому проходу туда можно проползти между досками только на коленях или на животе, что доктор и сделал. Добравшись до бочки с маслом, он достал порцию для выдачи повару. С фонарем и маслом в руках мы с доктором проползли обратно. В трюме тепло и сухо. Течь в машинном отделении ликвидирована. Вода в нем стоит всего на 16 дюймов; так как мы сидим глубоко, то при волнении вода проникает с наветренной стороны, т. е. с правого борта, через шпигат в кладовую заднего трюма и в лабораторию.

Четверг 2 августа. На борту «Зари», перед островом Колгуевым. Солнце, слабый восточно-юго-восточный ветер, ход «Зари» несколько замедлился. Мы еще в пределах Гольфстрима. Вчера температура воды была на поверхности 5°, а сегодня 6°. Между 5 и 7½ часами провели вторую станцию, кроме гидрологической, также зоологическую. Для первой пробы дело шло довольно хорошо.

Туманы учащаются, но температура поверхностной воды не упала. Термометр показывал:

на глубине 83 м (на дне)	— 1,5°
" " 27 м	+ 2,0°
" " 10 м	+ 5,9°
и на поверхности	+ 6,0°

К сожалению, оборудование лаборатории не используется по назначению: моя лаборатория служит теперь попросту коридором, так что мне лишь изредка удастся работать. Невозможно попасть в зоологическую лабораторию, также пройти на корму, минуя мою лабораторию, так как наружный ход полностью загроможден рыбой, досками, каяками, санями и т. д.

Пятница 3 августа. Борт «Зари». Сегодня утром около 4 часов увидели остров Колгуев. Свежий норд-ост! Температура воздуха +6,5°, воды +6,3°. Против ветра делаем только 4,7 узла. В 12 часов оставалось 210 миль до острова Вайгача.

Помимо северного ветра, температура воздуха и воды говорила о близости Карского моря. Сегодня при сильной зыби

удачно выполнили станцию. Из-за встречного восточно-северо-восточного ветра делаем только 2 узла, вследствие чего пришлось повернуть к Гусиной Земле, чтобы оттуда пройти вдоль берега к Вайгачу. Теперь можем поднять паруса и идти со скоростью 7 узлов. Этот маневр был предпринят в 5 часов 30 минут, но он не оправдал себя, так как до 10 часов вечера мы ничего не выиграли. Усилившийся до 12 м/сек ветер повернул на восток. Он нас так далеко относит и так нам противодействует, что мы делаем теперь только 4 узла, да и притом наш контргалс не удастся. Ввиду этого я склонен укрыться за остров Колгуев, куда мы можем идти под всеми парусами со скоростью 6—7 узлов, не расходуя угля, и 80 морских миль покроем за 12 часов. Терпение! Всякое начало трудно! Еще неизвестно, сколько времени потеряем, прежде чем придем в Карское море.

К сожалению, уже теперь вполне ясно: угольную шхуну мы не можем больше ждать, так как по сравнению с нами ее ход будет еще более замедлен сильным встречным ветром. При таких обстоятельствах шхуна должна прибыть к мысу Гребень значительно позже нас. Потеря времени в ожидании ее может оказаться для нас роковой. Итак, приступая к ледовому плаванию, мы лишены возможности пополнить свой запас угля в 300 т, который мы имели на борту, покидая Александровск-на-Мурмане.

Суббота 4 августа. На борту «Зари», перед островом Колгуевым. Сегодня выяснилось, что и со второй попыткой сберечь уголь нам не посчастливилось. Мы шли под парусами при остановленной машине со скоростью около 3—4 узлов, так как ветер ослабел до 8 м; поэтому я распорядился взять курс снова на Вайгач.

На Колгуеве довольно высокие берега, приблизительно такие, как у Новосибирских островов. Склоны покрыты снегом. По данным Морозова, высота берега достигает 40—45 метров.

За последнюю вахту, от 12 до 4 часов, мы прошли 11 миль при затишшем до 6 м восточно-северо-восточном ветре, следовательно делали менее 3 узлов. Если так пойдет и дальше, то в Югорском Шаре будем через три дня.

Сегодня 4 недели, как мы покинули Берген!

Вода, которая накануне была чисто синего цвета, как воды Гольфстрима, сегодня утром у Колгуева стала зеленой, но сейчас, в 4 часа, приобрела опять синеватый оттенок.

Будь в добрый час сказано, качка до сих пор на мне не отзывается, между тем как Бируля, Зееберг и доктор страдают более или менее тяжело. Кроме того, доктор в течение нескольких дней не совсем здоров. У нас, начиная с Тромсё, есть еще пациент в лице матроса Железнякова и с сегодняшнего дня в лице боцмана Бегичева. Первый продолжает выполнять свои

обязанности, в то время как боцман лежит. Надеюсь, его недомогание пройдет без серьезных последствий.

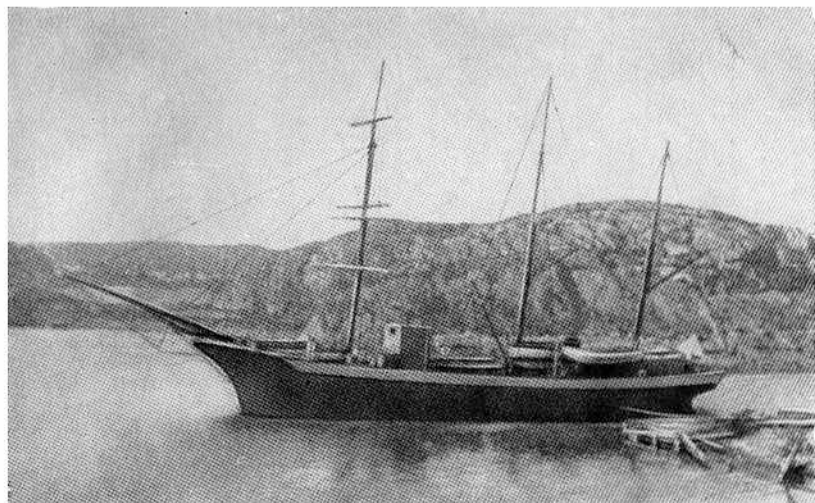
Наш гидрограф Колчак прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции. Руководство драгированием он также взял на себя. Бируля тоже прекрасный работник, кроме того, он располагает к себе благородством своего характера. Насколько могу, пытаюсь помогать обоим в их работе и вообще стараюсь быть «первым слугой своего штата».

Воскресенье 5 августа. На борту, вблизи Колгуева. Во время ночной вахты ветер посвежел и теперь в 12 часов норд-ост достигает 11 м, вследствие чего наш ход замедлился на 2 узла. За последние сутки мы приблизились к цели на 65 морских миль. Сегодня у нас чисто зеленая вода — близость Печоры! Уменьшилась и глубина до 42 м. Все же температура воздуха и воды довольно высокая, выше $+7^{\circ}$.

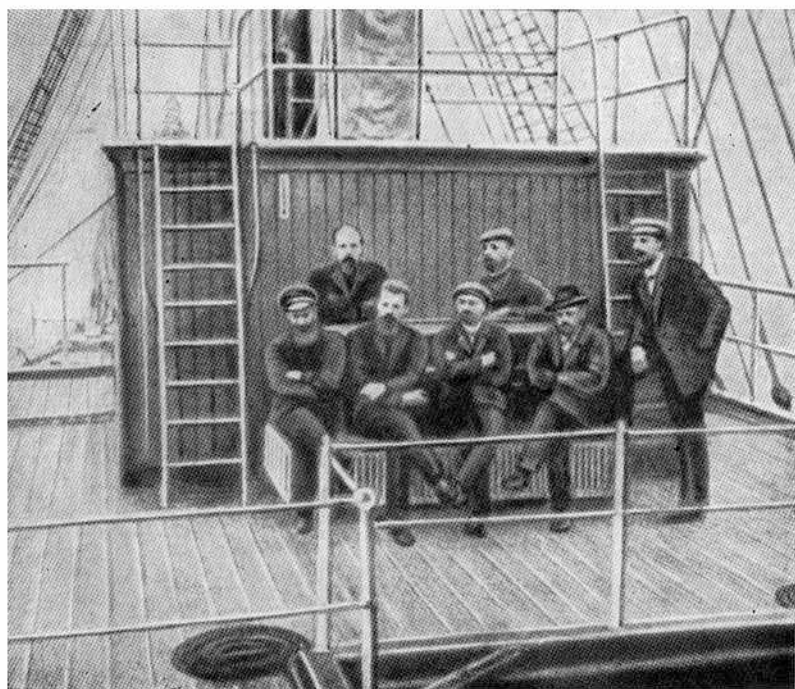
Понедельник 6 августа. На борту, между Колгуевым и Вайгачем. Идем так же медленно — около 3 узлов. Ветер дует с неизменной порывистостью с северо-востока. Сегодня погода лучше, небо прояснилось и волнение несколько стихло. Вчера набегавшие огромные волны заливали сплошными потоками палубу, вода проникла в помещение команды и залила каюткомпанию. Сегодня в 8 часов утра температура воздуха $+7,8^{\circ}$. Накануне при боковой качке «Заря» подверглась изрядным килевым ударам, но отлично их выдержала. Несмотря на перегрузку, течь при боковой качке не усилилась. Завтра вечером мы можем быть у Югорского Шара. Будет ли пролив забит льдами?

2 часа дня. После полудня ветер ослабел до 7 м. Солнце «улыбается», и все страдавшие морской болезнью повеселели. Наш ход ускорился до 4 узлов, следовательно, завтра в полдень, сможем быть у мыса Гребень.

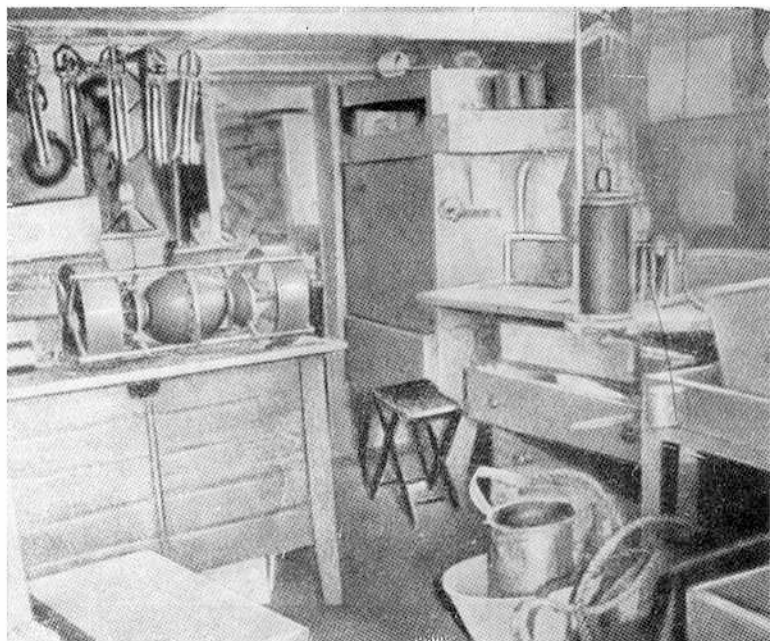
Вторник 7 августа. На борту «Зари». Вход в Югорский Шар. Ночью в 3 часа при прекрасном красновато-золотистом солнечном сиянии прошли остров Матвеева — пустынный, низкий, одиноко лежащий, высотой 9—12 м, по-видимому это только отмель. Он не вызвал у меня желания совершить экскурсию, и я лег на койку. Коломейцев предполагает определить здесь девиацию. В половине девятого утра, сойдя, как обычно, с вахты, он сообщил, что у берегов Вайгача льды и что температура воды внезапно снизилась до 4° . Я быстро взбежал наверх и увидел прекрасную картину — зеркальная поверхность моря, легкий восточный бриз; несколько полос плавучего льда, которые благодаря преломлению лучей принимали самые причудливые образы. Вход в Югорский Шар и сам пролив, насколько можно было видеть, были совершенно свободны от льда. Только на юге в Бельковской губе сверкал лед. На северо-востоке никаких признаков льда. Ясно виден мыс Гребень и на нем знак — высокая пирамида.

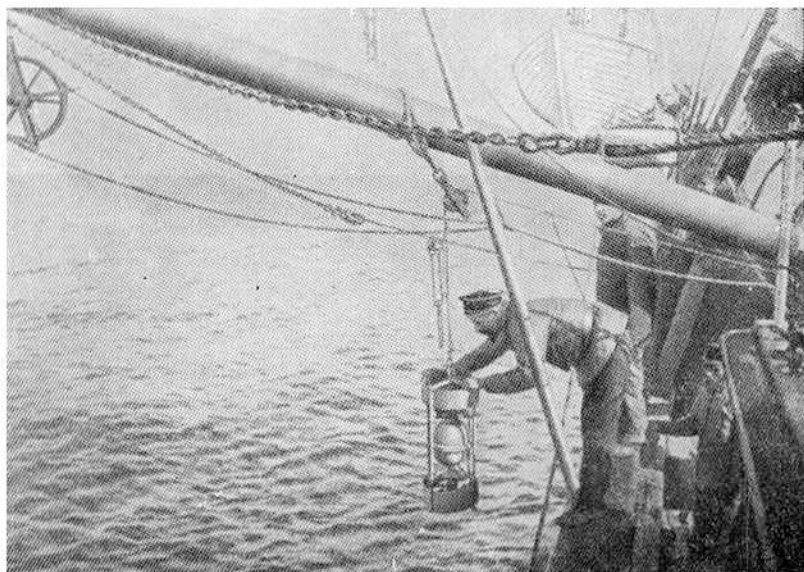
„Заря“ в Норвегии

Группа участников экспедиции. Стоят (слева направо): Матисен, Бируля, Зееберг; сидят (слева направо): Колчак, Коломейцев, Толль, Вальтер

Лаборатория на „Заре“ с гидрологической аппаратурой

Гидрологические работы. Колчак у батометра Тимченко

Придется остановиться на сутки в Югорском Шаре, так как котел, или, вернее, топки подлежат чистке. Этот день решили посвятить экскурсии, а завтра пойдем дальше.

Без четверти 12 ночи. На борту, в Карском море. Мы уже 4 часа идем в Карском море! Погода представлялась мне настолько заманчивой для дальнейшего плавания, что я переговорил с Коломейцевым, нельзя ли с таким же успехом произвести чистку котлов позднее? Для этой цели решили зайти в бухту Диксон и взяли курс на Никольское³, где я предполагал задержаться на несколько часов, чтобы получить свежую оленину и, главное, изучить в береговых обнажениях обнаруженную Нансеном силлурийскую фауну.

Пройдя несколько миль, мы увидели в следующей бухте к востоку от мыса Гребень, в бухте Варнека, пароход «Пахтусов». Я велел дать сигнал, что мы хотим установить с ним связь и надеемся, что он пришлет за нами шлюпку. Но, так как этого не случилось, мы подошли к «Пахтусову» сами, я и Коломейцев поднялись к нему на борт. Нас тепло встретили старые знакомые — Вилькицкий и другие. О Карском море они не могли нам ничего сообщить, так как «Пахтусов» пришел накануне с Печоры. Все же выяснилось, что Югорский Шар свободен от льдов и что этот год, очевидно, более благоприятен, чем истекший, когда невозможно было проникнуть в пролив. Я составил в этом смысле телеграммы президенту Академии и академику Шмидту и передал их вместе с последними письмами на родину капитану «Пахтусова». По счастливой случайности, как раз послезавтра в Никольское приходит пароход из Архангельска, который сможет принять нашу почту. С «Пахтусова» получили поправки хронометров, но, к сожалению, не достали угля.

Я оставил указание шкиперу угольной шхуны выгрузить уголь у мыса Гребень. Такой склад, в случае если бы ледовые условия в Карском море вынудили нас повернуть обратно, дал бы нам возможность пополнить свои угольные запасы. Персонал «Пахтусова» проводил нас на «Зарю» и после часа краткой беседы и осмотра нашего оборудования мы сердечно распростились, прокричав, вместе со стоявшими на вантах матросами, «ура», когда отплывали наши последние гости.

Пока мы были на «Пахтусове», доктор и Бируля совершили на каяке маленькую экскурсию на берег. Они вернулись домой с вальдшнепом и прекрасным букетом цветов, украшающим сейчас наш стол в кают-компании. Букет состоит из синюхи (*Polemonium*), незабудок (*Myosotis*), гречихи (*Polygonum*), мытника (*Pedicularis*), лютиков (*Ranunculus*), крупных маков красивой окраски и некоторых подлинно арктических растений, с куропаточной травой (*Dryas octopetala*) в том числе. Я обрадовался последней, так как она напомнила мне мою родину — Курляндию, где я нашел на берегах Балтики в последледниковых пластах нивянку прекрасной сохранности.

К обеду у нас была великолепная рыба — омуль, которую гидрограф сторговал у ненцев⁴, когда они подошли на веслах к борту «Зари».

Погода и ледовая обстановка были прекрасны: легкий ЮЗ бриз и немного битого льда. Я решил попытаться выйти сегодня же в Карское море. В 5 часов снялись с якоря, в 6 часов прошли Никольское, которое было укутано туманом и своими неясными очертаниями давало простор воображению — так, можно было себе представить это последнее европейское селение даже в виде величественного города. В 8 часов прошли Югорский Шар. Впереди по зеркальной поверхности моря плавали рассеянные льдины, которые не могли помешать нашему движению. Итак, «вперед, на всех парах»!

В 9 часов пал густой туман, когда нам пришлось пробираться сквозь крупный плавучий лед. Зачастую не удавалось обойти льдины, и мы сталкивались с ними, что служило славной «Заре», или, вернее сказать, старому «Гаральду Гарфагеру», приятным воспоминанием о его прекрасных юношеских годах гренландского плавания. «Заря» расталкивала льдины в стороны или же разбивала их, не теряя инерции. Так мы блуждали в тумане около двух часов; теперь в полночь, когда туман рассеялся, идем снова на всех парах по чистой воде между разогнанными ветром обломками льда. Время от времени яхта вздрагивает, натываясь на лед, а руль беспрестанно поворачивается, чтобы уклониться от ледяных глыб. Делаем 5 узлов. Температура воды все еще выше 0°, а именно +1,8°. Предполагаю, что Карское море свободно!

Среда 8 августа. На борту, в Карском море. В 3 часа утра я услышал, как «Заря» наткнулась на лед, однако вскоре мы благополучно вышли из него. В 6 часов утра я снова проснулся от сильного удара. Вышел из каюты и поднялся на мостик. Мы шли сквозь густой плавучий лед вдоль старого ледяного поля; его кромка была грязной. В 8 часов туман сильно сгустился. Я считал, что лучше обойти поле с юга, но Коломейцев надеялся пробиться через видимые сквозь туман разводья. Один раз уступил он, другой раз — я, и мы очутились в ледяной бухте, из которой с трудом освободились. Потребовался целый час, прежде чем яхта вышла на старый курс. Позже положение улучшилось, но плавучий лед окружил нас со всех сторон. Прошло около двух часов, пока «Заря» обошла поле в юго-восточном направлении. Мы оказались приблизительно в 70 милях к югу от Югорского Шара, следовательно, не дошли даже до устья р. Кары.

Для меня было непривычно выбирать дорогу во льдах с марса; а Бируля залез в воронье гнездо, на что я еще не отважился.

Между 4 и 6³/₄ часами пополудни провели седьмую станцию (первую в Карском море) у льдины с взгромоздившимися то-

росами. Я взял себе за правило уделять ежедневно на работы по станции не более 2 часов, а сегодняшняя длилась $2\frac{3}{4}$ часа. Не желая «искушать богов», я решил воспользоваться ясной и тихой погодой для дальнейшего плавания. И на самом деле, мы идем сейчас на всех парах по свободной от льда воде по курсу на северо-восток. Станция была сегодня очень обильной для зоологии. Траление на глубине 105 м доставило с глинистого дна иглокожих, среди которых оказались красивые морские звезды (*Hymenaster pellucida*), один экземпляр редкостного моллюска (*Proneomenia*), очень своеобразного, низко организованного в анатомическом отношении. Среди прекрасных ракообразных были характерные *Chiridotea Sabinei* и т. д. Гордость нашего гидрографического оборудования — большой батометр Петерсона — был сегодня впервые использован Колчаком, но оказалось, что затвор действует не безупречно.

Только что Коломейцев сошел вниз к столу. Он несет ежедневно вахту с 4 до 8 часов вечера и с 4 до 8 часов утра, мы же все остальные обедаем в 6 часов. Во время обеда ведется обычно интересная застольная беседа, в которой принимают участие главным образом гидрограф, человек очень начитанный, и зоолог. Зачастую Матисен придает разговору веселый оборот и пробует завязать разговор со своим соседом по столу Вальгером, но при этом получает от него остроумный ответ на таком забавном русском языке, что все вынуждены от души смеяться. Иначе протекает обед Коломейцева. Усталым и изголодавшимся приходит он после вахты в 8 часов к столу, после того как все общество разошлось: кто в лабораторию, кто в каюту, а вахтенный офицер на мостик. Сегодня повар приготовил нам очень вкусный суп из утки морянки и котлеты из свежей рыбы.

Около половины девятого вахтенный Матисен крикнул в световой люк: «Лед!» Мы с Коломейцевым поспешили наверх. Пока я шел на мостик в штурманскую рубку, чтобы убедиться в правильности курса, Коломейцев был уже в бочке. Он сообщил сверху, что по нашему курсу есть свободный проход сквозь редкий плавучий лед и что за этой полосой льда видна чистая вода. После полутора часов полного хода, не натолкнувшись ни на одну льдину, мы вышли на чистую воду.

Половина 12-го ночи. Я только что вышел из лаборатории, где Колчак производил при электрическом освещении ареометрические определения сегодняшних проб воды. Он спешил закончить работу, прежде чем приступить к своей «собачьей вахте» от 12 до 4 часов утра. В зообактериологическом помещении Бируля только что поместил свою коллекцию в спирт и углубился в чтение специальной литературы из судовой библиотеки. Пользоваться своей лабораторией мне не удастся, так как узкое (в 1,5 м) помещение все еще служит коридором для направляющихся на корму специалистов, офицеров и матросов.

С кормы производятся измерения глубины лотом и здесь же прикреплен счетчик лага; перед кормой находится парусная каюта, часто посещаемая кладовая и т. д. Короче говоря, я должен ждать, когда будут израсходованы запасы рыбы и угля, загромаждающие в настоящее время подступ к лаборатории с кормы. Таким образом, мне приходится заниматься в своей каюте, пока в соседней кают-компании тишина, а именно, когда все на работе или спят, как в настоящий момент.

Когда я один, мои мысли могут обращаться туда, куда стремится моя душа, туда, где я все оставил... Я должен иметь силы пережить эту разлуку и перенести все тяготы. У меня должно утвердиться сознание правоты своего поступка, поскольку я сам поставил перед собой эту задачу. Я посвятил свои силы призванию, к которому меня влекло не только научное побуждение, но и возможность способствовать успеху истинной гуманности, конечной цели каждой науки. Как бы ни закончилось задуманное мной предприятие, наша экспедиция несомненно оставит некоторый след в науке.

К 12 часам вошли в лед. Это были обломки и разбитые торосы одногодовалого льда. Держим курс на север, ледовых препятствий не видно. Легкая мертвая зыбь, хороший признак открытого моря.

Четверг 9 августа, 9 часов пополудни. На борту «Зари», в Карском море у побережья Ямала. Накануне шли под парами и парусами со скоростью до 6 узлов при восточно-юго-восточном ветре. Море чисто, льда не видно. Ночью встретили битый лед. Держим курс северо-северо-восток параллельно берегу Ямала на расстоянии приблизительно 15—20 миль. В 12 часов показался мыс Харасово на Ямале, немного севернее опасного мелководья Шараповых Кошек. К югу отсюда Павел Крузенштерн младший вышел 28 сентября 1862 г. на берег, совершив полный приключений переход по льду, после того как его шхуна «Ермак» была раздавлена льдами⁵. Норденшельд, конечно, прав, полагая, что отважного Крузенштерна не постигла бы такая участь, если бы у него вместо шхуны был пароход. Без силы пара мы вчера оказались бы тоже зажатými во льдах, когда очутились среди огромных ледяных глыб. Даже при несколько менее сильной машине нам, возможно, не удалось бы счастливо выбраться. Машинисты много поработали, особенно старший машинист Огрин, несший сам вахту, так как в течение многих часов он должен был давать то передний, то задний ход, то сбавлять пар, то стопорить машину, то опять давать полный ход. В лице Огринга мы нашли прекрасного работника. Да и вообще наша команда заслуживает похвалы. Все всегда весело работают и всем довольны. Не говоря об Огрине, получившем образование в Рижской уездной школе, матросы выказывают даже начитанность. Толстов, например, благодарил в Тромзё Ф. Лернера на французском языке за снятую им фотографию

команды. Он спросил вчера, когда мы убирали после траления зоологические сборы: «Но где же светящиеся морские животные?» Когда я его спросил, видел ли он в Средиземном море свечение моря, он ответил, что только читал о светящихся животных в книге Келлера «Жизнь моря». Другой матрос Железняков (рулевой) напомнил сегодня о годовщине первого русского славного морского сражения и сказал, что в честь этого дня надо поднять флаги. Эти исторические сведения он приобрел из прочитанных им книг нашей матросской библиотеки. Казак Расторгуев хорошо ужился на корабле, несет вахту, помогает на руле, умеет собирать лаг и т. д.

Сегодня мы провели первую станцию от 4 часов 10 минут до 7 часов пополудни. К сожалению, наш первый опыт с тралом Петерсона оказался неудачным — он плавал по поверхности и не опускался на дно. К полудню пройдено от Югорского Шара 160 миль; до Диксона остается около 400 миль, так что мы можем быть там через четыре дня.

Пятница 10 августа. На борту «Зари», у западного побережья Ямала, к югу от пролива Малыгина. Около 8 часов утра я был разбужен застопориванием машины. Быстро поднявшись на мостик, я увидел, как и предполагал, что мы зашли в лед. Стался густой туман. Повернули обратно на юг ближе к берегу, но там лед оказался еще плотнее. Это был одногодичный, сильно разъединенный лед, который легко дробился при толчках о судно. Пришлось идти в обход. Вскоре по курсу стало свободнее, в 9 часов мы были опять на чистой воде, и я мог назначить станцию. На глубине 60 м была зеленая глина, температура воды $-1,7^{\circ}$, на 5 м $+5,5^{\circ}$ и на поверхности $+6,3^{\circ}$. Большой Петерсон хорошо работал, а также впервые испробованный батометр Тимченко. Взятие газовых проб оказалось удачным, за исключением одной. По зоологии не удалось ничего сделать, кроме подъема планктонной и мальковой сетей, так как угол вследствие дифферента сдвинулся, и потому на палубе не осталось места для драгирования.

Во время обеда зазвонил самодействующий измеритель глубины при 21 м и еще раз при 10 м. С 7 часов идем замедленным ходом и измеряем глубину лотом. Погода ясная, температура на солнце $+20^{\circ}$. Лето можно считать теплым, следовательно благоприятным. Животный мир в этой части Карского моря чрезвычайно беден. Вчера во время станции мы видели двух тюленей и пару чаек, сегодня одного чистика и двух гагар — и это все. Жизнь на дне моря несколько богаче, как показали первые траления.

Сравнивая настоящее полярное лето с прежним, мне вспомнилось, что Пайер и Вейпрехт⁶ отметили 1 сентября -9° и 20 сентября -20° . С 13 августа, когда они зашли во льды, суточный минимум поднялся всего один раз выше нуля.

Суббота 11 августа. На борту «Зари», вблизи острова Белого. Вчерашний день было много льда, он встречался почти ежечасно. Неожиданно нас окутал густой туман, и вслед за этим мы оказались окруженными льдом. Пришлось повернуть в открытое море на северо-запад, где тоже оказался лед, и «Заря» на полном ходу сильно ударилась о льдину. Итак, идем обратно. Температура воздуха упала на 2°, зыбь прекратилась. Сегодня в час дня температура поднялась до 4°, зыбь несколько усилилась. Нет больше крупных льдин, мимо проносятся только обломки льда. Следовательно, вперед полным ходом. Пока я писал свой дневник, судно на полном ходу наскочило на льдину. Мы с Коломейцевым быстро взбежали наверх. Он приказал идти средним ходом, так как стоял все еще густой туман и беспрестанные удары льдин о корпус «Зари» не могли остаться безнаказанными.

9 часов пополудни. Карская губа осталась позади. Идем при 8 узлах под парами и парусами на восток. По определению Коломейцева, находимся под 73°43' с. ш. Начиная с 4 часов утра льда не видно, мы в обских водах. В полдень температура воздуха, также воды, +7,0°. Ясное небо, светит солнце. Плыдем словно вдоль берегов Финского залива.

Начинается боковая качка, что следует приветствовать, так как северо-северо-западный ветер надувает паруса. Наши надежды на успех возрастают!

Сегодня вечером было много плавучего леса. Расход угля меня устраивает — при этом освобождается место в трюме. Как только рыба и другие грузы будут устроены в трюме, я получу возможность пользоваться своей лабораторией. Иногда я спасался в зоологической лаборатории, но и там есть теневые стороны. Не говоря уже о том, что там нет необходимого для работы оборудования, в этой лаборатории можно оказаться случайно запертым выдвижными полками, используемыми гидрографом при занятиях по океанографии в соседнем помещении. Сегодня, ничего не подозревая, я углубился в книгу «Лик Земли», читая о террасах Норвегии, изученных Зюссом в Малангерфиорде. С этим фиордом я познакомился в прошлом году во время плавания на «Ермаке». На мой взгляд, Зюсс положительно прав, объясняя образование террас подъемом уровня моря в ледниковый период. Та же мысль при сопоставлении фиордов с швейцарскими озерами занимала меня во время путешествия из Христиании через горы в Берген. Обнаружив, что дверь мне не открыта, я долго зывал о помощи. Из моего плена в лаборатории меня освободил в конце концов Огрин, которого удалось вызвать из машинного отделения.

День, проведенный на борту при такой погоде, как сегодня, кажется увеселительной прогулкой, особенно, если настоящее плавание сравнить с плаванием первой русской Великой Северной экспедиции. Не говоря о таких преимуществах, как сила

пара, которого не было в той экспедиции, достаточно сказать, что благодаря президенту Академии у нас хорошее пианино, на котором Матисен исполнял сегодня произведения Шопена, Мендельсона и Чайковского. Жаль, что Вальтер отказывается играть. Он играл всего один раз в Тромсё. Его игра мне особенно понравилась, у него спокойный, звучный, гармонический удар, совершенно отвечающий его характеру.

Зееберг занят несколько дней шитьем футляров для штативов теодолитов. Он очень трудолюбив, верен своему долгу и вообще располагает к себе.

Воскресенье 12 августа, 9 часов пополудни. На борту «Зари», к востоку от острова Вилькицкого. Ночью мы шли в густом тумане по чистой воде. В 7 часов утра у восточной оконечности острова Вилькицкого, который был окружен ледяным поясом, натолкнулись на ледяное поле. Это поле, протяжением около 1 мили, нам удалось обойти с юга. В 8 часов льда не стало, при ясном небе и теплом солнечном сиянии идем в водах Енисея.

Понедельник 13 августа. На борту. Гавань острова Диксон. Вчера после полудня показался остров Кузькин, на восточной стороне которого, как известно, находится гавань Диксона⁷. За гаванью на горизонте возвышаются горы Сибирского побережья в виде плоскоувалистой цепи холмов над безграничной тундрой. Благодаря полуденному солнцу с его золотистым сиянием перед нашими глазами предстала совсем иная, волшебная картина: голые гребни на острове и материке казались покрытыми темно-зеленым еловым лесом, а сквозь деревья виднелись нивы с волнующейся спелой рожью. Луга и поля, казалось, были там, где в действительности простирались одни лишь покровы траппов⁸; их испещренная расщелинами поверхность и темно-зеленая окраска создавали сходство с лесами нашей родины. Бурая и желтая тундра в промежутках создавала обманчивую картину возделанных полей.

У острова вдоль берега скопился в огромном количестве принесенный течением Енисея из глубины Сибири лес. Представитель местной древесной породы — полярная ива (*Salix polaris*) возвышается лишь на несколько дюймов над покрытой мхом тундрой.

В гавани Диксона пришлось задержаться на несколько дней для чистки котла перед дальнейшим плаванием в неведомые дали. Материк, простиравшийся на восток от Енисейского залива до мыса Северо-Восточного, был той самой сушей, которая несколькими градусами восточнее должна была служить местом наших работ в течение года!..

После чая, когда я составлял план работ на время пребывания в гавани Диксона и пока гидрограф демонстрировал в кают-компани старые и новые карты Енисейского залива, знакомя с интереснейшими вопросами географии и геологии, мы

услышали с палубы крики: «Белый медведь, два, нет, три медведя!» Пока бежали на мостик, было слышно, как доктор возбужденно считал: «Четыре, пять медведей!» И верно, на фоне темно-зеленых траптовых скал острова ясно выделялись желтовато-белыми пятнами медведи. В одном месте медленной рысцой бежали три медведя. На маленьком скалистом островке, на котором обитали тысячи чаек, стоял, вытягивая свои гибкие члены, огромный медвежонок. Чайки, очевидно, не боялись медведя, так как при его приближении не поднимали особого крика. Когда яхта прошла мимо трапсового холма острова, мы увидели еще несколько медведей. Заядлый охотник, доктор дрожал от волнения.

Я часто читал, как полярные исследователи изображают свои первые встречи с «властелинами севера». Мне вспоминается описание: «Этот царь ледяных просторов Арктики рассматривал с гордо поднятой головой приближающихся пришельцев, затем с негодованием отворачивался и недовольно отходил». Или еще в том же роде. В данном случае не было места такой поэзии.

Медведи не обращали на нас ни малейшего внимания: один спал, другой проснулся, видимо от шума паровой машины или же от звука наших голосов, поднялся, чтобы обернуться к нам широкой спиной, затем без всякого стеснения привел себя в порядок и лег снова спать.

Тем временем мы быстро составили план побоища. Доктор был старшим. Решили разделить охотников на три группы. Коломейцев и Матисен при участии машиниста Огрина, боцмана Бегичева и матросов Евстифеева и Клуха должны были выйти на вельботе из гавани в сторону острова Чаек, чтобы отрезать медведям обратный путь к воде. Бируля и Зееберг должны были пристать на каяке к берегу и гнать медведей против ветра. Доктору и мне надлежало с попутным ветром обойти медведей и отрезать им отступление к суше. Начало охоты было намечено с момента прибытия вельбота. Через несколько минут Вальтер сидел в двухместном каяке⁹, который мы вдвоем спустили на воду, я последовал за ним, и мы быстро направились к берегу. Высадившись, мы взяли в волнении неточное направление, довольно долго блуждали по тундре и сильно разгорячились во время перебежек.

Во время перехода мы обнаружили слева от себя пять медведей: двух раздельно и трех вместе, а справа увидели стадо оленей. Трех шедших вместе медведей решили осторожно обойти. Вскоре снова увидели их мирно спящими. Время шло. Остальные охотники могли каждую минуту сойти на берег и начать охоту. Вальтер решил, что нам надо разойтись — один из нас должен подкрасться к спящим медведям, другой — отрезать спугнутым медведям дорогу к морю. Кому пробраться к трем спящим, предстояло решить судьбе. Вальтер вытянул узе-

док носового платка и удалился со своей трехстволкой, а я пошел к намеченному пункту на диоритовой вершине, откуда должен был осмотреть местность. На расстоянии 500 шагов я увидел еще одного спящего медведя. К нему нужно было приблизиться с подветренной стороны. Для этого предстояло обойти вершину, а путь был немалый. За это время охотники могли спугнуть своим ружейным залпом моего Топтыгина. Когда я быстро спустился к берегу и до медведя оставалось еще пять минут хода, раздалось несколько выстрелов с той стороны, где был Вальтер. Потрявоженный медведь побежал тяжелой рысью к морю. Я выстрелил — оставалось всего 50 шагов. Медведь повалился на бок, вздрагивая передней лапой в воздухе. В это время со стороны моря с одинокого острова Чаек началась канонада, и пули засвистели между скал. Подстреленный мной медведь поднял голову и тихо и глухо заревел. После выстрела в шею он затих. Когда я подошел совсем близко, бедняга как будто еще мучился. Еще раз выстрелив из левого ствола, я направился в сторону Вальтера, так как пальба прекратилась. В это время показался вельбот и я услышал громкий голос Вальтера: «Все медведи убиты, идите сюда!» Когда мы сошлись все вместе, выяснилось, что мне прокричали: «Берегись!», так как один из медведей пересек дорогу вплотную за мной. Я не мог его видеть, находясь за пригорком. За этим медведем пустился вдогонку Зееберг. Ему послышалось, будто я крикнул: «Не стреляйте, он слишком мал!», поэтому он не стрелял и одумался лишь, когда медведь плыл в море в пятистах шагах от берега. Бируля пристрелил другого медведя, который также уплыл в море и там уже был прикончен. Доктор убил трех: старую медведицу и двух медвежат. Мы пошли вместе к моему медведю, он все еще шевелился. Я снова сделал два выстрела: один слева в ухо, другой справа. Спустя полчаса он все еще продолжал мучиться, и я попросил Вальтера сделать в него последний выстрел.

Около острова Чаек офицеры возились со своими медведями, стараясь забрать их в шлюпку. Они застрелили двух; таким образом, было убито всего семь. Восьмой ушел.

Мы развели большой костер из превосходного плавника. Я осмотрел подробнее скалу, но, к сожалению, со мной не было молотка. Ясная полировка и шрамы! Кроме жилых пород — диоритовый трапп, сланец и известняк. Окаменелостей я пока не нашел. Шрамы направлены с севера на юг.

Вся ночь ушла на медвежью охоту. В 9 часов утра на вельботе, идя против ветра, я пристал к борту «Зари». Вальтер и Бируля вернулись домой лишь в час дня после неудавшихся попыток приблизиться к оленям. Пять медведей пришлось пока оставить. Сейчас готовится паровой катер, чтобы погрузить медвежьи туши с уже снятыми шкурами.

Пока пишу дневник, слышу выстрелы. Оказывается, еще один медведь подплыл к нам с противоположного берега. Его влекло, быть может, любопытство при виде подвешенного на рее медведя, которого Матисен только что сфотографировал. Этот горячий охотник, вместо того, чтобы сфотографировать плывущего медведя, выстрелил в него. Итак, это был девятый медведь, которого мы увидели в течение суток. Восемь из них были застрелены.

Прекрасная погода, хорошее начало! Вчерашняя станция показала, что температура воды у берегов $-1,4^{\circ}$, $-1,6^{\circ}$, а на поверхности $+6^{\circ}$.

Трал принес нам исключительно много экземпляров морских тараканов (*Idotea*), а планктонная сеть — богатую фауну, особенно медуз.

Отправившись после обеда с гидрографом на экскурсию, мы увидели великолепного оленя, но заполучить его нам не удалось. Я застрелил только одну белую куропатку. Это была *Lagopus albus* со своими маленькими пушистыми птенчиками. Бедные создания стали жертвой науки, и один из них лежит в спирту.

Среда 15 августа. На борту в гавани Диксон. Вчерашний день я посвятил экскурсии вокруг острова, оказавшейся вполне удачной. Удалось установить ряд фактов, подтверждающих древнее оледенение. На защищенных от выветривания местах, например там, где сохраняются многолетние снежники, имеется ясно заметная ледниковая полировка и шрамы, которые можно проследить на высоте 40 м над уровнем моря. О шрамах, возникших от трения морского льда, нельзя думать, поскольку нет никаких следов поднятия острова. Остров состоит из ряда простирающихся с запада на восток диоритовых куполов и из выходов эруптивных покровов, местами перекрывающих черные метаморфические сланцы. Вся эта серия пластов сильно наклонена под углом до 45° и сброшена, так как широкое простираание сланцев переходит местами на северо-северо-запад — юго-юго-восток (?). Направление шрамов с запада на восток, наблюдаемое на самых возвышенных местах, соответствует направлению фиордов на побережье. Глетчер, который, возможно, покрывал весь остров, подобно современным глетчерам Земли Франца-Иосифа, продвинул свои языки в прилегающие к острову проливы, и движение глетчеров обусловило направление соответствующих им шрамов.

Медвежья охота сильно задержала нас. Всего убито десять белых медведей. В ночь на вчера гидрограф застрелил еще одного и боцман второго. Это были годовалые медвежата, мясо которых очень вкусно. Если точно определить вкус медвежатины, то я должен сказать по совести, что мясо вкусно, но противно. Сдирание шкур и доставка медвежьих туш заняли много времени. Отправка катера задержалась, и туши пяти медведей

пришлось оставить. Мясо трех предназначается для собак, а оба молодых медведя должны послужить пищей для команды и для нас.

Вчера Вальтер видел во время своей экскурсии по северному берегу еще пять медведей, которые, спокойно переваливаясь, бродили среди чаек на небольших островках. Баснословно — 15 медведей! Очевидно, они здесь никогда не преследовались охотниками и ведут привольную жизнь, обильно питаясь нерпами. Так много диких зверей и ни одного охотника! Чего только не организовали бы здесь норвежцы! Вчера я снова увидел прекрасного оленя и не смог удержаться, чтобы не послать ему вслед за 300 шагов пулю, ударившуюся в землю около его ног. В ответ на мой выстрел он сделал красивый прыжок и стремительно убежал. К столу я принес белолобую казарку (*Bernicla albifrons*) и для зоолога морского песочника (*Tringa maritima*). Второй экземпляр я ощипал и попробовал съесть, так как забыл захватить завтрак и после 12-часовой ходьбы сильно проголодался, но больше двух маленьких кусочков сырого мяса не смог проглотить, и то с трудом.

Стояла великолепная ясная погода, было совершенно тихо при $+8^{\circ}$. Перегрузка угля, чистка машины, засолка шкур, выварка медвежьего сала для смазки машин, разделка и консервирование медвежатины, переноска рыбы и других предметов с палубы в трюм — все это задержит нас здесь по меньшей мере еще на два дня. В это время усердно производятся исследования. Зееберг для работ по магнетизму поставил на борту палатку и даже спит там ночью. Бируля и Вальтер производят сборы фауны и флоры, препарируют коллекции и т. д., а Матисен фотографирует отмеченные мной во время совместного маршрута места.

Пятница 17 августа. На борту «Зари», в гавани Диксон. Вчера Вальтер, Бируля и я решили предпринять экскурсию на противоположный берег материка. Каждый из нас выбрал себе каяк. Вальтер и я взяли одиночные, Бируля — двухместный.

Между тем погода испортилась и с северо-востока подул порывистый бриз. Пока можно было грести под защитой острова Кузькина, мы еще с трудом продвигались вперед. Вальтер справлялся с каяком лучше всех и вскоре опередил нас. В проливе Лена, отделяющем остров Кузькина от маленького скалистого островка, северо-восточный ветер, волна и течение напирали одновременно на левый борт суденышек с такой силой, что у Бирули и меня не хватало сил противостоять этому напору. Ограничившись несколькими интересными наблюдениями на восточной косе, мы повернули и в 7 часов вечера были на борту. В этот день Матисен тоже вышел охотиться. Зееберг все еще работал на острове. Море было беспокойно, и я начал волноваться за отсутствующих товарищей. Наконец в 10 часов вернулся Вальтер с убитым оленем. Ему стоило неимоверного

труда грести через пролив. Об охоте он коротко рассказал, что с расстояния 180 шагов уложил одним выстрелом стоявшее боком животное. Матисен тоже поделился своими охотничьими переживаниями и в заключение рассказал о том, как Евстифеев, сняв с оленя шкуру, полакомился сырым мясом.

Сегодня утром я отправился с доктором на паровой катере на берег. Машинист Клух был у машины, Евстифеев у руля. Последний мог бы служить отличной моделью для художника. Особенно хорошо он выглядел, стоя в зюйдвестке за штурвалом, когда волны рассыпались мелкими брызгами, ударяясь о борт. Едва мы подошли к убитому оленю, как Евстифеев быстро принялся за разделку туши, а нам предложил пройтись, очевидно для того, чтобы без свидетелей насладиться вкусом сырой оленины.

Суббота 18 августа, 9 часов вечера. На борту «Зари». В 7 часов снялись с якоря и взяли курс на острова Каменные. Перед тем сошли на берег, чтобы сфотографировать глубокие борозды на диоритовых скалах. Для этого воспользовались редкими солнечными бликами, пробивавшимися сквозь густые облака и дождевые тучи. Собрали и погрузили немного плавника. Собаки снова взяты на борт. На палубе наведены чистота и порядок. Теперь я располагаю своей лабораторией, так как проход по левому борту, к моему великому счастью, свободен, поскольку уголь, брикеты и рыба спущены в трюм.

Я надеялся, что в 2 часа можно будет сняться с якоря. Однако выяснилось, что до 6 часов не сможем иметь пара из-за утечки через ослабевший клапан в паровой лебедке. В конце концов эти немногие часы задержки окупятся, так как я пройду теперь мимо островов Каменных в более удобное для наблюдений время. Эти острова я хотел сфотографировать с борта или по крайней мере рассмотреть с близкого расстояния, ибо Нансен будто бы видел там террасы. Но мне кажется более вероятным, что эти острова, как и остров Диксон и мыс Северо-Восточный сложены из траппов (диоритов Норденшельда), которые благодаря своему ступенчатому подъему в глубь острова могут создать впечатление террас.

В домике в гавани Диксона, сооруженном командиром барка «Скуратов» в 1894 г. для наблюдений за качанием маятника, я оставил документ об экспедиции. На деревянной дощечке написано: «Сообщение о Русской полярной экспедиции». Под дощечкой укреплена на стене запаянная жестяная коробка с кратким письмом. На обложке я написал: «Просьба передать хранящийся здесь документ Енисейскому губернатору для дальнейшего сообщения по телеграфу президенту Академии наук в С.-Петербург». На вложенном в конверт бланке с напечатанным по-русски и по-немецки заголовком: «Начальник Русской полярной экспедиции», я составил следующее сообщение: «Русская полярная экспедиция пробыла в гавани Диксон с 12.VIII

до 18.VIII 1900 г. Сегодня «Заря» направляется к мысу Челюскина. Надеюсь в течение нескольких недель прибыть к намеченной мной зимней гавани у восточных берегов Таймырского полуострова. Работы успешно продолжаются. Все участники экспедиции здоровы. «Заря». 18 августа 1900 г. Эдуард Толль».

Воскресенье 19 августа. На борту, против устья реки Пясины (точнее, Медвежьей бухты). Из гавани Диксона шли при южном ветре со скоростью до 6 узлов, льда в пределах видимости не было. Ночью в 12 часов Матисен сообщил, что впереди и справа появился лед. До 3 часов блуждали в тумане во льдах, пока не открылся свободный путь. Лед был бухтового происхождения и состоял из обломков. Таким образом, «Заре» не угрожала опасность, тем более что было безветренно. В половине седьмого утра лед стал крепче. Час назад форсировали ледяной барьер. Впереди, как доложил гидрограф, показался неизвестный остров. Поднявшись на палубу, я удостоверился, что перед нами был самый большой южный остров из группы Каменных островов. Его видел Нансен и даже заснял. Яхта приблизилась к острову на расстояние 1—2 миль, так что детали его строения были ясно видны в подзорную трубу. О высадке на берег нельзя было и думать, поскольку нас отделял от острова хрупкий лед. Вершина острова венчается куполом, с которого спускаются по обе стороны террасоподобные уступы. Плато в глубине острова также увенчано отдельными вершинами. По характеру берегов этого острова Нансен имел основание высказаться о их сходстве с берегами его родины — Норвегии, тем более что ему не довелось высадиться на остров и видел он его только издали. Помимо того, ему не было знакомо геологическое строение определенных областей Сибири. Я же шел из гавани Диксона и от противоположных берегов материка, поэтому мог установить аналогичное строение и одинаковую форму берегов здесь и там. На поверхности Каменных островов были видны нагроможденные одна на другую глыбы песчаника того же типа, как на острове Кузькина и мысе Северо-Восточном¹⁰. Издали можно было различить террасовые уступы, несходные, однако, с террасами норвежских берегов. Остров Каменный, казалось, отличается от острова Кузькина только тем, что здесь рыхлые отложения развиты мощнее. На северо-западном берегу я видел полосы, образовавшиеся при скольжении тундрового слоя значительной мощности. Это явление скольжения возникает в силу того, что почва тундры оттаивает только на 30—60 см и оттаявший пласт сползает вниз по откосу, соскальзывая по нижележащему мерзлому пласту по концентрическим или параллельным линиям¹¹. Такие свежие срезы тундровой почвы, возникающие указанным образом, могут быть ошибочно приняты за древние береговые линии, как и террасы, образовавшиеся благодаря трапповому покрову острова. Однако береговая линия выдала бы себя прежде все-

го полосами старого плавника, наличие которых не могло бы ускользнуть от нашего внимания.

Мы все еще окружены плавучим льдом. Он толщиной около метра и сбит так плотно, что пройти сквозь это ледяное поле было невозможно. Повернув на юго-восток, встретили пять островов (считая также Большой Каменный) и идем теперь между материком и зоной островов. Идти западнее открытым Ледовитым океаном я бы не отважился. Доктор находит, разумеется, более интересным идти сквозь льды, чем по открытой воде, в чем я до известной степени с ним согласен. Сегодня, стоя на мостике, он с интересом высматривал моржей, хотя и мерз в своей тонкой шведской кожаной куртке. Я посоветовал ему надеть толстую охотничью куртку, но он, непринужденно рассмеявшись, сказал, что у него есть еще всего только одна полотняная охотничья куртка.

Здесь глубина вполне сносная: у Большого Каменного острова 35 м, на станции 43 м. Температура воды на глубине $-1,7^{\circ}$ и до 5 м $-1,0^{\circ}$. Температура воздуха $+3^{\circ}$, ветер юго-восточный, небо ясное.

11 часов 30 минут утра. Пришвартовались к льдине. После ужина, т. е. от 6 до 8 часов, Коломейцев повел «Зарю» ближе к берегу, где был хороший фарватер. Прошли мимо мыса «А» и затем мимо целого ряда материковых мысов такого же сложения или же мимо островов, один из которых остался слева. На мысе «А» я увидел пласты сланцев, падающие на юго-восток. Те же самые сланцы я видел на остальных мысах. С 9 часов лед становился все плотнее. Я предложил Колчаку подойти возможно ближе к берегу и затем дать приказ застопорить машину. У мощной льдины бросили ледовый якорь. Температура воздуха и воды $+1,5^{\circ}$. Местность пустынная, лишенная всякой жизни!

Понедельник 20 августа. У льдины. Густой туман. Придется терпеливо переждать, пока не произойдет перегруппировка льдов благодаря усилившемуся северо-восточному ветру. Сегодня в 9 часов утра мы с доктором, Бирулей и Зеебергом отправились на берег на промысловой шлюпке. Евстифеев, Расторгуев и Толстов поехали с нами. Чтобы в тумане не затеряться, я сделал распоряжение давать на судне каждые полчаса сигнал сиреной. Кроме того, мы уговорились, что три следующих один за другим выстрела будут означать, что мы в опасности, а три коротких, следующих один за другим свистка сирены будут служить сигналом, что «Заря» в опасности или же, что нам надо немедленно вернуться. Помимо моего карманного геологического компаса, взяли с собой шлюпочный компас и на всякий случай сухари, шоколад и бочонок воды. Направление ветра было западно-северо-западное. Ближайшая вершина на суше виднелась прямо на востоко-юго-востоке. Таким образом, нам предстояло грести туда по ветру, а обратно про-

тив ветра. До берега добрались, лавируя между льдинами, очень удачно. Берег скалистый и состоит из вертикально поставленных метаморфических сланцев, пронизанных диабазами. Эти слои секутся широкими полосами кварца, на которых отчетливо видно проявление горообразовательных процессов. Этот сброс не выше 5 м. Далее берег постепенно поднимается. Тундровый слой, очевидно, не очень мощный; он состоит из того же глинистого песка, как на острове Кузькина, и такой же характерной полигональной структуры, как и там. Интересна была находка гранита и порфира. Первый найден в тундре в виде больших остроугольных валунов, последний — в виде прибрежной гальки. Валун гранита, вероятно, ледникового происхождения, но откуда? Судя по направлению ледниковых борозд на острове Кузькина, ледник двигался с востока, следовательно из центральной части Таймырского полуострова.

Тем временем лед приблизился к берегу, так что задерживаться дольше было бы рискованно. При помощи штурманского свистка я собрал всех. На возвратном пути пришлось с трудом пробираться сквозь лед, расталкивая его баграми. Вскоре мы услышали сирену, вслед за тем в непосредственной близости раздался вой собак, и «Заря» вынырнула перед нами из тумана.

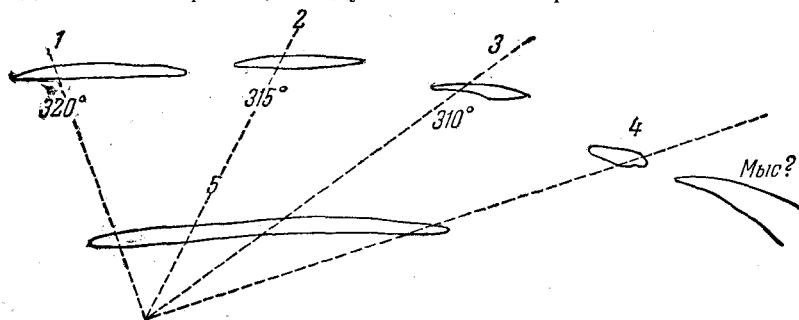
5 часов вечера. Туман рассеялся. По солнцу удалось определить. Коломейцев залез в бочку и установил, что в северном направлении фарватер свободен.

8 часов вечера. На борту. Уже два часа, как мы в пути. Идем по довольно чистой воде, придерживаясь как можно ближе материка (или ряда островов). Обстановка несоизмеримо лучше, чем была накануне. Идем полным ходом, что, собственно говоря, рискованно! Во время обеда «Заря» на полном ходу наткнулась левым бортом на крепкую льдину. Произошел сильный толчок, все поспешили на палубу. Яхта так сильно затрещала во швах, что мелькнула мысль, не налетела ли она на камень. Успокаивая меня, Коломейцев сказал, что боковой удар о лед было трудно предотвратить в столь узком проходе, да и едва ли такой толчок мог повредить бывшему «Гаральду».

11 часов 20 минут вечера. Бросили якорь в свободной от льда бухте неизвестного острова (быть может острова Скотт-Гансена?). За чаем царила напряженность. Чтобы поднять общее настроение, я велел достать фонограф, который имел определенный успех. Вскоре показался еще остров с гаванью.

Вторник 21 августа. Сегодня утром я отправился с доктором Вальтером и двумя матросами на берег острова Скотт-Гансена, чтобы ознакомиться с его строением. К северу от него виднелось еще пять островов. Ближайший продолговатый остров лежал параллельно острову Скотт-Гансена. Расположение четырех остальных отмечено на эскизе пеленгования. Эти беспорядочно разбросанные острова сложены из гнейса. Их

можно отнести к типу шхер Финляндии. Было много оленьих следов. Доктор выловил в речке мальков форели (*Salmo alpinus*)¹², чрезвычайно интересное открытие. Нагрузив вельбот плавником, отправились обратно. После завтрака снялись с якоря. Между первым и пятым островами была чистая вода, а между пятым островом и островом Скотт-Гансена плотный лед. Таким образом, следует обойти остров Скотт-Гансена,

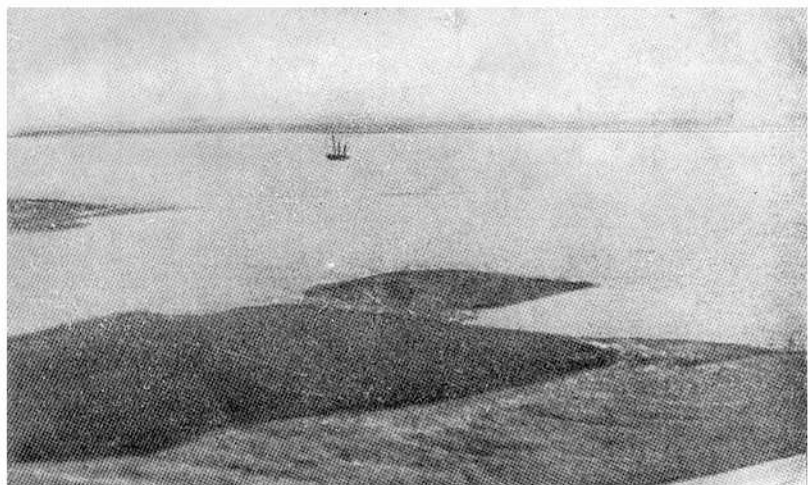

Расположение островов и северо-западное окончание острова Скотт-Гансен затем остров пятый и потом уже повернуть направо. Тем временем пал туман. Опасаясь пропустить свободный проход, Коломейцев слишком рано повернул направо, и мы оказались в мелководье у острова Скотт-Гансена. Он быстро изменил курс, однако вскоре мы крепко сели на камень. Только через 3 часа благополучно снялись при помощи верпа¹³, давая одновременно полный ход. Хотя и обошлось без течи, но руль был выбит банкой из петель. Досадная задержка!

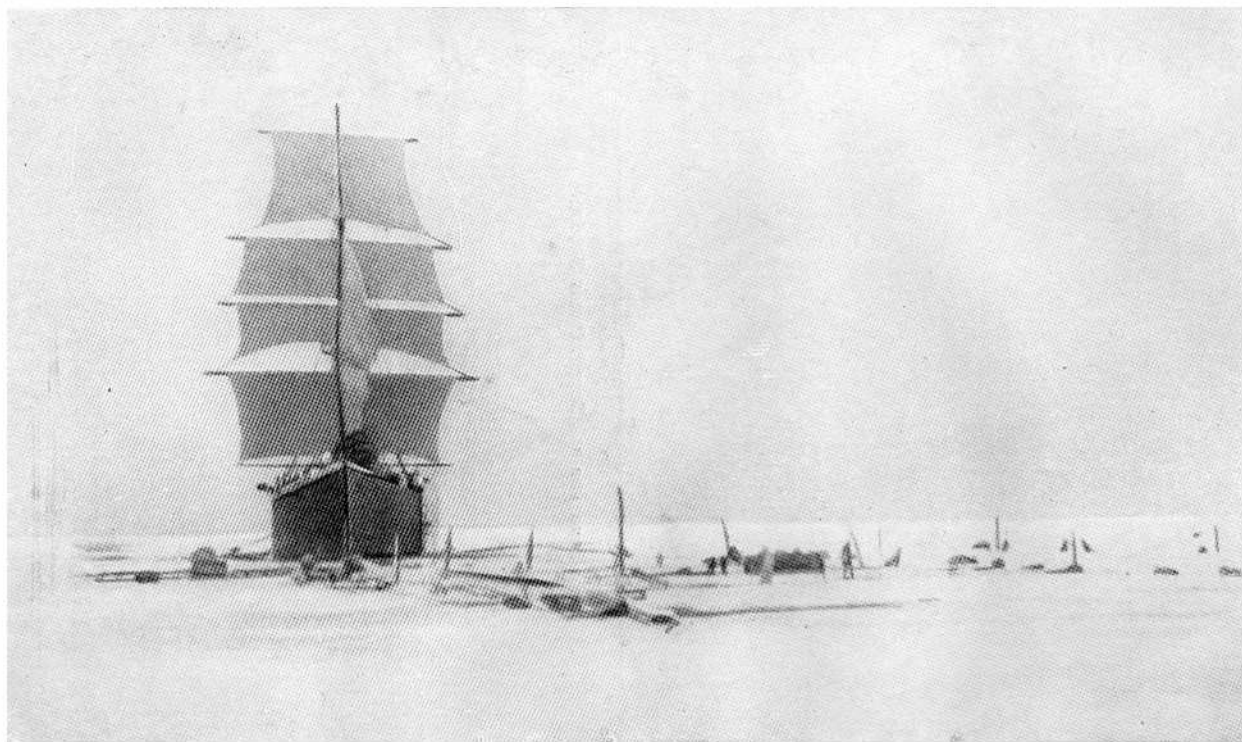
Среда 22 августа. На борту «Зари», под 75°20' с. ш. и 87° в. д. в заливе Минина. Ни тумана, ни льда. Ясное небо. Чего еще остается желать для быстрого плавания на северо-восток к мысу, увековечившему имя Челюскина? Однако здесь в шхерах западного побережья Таймырского полуострова малая глубина фарватера тормозила продвижение «Зари». При попытке пройти на запад в открытое море встретили сплошной лед. Пришлось повернуть на юго-запад в пролив и пройти мимо семи, а может и большего числа островков. Большинство из них простирается с северо-запада на юго-восток, а остров Скотт-Гансена расположен в широтном направлении—с запада на восток. С утра до полудня шли вдоль восточного берега самого крупного из островков, имевшего форму подковы. На нем высится изолированная гора, возможно гранитный купол, высотой около 150 м. Берега этих островов крутые, высотой до 15 м, и состоят, по-видимому, из диабаз и диабазового щебня, как на мысе «А», который мы видели 20 августа. Все острова плоские и покрыты бурым тундровым покровом. На них не видно ни оленей, ни белых медведей, хотя для последних пищи было бы достаточно, поскольку повсюду выплывают

Кают-компания на „Заре“. Сидит Зееберг

Гавань Диксона

Сушка парусов перед уборкой на зиму

тюлени. Одного из них застрелил Коломейцев. Это была нерпа (*Phoca barbata*). При вскрытии Бируля установил, что она питалась морскими тараканами.

В продолжение 6 часов идем самым малым ходом, бросая беспрестанно лот. Глубина менее 9 м вынуждает нас давать задний ход из опасения сесть на мель. На материке справа видна бухта. Это означает, что к юго-востоку от нее опять острова; надо попытаться любым способом пройти между ними.

Что касается внутренней жизни экспедиции, то все обстоит как будто благополучно. Все хорошо сжились и полны желания достигнуть мыса Челюскина. Нет места дурному настроению и меланхолии. Командный состав тоже бодро настроен. Развлекают собаки, которые уже знают свои клички: Черный рыцарь, Джентльмен и т. д.

Четверг 23 августа, 8 часов утра. Все еще в шхерах залива Минина, которые доставляют нам много огорчений. Заливом Минина я назвал разделенный многочисленными рукавами залив в память лейтенанта Минина, открывшего Каменные острова в 1740 г. Вчера попали в мешок: кругом мелководье. Единственный выход избавиться от мелей — это повернуть обратно. Матисен и Вальтер отправились с пятью матросами на промысловой шлюпке измерять глубины. Через три часа вернулись с сообщением, что глубина пролива на всем протяжении едва достигает 6 м. Я предоставил команде ночной отдых, а сегодня в 4 часа 30 минут утра велел всех разбудить и отдал приказ повернуть обратно. Обходим все тот же остров, но его вершина видна теперь справа. Ветер повернул на юго-восток.

11 часов 30 минут вечера. Сидим опять на мели в извилистом заливе Минина, все еще лицом к «проклятым» горам. В то время, когда мы были заняты завозом верпа на перлине¹⁴, чтобы сняться с мели, наступил отлив, придвинувший с юго-востока со стороны берега лед вплотную к корме. Яхта получила сильный крен. В этот момент она выглядела неважно! К счастью, более крупные льдины, осев на мели, остановились, мы очутились в своего рода ледовой гавани. За льдом, особенно к востоку, глубина доходила до 8,5 м. Верпование не помогло, якорь волочился по дну. Несмотря на полный ход назад, мы отошли лишь на 2 м, при этом тросы рвались несколько раз, к счастью никого не поранив.

12 часов 30 минут дня в пятницу 24 августа стало заметно обратное течение. Очевидно, начинался прилив, который, надо надеяться, снимет нас с мели. Лед за кормой приходит уже в движение. Потерян хороший день при благоприятном ветре! На острове заметно оживление: появилось четыре оленя с двумя самками и одним молодым олененком, а также несколько гагар (*Colymbus glacialis*).

Суббота 25 августа. Наконец снимаемся с якоря, после того как с 5 часов вечера 23-го до полудня 24-го просидели на мели и 19 часов подряд крепко поработали. Офицеры и команда работали без сна, только с краткими перерывами для еды и питья. Во всех работах принимали участие также ученики.

В 11 часов утра, когда вода начала прибывать с северо-востока и ее уровень поднялся на 30 см, нам посчастливилось в конце концов сняться с мели. Когда все работали на брашпиле, под крики «ура» «Заря» наконец дрогнула. На глубине в 12 м бросили якорь, чтобы предоставить отдых утомленной команде. Я собрал команду на шканцах и сказал, что тягостные часы сидения на мели при столь тяжелых обстоятельствах мне все же дороги, так как этот случай убедил меня в том, что вся команда без исключения состоит из преданных делу людей, с которыми можно уверенно идти навстречу любой опасности. Я сердечно поблагодарил всех и пожелал счастья по случаю освобождения «Зари» с песчаной мели. Работала команда в самом деле безупречно, и нельзя умалить того факта, что только благодаря ее самоотверженности мы не остались сидеть здесь прочно. После меня выступил Коломейцев. Он сказал, что ему нечего больше прибавить к словам начальника, кроме того, что в течение своей 15-летней службы во флоте он еще никогда не встречал ни на одном судне такого дельного экипажа, как на нашей «Заре». К обеду было выдано пиво и какао. За завтраком мы пришли в хорошее расположение духа, наслаждаясь выданным к десерту великолепным апельсиновым вареньем. К тому же Коломейцев достал бутылку 7-летней наливки (ликера). После обеда все, не исключая вахтенных, улеглись на койки и спали до 6 часов.

Погода была ясная, +2° и свежий юго-восточный бриз — все благоприятствовало нашему плаванью, однако оставалось еще много работы: надо было поднять большой якорь, тяжелый 9-дюймовый манильский трос, и привести на борту многое в порядок. Не теряя времени, доктор, Бируля и я отправились на берег: доктор впереди на одноместном каяке, сзади в двухместном Бируля и я. Волны были внушительны, и Бируля, сидевший на этот раз спереди, должен был внимательно следить, чтобы вода не заливала каяк. Экскурсия стоила затраченного труда. Орнитологи нашли тундру более оживленной, нежели ранее. Здесь оказались стаи плавунчиков, веретенников, краснозобиков (*Phalaropus*, *Limosa*, *Tringa subarquata*), стаи казарок, гагар и морянок (*Bernicla brenta*, *Colymbus arctica*, *Harlelda*) и др. Попадались свежие следы оленей и медведей, но увидеть их не пришлось. Двух больших медведей Расторгуев видел с судна.

Полуостров, который связан, очевидно, с крупным островом, не более 10 м высоты над уровнем моря. Он относится к типу

плоско-увалистой тундры с полигональной структурой. Маленькие ручьи глубоко врезаются в сушу и образуют здесь, как и на восточном побережье, куда мы высадились, ложбины высотой около 4 м. Наблюдая в подзорную трубу с борта «Зари» конусообразной формы выносы, я установил, что здесь на берегу не кристаллические коренные породы, а послетретичные отложения, что и оказалось на деле. Благодаря находкам Бирули, который обнаружил остатки моллюсков (*Astarte borealis* и *Saxicava rugosa*), прихожу к предварительному выводу, что здесь на террасе береговой вал послеледникового времени, приклоненный к морене. В отдельных ложбинах видны следы типичной основной морены, на которую налегают слоистые пески. В этих песках Бируля и нашел вышеназванную морскую фауну. С образованием морен связана здесь неровность морского дна: лот показывал глубину 17—19,5 м и глинистое дно, вслед за этим сразу же на глубине 13 м определилась смешанная с песком глина. Дальше глубина составляла 5, 11 и 8 м и меньше. На гребне этой роковой банки были камни. В 12 часов мы снялись с якоря и взяли курс на северо-запад, но вскоре пришлось застопорить машину, так как глубины подозрительно убывали. Я велел спустить шлюпку, чтобы измерить глубину. Если пролив окажется мелким, придется повернуть обратно на юго-восток. Тем временем ветер повернул с юго-востока на северо-запад, и ясная солнечная погода сменилась дождем и ненастьем. Таким образом, лучшие дни мы просидели на мели, нисколько не приблизившись к Челюскину! Соответствует ли «окопдованная» вершина той, которую видел Нансен против острова Маркхама, остается неясным!

11 часов вечера. Что составляет для меня теперь прекраснейшую музыку? Это ритмический стук машины при полном давлении пара. Сажу в своей освещенной электричеством лаборатории, за спиной у меня машинное отделение, из которого доносится эта полная ликования музыка. Наконец идем вперед в открытое море, и никакое мелководье проклятой «мышеловки» Болива Минина не вынуждает нас к беспрестанному застопориванию машины, заднему или малому ходу и т. д... Зюйд-ост за последние дни очистил море от льда. Ложимся на курс к мысу Челюскина. «Проклятая» вершина¹⁵ постепенно скрывается из наших глаз, горизонт ясен. Чудесное алое солнце погрузилось в темные воды, отдельные белые и светло-зеленые льдины выделяются на сером фоне моря. Торос высотой 6 м и около 90 м длиной сидит, видимо, на мели и напоминает судам о предосторожности. С почтительной опаской огибаем далеко слева этот морской знак «лоцманской службы полярного моря».

Машинисты работают, насвистывая и распевая веселые песни. Мелодии из различных оперетт доносятся до моего слуха. В кают-компании Коломейцев и Колчак с живым юмором рас-

сказывают о своих охотничьих переживаниях и наблюдениях над жизнью животных, вспоминая плавание под тропиками. Бируля очищает череп нерпы. Вальтер с удовольствием препарирует шкурки своей вчерашней добычи. Зееберг докладывает мне о результатах определения места: $74^{\circ} 44' 30''$ с. ш. и $85^{\circ} 44'$ в. д. Вместо чая пьем какао, как, впрочем, после каждой еды. Этот напиток, большие запасы которого я, к удивлению доктора, велел приобрести, находит сейчас всеобщее признание.

Мои мысли устремляются назад — к вам, мои дорогие!

Воскресенье 26 августа. На борту «Зари», между проливом Минина и фиордом Миддендорфа. Со вчерашнего дня прошли благополучно 60 морских миль и сегодня в полдень находимся на линии между островами Рингнеса и горою Нансена на материке, которая, следовательно, неидентична с «проклятой» вершиной. В ближайшее время справа должны появиться острова Тилло. Со стороны моря видны мощные ледяные поля со старыми высокими торосами. Берег вытянут длинным мысом, по-видимому, мысом Стерлегова. После долгого перерыва снова наступил хороший день. Сегодня в 8 часов вечера прошли мимо Стерлегова при ясной погоде, непостоянным зюйд-осте и солнечном сиянии. От 5 до 6 часов 30 минут провели станцию. Температура на дне $-1,5^{\circ}$ (на глубине 38 м), на поверхности $-0,8^{\circ}$. Трал, кроме многих морских звезд, змеехвосток, одной прозрачной голотурии, поднял также идотей, червей и несколько своеобразных рыб, из моллюсков — *Pecten islandicus*. В пределах видимости довольно много льда, все еще проходимого, хотя нам и пришлось неоднократно менять курс, чтобы обойти ледяные поля. Сегодня значительная дифракция. Невзирая на потерянное время, пока «Заря» стояла на мели, сегодня прошли острова Тилло, того же числа, как и Нансен¹⁶.

Понедельник 27 августа. На борту, у входа в предполагаемый Таймырский пролив (фиорд Миддендорфа). Всю ночь шли на расстоянии 2 морских миль от берега при глубине 53 м. В 8 часов 30 минут утра достигли Таймырской пролива, но до получения координат, которые Зееберг определяет в настоящий момент на материке, неизвестно, в каком именно месте находимся. На севере виднеется довольно большой остров, к северо-западу от него еще несколько, на юге высокие горы, перед ними несколько мысов или же островов. Возможно, там лежит гавань Колин-Арчера. К востоку пролив суживается. Посередине пролива высится узкий скалистый остров и направо от него одинокая скала. Мы шли малым ходом, беспрестанно измеряя лотом глубину. Глубины, начиная с 21 м, быстро убывали; внезапно стало 6—7 м и вслед за этим я почувствовал двойной толчок — «Заря» в третий раз коснулась дна. Дали задний ход и благодаря сильному встречному течению нам удалось тотчас сняться с камня и притом без вреда.

Пошли назад и бросили якорь на глинистом грунте. Зееберг и Вальтер отправились в шлюпке на берег, а я с Бирулей на паровом катере в противоположную сторону, чтобы точно промерить пролив. Этой якорной стоянкой хочу воспользоваться для проведения гидрографическо-зоологической станции.

Вторник 28 августа. На борту. Вчерашний день не внес ясности в наше положение. Зееберг не смог определить на берегу координаты — как раз в полдень тучи заволокли небо и пошел дождь. Рекогносцировка Колчака на паровом катере также не принесла положительных результатов — пройти до выхода из пролива на восток не удалось. Глубины, которые постепенно убывали с 19 до 10 м, не воспрепятствовали «Заре» проникнуть под проводкой катера в «пролив» и зайти в защищенную гавань.

Бируля вернулся ночью с дальней экскурсии. Он сделал интересное геологическое открытие, обнаружив послеледниковую морскую трансгрессию на высоте 5 м над уровнем моря, которую он определил по остаткам четвертичных моллюсков (*Saxicava rugosa* и *Astarte borealis*). При пересечении острова, лежащего к северу от нашей якорной стоянки, он, кроме того, убедился, что мы находимся не в Таймырском проливе, а стоим в глубоком фиорде. Доктор и я во время наших геологических и зоологических экскурсий на острова к северу и югу от якорной стоянки не смогли ничего прибавить к разгадке местоположения «Зари». Доктор принес полный ягдташ куликов, из которых только немногие, более редкие экземпляры попали в коллекцию, а большинство было направлено в камбуз и не замедлило появиться на обеденном столе, обогатив наше меню. Несмотря на то что доктор в течение нескольких часов подкрадывался ползком на животе к группе оленей, он все же не смог в открытой тундре приблизиться к ним на расстояние выстрела. Я изучал на обоих островах гнейсы и сфотографировал их.

К вечеру установилась великолепная погода. Был один из редких прекрасных вечеров поздней осени в тундре, когда низкостоящее солнце создает такую волшебную игру красок, что воображение невольно рисует волнующие картины. На южной стороне на горизонте резко выделялись волнистые темно-синие контуры гор материка на фоне розовато-красного неба. Над вершинами гор медленно плыли золотисто-красные перистые облака, подобно колеблемым ветром столбам пламени. На переднем плане сверкали освещенные пробивающимся сквозь тучи солнцем узкие бурые полосы тундры, окрашенные местами в светло-фиолетовые тона. У основания скалистого мыса, сложенного из серовато-бурого выветренного гнейса и представляющего собой хаотическую груду нагроможденных одна на другую глыб, неподвижно лежал пригнанный ветром лед. По ту сторону мыса принесенные течением льдины издавали при столкновении обломков льда певуче-жалобный звук. Слегка

волнующееся открытое море отражало темные нависшие облака на своей свинцово-серой поверхности, которая по мере приближения к бухте становилась фиолетовой.

В холодных серовато-стальных водах спокойно покачивалась на якоре «Заря». Там, далеко за пламенеющим морем, за далеким горизонтом, находилась наша родина! Туда склонялось солнце!

Якорная стоянка «Зари» была мало защищена, и яхта подвергалась опасности натиска льдов со стороны открытого моря. Здесь было рискованно долго оставаться. Нужно найти защищенную гавань или же попытаться пойти обратно. После того как я вместе с Коломейцевым осмотрел с марса фок-мачты горизонт и увидел на северо-западе между островами темную полосу, я решил попытаться обойти со стороны моря эти острова и окружающие их ледяные поля. Но через 30 морских миль были встречены непроходимые льды. Пришлось повернуть обратно к «загадочному проливу». Он лежит, по последним нашим определениям, под $75^{\circ}14'$ с. ш. и $92^{\circ}59'$ в. д., следовательно на $23'$ южнее гавани Актиния и на 3° западнее ее.

Четверг 30 августа. На борту «Зари», во вновь открытом фиорде Миддендорфа, в том самом, который мы приняли сначала за Таймырский пролив. Мы все еще отрезаны от Таймырского пролива льдами, хотя и находимся от него на расстоянии не более 24 морских миль. Вчерашний день был богат открытиями. Прежде всего решался вопрос, пролив ли перед нами или же фиорд. Этот вопрос решен теперь в последнем смысле. Сегодня утром, вернувшись с экскурсии на паровом катере, Коломейцев сообщил, что фиорд простирается к северу на 30 миль в виде узкого канала. В нем мало бухт, и его ширина довольно постоянна.

Предпоследняя восточная бухта могла бы служить нам зимней гаванью, но мы рисковали бы остаться здесь без плавника, связь с ненцами оказалась бы тоже затруднительной, а возможно даже неосуществимой.

Вчера я с Бирулей и Вальтером предпринял пешком экскурсию на берег в сопровождении Расторгуева в качестве носильщика. Мы поставили себе целью подняться на горы к северу от «Зари» для того, чтобы решить вопрос о Таймырском проливе; вместе с тем нам представилась возможность поохотиться за оленями. К 10 часам мы были на берегу. Вальтер пошел на восток, Бируля и я — на запад. Пройдя отмель, мы поднялись на гору высотой 70 м. Ее вершина состоит из хаотического нагромождения гранито-гнейсовых глыб, лазая по которым можно сломать себе шею и ноги. Пройдя около 9 км и подкрепившись сухарями и шоколадом, мы хотели подняться на следующую вершину, когда донесся звук выстрела трехстволки доктора и перед нами предстало интересное зрелище — охота на оленей в открытой тундре: один олень свалился, два

раза перевернулся и, поднявшись, бросился бежать к морю; два других оленя и две важенки с олененком убежали в противоположном направлении. Я отправился помочь доктору в преследовании подстреленных оленей и доставке убитых. Оказалось, что два оленя были убиты наповал; Расторгуев тут же принялся свежевать их.

Направляясь к горам, мы увидели еще пять оленей. Решили оставить их в покое, так как бессмысленно убивать животных, если невозможно их забрать. Вскоре показалось стадо из 15 оленей, которые остановились на расстоянии выстрела от меня. Моя винтовка осталась у Расторгуева, а под рукой был только дробовик, поэтому я воздержался от стрельбы.

На вершине горы на высоте 102 м над уровнем моря угловатые каменные глыбы и плитообразные отдельности гранита были рассеяны в столь неустойчивом равновесии, что могли ежеминутно обрушиться на путника, вторгнувшегося в эту безжизненную каменистую пустыню. Здесь нас накрыл густой туман. В этом тумане ни о каких наблюдениях не могло быть и речи.

Обратно шли широкой цепью. Я держался побережья. Туман был настолько плотный, что я потерял товарищей из виду и не нашел даже того места, где оставил Расторгуева. Лишь позже, когда на юге туман немного рассеялся, я заметил, что давно прошел нужное место. Один раз слышал выстрелы товарищей, очевидно по стае гусей. Гуси появились передо мною, как едва распознаваемое в тумане облако, и опять исчезли. Затем я прошел мимо труп оленя—печальной жертвы волков, которые, видимо, накануне его задрали, а доктор обнаружил остатки съеденного теми же хищниками песка. Для меня было новостью, что волк проникает далеко на север — до 76° с. ш.

Было уже поздно. Я дал сигнальный выстрел, но звук отнесло, очевидно, ветром, так как я не получил ответа. Решил пуститься в обратный путь, не разыскивая больше товарищей. Когда я пришел в 1 час ночи на мыс, куда должны были за нами приехать, все трое были уже там и обрадовались при виде меня, так как каждый из нас был озабочен судьбой своих спутников. Мой шагомер показывал 35 км — хорошая прогулка по тундре и по скалистым массивам. Стало холодно и сыро. «Заря» стояла дальше от берега, чем утром, с нее не спускали никакой шлюпки, чтобы послать за нами. Зееберг, проводший весь день на мысе ради магнитных наблюдений, произвести которые ему, однако, помешал туман, уже два часа назад переправился на яхту на каяке, чтобы позаботиться о лодке для нас, но и он не возвращался. На «Заре», казалось, царил безмятежное спокойствие, а мы мерзли в ожидании шлюпки еще два долгих часа. Наконец в 3 часа утра прибыл добряк Зееберг и доставил нам, борясь с встречным ветром и течением, два двухместных каяка. Он хотел провести ночь на берегу, наде-

ясь осуществить намеченную работу следующим утром. Тем временем прибыл паровой катер. Он был прислан Коломейцевым, только что вернувшимся на судно. Мы забрали Зееберга со всеми инструментами и пошли полным ходом к судну. В 5 часов утра были снова в тепле, обсушились, вычистили ружья и, позавтракав, в 6 часов крепко уснули.

Сегодня доктор с тремя матросами привез на катере оленей, причем с места охоты до ближайшей свободной от льда бухты пришлось около 4 км тащить их на спине.

Тем временем зюйд-вест нагнал лед. «Заря» со вчерашнего дня уже не раз меняла место стоянки, и Матисен не смог выслать нам ночью шлюпку — на борту были заняты все семь матросов, а остальные находились с Коломейцевым на паровом катере. Лед закрыл выход из фиорда. Если норд-ост не вынесет эту преграду, то мы окажемся здесь в западне!

Пятница 31 августа. Ситуация та же. Матисен был на берегу и сообщил, что льды, насколько видит глаз, плотно скованы. Ночью свежий бриз пригнал лед к самому судну. «Заря» бросила якорь у северного острова под защитой западного мыса. Днем заштилело. Ждем терпеливо перемены ветра в надежде на освобождение. Вчера выпал первый снег. Температура — 0,5°.

Команда здорова, настроение бодрое. Вчера узнал от Расторгуева, что матросы курят по очереди из общей трубки, и сегодня роздал им курительные трубки. Затем Расторгуев рассказал мне о своей жизни после того, как мы расстались с ним в 1893 г. на реке Хатанге.

Воскресенье 2 сентября. Положение не меняется — ветер упорно дует с юго-запада. Вчера мы дважды меняли стоянку, так как лед направлялся по фиорду на нас. В настоящее время мы стоим посреди фиорда под защитой маленького скалистого островка. Вчера я предпринял с Вальтером экскурсию в двухместном каяке к южному острову, на котором мы были в прошлый понедельник (27.VIII). Довольно легко продвигаясь в каяке против ветра и волны, мы установили, что это был остров. Большую помощь оказала огромная льдина, севшая на мель. Под ее защитой мы смогли повернуть, так как высокая боковая волна опасна для каяка. Остров простирается приблизительно на 8,5 км к юго-юго-западу, из которых 6 км я промерил шагомером. Ширина острова около 2 км. Его побережье сильно изрезано. На измеренном мною протяжении имеется три залива. Поверхность острова представляет собою низкую топкую тундру («морая», как на Новосибирских островах ее называют промышленники мамонтовой кости). Поперек острова простираются плоские 20-метровые гранито-гнейсовые возвышенности. Этот ландшафт можно лучше всего охарактеризовать выражением «могильной тундры»: на всей поверхности расположены отдельные гори-

горизонтально лежащие гранито-гнейсовые плиты больших размеров, напоминающие надгробные памятники на кладбище. Некоторые плиты стоят более или менее отвесно; среди них мы нашли плиту высотой 2,6 м и шириной 3,5 м при толщине 0,5 м, с подветренной стороны которой сели позавтракать. Эти каменные плиты как бы созданы природой для нанесения надписей, и если нам пришлось бы здесь зимовать, то надпись была бы выдолблена. Через несколько веков, если какая-нибудь экспедиция посетит эти места, наши славные потомки были бы немало удивлены теми гигантскими усилиями, которые, по их мнению, мы должны были приложить, устанавливая эту плиту, так как ее основание находится на большой глубине в земле.

С гранитной вершины острова открывался вид на фиорд, на всем протяжении свободный от льдов. Дальше за проливом виднелась южная оконечность острова и море, плотно забитое льдом. Лишь у западного берега острова оставалась узкая полынья и на горизонте другая, по ту сторону архипелага. Я надеялся обогнуть этот архипелаг 28 августа. Очевидно, это тот самый остров, которого я ранее тщетно пытался достигнуть. Как и тогда, по ту сторону архипелага плотный лед. Тундра покрылась ровной снежной пеленой, из-под которой выступают темные, обросшие лишайниками каменные плиты. Ходьба по тундре стала затруднительнее: при каждом шаге нога скользит по обледенелым кочкам и с трудом ее вытаскиваешь из подмерзшей почвы. Жизнь в тундре за последние дни замерла. Кроме пролетавших большими стаями пуночек, мы видели единичных песочников (*Tringa alpina*), пару крачек (*Sterna macruga*), одну чайку (*Larus fuscus*) и двух гагар. Во время странствования с Вальтером по таймырской тундре наши мысли невольно обращались к воспоминаниям о том человеке, который принял бы живейшее участие в нашей экспедиции, будь он в живых,— к исследователю реки Таймыры А. Миддендорфу.

С приближением вечера пустились в обратный путь. Снежные вихри пронеслись над фиордом. Нас снова выручила большая льдина; под защитой ее можно было лавировать, и мы пошли прямо на «Зарю». Я не принимал участия в гребле, а сидел на корме и правил веслом, так как ветер относит каяк. Когда подошли к маленькому островку, под защитой которого стояла на якоре «Заря», мы увидели высланный за нами паровой катер. Я крикнул матросам, чтобы о нас не беспокоились,— мы чувствовали себя настолько уверенно, что могли бы взять катер на буксир, в случае если бы он остался без пара. Действительно, я нахожу каяк незаменимым в наших условиях: несмотря на низкую посадку, вода даже в большую волну его не заливают, если перестать грести, чтобы

не разрезать волн с ходу, а дать каяку спокойно подниматься на их гребни.

Вернувшись на борт, мы сели ужинать в уютном салоне. Все были в прекрасном расположении духа. В самом деле, нам не на что жаловаться: отлично оборудованное судно, тепло, светло, хорошая свежая пища. В выдержке, необходимой в условиях полярного плавания, в терпении не ощущалось пока недостатка, по крайней мере у меня и у Коломейцева. Меньшим запасом терпения обладает гидрограф: он находит местность отвратительной, считает, что она не сулит ничего интересного и не имеет полярной специфики; такую местность он мог бы найти и в окрестностях Петербурга. Доктор сдержан, но внутренне раздражен из-за того, что не попадалось моржей. Он говорит, что, по всей вероятности, их здесь вовсе не существует и что это, по-видимому, для Арктики мифические животные. Бируля тоже высказывает неудовольствие и говорит, что здесь нельзя оставаться, а нужно во что бы то ни стало достигнуть восточного побережья Таймырского полуострова! Но в конце концов не я же загнал плавающий лед к выходу из фиорда и не я забил шхеры льдом!

Сегодня в воскресенье у команды день отдыха. Закончив в 10 часов утра переброску угля в трюме и выровняв дифферен-т судна, матросы могли умыться и отдохнуть.

Гидрограф пошел на катере к ледяному барьеру, чтобы произвести исследование льдов, Бируля провожал его с драгой. Результаты драгирования, как и вообще сборов по зоологии, можно уже теперь считать богатыми. Помимо того, Бируля отлично обрабатывает свои материалы и дает прекрасные иллюстрации в виде красочных рисунков. Гидрограф установил, что наибольшая мощность прибитого ветром ледяного поля составляет 2,7 м, а торосы достигают высоты 7 м. Эти торосы представляют собой результат сжатия льда в устье фиорда. Как хорошо, что мы защищены от такого сжатия! Обнаружив на льду медведицу с медвежонком, гидрограф переправился туда с Коломейцевым на катере, и вскоре они привезли их на судно.

По «вопросу о Пяси-не» привожу цитату из Миддендорфа: «У левого притока реки Пясины, реки Фиры (Пиры) ко-чует род Тавгинских, или Авамских, самоедов. Два рода ко-чуют по берегам Пясины и пять по Таймыре». Реку Пиру близ моря они не переходят, как отмечает Миддендорф, из-за следующих побуждений: «на мой вопрос, почему они не дохо-дят до моря, они пресерьезно отвечали мне, что неоднократно пытались сделать это, но что там бродят белые медведи це-лыми стаями и постоянно вытесняют самоедов. Они говорили о них, как об особой нации, умеющей удержаться в своей стране. Если вышлешь туда 8 человек, то белые медведи не-медленно высылают против них 12 человек своей братии»¹⁷.

Если судить по нашим личным наблюдениям над нравами белых медведей, которых мы здесь встречали, то ненцам с Пясины нельзя приписывать особой храбрости.

Ненцы, кочующие по речной системе рек Боганиды, Дудыпты и Верхней Таймыры, поднимаются летом до южного берега Таймырского озера (74,5° с. ш.). Эти самые северные обитатели Таймырской земли — наши ближайшие соседи. В скором времени они двинутся в обратный путь на юг, но едва ли будет легче добраться до них, чем до авамских «на Пире или же на берегах Пясины»¹⁸. Маршрут отсюда вдоль побережья к устью Пясины, думается мне, географически более интересен, чем путь возвращения Миддендорфа. Лаптев, Челюскин, Минин, Стерлегов и Чекин направлялись весной по льду вдоль берега, но по матерiku между горами и побережьем не ступала еще нога ни одного путешественника, а до устья Пясины — вообще человека.

Собраться в дорогу я мог бы только после того, как выяснится, придется ли нам здесь остаться на зимовку. Это должно определиться если не в ближайшие дни, то в течение трех-четырех недель. Путь до Дудинки займет целый месяц, тем временем с 5 ноября здесь наступит полярная ночь. Обратный путь полярной ночью не лишен риска и, кроме того, в темноте невозможно будет возвращаться по старым следам. Не лучше ли мне пойти с гидрографом от Дудинки до истоков Хатанги и к Ессею, где полярная ночь наступает 5 декабря и длится до 2 января, оттуда пройти до устья Хатанги, а в марте и апреле обогнуть с востока Таймырский полуостров и мыс Челюскина и вернуться сюда?

Среда 5 сентября. На борту «Зари» в том же выжидательном положении! Коломейцев и Вальтер отправились вчера к северной вершине, у подножия которой мы видели недавно много оленей. На этот раз они вернулись, не встретив ни одного животного. Очевидно, волки разогнали все оленье стадо и за эти дни обглодали до костей труп оленя. На обратном пути Коломейцев и доктор видели спящего тюленя, рассмешившего их своей комической позой. Оба вернулись с прогулки поздно ночью свежими и бодрыми. Обозревая при ясной погоде с вершины горизонт, они удостоверились, что к северо-востоку нет выхода из пролива. Благодаря южному ветру температура заметно поднялась. Вчера у нас было +5, +6°, и ночью в каюте стало жарко. В кают-компании мы привыкли к 8—9° и каждый лишний градус ощущается нами как тягостная жара. Когда же появится наш избавитель — северо-восточный ветер? Или мы в самом деле находимся уже на зимней квартире?

Тундра мгновенно опустела. Позавчера на маленьком островке, на котором гидрограф рассчитывал найти оленей, было совершенно безжизненно. Оставались только единичные

пуночки (*Plectrophanes nivalis*), чайки (*Larus glaucus*), пара гагар и морянок. Бирулю порадовал трал, доставивший ему интересных гидроидей, губок, актиний и моллюсков. В противоположность этому Зееберга преследует явная неудача. С первыми лучами солнца он направляется на берег для производства наблюдений, но стоит только ему высадиться, как солнце тотчас скрывается. Так случается почти ежедневно...

Пятница 7 сентября. На борту «Зари» в неизменном положении. Наконец Зеебергу посчастливилось с солнцем. Его определение координат, довольно точно совпадающее с определением Коломейцева, дает $75^{\circ}51'$ с. ш. и 93° в. д. Определение сделано на маленьком скалистом островке¹⁹, защищающем нас от плавучих льдов. Этот низкий скалистый остров, на котором отдельные глыбы гнейса лежат на берегу в ряд, как строительный камень разрушенной крепостной стены, мне живо напоминает «Западную батарею» близ Ревеля, я часто обзирал ее в детстве из ворот порта.

8 часов вечера. Динамо стучит в машинном отделении, обеспечивая электрический свет на моем рабочем столе. Вечер ясный, тихий и холодный $-2,5^{\circ}$. Желанного норд-оста все еще нет! Терпение! Терпение!

Моя нога, которую я повредил несколько дней назад в тундре, еще не поправилась, и я вынужден отказываться от экскурсий, чтобы не лишиться возможности совершать большие путешествия. Сажу четвертый день в бездействии, в то время как остальные совершают интересные поездки. Вчера Вальтер и Бируля отправились на двух каяках в южном направлении и вернулись в час ночи замерзшие и усталые. Они сообщили об интересном открытии — об обнаруженном ими устье, по-видимому, большой реки, пробивающейся сквозь камьон. Там было много плавника, хотя и не столь хорошего качества, как на острове Кузькина. Наблюдала богатую жизнь пернатых. Дальше есть озера с прекрасной питьевой водой. Короче говоря, эта местность весной будет, по-видимому, довольно населенной. Коломейцев отправился сегодня на катере с Вальтером и Матисеном для топографической съемки и промера глубин до устья этой реки. Полагаю, что пролив между материком и островом, если он достаточно глубок для «Зари», мог бы послужить нам для выхода лучше, чем этот забитый льдами пролив. В дальнейшем зимняя гавань была бы там также удобнее благодаря близости топлива и пресной воды. Жду с нетерпением результатов этой экскурсии. «Фиорд», который мы открыли и в котором находимся уже одиннадцать дней, я назвал именем Миддендорфа. Полагаю, что имел право это сделать: во-первых, мы определили координаты этого места; во-вторых, изучили окрестности и фауну этого фиорда и, таким образом, какое-то наименование фиорда вполне обоснова-

но. Но чье же имя заслуживает быть увековеченным в этом месте, как не имя Миддендорфа, первого исследователя Таймырской земли, авторитетного исследователя Сибири?

Если удастся здесь найти достаточное количество дров, сможем спокойно перезимовать. Без топлива будет много хуже, так как наш запас угля на сегодняшний день 148 т!

Воскресенье 9 сентября. Штиль! Ледяной барьер в устье фиорда неподвижен. Вчера утром мы укрылись в бухте у северного мыса от льдов, надвигавшихся к северному берегу со стороны «острова Наблюдений». Оттуда я отправился на берег в поисках удобного места для устройства склада, который сегодня заложим на высоте 5 м над уровнем моря. К востоку от этого места ближайший мыс лежит на одной линии с выдающейся вершиной в глубине фиорда и островом Наблюдений на юго-востоке. Когда копали яму, оказалось, что земля оттаивает только на 0,4 м. Под верхним оттаявшим слоем глины, на глубине до 1,4 м был торф, перемежающийся со льдом. Здесь я велел зарыть ящик с 48 банками консервированных щей, запаянный жестяной ящик с 6 кг сухарей, запаянный жестяной ящик с 6 кг овсянки, запаянный ящик, содержащий около 1,6 кг сахара, 4 кг шоколада, 7 плиток и 1 кирпичик чаю. Яма была засыпана глиной и камнями и обозначена деревянным крестом.

Чтобы сократить расход угля, я распорядился зайти в глубь фиорда, в защищенную гавань, где погасили топки в ожидании норд-оста. Норд-ост должен нас освободить хотя бы через год! Стоять здесь дольше под парами обойдется слишком дорого. Экскурсия Коломейцева не дала, к сожалению, положительного результата — он не нашел на южном берегу защищенной гавани. Таким образом, для нашей стоянки остается гавань у северного берега фиорда, в которую мы в настоящее время заходим. Любой день может принести с собою норд-ост и изменение погоды, в силу этого предпринимать экскурсии длительною более чем на один день рискованно. Как бы меня ни привлекало южное побережье и река, обнаруженная там, отправиться в экскурсию я не решаюсь, так как во время трехдневной поездки может наступить единственный случай, чтобы вырваться из фиорда, и этот момент никак нельзя упустить. К тому же паровой катер стал снова на ремонт, и я вынужден пользоваться шлюпкой и каяком, передвижение на которых слишком медленно, чтобы предпринимать дальние экскурсии. Итак, терпение!

Понедельник 10 сентября. На борту «Зари», в гавани фиорда Миддендорфа. Гавань, в которой вчера в 5 часов вечера отдали якорь, производит на всех хорошее впечатление. Она достаточно защищена от напора льдов, якорная стоянка на расстоянии около 4 кабельтовых от берега (0,74 км) имеет глубину 11,6 м.

Вчера, когда мы входили в фиорд, у северо-западного берега на большой льдине, которая с зимы не трогалась с места, лежало до 50 тюленей. На вершине ближайшего гранито-гнейсового массива спокойно отдыхал старый олень с обломанным рогом, по словам Вальтера — его давний знакомый. Стаями летали морянки, солнце светило с ясного неба, озаряя своими теплыми лучами эту мирную жизнь. Вальтер, Коломейцев и Зееберг пошли за оленем, которого застрелил Коломейцев. Матисен отправился на охоту за тюленями, но, стреляя, промахнулся; предварительно он их сфотографировал с близкого расстояния.

Ночью ветер повернул на восток. В настоящий момент дует северо-восточный ветер около 5 м. Он нам уже несколько помог. Матросы, посланные за оленем, вернутся, надо надеяться, с хорошими вестями. Моя нога еще нуждается в покое, но сегодня хочу попытаться совершить прогулку. Доктор принялся за лечение повара Фомы, который нервно возбужден и, видимо, несколько переутомлен. В остальном все хорошо!

Вторник 11 сентября. На борту «Зари», в северной гавани фиорда Миддендорфа. Вчера после завтрака я отправился на каяке на противолежащий северо-восточный берег. Ветер, от которого мы ждем освобождения, мешал грести. Вскоре Вальтер и Бируля обогнали меня на двухместном каяке, хотя выехали позже. Крупный тюлень вынырнул влево от моего каяка, потом справа, поднимая над водой при своих забавных прыжках только спину и зад. В заключение он вынырнул еще раз и исчез. Если бы он толкнул мой каяк, неприятное купание было бы неизбежным.

В тундре мы расстались, и я пошел на северо-северо-запад к перешейку, отделяющему фиорд Миддендорфа от северного побережья. Этот перешеек шириной около 5 км и высотой около 10 м подобен узкой седловине. С высокого холма я оглядел залив северного побережья. У берега была чистая вода, к горизонту лед становился все плотнее. Тундра была пустынна — я застрелил только одну песчанку (*Calidris arenaria*). Местами были слышны единичные плавунчики, изредка пролетали стайки пуночек. Попадалось много старых следов оленей и один волчий. Коренная порода, представленная здесь гнейсом и гранито-гнейсом, выветрена, как и повсюду. Ручьями талой воды препарированы отдельные плиты гнейса, позднее частично засыпанные; таким образом, создавался ландшафт могильной тундры, которую я сфотографировал, но, к сожалению, при плохом освещении. Около 6 часов, когда я закусывал, с ближайшей горы спустился доктор. Он рассказал, что ему повстречались четыре волка, из которых один был темной масти, остальные светлые, почти белые. Несколько часов назад мы слышали пять выстрелов, возможно, что Бируля встретил стаю и убил одного из волков. В 10 ча-

сов вечера, когда все собрались на берегу у каяков, Бируля рассказал, как уложил медведя, который, спокойно пожевывая, шагал навстречу. Обратно при слабом ветре мы дошли быстро — в 50 минут. Картина была живописная. В ночной темноте рядом со мной скользил каяк Вальтера и Бирули по сверкающей при лунном свете воде.

Лед все еще неподвижен, но благодаря восточному ветру скоростью 10 м льды должны отступить. Работая по съемке, Коломейцев видел у противоположного берега трех плывущих медведей. Следовательно, местность довольно населена. В случае зимовки в дровах и воде также не будет недостатка.

Среда 12 сентября. Там же. Вчера на прекрасном вельботе, полученном от Морского министерства, отправились на берег за убитым Бирулей медведем. Сначала высадили Коломейцева, который хотел продолжить топографическую съемку. Матисен правил вельботом, Бируля и Вальтер были, конечно, с нами. Из команды нас сопровождали Евстифеев и Расторгуев, которых берем с собой всякий раз, когда предстоит разделять тушу убитого зверя; кроме того, был Безбородов. Подул резкий бриз. Волна усилилась, особенно на обратном пути; вельбот сильно кренился, зачерпывая бортом воду. Я смирился с мыслью о предстоящем холодном купании, но мы принiali только душ и в 10 часов вечера вернулись к себе домой голодные и веселые. Результатами геологической экскурсии я остался доволен. Мне посчастливилось обнаружить на одной из скал ясные ледниковые шрамы. Сегодня ветер той же силы, что и накануне, — 11 м/сек. Он изменил лишь направление с восточного на юго-восточное. Полагаю, что фарватер свободен, хочу завтра сделать попытку пробраться.

Четверг 13 сентября. На борту «Зари», в фиорде Миддендорфа. Попытка выйти сегодня из фиорда не удалась. В 8 часов утра мы были на чистой воде и около 8 часов 30 минут выбрали якорь, надеясь на успех.

При свежем южном ветре и довольно высокой волне мы медленно продвигались по фиорду, беспрестанно бросая лот. Не дойдя до мыса Депо, оказались в четвертый раз на мели. На этот раз это был камень, с которого благополучно снялись, дав задний ход и подняв паруса на фок- и бизань-мачтах. С этого места открывается вид на выход из фиорда. Картина была мало радостная — сплоченные льды до самого горизонта! То же самое подтвердил гидрограф из бочки. Снявшись с камня, бросили якорь; после завтрака я отправился на вельботе к северному мысу, чтобы ориентироваться в ледовых условиях. Крепкое ледяное поле пакового льда закрыло выход, следовательно южный ветер нарушил со вчерашнего дня благоприятное действие восточного ветра. Льды задерживаются на западе цепью островов и выгоняются, по-

видимому, не восточным, а восточно-северо-восточным или северо-восточным ветром, господствовавшим здесь до нашего прибытия. Только к северу от островов было видно открытое море, но за островами на протяжении 5—10 миль были льды. На западе и юго-западе тот же лед. Вскоре я вернулся. Итак, вновь заходим в гавань в ожидании лучшего будущего! Возможно, что вчера был упущен момент освобождения, но также возможно, что мы оказались бы теперь затертыми паковым льдом, если бы вышли вчера в море. Быть может, мы попали здесь в тиски, из которых, кто знает, когда освободимся. Очевидно, лишь норд-ост откроет нам выход из шхер, но тот же ветер, по всей вероятности, закроет нам дальнейший путь к мысу Челюскина. Итак, терпение! Как бы то ни было, добравшись сюда, до Таймырского полуострова, мы все же в лучшем положении, чем если бы в открытом море нас окружал паковый лед.

Станным образом Нансен как раз здесь наметил мне зимнюю стоянку, вблизи от своей прежней гавани Колин-Арчера!

*Пятница 15 сентября*²⁰. На борту «Зари», в гавани Веселовского в фиорде Миддендорфа. Хотел бы так назвать эту гавань в память последнего современника А. Миддендорфа, основателя климатологии России К. С. Веселовского.

Вчера я отправился на материк с Матисеном и Зеебергом, чтобы еще раз заснять шрамы, так как часть моих снимков оказалась неудачной. Тем временем Коломейцев с Вальтером и Бирулей побывали на западной стороне и вернулись вечером с вестью, что к северу вода стала свободнее, но выход забит льдом. Сегодня с утра Коломейцев измеряет глубину южного прохода, который может оказаться единственным путем для нашего спасения из этой мышеловки. С нетерпением жду его возвращения с добрыми вестями. Сам я оставался на борту «Зари» и весь день посвятил окончательному устройству своей лаборатории. Теперь у меня удобное и полное уюта рабочее помещение. Я перенес сюда геологические приборы и книги, и в моей каюте стало просторнее. Дни стали короче, я сижу при лампе. Пиронафтоловые лампы очень удобны, притом согревают помещение: вскоре после того как была зажжена лампа, температура в моей лаборатории поднялась с 9 до 11°. Погода теплая, +3° при юго-восточном ветре.

На моей родине наступила осень! Как вам живется, мои любимые? Долгое время я не мог перечитывать ваших милых писем, полученных в Екатеринбургской гавани, они слишком сильно меня волновали. Вчера я снова их перечитал и буду это делать возможно чаще. Спокойной ночи...

Воскресенье 16 сентября. На борту «Зари», в фиорде Миддендорфа. Опять под парами, делаем третью попытку вы-

браться из мышеловки! Коломейцев сообщил вчера, что, быть может, удастся выйти через южный пролив, хотя это сопряжено с известным риском. Выход там свободен! Я тотчас же распорядился развести пары. В 10 часов утра все было готово, и вот мы идем к северному проливу. Если не сможем здесь пробраться, то пойдем к южному выходу. Вчера вечером был резкий юго-восточный ветер, сегодня утром слабый ост.

Вслед за Коломейцевым с экскурсии вернулись Вальтер и Матисен. Первый, как всегда, с полным ягдташем. Доктор принес семь тундровых куропаток (*Lagopus alpinus*), впервые встреченных здесь. Он видел стаи различных куликов. Летели ли они с Земли Санникова или же с мыса Челюскина? Между 12 и 1 часом ночи за облаками на горизонте впервые увидели слабое северное сияние. Оно простиралось с юга на северо-запад. На юге оно виднелось на высоте 20° в виде ленты, на северо-западе приблизительно на высоте 60° в виде слабо полыхающих желтовато-зеленых лучей.

Настроение хорошее, только Фома неуравновешен и постоянно ссорится, особенно со Стрижевым. Он был несколько дней нездоров и отдыхал. Его заменил Носов, наш прекрасный кочегар, который также хорошо выполнял обязанности повара.

Наступает критическое время! Осторожно проскользнули через южный пролив, не сев на мель. Наименьшая глубина была 9,6 м, измеренная гидрографом с шедшего впереди на веслах вельбота. В 9 часов вечера мы благополучно миновали западную оконечность острова, разделяющую оба пролива. Начиная оттуда, глубина была не менее 15 м, что позволило держать средний ход, не измеряя впереди глубину фарватера.

Днем я был занят печатанием своих фотографических снимков. У меня не было особенного желания стоять на мостике, особенно после уверений Коломейцева, что у меня «дурной глаз», так как каждый раз, когда мы оказывались на мели, стоял на мостике я. Откровенно говоря, это было удивительным совпадением! Окончив в 9 часов работу, я поднялся на мостик. В 10 часов становилось настолько темно, что нельзя было отличить воду от льда. Неожиданно нас остановила большая льдина. Кругом плавучий лед большой мощности. Безветренно. Возможно, что штиль продержится еще долго. Однако с сильным падением барометра надо ждать шторма, и мы очутимся тогда в тяжелом положении: западный ветер выбросит нас на берег, восточный — может нас далеко угнать, да и вообще любой ветер может вызвать сжатие льдов. С рассветом попытаемся выбраться отсюда. Этого опасного маневра нельзя избежать, если стремиться еще в этом году достичь намеченной цели. Отдать якорь в устье пролива было бы тоже рискованно: выход может быть закрыт

наутро льдом. Неужели счастье откажется сопутствовать мне и теперь?

Понедельник 17 сентября. На борту. 7 часов утра. Счастье меня не оставляет — идем со скоростью 6 узлов в открытом море! В 12 часов ночи лег на койку. Просил разбудить меня на рассвете, а если положение изменится, то и раньше. Лед в легком движении, поэтому ледовый якорь не держит. «Заря» стала среди льдов. В 3 часа меня разбудили. Выйдя на палубу, я увидел медленно дрейфовавший к югу лед. В том же направлении гнало яхту. Мы стояли теперь у большой старой льдины. Кругом были полыньи; поворачиваясь в них, яхта могла выравнивать курс. Материк был ясно виден; на горах лежал снег. У нас на палубе мокрый снег тотчас же таил, следовательно там вверху было холоднее. Можно было направиться на запад, где расходились льды, и я разбудил Коломейцева. В 3 часа 30 минут машина заработала. Нам удалось, лавируя между льдами, проскользнуть без повреждений на запад, чтобы обогнуть острова. «Заря» наталкивалась не раз на крепкие льдины, но без особого для себя вреда. В 5 часов вышли из льдов и теперь направляемся на северо-восток, прощаясь с городами фиорда Миддендорфа, где мы стояли 19 дней — с 23 августа по 16 сентября! Теперь видны покрытые снегом северные склоны этих гор. Погода ясная, легкий юго-западный бриз. Барометр поднимается. Мы на свободе!

Полагаю, что лучше всего обойти острова Норденшельда, не вдаваясь в Таймырский пролив, где ледовые условия, по всей вероятности, такие же, как и здесь, у фиорда Миддендорфа. Если так пойдет дальше, мы будем в течение суток у мыса Челюскина, а если теплая погода продержится еще неделю и море не замерзнет, то выполним намеченный план.

Собак необходимо возможно скорее спустить на берег. Прекрасный шпиц из Усть-Янска получил язвы, лежа на сырых дровах. Две западносибирские лишились аппетита, причем у одной из них начались судороги.

В 11 часов утра находились на широте Таймырского пролива. До 7 часов вечера блуждали у границ сплошного плавающего льда, не находя выхода на северо-восток. Приблизившись к берегу, увидели острова. У одного из них стали на якорь с подветренной стороны. Идти на запад через паковый лед было рискованно из-за тумана.

Запас угля становится настолько ограниченным, что заставляет отказаться от дальнейших «попыток». Пора окончательно установить зимнее местопребывание.

Вторник 18 сентября. Погода ясная. Стали на якорь у ближайшего западного острова, северо-западнее фиорда Миддендорфа. В ясную погоду с борта судна видны зубчатые контуры южных гор этого фиорда. В 9 часов 30 минут утра я приказал поднять якоря. Вчера прошли только 7 миль, теперь

идем на север по чистой воде. Вскоре появился плавучий лед; справа у берега тяжелый дрейфующий лед. Ясный тихий день. Высокую температуру воды $+2^{\circ}$ и низкую ее соленость можно объяснить близостью побережья и поступлением талой пресной воды из многочисленных горных ручьев (?). Сейчас сбавили ход, установили указатель глубин (подводный часовой), так как глубина уменьшилась до 32,7 м. Слышу, как на вантах щебечет птичка, но еще не вижу певуны. Призываются зоологи. Доктор установил, что это синица, и собрался стрелять, но моряки единодушно запротестовали, так как нарушение гостеприимства по отношению к усталой, присевшей передохнуть на судне птички не может привести к добру! Тем временем несмышленное создание перелетело на дрейфующий лед. Счастливого пути, маленькая синичка, достигни благополучно юга, прежде чем наступит зима!

В полдень Коломейцеву удалось определить широту $76^{\circ}10'$. С тех пор мы шли на северо-северо-восток около $2\frac{1}{2}$ часов со скоростью $6\frac{1}{2}$ узлов, следовательно достигли до $76^{\circ}20'$. Затем пришлось уступить дорогу ледяному полю и свернуть на запад. Как бы то ни было, мыс Паландера остался позади. В 2 часа 45 минут он ясно и резко выделялся на юге. От материка до лежащих правее островов, которые не могут быть ничем иным, как архипелагом Норденшельда, тянется поле дрейфующего льда. Вход в Таймырский пролив прегражден льдом. Остается идти вперед, обогнуть архипелаг Норденшельда и неуклонно держать курс к мысу Челюскина. Если простоят хотя бы два дня ясной погоды при легком юго-западном ветре, как было сегодня,— дело будет выиграно. Лед в архипелаге Норденшельда задержался, очевидно, как и у группы островов фиорда Миддендорфа, благодаря юго-западным и южным ветрам, продолжавшимся в течение трех недель. По всей вероятности, имеется проход с другой стороны архипелага Норденшельда. Нам нужно пройти здесь своевременно — до перемены ветра. Высокая температура воды даже тут, в открытом море у кромки льда, $+2^{\circ}$ дает нам определенную уверенность и гарантию в том, что мы нескоро замерзнем. Вперед полным ходом! Машина делает 90 оборотов, подняты паруса.

Вопрос относительно температуры воды как будто проясняется. В полдень мы имели максимум $+2^{\circ}$, очевидно благодаря речной воде реки Таймыры, теперь, в 4 часа 30 минут — обычная поверхностная температура $-0,3^{\circ}$. Идем с большой скоростью среди плавучего льда. Временами ощущаются толчки о крупные льдины.

10 часов вечера. За сегодняшний день плавания потеряли по долготе, если не по широте. После 4 часов дня пришлось повернуть на запад и юго-запад, уступая дорогу дрейфующим льдам, а в 8 часов, с наступлением темноты, мы остановились

и пришвартовались к кромке ледяного поля. Теперь стало ясно, что в Таймырский пролив проникнуть не сможем, а также вряд ли сможем обогнуть острова Норденшельда.

Среда 19 сентября. Идем опять назад. В 4 часа утра подняли якорь. Когда в 3 часа 30 минут я вышел при тусклом рассвете, лед окружал нас с запада до северо-востока. На востоке и на юге темнело водяное небо. Завтра, двадцатого, надеюсь укрыться у мыса Челюскина или в какой-либо безопасной гавани. Вскоре, после 6 часов вечера, показались семь обозначенных Нансеном на карте островов Норденшельда и одновременно мыс Паландера. Кругом сплошной лед, только местами видны отдельные полыньи, но вскоре и их не стало. Я поставил перед Коломейцевым вопрос, возможно ли форсировать лед от полыньи до мыса Паландера, на что он ответил, что для опыта надо сначала пробить ближайшую льдину. Дали средний ход. Льдина разломилась, и я торжествовал, но преждевременно! Вслед за этим «Заря» остановилась, не продвигаясь вперед, хотя толщина льдины не превышала 1,8 м. Теперь, после неоправдавшего себя опыта, оставалось держать курс только обратно «домой» — в фиорд Миддендорфа.

Настроение во время завтрака у всех было подавленное. 5 часов 30 минут вечера. Проходы к мысу Паландера и другим мысам с красивыми конусообразными скалами траппов оказались забитыми льдом. Утром попытаемся войти в свою прежнюю гавань. Итак, пришел конец навигации этого года! Какое отсюда следует вывести заключение? Совершил ли я ошибку или же ледовые условия этого года оказались особо тяжелыми?

Четверг 20 сентября. На борту «Зари», на якоре в заливе, названном мной бухтой Коломейцева, между фиордом Миддендорфа и Таймырским проливом. Ночью пришвартовались к льдине между первым островом Брюзевиц (якорной стоянкой 5. IX) и мысом Торос. В течение ночи объединенными усилиями ветра и течения нас угнало в море на юго-восток, приблизительно на 9 морских миль. Около 4 часов утра при жестоком северном ветре, тумане, снежной пурге и морозе пустили в ход машину в надежде, что северный ветер разгонит лед и мы подойдем хотя бы к Таймырскому проливу. Коломейцев залез вторично в бочку. Когда туман рассеялся, выяснилось, что льды в ближайшем соседстве несколько расступились, и мы вошли в северный фиорд. В этом защищенном фиорде надеемся переждать передвижку льдов. На другой день мы четверо: Вальтер, Бируля, Зееберг и я совершили экскурсию, которая окончательно убедила нас, что мы отрезаны от Таймырского пролива несколькими милями льдов. Что касается расхождения нашей долготы с долготой Бове²¹, то с этим можно не считаться. Наша долгота хорошо сочетается с долготой Вилькицкого в гавани Диксона, между тем как дол-

гота Бове отклоняется на два градуса и его указания о положении бухты Актиния сделаны не по прямым наблюдениям, а по счислению.

Вот скоро уже месяц, как мы находимся на расстоянии лишь нескольких миль от Таймырского пролива, не имея возможности до него добраться.

Сопоставляя все обстоятельства, чтобы решить, в чем главная причина наших неудач, прихожу к выводу, что направление ветров в течение всей навигации было крайне неблагоприятным. Начиная от гавани Диксона, господствующими ветрами были юго-западные, в то время как Норденшельду в этот период сопутствовали почти исключительно восточно-северо-восточные ветры. Следовательно, последние отгоняют льды от побережья, а при первых лед скапливается у островов и фиордов. Уклонение от курса к западу, к которому я неоднократно прибегал, едва ли привело бы нас к цели, и возможно, что мы оказались бы в этом случае у Новой Земли или у Земли Франца-Иосифа. Придя к такому заключению, я почувствовал значительное облегчение и одновременно у меня окрепла решимость к дальнейшим действиям.

Если не наступят холода, нас может выручить восточно-северо-восточный ветер, в противном случае выполнение наших планов должно быть отложено до следующего года.

Сегодня на яхте снова оказалась пара синиц (*Parus ater*). Птицы искали в снастях защиты от ветра. Мы с Матисеном сфотографировали их не столько для себя на память, как для зоологов в вознаграждение за запрет нарушать традиционное гостеприимство. Позже на судне я увидел еще синицу; если бы мне удалось ее поймать, то принес бы ее в жертву науке. В остальном тундра пустынна; нет больше пуночек, осталось лишь немного чаек. Видели одного кулика и одну белую куропатку, также имеется много медвежьих и песцовых следов.

Суббота 22 сентября. На борту «Зари». Якорная стоянка в бухте Коломейцева, 76°15' с. ш. 94° в. д. Вчера предприняли с гидрографом маршрут к горе на мысе Паландера. Мы надеялись сделать при прояснившейся погоде обзор замысловатой географии этой местности. В 2 часа дня прояснилось, и я увидел с вершины интересную панораму, которая была запеленгована и эскиз которой набросан гидрографом. Передо мною на северо-востоке лежал, как мне думается, остров Таймыр с открытой на запад бухтой Актиния и с тремя вершинами; первая из них известна под названием горы Негри. Правее, на юго-восток, лежала гавань Арчера, которую Нансен рекомендовал мне в качестве зимней гавани. Она казалась хорошо защищенной и притом была совершенно свободна от льда, но подход к ней был забит сплошным льдом. Позже эта бухта получила название Волчьей. С запада до северо-восто-

ка тянулись полыньи, суживающиеся у бухты Актиния. Коротче говоря, ледовая картина улучшилась, и я решил сняться на другой день с якоря. На обратном пути мы видели свежий медвежий след. Гидрограф, который впервые взял с собой на прогулку свою «пушку» (крупнокалиберную 4,5-килограммовую двустволку), был, как всегда, полон охотничьего пыла. Медвежий след вел сначала вверх на скалу, затем, сделав петлю, повел вниз к фиорду, в котором медведь, вероятно, купался, разогревшись при подъеме на гору. Затем след повел опять в тундру и дальше на юг. Стало поздно, и мы прекратили дальнейшее преследование. На обратном пути видели цепочку свежих следов куропаток. Снег в тундре достигал 11 см толщины. По ночам было не менее -2° , а днем около 0° . Поверхностная температура воды тоже равнялась 0° . Когда я бросил с ближайшей горы взгляд на море, мне показалось, что лед стал плотнее и полыньи частично исчезли. Водяное небо, темневшее от запада сплошь до востока, тоже побелело. Я вернулся на борт с несколько померкнувшей надеждой. Между тем Коломейцев измерил со шлюпки глубину бухты и нашел ее удобной для предстоящей зимней стоянки. Матисен принес мне неприятное известие: две остяцкие собаки пали в кровавой схватке. Это случилось после того, как я велел свести собак на берег и они остались без присмотра. Победитель в этой борьбе был известен на своей родине как победитель волка, и все собаки его боялись. Сейчас преступник смотрит совсем невинно, будто ничего не случилось.

Сегодня утром, осматривая с горы окрестности, мы с Коломейцевым обнаружили большие полыньи, и я распорядился подготовиться к отплытию. В 2 часа 30 минут подняли якорь. Надеемся до вечера пройти в бухту Актиния. Чтобы обогнуть мыс Торос с юго-запада, потребовалось преодолеть ледяную перемычку, с чем «Заря» великолепно справилась. Но через 3 часа судно наткнулось на сплошной лед. Пришлось повернуть, чтобы добраться по другой полынье до острова Таймыр. Тихий вечер, легкий северо-северо-западный ветер. Тепло и ясно, будем надеяться на успех!

В 8 часов вечера пришвартовались к ледяному полю; температура воздуха $-0,5^{\circ}$, воды $+0,2^{\circ}$, видимо под влиянием реки Таймыры.

В Таймырском проливе, названном мною «Морем недоразумений», трудно разобраться, несмотря на указания Норденшельда и Нансена. Думаю, что набросанные нами эскизы едва ли смогут облегчить плавание нашим преемникам.

Воскресенье 23 сентября. На борту «Зари». Ночь прошла хорошо. Мы продвинулись на несколько миль к юго-востоку. В 5 часов было еще туманно, шли малым ходом. Около 6 часов прояснилось. Одна полынья вела на северо-восток в сторону темного водяного неба, где, по нашему предположению,

находится мыс Лаптева. Другая полынья вела на юго-восток почти до мыса бухты Актиния. Неожиданно нас накрыл густой туман, и мы потеряли из виду маленький островок, служивший ориентиром. Когда туман рассеялся, Коломейцев поднялся в бочку и объявил мне, что к мысу Лаптева прохода нет. Ничего больше не оставалось, как снова повернуть и пробиваться к бухте Актиния. Сегодня утром вокруг судна образовалось много шуги. Барометр стоит очень высоко и продолжает медленно подниматься. Безветренно; в штиль каждую минуту могут наступить сильные морозы. Но в то же время однодневный шторм с северо-востока мог бы выручить нас, освободив проход от льда.

Сегодня ночью на борту был гость — снова лесная синица; она как будто хочет устроиться у нас по-домашнему, что было бы мило с ее стороны. Очевидно, такелаж как бы заменяет ей родной лес. Наши зоологи удивлены, что этот лесной житель находится в столь высоких широтах.

Понедельник 24 сентября. На борту «Зари», в Волчьем заливе. Вчера были предприняты экскурсии на берег. Доктор и я пошли на байдарке, Коломейцев и гидрограф на другой. Я послал на берег также шесть человек команды, в том числе Толстова и Фому. Мне хотелось, чтобы они освежились на прогулке, в чем Фома особенно нуждался. Поднявшись на гранито-гнейсовую возвышенность в 103 м — минимую гору Негри, я сделал общий обзор окрестности, внесший наконец ясность в географическое положение: перед нами лежал остров Таймыр, а Таймырский пролив был забит льдами! Мы стоим на якоре во вновь открытом заливе, который я называю заливом «Зари», так как здесь придется нам, вероятно, перезимовать (позже этот залив был назван Волчьим).

Продолжать рискованные опыты дальше нельзя, мы достаточно дорого оплатили несколько миль от фиорда Миддендорфа досюда. Это расстояние стоило нам 20 т угля! К тому же после форсирования льдов усилилась течь корпуса судна. Станция не могла быть взята из-за подвижки льда в заливе.

Вчерашний вечер был великолепен: темно-фиолетовый отенок сумерек на востоке над Таймырским проливом, золотисто-красные лучи заходящего солнца, освещавшего льды в проливе между бурыми цепями гор, розовые снеговые и ледяные пространства на западе, между ними группа гор со сказочной красотой контурами скал, на одной из которых я стоял. Передо мной были узкие морские проливы, в открытых местах которых отражалось оранжево-красное солнце, далее на горизонте виднелись отдельные темные полыньи. В одном из морских проливов красовалась одинокая «Заря». Слева от нее, на юго-востоке горы Миддендорфа, и над северо-восточным концом нашей бухты возвышалась большая, так назы-

ваемая «Черная гора». Все это представляло богато расцветившую картину, полную северного покоя и уединения, полную неотразимого очарования.

Когда я поднялся на вершину горы, которая по величине слагающих ее гранитных глыб и их беспорядочному нагромождению представляла невиданное зрелище, я услышал треск ударявшихся одна о другую каменных плиток, как бы под тяжестью шагов. У меня мелькнула мысль, что это шли мои товарищи, но, поднявшись наверх, увидел свежие следы медведя.

Форма и распределение глыб были необычайны. На вершине стоял строго отвесно остроконечный обелиск высотой около 3 м. Симметрично по отношению к этой колонне лежали две огромные шаровидные гранитные глыбы, будто бы все это вместе взятое было морским знаком, сооруженным гигантской рукой. В другом месте, куда я пристал к берегу на каяке, глыба диаметром в 1,25 м и высотой в 1 м лежала на трех камнях величиной с человеческую голову. На обратном пути я пересек следы двух оленей и направившихся за ними охотников. Доктор пошел по следам трех волков, преследовавших молодого оленя. Вечером все собрались, за исключением Толстова и Фомы. В 2 часа ночи вахтенный заметил на берегу световой сигнал. Тотчас была отправлена шлюпка, но она вернулась с одним только Толстовым. Фомы не было, что нас немало беспокоило. Наконец утром в 7 часов в подзорную трубу Матисен увидел на берегу Фому и около 9 часов вельбот благополучно доставил искателя приключений. Переживания петербургского повара на крайнем севере Азии оказались «из ряда вон выходящими»: он и Толстов отделились после завтрака от остальной компании и перешли по льду на южный берег бухты. С наступлением вечера они хотели вернуться, но лед благодаря течению и легкому восточному ветру пришел в движение. Толстов, более смелый, чем кок, предложил воспользоваться небольшой льдиной вместо шлюпки и ружейным прикладом вместо весла. Он успешно выполнил свой маневр, а Фома, провалившись не раз сквозь трещины в воду, предпочел вернуться и обойти залив пешком, при этом прошел, как уверял, 70 км (эту цифру следует сократить не менее как на одну четверть). Но дальше следует самое большое геройство кока. Ночью, странствуя в мокрой одежде, он увидел какого-то быстро пробежавшего белого зверя, в которого хотя и стрелял, но промахнулся. После этого его настигли семь волков, окружили по два с каждой стороны и три сзади. Его заочевенные от холода пальцы не смогли достать патроны из патронташа. Тогда он опустился на колено (все это Фома изобразил во время своего рассказа), высыпал патроны в шапку, зарядил ружье и «дал залп» в стаю. Один волк остался на месте, другие отбежали со

страшным воем. Тут его со страха схватила медвежья болезнь. Рассказывая об этом, Фома удивительно удачно подражал воющему волку. На вопрос, почему он не дал светового сигнала с берега, Фома ответил, что его спички намокли, когда он провалился в трещину. Развести огонь он пробовал трением куска плавника о камень, искра будто бы получилась, но огня не удалось высечь. Фому мы отправили на койку для заслуженного отдыха, а доктор тотчас же пустился в путь, чтобы проверить рассказ Фомы, если не по «лежащему волку», то по волчьим следам. «Иметь такое счастье! — воскликнул доктор. — Да если бы я оказался в положении Фомы, то семь волков были бы уложены на месте для защиты оленей и нам/на пользу».

Коломейцев сообщил, что начался восточный ветер; он опять надувает паруса наших надежд! Температура воды $-0,5^{\circ}$ (при $-0,7^{\circ}$ вода такой солености замерзает). В воздухе — $0,8^{\circ}$.

Вторник 25 сентября. На борту «Зари». Вперед на всех парусах! Вчера восточный ветер усилился до 8 м, и сегодня с горы в 2 км от стоянки мы с Коломейцевым увидели, что он действительно угнал лед от берега. Подход к истинному Таймырскому проливу свободен, наша бухта почти полностью очистилась от льда, широкие полыньи простираются на северо-восток. Побережье острова Таймыр свободно, также проход между ним и островом на горизонте, в то время как между островами архипелага Норденшельда лед. Подняв в 10 часов 30 минут утра якорь, мы прошли благополучно мимо двух малозаметных скалистых островов, тех самых, на которые едва не натолкнулись 23 сентября во время тумана. Ветер разбил ледяное поле, и здесь скопился лед, образуя местами мощные торосы; миновали это рискованное место и за час прошли свободный Таймырский пролив. Идем вдоль берега острова Таймыр. Температура воздуха $-2,2^{\circ}$, воды $-0,7^{\circ}$. Кругом шуга. Ясное небо, красивое освещение покрытых снегом гор, темно-синее море и сверкающий на солнце плавучий лед. Дойдем ли мы до восточного побережья Таймырского залива?

Вчера вечером в темноте вернулся доктор. Он был суров и коротко сказал: «Фома солгал». Громким всеобщим смехом доктор был обезоружен в своем законном гневе. Оказывается, доктор Вальтер заботливо обыскал «70 км», якобы пройденных Фомой, шаг за шагом прошел по его следам и убедился, что нигде не было признаков борьбы между отважным коком и «семью волками». Безусловно, волчьих следов было много, но Фома нигде не опускался на колено, нигде не было патронных гильз в подтверждение произведенных им «залпов». Историю о семи волках Фома придумал, и мы решили его проучить. На другое утро вызвали Фому и с серьезным ви-

дом сказали, что он должен взять с собой сухари, пройти обратно «70 км» до убитого волка и сам снять с него шкуру. Сказали, что доктор ходил по следам и действительно нашел убитого им волка. В этот момент лицо Фомы выражало нечто среднее между плачем и смехом. В замешательстве Фома ответил, что волка он только подстрелил и что его, вероятно, там уже нет. Когда мы не смогли больше удержаться от смеха, широкий рот Фомы растянулся поперек его лица еще шире, чем обычно, а его курносый нос поднялся еще выше и он сказал: «Да, но вы ведь знаете, что я охотник и что слову охотника не всегда можно верить». Посмеявшись от души, мы отпустили храброго победителя «семи волков» в камбуз. Негодный парень одурачил нас и больше всех доктора. Все же он оказался молодцом: во-первых, сумел выйти из положения благодаря быстро выдуманной истории и, во-вторых, своей находчивостью развеселил нас. Мне давно не приходилось так смеяться от всего сердца. Фома выказал в этой истории актерский талант, который может нам пригодиться во время полярной ночи. Если бы только я мог знать, где мы будем проводить полярную ночь!

Вчера вечером я выкупался. Купание было превосходно. Воду накачали днем через шланг из пресного озера с большой льдины и согрели в ванне паром от машины. В помещении было тоже тепло. Впрочем, мы давно приспособились к умеренной температуре: $+8^{\circ}$ в каюте, кают-компании или лаборатории для нас достаточно, а при $+10^{\circ}$ кажется чрезмерно жарко.

Среда 26 сентября. На борту «Зари». Окончательно повернули назад. Идем на зимовку, первую в этой экспедиции. Продвигаемся по ледяной каше. Температура воздуха сегодня утром — $5,8^{\circ}$, воды — $0,78^{\circ}$. Ветер повернул на юг и, хотя слаб, все же препятствует смерзанию шуги в твердый ледяной покров. Надо надеяться, что успеем еще сегодня войти в зимнюю гавань. Тяжело мириться с вынужденным возвращением! Вчера прошли 25—30 морских миль на северо-восток и в 6 часов подошли к грани возможного. Впереди лежал крепкий лед, связывавший мелкие острова с большим островом (Таймыром?). В 7 часов на глубине около 37 м отдали у этого островка якорь. Сейчас же после ужина Коломейцев, Колчак и я отправились на промысловой шлюпке обследовать лед. Уже смеркалось, когда мы вернулись. Этот остров самое пустынное место на земле, которое я когда-либо видел. Он сложен, подобно мысу Депо фиорда Миддендорфа, из крупнокристаллического гранито-гнейса и простирается с северо-востока на юго-запад, возвышаясь над морем приблизительно на 20 м. В низких местах остров заливаётся волной.

Отдельные огромные льдины старого пресного льда мощностью в 1,5—2 м и в 12—15 м диаметром были нагромо-

дены на берег вокруг гигантских плит гранито-гнейса. По берегам острова уже образовался молодой 2,5—3-сантиметровый лед, который вскоре взломался. Легкая подвижка льда сопровождалась певучими звуками. За большими ледяными глыбами Коломейцев заметил нечто, походившее на двух белых медведей,—это была старая медведица с медвежонок. Я взялся за ружье, но Коломейцев просил меня быть благоразумным и не стрелять, так как отправка матросов за медведями и сдирание шкур может задержать нас в самый критический момент. Звери смотрели на нас без всякого страха, но когда Коломейцев пронзительно засвистел в морской свисток, медведи испугались и убежали, причем медведица издала хриплый рев, так хорошо воспроизводимый нашим доктором. Отбежав, звери остановились; медвежонок сел к нам спиной, обернувшись к матери, следившей за нами не спуская глаз. Убедившись в невозможности форсировать ледовую перемычку, мы пошли обратно к шлюпке, оставив медведей у стамух среди унылых в своем уединении гранитных плит.

Когда я подытоживаю наши испытания за этот месяц — целый месяц, проведенный в безуспешной борьбе за проход через Таймырский пролив,—прихожу к убеждению, что причиной всех неудач служили тяжелые льды прошлого года, преградившие нам путь, которые могут быть отогнаны от берега только восточными ветрами как раз в момент наступления зимы!

5 часов 30 минут вечера. Окончательно встали на зимовку в Таймырском проливе, в него вошли четыре часа назад через западный рукав, который я хотел бы назвать проливом Фрама. Мы остановились у нанесенного Нансеном на переданном мне эскизе большого острова, обойдя его с юга. Этот остров и должен быть назван именем Нансена. Второй рукав, ограничивающий остров Нансена с востока, пролив Лены, ответвляется к северу. Он забит льдом, как и сам пролив, т. е. пролив Вега²², наполсвину прикрытый небольшим, ранее обозначенным Норденшельдом островком. Здесь находится, очевидно, и бухта Актиния. Таймырский пролив Норденшельда был также забит льдом, неподвижным в течение всего года. Перед ним находился молодой, вновь образовавшийся лед. Два небольших скалистых островка и третий более крупный остров обрамляют гавань Арчера, мимо которой мы прошли. Таким образом, мы вынуждены остаться точно в том месте, которое мне рекомендовал для зимовки Нансен. Последняя часть пути от фиорда Миддендорфа стоила достаточно дорого, так как для предстоящего плавания у нас остается только 114 т угля. Дальнейшие попытки пробиться в этом году на восток окончательно отпадают — температура воздуха — 6° и воды — 0,8°. Норденшельд вмерз под 67°05', при температуре воздуха — 2,2° и воды — 0,8°.

Четверг 27 сентября. Подняли в последний раз в этом году пар и пришвартовались несколькими кабельтовыми²³ восточнее, у льдины, соединяющей нас с сушей. Рассчитываем здесь вмерзнуть. Теперь погасим в топках огонь. В ночь на сегодня при температуре — 3° вокруг судна плотно стала шуга и образовался дюймовый слой льда. Между бортом «Зари» и льдиной появилась чистая вода, вероятно благодаря течению. По молодому льду нельзя еще ходить пешком, нельзя также разбить его байдаркой или шлюпкой. После трехкратного форсирования мы врезались в льдину мощностью в полметра только на одну длину корпуса судна. Лед совершенно ровный, зеленого цвета, следовательно это не вполне растаявший лед прошлого года (?). Гладкая поверхность льда вселяет уверенность в том, что здесь не следует опасаться сжатия. Льдина, у которой мы ошвартованы, сходна по своему характеру с той, в которую я пытался врезаться 19 сентября. Это может служить подтверждением, что льды и там оставались неподвижными в продолжение всего года.

Стало быть, сегодня завершилась первая часть экспедиции — плавание через Карское море до Таймырского пролива. Правда, мой идеальный план — совершить обход мыса Челюскина — в этом году не пришлось выполнить, но главное, что было предусмотрено в плане экспедиции на этот год — исследование Таймырского полуострова, все же будет осуществлено.

Теперь начинается вторая часть: первая зимовка и санные экспедиции. Прежде всего должна быть проведена подготовка к поездке на реку Хатангу с Расторгуевым.

Пятница 28 сентября. Сегодня был предпринят поход за оленями на «угловатый остров»; Матисен убил одного оленя и другого подстрелил.

Угольный вопрос становится жгучим: на будущий год у нас остается угля только на 20 дней плавания, т. е. едва до Земли Санникова и ни шагу дальше.

Суббота 30 сентября. Замечательная погода! Мы пришли сюда, предполагая тотчас же вмерзнуть в крепкий зимний лед. Вместо этого от самой кормы «Зари» начинается открытая вода, а шуга и молодой лед утнаны ветром в защищенные заливы. Температура, вместо того чтобы падать, поднимается. После вчерашнего легкого снегопада при восточно-юго-восточном ветре сегодня в полдень у нас + 0,2° и только в 4 часа вечера — 0,5°. Сильный восточный ветер (12 м) повернул вчера на востоко-юго-восток и, может быть, удалил ледяной барьер у острова Каторжного. Возможно ли при таких обстоятельствах стоять спокойно на якоре! Если в следующем году лед будет отогнан от этого берега так же поздно, то и будущий год окажется потерян! Все проливы у острова Таймыр, исключая открытый Нансеном западный пролив, через который мы зашли сюда, забиты плотно льдом. Будут ли они свободны на следу-

ющий год? При оставшемся у нас ограниченном запасе угля не могу больше рисковать ни одной тонной.

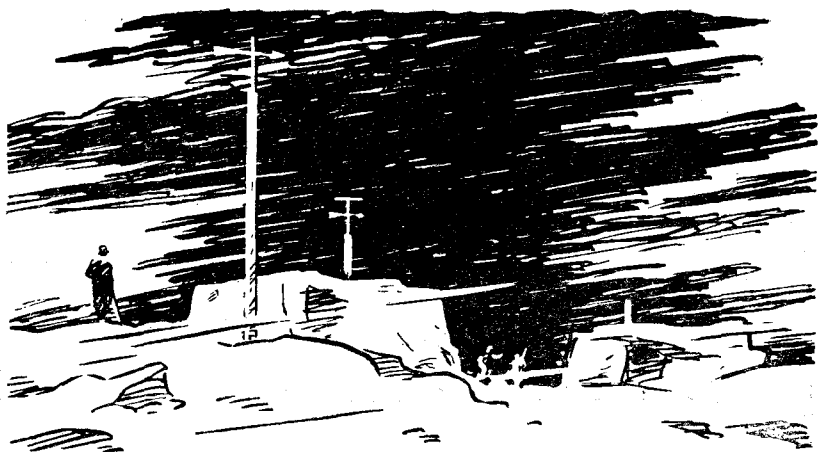
Для осмотра местности и внесения ясности в волновавший меня вопрос доктор с Зеебергом пошли сегодня через лед на остров Таймыр, чтобы подняться на гору, у подножия которой лежит бухта Актиния. Какие они принесут вести? Восточный ветер сменился легким юго-юго-восточным, барометр поднимается. Не последует ли за этим штиль и мороз? Тогда переохлажденная водная масса может быстро замерзнуть и придет конец всем иллюзиям.

9 часов вечера. Когда мы сидели за столом, вернулись доктор и Зееберг. Доктор сообщил, что с горы на острове Таймыр он ясно видел берег острова Нансена, вдоль которого мы проходили 25 и 26 сентября, а также лежащий перед его северо-восточной оконечностью маленький островок. У этого островка, названного мною Каторжным островом, мы стояли тогда на якоре. Ледяного барьера между ним и островом Нансена, так же как и между ним и ближайшим из островов, больше нет, но все остальные острова связаны узкой ледяной перемычкой. В остальной части море в пределах видимости свободно от льдов, также к северу, до бухты Актиния; Таймырский пролив забит льдом на востоке, а дальше вплоть до Таймырской бухты видна снова открытая вода. С противоположной стороны в открытом море много шуги; свободные от шуги места выделяются в виде пятен. Что же будем делать? Эта местность может оказаться для нас роковой; лед в проливах стоит здесь долго и может уйти отсюда только в момент наступления зимы. Возможно, в будущем году мы окажемся в тех же условиях, и тогда придется остаться здесь на вторую зимовку.

Если же обогнем мыс Лаптева, то много выиграем. Однако в это позднее время года море может легко замерзнуть, а поэтому попытка продвижения очень рискованна.

Взвесив все за и против, я намерен все же сняться завтра с якоря в случае, если температура упадет не ниже — 5° или — 6°. Окончательное решение будет зависеть от того, что покажут завтра в 4 часа утра метеорологические наблюдения. На всякий случай собаки уже взяты на борт. Весь день они провели на льду. Сегодня было впервые сделано несколько опытных поездок. Коломейцев возражал против моей попытки выйти из пролива и горячо доказывал, что, рискуя слишком много, мы добьемся очень малого. Выслушав его, все запротестовали (Матисена не было в это время). Ну что же, если молодой лед окажется слишком мощным, то повернем обратно, и это будет последняя попытка.

Спокойной ночи. Мои мысли с тобой...

Часть вторая

**ПЕРВАЯ ЗИМОВКА В ТАЙМЫРСКОМ ПРОЛИВЕ
С 1 ОКТЯБРЯ 1900 г. ДО 25 АВГУСТА 1901 г.**

НА ЗИМОВКЕ

Понедельник 1 октября. Зимняя квартира. Сегодня в 4 часа утра Матисен доложил мне результаты метеорологических наблюдений: штиль, — 3° и высокое барометрическое давление; а Колчак сообщил, что температура воды — 1,0°, образовался молодой лед и нагнало ледяные поля. Было ясно, какое я должен принять решение — окончательно остаться здесь на зимовку. Штиль и высокое стояние барометра — знакомые предвестники сильного похолодания. Теперь, когда рассеялись иллюзии и потеряны надежды на дальнейшее продвижение, работы пойдут полным ходом.

Среда 3 октября. На борту «Зари», на зимовке. Температура — 5°. Лед, еще вчера подвижный, ночью установился и окреп. Начаты работы по устройству метеорологической станции. Огонь в топке будет погашен. Начнем топить печи в лаборатории вместо маленькой керосиновой печки.

Работаю над отчетами, которые должен взять с собой. Перед отъездом необходимо еще составить рабочий план и инструкции. Просил Матисена сделать сводку о ветрах за август

и сентябрь. Он вручил мне вскоре следующий поучительный обзор, где было подытожено, как часто и какой силы наблюдались ветры каждого направления.

Карское море. Направление ветра	Август 1900.		Сентябрь 1900.	
	Частота	Сила	Частота	Сила
С	8	62	7	39
ССВ	6	24	8	40
СВ	22	136	4	11
ВСВ	28	205	12	38
В	6	38	1	4
ВЮВ	13	66	21	162
ЮВ	13	86	16	135
ЮЮВ	—	—	9	68
Ю	5	37	3	11
ЮЮЗ	3	19	25	176
ЮЗ	7	40	5	31
ЗЮЗ	4	25	16	95
З	1	8	3	16
ЗСЗ	2	6	4	16
СЗ	1	4	2	9
ССЗ	5	27	5	19

По частоте господствующие ветры распределяются в следующем порядке:

В августе: ВСВ, СВ, ЮВ и ВЮВ.

В сентябре: ЮЮЗ, ВЮВ, ЮВ и ЗЮЗ.

Сравним с этими данными наблюдения за 1875, 1878 и 1893 гг., поскольку в моем распоряжении имеется этот материал. В 1875 г. Норденшельд совершил свое первое плавание через западную часть Карского моря до Енисея на судне «Прёвен». В то время с 1 августа до 3 сентября преобладали северо-северо-восточные и северные ветры. В 1878 г., во время плавания «Веги» по Карскому морю до мыса Челюскина, с 1 до 19 августа господствовал северный ветер. Во время плавания «Фрама» в 1893 г. была такая последовательность: в августе — ВСВ, СВ, С, ССВ и в сентябре: ЮЗ, В, ЮВ, ВЮВ.

Оба года плавания Норденшельда считаются по праву самыми благоприятными.

На основании этих данных, профессор Петерсон пришел к выводу, что северные и северо-северо-восточные ветры наиболее благоприятны для плавания в этих водах. Свой вывод он строил на следующих соображениях.

Таяние льда в Карском море происходит в значительной мере под влиянием теплых вод мощных сибирских рек Оби и Енисея, а северные и северо-северо-восточные ветры препятствуют проникновению речной воды дальше на север и под-

держивают тем самым более высокую температуру воды в Карском море. Эти ветры способствуют, таким образом, таянию льдов, а южные и юго-западные ветры не могут задерживать теплую речную воду в пределах Карского моря и потому замедляют процесс таяния.

Эта теория Петерсона, как мне кажется, получила подтверждение в 1882 г. — в год плавания «Димфны»¹, когда в августе преобладали восточные ветры и судно уже 18 сентября было окружено тяжелыми льдами в юго-западной части Карского моря. В августе следующего, 1883 года господствовали северо-восточные ветры. Благодаря им «Димфна» была вынесена дрейфом вместе со льдом из Карского моря через Карские Ворота.

Что касается нансеновского 1893 г., то следует признать, что он был положительно неблагоприятен по сравнению с обоими годами плавания Норденшельда, но все же благоприятнее, нежели 1900 г. Так, в 1893 г. господствовали северные и северо-северо-восточные ветры, которые в 1900 г. не пришли на помощь «Заре», когда в равной мере дули восточно-юго-восточные и юго-восточные ветры. Итак, тяжелые ледовые условия, встреченные нами, могут быть объяснены в известной мере неблагоприятными ветрами. К этому присоединяются, конечно, и другие факторы. Среди них первенствующую роль следует приписать атмосферным осадкам, выпадавшим в течение года на сибирском материке, так как количество осадков сказывается в свою очередь на количестве поступающей с юга теплой речной воды в Карское и другие моря. Поэтому мне было интересно услышать от Расторгуева, что в Восточной Сибири прошлая зима 1899/1900 г. была необыкновенно малоснежная. Относится ли это и к Западной Сибири, я не могу сказать. Далее, неблагоприятными факторами оказались последствия истекшего лета — нами был встречен здесь у Таймырского пролива и у острова Норденшельда старый крепкий невзломанный лед; влияли также господствовавшие в сентябре в этом районе юго-юго-западные ветры, которые задержали таяние льда, а восточно-юго-восточный ветер не был в состоянии его вынести. Только северо-северо-восточный или северо-восточный ветер, дующий с материка, мог бы отнести лед.

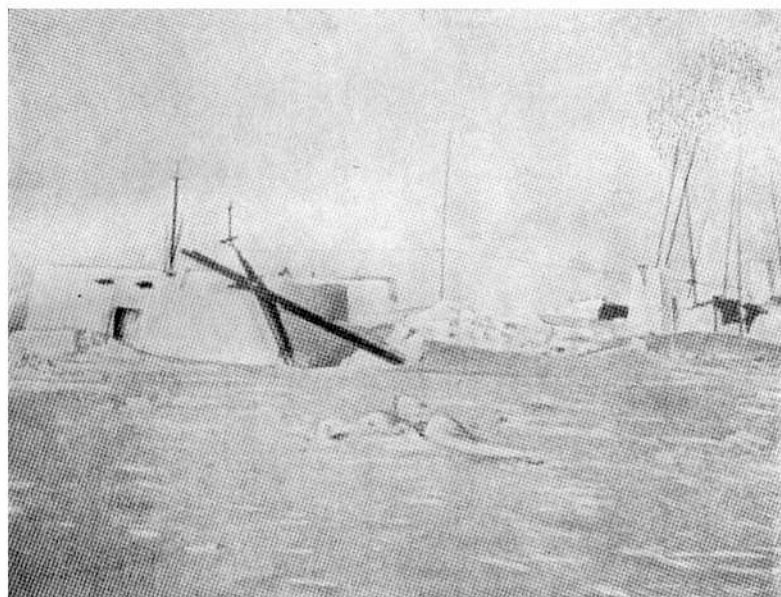
Четверг 4 октября. На борту «Зари», на зимовке. Прекрасная, мягкая, тихая погода. Со вчерашнего дня хожу ежедневно на лыжах; правда, еще мало снега, но дорога становится день ото дня лучше. Лед кругом замерз.

Вчера мы небольшой пирушкой отпраздновали начало зимовки; выпили преподнесенный друзьями ликер, полбутылки коньяку и две бутылки шампанского, после этого был подан превосходный кофе. Команде я велел выдать пиво.

Пятница 5 октября. Вчера между 9 и 12 часами любовались великолепным северным сиянием. Оно привело в восторг всех,

Отъезд Толля в первую зимнюю экскурсию

Научный городок на острове Наблюдений

Нарты, застрявшие в торосах

Торосы у берегов Таймыра

видевших его впервые. Во время своего наибольшего свечения оно простиралось многокрасочной завесой через зенит с запада на восток и светилось настолько ярко, что можно было легко рассмотреть стрелки часов. Небо было при этом необыкновенно звездное. Мороз 12° и полное безветрие.

Когда мы зашли в кают-компанию погреться, в 10 часов 30 мин. вахтенный Железняков сообщил: «Впереди виден огонь». Все поспешно вышли. Не идет ли следом за нами «Ермак», возвращаясь с Северного полюса? Может быть, он передаст нам излишек своего угля? Это было бы великолепно! К нашему разочарованию, это была Венера, которая за полосой тумана пылала над самым горизонтом пурпурным огнем.

Из остяцких собак для упряжки могут быть использованы 10, остальные 30 словно никогда не работали. Приготовления к поездке медленно подвигаются вперед — полозья нарт, которые необходимо покрыть льдом, должны предварительно долго лежать в воде, иначе ледяной слой не будет держаться на дереве.

Суббота 6 октября. На борту «Зари». Зимовка. Собакам очень трудно тянуть по пропитанному солью льду.

Вчера вечером Расторгуев сообщил, что тронтеймовские собаки никуда не годятся, и заявил, что он вообще не умеет обращаться с упряжкой. Он сказал, что Стрижев был бы более подходящим проводником для поездки на Хатангу, и просил уволить его или же дать по крайней мере отпуск! Как вам это нравится — здесь, под $76^{\circ}10'$ с. ш. и 95° в. д., говорить об отпуске?! Вскоре мне стало ясно, что у него не хватало мужества для этого путешествия; одновременно он затосковал по родине. Я ему подробно объяснил свой план пройти за 30 дней, т. е. в 30 переходов, к устью реки Хатанга в Рыбное, куда следовало прибыть к началу ноября. Оттуда добраться на оленях через Ессей к истокам реки Анабары и затем к уже знакомым местам на этой реке. Вернуться предстояло через Олотон-Кель к устью Хатанги и ехать дальше на собаках, которые из Рыбного будут высланы мне навстречу вместе с необходимым для них кормом. Обогнув мыс Челюскин, рассчитываю к маю прибыть на зимнюю стоянку.

Сообщение, что к зиме мы сюда не вернемся, Расторгуева немного успокоило. Хотя это путешествие не казалось ему заманчивым, но он понял, что здесь на «Заре» нельзя рассчитывать на отпуск и что таковой был бы возможен только после прибытия на Ессей. Я отпустил его, пообещав подумать над вопросом об отпуске, и он ушел несколько обнадеженным. Откровенно говоря, считаю его поездку с Есеем в Якутск через Вилуйск вполне возможной. Через два месяца — декабрь и январь — он мог бы вернуться обратно. Принять окончательное решение по этому вопросу можно будет в Есее. Желание Рас-

торгуева увидеть свою семью, хотя бы в течение короткого времени, тоже постараюсь удовлетворить. Для этого я смогу ему поручить отвезти в Якутск мое ходатайство по вопросу устройства угольной станции на Котельном и почту для отправки на родину — отчеты президенту Академии наук и письма родным и друзьям.

Самой трудной частью в этом деле мне представляется путь отсюда до Рыбного. Поездку на Ессей и оттуда на Анабар, думается мне, будет проще обеспечить. Обратное путешествие вдоль восточного побережья Таймырской земли и вокруг мыса Челюскина будет зависеть от того, найду ли я на Хатанге надежного человека, который будет ждать прибытия собак, позаботится о корме для них (т. е. заготовит сушеную оленину, так как сушеной рыбы — юколы там не достать) и доставит собак на сборный пункт в Хатангском заливе. А теперь, не теряя времени, надо дрессировать собак в ожидании снега и более крепкого льда.

Понедельник 8 октября. На борту «Зари». Зимовка. 76°08'03" с. ш. $\pm 6''$; 95°06'5" в. д. от Гринвича. Подготовка продвигается; третьего дня я нагрузил 15 пудов рыбы на нарты с упряжкой в 12 собак и сел с Расторгуевым и Стрижевым на поклажу, а Коломейцев и Колчак, стоя на лыжах, держались сзади за нарту. Таким образом, собакам пришлось тащить груз весом около 30 пудов; они легко бежали быстрой рысью в тех местах, где снег не был пропитан раствором морской соли. Затем я испробовал нансеновские сани, у которых деревянные полозья мы заменили полозьями из нейзильбера. Оказалось, что последние скользят значительно легче. Поэтому полозья сибирских саней, которые Расторгуев решительно предпочитает нансеновским, будут обиты нейзильбером. Вчера Расторгуев заявил, что в поездке безусловно необходим второй проводник. Он предложил взять Носова, который жил в Архангельской губернии среди ненцев, знал их язык и умел обходиться с собаками и оленями. Полагаю, что это было бы правильно.

Матисен занят установкой инструментов в метеорологической будке; мы сможем в ближайшие дни открыть станцию. Я решил производить ежечасные наблюдения. Мое предложение было всеми охотно принято. Зееберг астрономически определил наше местонахождение — мы стоим на несколько километров восточнее гавани Колин-Арчер. Гидрограф, зоолог и доктор вручили мне свои отчеты. Коломейцев еще работает над картой и над отчетом о плавании, а я сижу над общим отчетом по экспедиции и инструкциями по наблюдениям северного сияния.

Температура воды держится довольно постоянно около $-0,9^{\circ}$. При перемешивании вода в ведре светится от присутствия фосфоресцирующих морских животных. Только что вытя-

нута из-под льда ставная сеть, но без результата. Бируля все же будет пользоваться этим методом. Он видел много планктона и особенно медуз. Странно, что рыбы больше не показываются. Совершая последнее плавание, в те дни, когда начинал образовываться лед, мы видели, пробиваясь сюда от Волчьего залива, треску (*Gadus polaris*). Олени уходят — доктор видел вчера на материке много свежих следов, направлявшихся на юг.

Четверг 9 октября. На борту «Зари». Зимняя гавань. Последнее время стоит исключительно хорошая погода — безветренно и небольшие морозы, небо малооблачно. Сегодня совершенно ясное небо при — 10°. Необычайно заманчиво пробежаться на лыжах, но я не могу расхотеть на это время, так как сильно занят подготовкой к поездке. Направил доктора на нарте в Таймырский пролив обследовать окрестность. Коломейцев ежедневно ходит на лыжах, причем дает себя тащить 3—4 собакам. Он выглядит очень хорошо, бодр, весел и проявляет необычайную заботу о поддержании порядка на судне. Сегодня я сообщил Коломейцеву, что оставляю его своим заместителем на время моего отсутствия, а Бирулю назначаю его помощником и руководителем научных работ. Программу по наблюдениям северного сияния я сегодня закончил. Остается написать программу работ по антропологии и этнографии.

Возвратившись «домой», доктор сообщил, что со второй горы острова Таймыр виден пролив, сплошь покрытый льдом, только в самом узком месте имеется полынья, образовавшаяся, вероятно, благодаря сильному течению. Море, насколько видит глаз, сковано льдом, и нигде не видно темного водяного неба. Собаки работали хорошо, но две, как доложил мне Стрижев, повредили себе лапы, и одну из них пришлось взять на нарты, так как она не могла бежать. Твердая ледяная корка под тонким слоем снега, а также выкристаллизовавшаяся на поверхности соль повинны в этом.

Я распорядился сшить собакам для защиты лап сапожки из парусины.

Нелегко мне уйти отсюда. Это, однако, не связано с боязнью сменить теплое и полное комфорта помещение, где обеспечена духовная и телесная пища, на 8—9-месячную кочевую жизнь при довольно тяжелых условиях с ночлегами в палатке. Я должен привыкнуть и, конечно, быстро привыкну к холоду, предвкушая удовольствие от разрешения интересующих меня научных вопросов.

Среда 10 октября. На борту «Зари». Зимняя гавань. Сегодня ночью впервые — 17°, а сейчас, в 11 часов 30 минут вечера, — 3°; юго-юго-западный ветер сопровождается долгожданным снегопадом, который должен улучшить дороги и сберечь собакам лапы. Бедным животным нелегко на льду; сегодня Расторгуеву пришлось вырубить топором из льда примерзший хвост одной из собак. Я велел подложить им на ночь доски.

Подготовка требует много времени, а время проносится быстро, но отчет подвигается медленно. Так много мыслей в голове и переживаний в сердце!

В полночь на юге за облаками было видно на высоте 60° над горизонтом северное сияние в виде широкой беспрестанно переливающейся полосы.

Пятница 12 октября. На борту «Зари». Зимняя гавань. Юго-юго-западный ветер принес вчера потепление с — 17° до — 1,2°. Сегодня ночью выпало много снега, а теперь наступила оттепель и идет дождь. Петербургская погода!

Велел Расторгуеву сделать чум из двух парусов и 16 бамбуковых палок, чтобы выяснить его вес и решить, брать ли его с собой. К сибирским саням приделаны полозья из нейзильбера; приведены в порядок и нансеновские сани. Циркуль для антропометрических измерений кует Огрин, выдающийся умение даже в этом деле. Он знаком с краниометром и кронциркулем; на мой вопрос, производил ли он сам измерения или же его измеряли, он ответил, что выучился этому у своего зятя-доктора, который занимался антропометрией.

Суббота 13 октября, 12 часов ночи. На борту «Зари». Зимняя стоянка. Целую неделю я провел за составлением отчета. Намечено завтра выступить в путь, но погода невероятно мягкая, +1,0° днем и сегодня в полночь — 1,0°; прежде чем она не улучшится, о путешествии нельзя и думать. Доктор с Зеебергом блуждали в течение целого дня в поисках бухты Актиния, которую так и не нашли — карта все еще не совпадает. На обратном пути они наблюдали светящийся снег от выплывшей на поверхность фосфоресцирующей морской воды.

Воскресенье 14 октября. На борту «Зари». Зимняя гавань. После завтрака совершил прогулку на остров Наблюдений, куда я помог Зеебергу снести первый кирпич для постройки станции. Мы вместе выбрали для нее место, также для закладки буровой скважины, предназначенной для геотермических работ. Маленький бур гидрографа в замерзшем грунте работает превосходно, 1,5 м были легко пройдены.

От 4 до 5 часов командой проводилась призовая стрельба на 150 шагов в листок бумаги. Когда наступили сумерки, стрелять стало труднее, особенно в связи с тем, что стреляли из довольно тяжелых берданок. Железняков попал в цель и получил первый приз — чарку из перламутра. Лучше других стреляли Пузырев и боцман Бегичев; первый пожелал получить фунт шоколада, последний получил полфунта табаку и гильзы с машинкой.

Снег стаял в большей части тундры, и наступил легкий бесснежный морозец. Об отъезде в эти невозможные «собачьи дни» нельзя и думать, так как без санного пути в «Таймырии» невозможно путешествовать, а колесный транспорт здесь не в моде.

*Четверг 15 октября*². На борту «Зари». Зимняя стоянка. Рапорт президенту Академии готов. В нем я представил сначала отчет о плавании «Зари», затем вывел некоторые итоги: показал зависимость ледовой обстановки от ветров и приложил схематический географический набросок Таймырской земли, составленный на основе наших открытий и работ. Затем перешел к предстоящим зимним работам и развил план санного путешествия. В заключение написал о нуждах экспедиции и о необходимости устройства угольной станции на Котельном.

Сегодня упали на пол уложенные поставщиком между канадскими лыжами карточки с рекламами. Одну из них я поднял и прочел на обороте написанные карандашом детской рукой слова на французском языке: «Счастливого пути и благополучного возвращения!» Кто бы ни написал, это было мило с его стороны. Привет, написанный неведомой детской рукой, доставил мне много радости.

В течение нескольких дней стоят холода (до — 17°), выпало немного снега. Было поразительно мало ветров и ни одной метели. Если такая погода удержится в продолжение трех недель, то будет превосходно!

Жаль, что в интересах магнитных наблюдений мы не стоим ближе к материку. Чтобы выйти из положения, построим, по совету Бирули, еще одну хижину рядом с магнитной и установим там суточные дежурства; одновременно будем проводить ежечасные метеорологические наблюдения, начатые 14-го числа.

*Понедельник 20 октября*³. «Заря». Зимняя гавань. Я просил Коломейцева зайти ко мне, чтобы еще раз детально обсудить с ним угольный вопрос. Начнем с подсчета расхода угля в течение истекшего лета и подсчитаем расход угля на будущий год...

Сегодня неожиданно околела одна из лучших собак, без каких-либо признаков болезни: это был устьянский передовой Джентльмен. Этот случай говорит о том, что в первый год не следует рисковать хорошими собаками.

Придется отставить мою поездку на Хатангу! Предпринять эту поездку казалось мне необходимым с двух точек зрения: 1) надо отправить письмо президенту Академии наук, чтобы возбудить вопрос об угольной базе на Котельном, и 2) надо использовать возможность объехать восточную часть Таймырского полуострова на всем его протяжении. В то же время мне представляется рискованным покинуть «Зарю», нет уверенности в том, что здесь все будет протекать благополучно, и неизвестно, как сложится в мое отсутствие работа на зимовке. Разрешение угольного вопроса в этом году еще терпит, так как угольная база на Котельном вряд ли может быть устроена ранее 1902 г., а ответ по этому вопросу может прийти на Таймыр примерно в апреле. Меня все больше беспокоит мысль, что мое присутствие абсолютно необходимо здесь не только как

начальника, но и как посредника между двумя различно построенными элементами в составе нашей экспедиции. Стало быть, я должен остаться и многое должно быть реорганизовано! С мыслью о том, что надо отказаться от исследования восточной части Таймырского полуострова, мне нелегко примириться. Также тяжело сознавать, что не смогу послать своим близким письма, ранее будущего лета вряд ли дойдет почта, а к нам ждать почту совершенно безнадежно!

Для обстоятельного исследования хотя бы северной части Таймырского полуострова хочу в ближайшие дни воспользоваться нашим «выездом» — собачьей упряжкой — и поехать на северо-восток, чтобы заложить склад в фиорде Гафнера. Весной мы сможем начать оттуда как от исходного пункта изыскания в центральной части полуострова, а затем пересечем полуостров до залива Фаддея.

Но вот начинаются ожидавшиеся мной бури, барометр продолжает падать. Не запоздали ли мы с выездом?

ПЕРВАЯ САННАЯ ПОЕЗДКА ДЛЯ УСТРОЙСТВА СКЛАДА В ФИОРДЕ ГАФНЕРА

С 23 октября 1900 г. до 31 октября 1900 г. Сообразно с планом работ экспедиции в первый, 1900/01 г. должен быть исследован Таймырский полуостров, очертания которого известны только приближенно, а также его совершенно неизученная центральная часть. Делаю здесь предпосылку, что огромная Таймырская область, которая занимает пространство в 35° по долготе и около 5° по широте, распадается на западный и восточный Таймырский полуостров. Восточная часть полуострова распадается в свою очередь на западную и восточную области. Имея в виду неудобство такого разделения, предлагаю следующее районирование этой области, которым и буду сам пользоваться в дальнейшем. Районирование сделано мной сообразно с географическими границами, и обозначения отдельных частей соответствуют истории исследования этой области. Тундру между Енисеем и Пясиной я хотел бы назвать по имени лейтенанта Минина. Область между реками Пясиной и Таймой хотел бы назвать землей Миддендорфа — по имени первого и единственного до настоящего времени исследователя центральной части Таймырской области Александра Миддендорфа. С таким же правом, полагаю, можно назвать наиболее выдающийся к северу полуостров, северный мыс которого носит теперь имя офицера, обогнувшего впервые северную оконечность Азии, — полуостровом Челюскина. Наконец, восточный полуостров должен носить имя лейтенанта Лаптева. Память последнего из трех выдающихся участников Великой Северной экспедиции — лейтенанта Прончищева — была бы почтена тем, что побережье, у которого он и его героиня жена нашли смерть в 1736 г., должно быть названо Зем-

лей Прончищева, включая тундру между Хатангой и устьем Оленека. С противоположной стороны эта тундра примыкает к горам Чекановского — складчатым горам, резко отличающимся от плато Земли Прончищева⁴. Составляя набросок плана маршрутов, я наметил удобным исходным пунктом для исследования полуостровов Лаптева и Челюскина зимнюю базу на восточном побережье первого из названных полуостровов, приблизительно под 75,5° с. ш. Во время первой поездки, обогнув по льду мыс Челюскина, я надеюсь при благоприятных условиях пробраться к этой базе. Именно там находится, как видно из дневников Лаптева, изданных Соколовым, довольно глубокий и далеко врезающийся в сушу фиорд, который может служить хорошей зимней гаванью. Оттуда было бы нетрудно связаться с жителями севера — ненцами, кочующими вплоть до устья Хатангской губы, чтобы отправить с ними почту через Хатангу к Енисею в Дудинку и дальше в Европу. С помощью этих оленеводов можно совершить объезд части исследуемой области. Здесь, под 76°08' с. ш. и 95°06' в. д. от Гринвича, на рубеже Земли Миддендорфа, намечается исходный пункт для исследовательских экскурсий.

Но поскольку не удастся установить связь с ненцами в этом году, то откладывается до будущего года отправка в Европу известий об экспедиции. Если даже направить в такое позднее время года санную экспедицию на Хатангу, то она не сможет вернуться на «Зарю» до наступления полярной ночи; ей пришлось бы перезимовать у границы леса, вдали от нашей зимовки. Осуществить такую поездку могу только я один, как единственный человек, имеющий опыт езды на собаках в высоких широтах. Однако, учитывая, что неотложной причины посылать о себе сведения в этом году нет, а покидать экспедицию в первую зимовку ее работ крайне нежелательно, я окончательно решил отказаться от отправки и получения почты в текущем году. Теперь надо разработать маршруты санных экскурсий на ближайшие месяцы, которые нам предстоит выполнить без помощи ненцев и их оленьего транспорта. Ведь речь идет о совершенно необитаемой стране, площадью, равной Франции и Испании вместе взятым. Северная граница, до которой проникают летом обитатели Таймырской области со своими стадами оленей, определяется линией, проведенной от Гольчихи в нижнем течении Енисея на восток через Пяси́ну к месту впадения в нее Пиры, затем дальше через Таймырское озеро под 74° и оттуда к Хатангской губе ниже устья Балахны. На зиму кочевники возвращаются обратно к границе лесов — к Хатанге, к истокам Пясины и к Дудинке на Енисее.

Трудно представить, но это факт, что север сибирского материка, крайняя оконечность которого достигает 77,5° с. ш., почти необитаем людьми, несмотря на относительно богатый в течение лета животный мир. В теплое время года охота мо-

жет вполне прокормить кочующие охотничьи племена ненцев и тунгусов, во всяком случае не хуже, чем кочевников Земли Прончищева и дельты Лены. Интересно сопоставить, что в арктических областях Америки эскимосы проникают на север почти до 80°. Как мы сами удостоверились, стада оленей населяют летом не только материк, но почти все острова к северу от сибирского побережья и остаются там до поздней осени. Тюлени находятся во множестве в фиордах Земли Миддендорфа, где они питаются прибрежными морскими тараканами и водяными осликами. Белые медведи следуют за тюленями. Тундра обильно населена разнообразными птицами. И в рыбе нет недостатка в устьях Пясины и Таймыры. Это подтверждается двумя свидетелями: якутом Фомой, преследшим несколько лет в середине прошлого столетия у устья Таймыры, где он кормился охотой и рыбной ловлей, и единственным поселенцем в устье Пясины, русским промышленником, от которого мы получили все эти сведения. Миддендорф, обратившийся в 1843 г. к старшине местных ненцев с вопросом, почему его племя не кочует дальше на север до моря, получил ответ, что ненцы пытались это делать раньше, но там водились большие стада белых медведей, которые все равно вытеснили бы людей.

Помимо этого детского страха ненцев перед белыми медведями, Миддендорф приводит еще другую причину — недостаток хороших пастбищ для оленьих стад севернее обозначенной мной пограничной линии. Значение этой причины я хотел бы, согласно своим личным наблюдениям, несколько уточнить. Дело в том, что характер таймырской тундры невыгодно отличается от тундры районов Лены, Яны и Новосибирских островов в смысле распространения горных пород, типичных для этих мест. Выходы гранитов и гнейсов образуют здесь почти непроходимые пустынные пространства, которые представляют груды обломков, образовавшихся в результате выветривания пород. Эти скалистые пустыни, усеянные обломками гранита и гнейса, не только не обеспечивают оленям достаточного корма, но и затрудняют продвижение по тундре. Все же местами встречаются широкие плоские долины и низменности с пастбищами, которые могут служить в то же время тропами по тундре. На мой взгляд, имеется еще третья причина, в силу которой кочевники не могут задерживаться более продолжительное время на севере Таймырской земли, особенно в холодные месяцы, — это недостаток плавника.

Плавник, нагроможденный в больших количествах на берегах многих северных полярных островов, а также и на побережье материка, происходит в большинстве случаев из внутренних областей Сибири. Мощные потоки, подмывающие в период ледохода и паводка лесистые берега рек, особенно в их среднем и нижнем течении, выносят в море отдельные деревья, упавшие в воду. Подмываются также целые лесные

участки площадью во много квадратных сажен. Эта картина стоит у меня перед глазами со времени поездки по Яне, когда летом 1885 г. после ледохода неслись вниз по течению маленькие лесистые островки с вертикально стоящими деревьями. То же самое наблюдается на всех протоках и притоках больших рек. В горных районах часто собирается такое множество древесных стволов, что путешественник прокладывает себе путь через эти естественные преграды только при помощи топора. Во время передвижения на тысячи верст по излучинам рек и вдоль скалистых берегов оторванное от своей родной земли дерево теряет свой убор и достигает устья реки и Полярного моря уже без сучьев и ветвей, без коры и кроны. Но и здесь странник не находит покоя. Поток, достигший моря, выносит свою добычу на большое расстояние в открытый океан, а там течение подхватывает гладко окатанный плавник и несет его дальше, пока волны не выбросят его на морской берег, как игральный мяч.

Таким образом, у устьев больших рек или на обращенном навстречу ветрам и течениям морском побережье в огромных количествах нагромождается плавучий лес, как, например, у устья Лены, у противоположащих Новосибирских островов, у Енисейского залива, у острова Кузькина (в гавани Диксона) и т. д. В противоположность этому бедны плавником те морские берега, где впадают реки, текущие по безлесным районам или по тундре, а также побережья, лишенные вовсе рек. Особенно мало плавучего леса собирается в тех местах, где берега не омываются течениями. То же самое относится к берегам, где редко вскрывается прибрежный припай, т. е. если эти берега отрезаны от непосредственного сообщения с открытым морем.

Все это вместе взятое наблюдается у западного побережья Таймыра. Здесь на всем протяжении от Енисея до полуострова Челюскина впадают в море только две тундровые реки: Пяси́на и Таймыра. В этом месте полуостров Челюскина образует оплот, задерживающий плавник с Лены. Поскольку этот плавник не сносится течением мимо полуострова Челюскина к Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, Шпицбергену и даже Гренландии, то ему прегражден путь к Земле Миддендорфа. К тому же здесь в шхерах льды задерживаются среди беспорядочно разбросанных островов нередко в течение всего лета. Только в исключительно благоприятные годы, при постоянных северных ветрах, берега полуострова Челюскина в незначительной степени обеспечиваются плавником с Лены, а при западных ветрах — с Енисея. Как мне кажется, отсутствие плавника удерживает кочевников от охотничьего промысла в северной части Таймыра. К тому же здешние кочевники не являются уроженцами севера и потому не обладают унаследованной чукчами и эскимосами способностью пользоваться туленьей и моржовой ворванью в качестве топлива. Нельзя забывать, что

ненцы, якуты и долганы переселились на север из средней Азии и лесов Алтая, а родственные маньчжурам эвенки обитали ранее в лесах Восточной Азии и что поэтому все они нуждаются в древесном топливе для своего существования.

Путешественники и исследователи данной области приравниваются более или менее к способу передвижения кочевников и к их укладу жизни. Особенно это касается одежды, верховых и ездовых животных, устройства временного жилища и использования топливного материала. Естественно, что в те области, где нет туземного населения, путешественники несли с собой свойственные своей национальности привычки и обычаи. Показательный пример приспособляемости к жизненным привычкам самого северного из арктических народов мы видели у Нансена: он сумел наладить свою жизнь по эскимосскому образцу, благодаря чему смог вынести условия их существования. Более давний пример приспособляемости мы видим у русских участников сибирских экспедиций, начиная с Великой Северной прошлого столетия. Здесь, в арктической Сибири, установился особый тип передвижения — езда на собачьих нартах. Нигде не было совершено на собачьих нартах путешествий столь большой протяженности, как в береговой полосе Сибирского полярного моря в XVIII и XIX столетиях. В прошлом столетии это были офицеры Великой Северной экспедиции, в этом — Геденштрот, Анжу, Врангель и участники экспедиции Академии наук 80-х и 90-х годов, предпринимавшие поездки на собачьих нартах. Этот факт связан с тем, что на сегодняшний день нигде так не развита езда на собаках и собаки настолько хорошо не дрессированы и не объезжены, как в арктической Сибири, особенно в ее восточной части, начиная от Лены до Колымы. Прежде, еще во времена Миддендорфа, следовательно 60 лет назад, собака была на Хатанге, особенно на Енисее, лучшим упряжным животным. В 1843 г. Миддендорф покрыл на собаках расстояние от Дудинки до Туруханска. Фр. Шмидт в 1866 г. пользовался на этом пути собаками, затем оленями, а вблизи Туруханска уже лошадьми. В 1893 г. я нашел на Хатанге и на Енисее (от Дудинки до Туруханска) одну-единственную собачью упряжку. Здесь олень полностью заменил собаку, а собака незаменима только там, где олень не находит себе корма. Олень является самым невзыскательным ездовым животным, которое в отношении добычи пищи представлено самому себе — он вырывает мох из-под снега, между тем как заготовленную для собак пищу надо возить с собой на нартах. Собак кормят рыбой, и отсюда понятно, почему в устьевых участках больших, богатых рыбой сибирских рек население постоянно пользуется ездовыми собаками. С другой стороны, олень, где только возможно, предпочитается собаке, чтобы улов рыбы оставался нераздельно за человеком. Вытеснение собаки с Енисея объясняется развитием рыбной торговли

в низовьях этой реки, быть может, и эпизоотией среди собак и, наконец, разведением больших оленьих стад.

Уже во времена Врангеля собаки из Усть-Янска считались лучшими в Восточной Сибири. В 1885—1886 и 1893 гг. я имел случай ознакомиться с отличными свойствами этих собак во время своих поездок на Новосибирские острова. Поэтому, снаряжая настоящую экспедицию, я решил обеспечить себя несколькими хорошими собаками из той местности, и благодаря счастливому стечению обстоятельств мне представилась возможность взять на борт в Александровске-на-Мурмане 20 усть-янских собак. Как упоминалось выше, все они были в отличном состоянии, несмотря на сделанное ими далекое путешествие. Находясь у нас на борту «Зари», собаки также хорошо перенесли неприятное для них морское плавание, хотя жили крайне скученно и почти не были защищены от захлестывания волной. Теперь предстояло предпринять первое путешествие для основания склада в фиорде Гафнера, откуда я хотел ближайшей весной пересечь на собачьих нартах полуостров Челюскина. В мой план входило исследовать неизвестное побережье этого полуострова и в первую очередь совершенно необследованный залив Фаддея, отделяющий его от полуострова Лаптева.

Прежде чем дать описание этой девятидневной санной поездки, мне хотелось бы занести в дневник описание нашего снаряжения и обрисовать особенности характера каждой собаки. Вопрос идет о снаряжении, необходимом для кратковременной двухнедельной поездки в период наступления полярной ночи при крепких морозах и сильнейших метелях.

Предстояло перевезти на двух нартах с 12 собаками в каждой упряжке и в сопровождении двух человек при каждой нарте возможно меньше багажа и как можно больше провианта для нашего первого продовольственного склада. Моими спутниками были Колчак, проводивший астрономические определения и маршрутную съемку, затем мой старый проводник по 1893 году Расторгуев и уроженец севера кочегар Носов, сын оленевода с Печоры.

Наше снаряжение состояло из следующего:

	Вес в кг
1. Маленький универсальный инструмент ⁵ Гильдебрандта, вместе со штативом и упаковкой	8,6
2. Два карманных хронометра-четыредесятника в термическом ящике	6,0

Хронометрический ящик, которым я пользовался в 1893 г. во время экспедиции с лейтенантом Шилейко на Новосибирские острова, был сделан из дерева с суконной прокладкой. Наши четыре карманных хронометра помещались в нем один над другим между маленькими подушечками. Для сохранения температуры выше 0° в каждом углу ящика было укреплено

по термосу для горячей воды: еще два термоса, широкий и узкий, помещались под внутренним дном ящика. Перед каждым выступлением в маршрут все термосы наполнялись зимой кипящей водой. Этих мер, однако, было недостаточно. В 1893 г. ящик был снабжен еще четырьмя чехлами: первый из толстого войлока, второй из волчьего меха, третий и четвертый из оленьего меха. В этой укупорке температура хронометров при морозах, когда замерзала ртуть, сохранялась выше $+5^{\circ}$, даже в тех случаях, когда горячая вода менялась лишь два раза в сутки, а иногда с интервалами в 16—18 часов. Такого же рода чехол сшил теперь гидрограф из толстого бергенского войлока, заячьего меха и оленьего меха. Далее в снаряжение входили:

3. Гипсотермометр ⁶	2,4
4. Анероид Боне 5. Карманный анероид Ньютона 6. Ручной анемометр 7. Два пелькомпаса 8. Горный компас. Перечисленные приборы весили вместе	3,0
9. Два минимальных термометра и один ртутный термометр 10. Два геологических молотка 11. Два геологических зубила 12. Анилиновые краски с кисточкой	2,0
13. Деревянный ящик с внутренними проволочными стенками для установки минимальных термометров	2,2
14. Две катушки шнура для лота и один 8-фунтовый лот	1,2
15. Сменная одежда	7,3
16. Фотоаппарат—камера 13×18 см, заряженная 12 пластинками	0,3
17. Фотографический фонарь, ручной фонарь, фонарь «Молния» 18. Дневники, чернила, карандаши, пробирки со спиртом для коллекций и т. д.	10,9
19. Банка спирта для кухни	1,4
20. Две кирки для льда	5,3
21. Ледовые шпоры, альпийские гвозди и очки-консервы	3,0
22. Патроны и принадлежности для ружей	2,0
23. Двустольное ружье — левый ствол гладкий 20 калибра, первый ствол экспресс 8 мм (мое любимое ружье)	0,9
24. Винчестер гидрографа	16,6
25. Две берданки	3,2
26. Геологическая сумка и рюкзаки	4,2
27. Бинокль Цейсса, подзорная труба в алюминиевой оправе 28. Запас проволоки, гвоздей, несколько буравчиков и т. д.	9,0
29. Два топора	3,8
30. Аппарат для варки пищи (по заказу Нансена) и примус 31. Деревянный ящик для него	2,7
32. Бачок для керосина	2,5
33. Керосин	4,0
34. Свечи	4,4
35. Ящик с крышкой — наш буфет, содержащий несколько железных тарелок и чашек, медный чайник и т. д.	6,0
36. Четыре спальных мешка из оленьей шкуры по 3,9 кг	2,5
37. Два шерстяных одеяла 38. Четыре подстилки из оленьей шкуры по 1,8 кг	4,0
39. Четыре пары лапландских башмаков	7,2
40. Четыре ненецкие двойные оленьи шубы: верхняя с капюшоном—совик, мехом наружу, внутренняя без капюшона — ма-лица, мехом внутрь	0,5
41. Восемь пар пим, т. е. ненецких, меховых чулок	30,8
42. По четыре пары рукавиц и варежек	10,8

43. Четыре пары запасных рукавиц из оленьего меха и такие же чулки	4,0
44. Остальная одежда для четырех человек (ниже подробно перечислена)	46,0
45. Одна парусиновая палатка по эвенскому образцу с брезентом и 12 бамбуковыми палками	32,0
46. Четыре пары норвежских лыж	11,5
47. Четыре пары канадских лыж	10,0
Провиант:	
48. Ящик с 48 банками консервных щей	52,5
49. Ящик с 40 банками чечевичного супа с салом	42,5
50. Мешок с 64 банками горохового пюре и 16 банками щей	32,5
51. 20 банок паштета из печени	6,0
52. 10 банок сыра из дичи и 4 банки пудинга „Вега“	7,5
53. Мешок с 20 банками пеммикана, 4 банками масла и 15 банками чечевичного супа	28,5
54. Ящик с 1,6 кг сушеных овощей, 2,5 кг сушеного картофеля, 5,0 кг сушеной кислой капусты, 1,6 кг стеариновых свечей, 11,4 кг шоколада и 4½ бутылки клюквенного экстракта	
55. Ящик, содержащий 6,8 кг шоколада, 4 коробки с 12 таблетками бульона, 2,4 кг плиточного чая, 4,0 кг какао, 20 пакетов спичек, сушеный компот и горчицу	22,0
56. Жестяная коробка с морскими сухарями	17,5
Мешок с такими же сухарями	12,0
57. Сахар	12,0
58. Соль	4,0
59. Шпиг малороссийский, запаянный в жестяной коробке	10,0
60. Шпиг в мешке	4,8
61. Сушеная рыба	288,0

Все, распределенное на двух нартах, весило 864,0

Из этого продовольствия я оставил на складе в фиорде Гафнера:

1) Сушеной рыбы (корм для собак) — 96,0 кг; 2) 1 ящик с 48 банками консервированных щей — 52,5 кг; 3) 1 ящик с 46 банками чечевичного супа с салом — 42,5 кг; 4) Мешок, содержащий 50 банок горохового пюре, 18 банок паштета, 8 банок сыра из дичи — 4,8 кг; 5) Жестяную коробку с морскими сухарями — 17,5 кг; 6) Шпиг малороссийский, запаянный в жестяной коробке — 10,0 кг; 7) 2 банки масла; 8) 4 банки пудинга „Вега“ — 1,2 кг; 9) 15 банок пеммикану; 10) Плиточный чай — 1,75 кг; 11) Шоколад — 16,0 кг; 12) 2 банки какао — 3,0 кг; 13) Сахару около 6,0 кг; 14) Соли около 4,0 кг; 15) Различных сушеных овощей — 9,0 кг; 16) Сушеного компота — 0,75 кг; 17) Горчицы русской — 0,4 кг; 18) Табаку — 0,4 кг; 19) 4 запаянных пакета спичек около 0,4 кг.

Всего . . . 286,6 к

Рацион этого склада представляется ориентировочно в следующем виде:

1. Корм собакам (0,4 кг для собаки в день) — для 12 собак . . 20 дней
2. Консервированные щи (½ банки на человека на обед) для 4 человек 12 „
3. Консервированный чечевичный суп (но 1½ банки на обед для 4 человек) 8 „

4. Гороховые консервы (по 1½ банки на человека на обед) —	8	дней
для 4 человек		
5. Печеночный паштет (по 1 банке на человека на обед) —		
для 4 человек	4½	„
6. Сыр из дичи (¼ банки на человека на обед) для 4 человек	8	„
7. Морские сухари (100 г на человека в день) для 4 человек	44	дня
8. Шпиг (100 г на человека в день) для 4 человек	24	„
9. Шоколад (100 г на человека в день) для 4 человек	40	дней
10. Пеммикан (¼ банки на обед на человека) для 4 человек	7½	„

Что касается отдельных предметов снаряжения, то хочу объяснить, почему я предпочел палатку эвенского образца, называемую чумом, которую велел изготовить на борту «Зари» для нашей санной поездки.

Английская палатка, которой я пользовался в 1893 г. и теперь снова заказал в Петербурге, снабжена, по моему предложению, наверху отверстием — оно может быть в любое время закрыто наложенным сверху капюшоном. Благодаря этому можно развести огонь в палатке или вывести через отверстие печную трубу, что важно в тех случаях, когда удастся найти плавник. В такой палатке размером 2×2 м могли удобно растянуться четыре человека во время ночлега, и посередине оставалось еще место для очага. Более легкой и маленькой датской палаткой я пользовался в 1893 г. в летнее время или же при путешествиях вдвоем. Сопровождавшие меня эвенки — проводники и владельцы оленей располагались тогда в своем чуме, которым я сам часто пользовался. Остов чума состоит из деревянных жердей. Для чума диаметром в 4 м нужно иметь 16 таких шестов; как мне приходилось наблюдать, сборка его поручается обычно женщинам, а повелитель наблюдает за их работой, спокойно покуривая трубку. Сначала на одном конце связывают четыре шеста, затем раздвигают их как основную опору конического остова. К этой прочно скрепленной вершине прислоняются концы остальных жердей. Вместо брезента остов накрывается выделанной оленьей шкурой из трех кусков: большого, окружающего нижнюю часть конуса, меньшего для верхней части и третьего, закрывающего вход в чум. Эти три шкуры имеют большое значение в пути: при укладке багажа на нарты они выполняют роль брезента, в них заворачивают отдельные предметы и затем все вместе заботливо увязывают на нарте, в противном случае багаж мог бы растеряться, а во время пурги его занесло бы снегом. Приставший снег создает при таянии не только сырость в палатке, но и увеличивает вес нарты. В этом отношении брезентовые покрышки незаменимы при езде на собачьих нартах, но если их брать в дополнение к палатке, это увеличит вес груза. Исходя из этих соображений, я решил приготовить один чум из парусины. Мы, четверо мужчин, сможем вытянуться в нем в длину и в то же время в центре останется маленькое пространство для кухонного очага. Встать во весь рост в чуме невозможно,

так как единственное место, где это выполнимо, занято кухонным очагом. Но чум имеет то преимущество, что весит только на 3 кг больше английской палатки и этот избыточный вес не превышает веса даже самого маленького брезента. Кроме того, чум может быть поставлен на любой, даже самой твердой почве, в то время как английская или датская палатки могут противостоять ветру только если колья крепко забиты в землю, что нелегко сделать на замерзшей почве или на покрытом снегом льду.

Что касается устройства спальных мешков, то во время своих прежних путешествий я пользовался обычаем эвенов. Эвен спит не в мешке, а пользуется в качестве подстилки оленьей шкурой и укрывается одеялом из песцового меха, сшитым до уровня колен в виде мешка. Верхняя часть одеяла настолько широка, что под ним могут спать два человека. Замечательно теплый мех эвенских одеял состоит из разрезанных вдоль и сшитых вместе песцовых хвостов.

По совету Бунге, я заказал себе спальный мешок из волчьего меха, которым пользовался в 1886 и 1893 гг. Мои ноги находились до колен в мешке, а в верхнюю, широкую часть мешка я заворачивался так, чтобы своим весом крепко прижимать его края, и натягивал при этом мех себе на уши. Голова оставалась открытой. Пар при дыхании, не так как у безбородых эвенов, задерживался у меня на бороде и оседал на подушке в виде льда. При перемене положения лед таял и холодная вода, медленно капая, охлаждала тело. Под этим одеялом я полностью раздевался и на ночь менял белье на более просторное.

Огонь плавниковых дров, пылавший посреди палатки, обогревал помещение в такой мере, что раздевание и одевание доставляло большое удовольствие. Только за исключением периода самых крепких морозов или дней сильной усталости, сидя перед огнем на корточках, я позволял себе роскошь утреннего умывания.

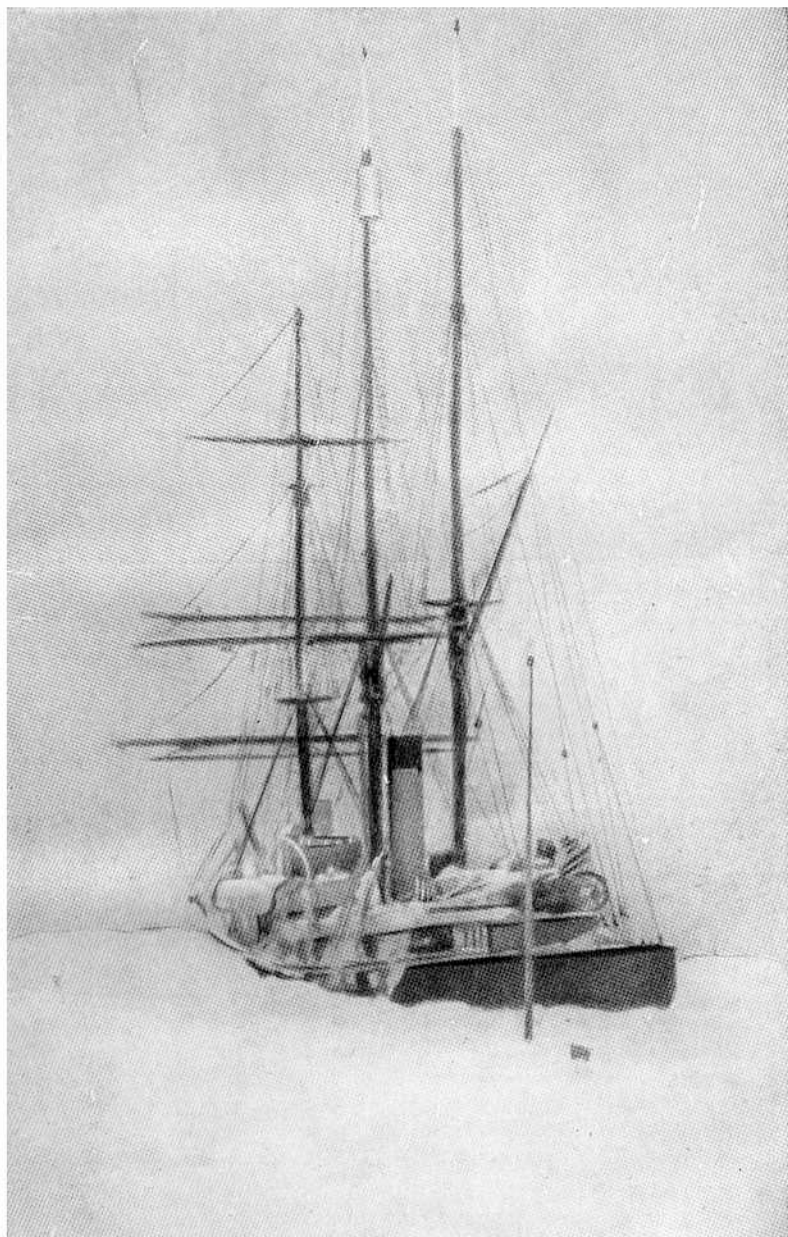
Таким образом, бодрствование и сон складывались довольно приятно в прекрасных местах Новой Сибири, где пылающий огонь плавника освещал и согревал нам жизнь. Но теперь я находился у побережья, где плавника встречается слишком мало, чтобы на него рассчитывать. Приступая к организации этой экспедиции, я должен был, кроме того, предусмотреть возможность гибели яхты «Заря» и подготовиться к возвращению персонала экспедиции через огромные пространства Ледовитого океана на материк. Я считал самым целесообразным изготовить спальные мешки из песцового или волчьего меха, но его нельзя было достать в количестве, необходимом для всех 20 участников экспедиции. Поэтому я обратился к фирме, ранее снабжавшей многочисленные полярные экспедиции, с заказом сшить 20 спальных мешков из оленьего меха.

Однако, к моему удивлению, эти спальные мешки по своей конструкции оказались совершенно негодными для употребления в наших условиях. Во-первых, мешок был настолько узок, что человек столь скромного объема, как я, едва мог повернуться в нем, не говоря уже о том, чтобы согнуть колени; во-вторых, колбасовидный мешок был снабжен прорезом, который неизвестно почему находился почти посередине, как раз над животом. Но самым трудным было попасть в этот мешок.

Путешественник, предварительно достигнув ловкости акробата-эквилибриста, должен был складываться в виде перочинного ножа и в таком состоянии проникнуть в мешок, где вновь распрямиться. В конечном счете голова и ноги были, правда, укрыты, но средняя часть туловища оставалась под разрезом. Я велел зашить эту прорешку, а у головного конца отпороть часть меха в виде капора и к его верхнему краю пришить мех молодого оленя (пыжика). Это крепко пришитое меховое одеяло можно было по желанию натянуть на плечи до самой шеи и ушей, в то время как капор, в котором лежала подушка, мог оставаться открытым или же по желанию его можно было натянуть вплотную до самого мешка, не оставляя отверстия.

В комплект зимней одежды, необходимой для санных поездок, входили следующие предметы: шерстяное трикотажное белье, рубашка и штаны, две пары шерстяных носков, фланелевая рубашка, вязаная шерстяная матросская рубашка и жилет из оленьей кожи (без рукавов), сверху надевался спортивный костюм; лапландские башмаки укреплялись обмотками. Поверх лыжного шлема из ангорской шерсти надевалась войлочная шляпа, а при сильном ветре и морозе — меховая шапка. Во время своих прежних путешествий я привык к эвенскому покрою меховой шапки в виде капора. Обитатели Янской и Ленской областей шьют такие шапки из песцовых лапок, изнутри подшивают лисий мех, а спереди отделявают песцом. Сильно выступающий край этой оторочки защищает лицо от бокового ветра и служит для согревания носа, если его глубоко засунуть в мех.

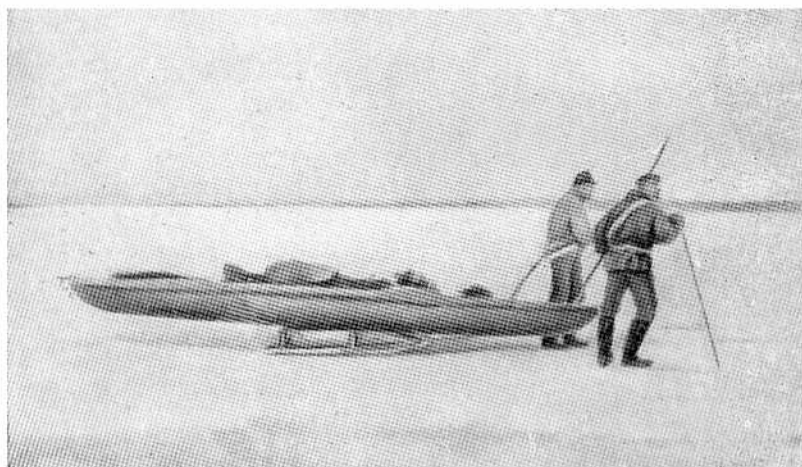
Восточносибирскую меховую одежду и эвенские шапки нельзя было получить из Восточной Сибири для столь большой экспедиции. Выполнение заказа требовало не менее одного года и было связано с большими издержками. Пришлось все заказать в Архангельске. Одежда европейских ненцев приноровлена к условиям езды на оленьих нартах, когда путешественник в течение многих дней едет в качестве неподвижного пассажира, или, вернее, наподобие груза. Поэтому я избрал комбинацию европейской спортивной одежды и ненецкого мехового одеяния, так как первая не стесняет движений, когда приходится быстро идти или бежать рядом с упряжкой, но при езде на нартах необходимы совик и меховые пимы. Так, на обратном пути из фиорда Гафнера, когда сани были

„Заря“ на первой зимней стоянке

Астрономический пункт на острове Наблюдений

Бируля и Вальтер отправляются в летнюю экскурсию

легко нагружены и собаки везли хорошей рысью, мы смогли сесть на нарты, надев совик и пимы. А во время длительной ходьбы рядом с нартами по пути к фиорду Гафнера лапландские башмаки оказались превосходными в отношении тепла и легкости. Пимы слишком тяжелы для ходьбы и по сравнению с восточносибирскими торбасами имеют тот недостаток, что состоят из целого куска меха, торбасы же состоят из двух частей, которые можно надевать отдельно — нижнюю часть до колена и верхнюю надколенную часть. Хотя лапландские башмаки легче торбасов, но обкручивание голеней обмотками занимает лишнее время.

Для экспедиции мною было закуплено 13 саней, изготовленных по модели Нансена. У сибирских саней полозья делаются из березы и покрываются для прочности тонким слоем льда, который нужно в пути ежедневно возобновлять. Для этого, прибыв на ночлег, сани перевертывают и полозья протирают пропитанным водою сукном. Образовавшийся при этом тонкий слой льда только тогда крепко удерживается на полозьях, если сани пролежали предварительно в течение нескольких недель в воде и пропитавшая дерево вода превратилась на морозе в лед. Плотные породы дерева, которые мало впитывают воды, не годятся, и поэтому опыт Нансена с полозьями из ясеня был неудачен. Везти нарты с непокрытыми льдом полозьями по неровному шершавому льду или мягкому снегу собакам тяжело, и тогда приходится убавлять груз. В эту поездку нансеновские сани прекрасно себя оправдали, тем более что я пользовался полозьями из нейзильбера, а не деревянными. При полной нагрузке сани были прочны, только у одних саней при ударе о торос сломались копылья. Даже чрезвычайно консервативный Расторгуев не мог воздержаться от похвалы этим саням. Для усовершенствования нансеновских саней можно еще устроить козлы или дугу по сибирскому образцу. При незначительном весе дуга служит удобной точкой опоры, пользуясь которой можно сдвинуть сани в сторону, подтолкнуть или протащить. Это, конечно, имеет значение, если ехать с упряжкой в 12 собак по восточносибирскому образцу, а не тащить сани самому.

Собачья упряжь устроена следующим образом: 12 собак впрягаются попарно на длинном поводу из кожи морского зайца, которая считается самым прочным материалом для этой цели и называется «потяг». Железный вертлюг *a* служит для обоих алыков, т. е. для собачьей сбруи *b*, и надевается посредством петли *в* на потяг. Алык, сшитый из крепкой кожи, протянут поперек груди собаки, покрывает ее спину наподобие конской сбруи и завязывается ремнем вокруг живота, благодаря этому собака тянет всей своей силой, напирая туловищем на ремень, между тем как при остяцкой упряжке

собака тянет только задней частью своего туловища, ибо постромка протянута у нее через крестец вокруг таза.

Упряжка цугом, на мой взгляд, более соответствует цели, чем остяцкий способ запряжки собак веером в один ряд. Цуг проходит по самой узкой дороге, между торосами, не заставляя собак тесниться. Разумеется, немало ловкости и усилий требуется от каюра (собачьего возничего), чтобы держать в

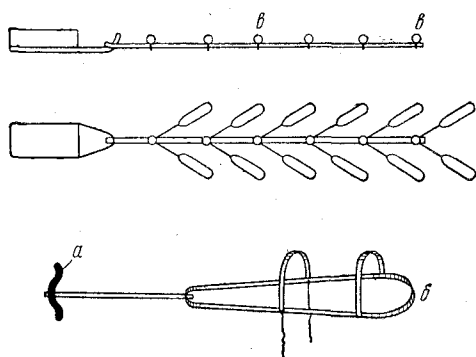

Схема собачьей упряжки

порядке такую запряжку из 12 собак (при поездках на Новую Сибирь я имел цуги в тринадцать и четырнадцать собак). Во главе цуга бегут вожаки, самые умные собаки, которые слушаются голоса возничего. На возглас: «Наррах! наррах!» поворачивают налево, «тах! тах!» — направо, образуя правильный поворот и не бросаясь внезапно в сторону. Далее следуют собаки по рангам, причем самые плохие впрягаются непосредственно у нарты, ближе к каюру, и они оказываются «козлами отпущения», поскольку им попадает за провинности и свои и чужие.

В первых нартах у меня были в качестве вожakov Туркан I, Туркан II и Тугут. Туркан I чистокровная устьянская полярная собака, в то время как большинство прочих собак имеют явную примесь других собачьих пород. Так, например, Тугут имеет третью или четвертую часть примеси крови сеттера Циклон, которого Бунге брал с собой в поездку в 1886 г.

Вторник 23 октября 1900 г. В 9 часов 30 минут утра мы подошли в полном снаряжении к нартам. На нартах было уложено 864 кг груза. Запряженные собаки нетерпеливо завывали. Был великолепный ясный день, 16° мороза при легком ветре, дувшем в спину. «Заря» красовалась в уборе флагов. Все сотрудники экспедиции, за исключением вахтенного, хотели проводить нас и где нужно помочь тащить сани. Но едва был дан сигнал к отправке, сопровождавшийся под-

бодряющим свистом для сдвига с места погрузившихся в снег саней, как собачья стая с диким воем ринулась полным ходом вперед, невзирая на то, что проводник тормозил движение палкой и кричал собакам: «стой! стой!». Стараясь не отстать, я встал на полозья, а гидрограф взобрался на высоко нагруженные сани, как на брам-рею грот-мачты, и сел на поклажу верхом. Сопровождавшие нас товарищи побежали вслед, но после тщетных усилий не отстать исчезли вскоре из глаз, и мы едва слышали их последнее «прости». Талант карикатуриста у доктора недолго оставался скрытым. Он использовал этот полный комизма отъезд на фиорд Гафнера для очень удачной карикатуры, которой мы любовались по возвращении.

Снежные бури последних дней намели сносную санную дорогу. Вслед за стремительным рывком, с которым собаки умчались с места, они перешли на хорошую рысь и выдерживали скорость в продолжение полутора часов, до вступления в Таймырский пролив, следовательно через весь рейд «Зари» на протяжении 10,5 км. Начиная отсюда скорость уменьшилась до 4 миль в час. Проехав 25 км, мы сделали остановку. Это расстояние было для первого дня с нашим грузом хорошим испытанием работоспособности отвыкших от езды собак. К тому же ненецкие собаки были совершенно необучены.

Для лагеря избрали место на южном берегу пролива, в его узкой части, у восточного подножия гор.

На плоском берегу, где нами была разбита палатка, я в первую очередь занялся поисками плавника, но нашел лишь гнилые и сырые стволы, непригодные для топлива. В ближайшем соседстве мы обнаружили старый пресный лед, который после полуторачасового согревания превратился сначала в горячий чай, а затем во вкусные щи. Вскипятили воду для хронометров, которые требуют неустанных забот, и наполнили термосы. В 10-м часу вечера, произведя метеорологические отсчеты, мы залезли в свои спальные мешки, и, хотя из-за недостаточных размеров разорвались недавно пришитые капоры, мы великолепно спали до 6 часов следующего утра. Вылезание из спального мешка доставило меньше удовольствия — в то мгновение, когда голова поднималась из капора, она наталкивалась на косую стенку палатки, на которой образовался толстый слой инея, и мы получали при вставании снежный душ, напоминавший о правилах личной гигиены. Оттаивать в кипяtilьнике воду для умывания не представлялось возможным; каждая минута горения примуса должна была быть использована для получения кипятка для чая, супа, а также для обогревания хронометров. Помимо того, нельзя было терять светлых часов короткого дня, между тем приготовление кипятка требует много времени, и не меньше

времени берет с непривычки погрузка нарт. Хотя примус был зажжен в 6 часов утра, только в 11 часов 30 минут мы смогли тронуться в путь.

На второй день собаки везли так же хорошо, как и накануне, если только мы шли быстрым шагом рядом с санями. Чтобы передохнуть, ненадолго присаживались боком на нарту. Через два часа началась сильная вьюга, которая вынудила нас сделать остановку в 3 часа дня, когда уже смеркалось. За этот день мы прошли всего 21 км. Но как бы то ни было, мы находились уже у выхода из Таймырского пролива в его восточной части, где он соединяется с Таймырским заливом, и прошли мыс (Гелленорм) против мыса Миддендорфа на юге острова Таймыр. В поисках защиты от ветра уклонились на 5 км на юго-восток и зашли в ближайшую бухту, где я нашел хорошее место для ночлега у подножия гранито-гнейсового холма на самом берегу.

Здесь я обнаружил ледяную стену, возвышавшуюся приблизительно на 3 м над поверхностью моря. В ней можно было различить несколько слоев. Структура льда была крупнозернистой со множеством воздушных пузырьков. Не подлежало сомнению, что это было образовавшееся под защитой скалы многолетнее ледяное фирновое поле. Подобное явление представляет для меня особый интерес в связи с вопросом возникновения мощных ископаемых ледяных масс на Новосибирских островах, а также в связи с проблемой ледникового периода вообще. Уже в гавани Диксона и в фиорде Миддендорфа находились небольшие поля фирнового льда, защищавшие следы прежнего оледенения этой области от разрушающего воздействия метеорологических влияний. Однако полей фирнового льда такой мощности я там не наблюдал. Нижняя часть фирнового льда, нависшего здесь над поверхностью моря, обломалась под тяжестью нараставшей толщи, и благодаря этому был виден прекрасный разрез.

Естественно, возникает вопрос: можно ли установить движение этого маленького ледяного поля — зачаточного глетчера?

Я отколол несколько кусков фирнового льда, чтобы получить пресную воду. Чай показался нам особенно вкусным, так же как и суп. Несмотря на снежную бурю, температура тем временем упала до $-26,8^{\circ}$. Шведская одежда, отсыревшая от пота при ходьбе в течение целого дня, быстро замерзла в твердый панцирь. Снимать через голову этот панцирь было трудной задачей, совершенно невыполнимой без посторонней помощи. Стаскивая со слепой яростью эту промерзшую жесткую одежду, мы рисковали опрокинуть стоящий рядом суповой котел и тогда пришлось бы снова потратить несколько часов на приготовление еды. К счастью, все обошлось благополучно.

Усилившаяся ночью выюга под утро стихла. Ледяной разрез занесло снегом, и я не смог сделать характерного фотографического снимка.

Утром 25 октября я попытался ускорить наши сборы и велел сварить всего два блюда. Сначала был сварен превосходный чечевичный суп с салом, полторы порции которого вполне достаточны для четырех человек, и потом чай, но ради экономии времени пришлось наполнить чаем термосы для хронометров, а на нашу долю осталось всего по полчашки. Тем не менее мы двинулись в путь только в 11 часов 15 минут. Из-за густого тумана мы не могли видеть не только очертаний юго-восточного берега, но и остров Таймыр, вдоль восточного берега которого, начиная от мыса Миддендорфа, я хотел продолжать путь к северу. Поэтому я повернул на северо-запад к мысу, названному мной мысом Гелленор⁹.

Я надеялся оттуда быстро добраться верным путем до мыса Миддендорфа через узкий пролив, так как эскиз карты лейтенанта Бовэ в путевой книге о путешествии Норденшельда точно передавал характерную форму Таймырского пролива. И на самом деле, после 15-минутной езды по льду справа от нас показалась длинная узкая коса — это был мыс Миддендорфа на острове Таймыр.

Объехав мыс Миддендорфа, от которого берег вновь поворачивает влево, я взял курс на северо-северо-восток, вдоль восточного берега острова Таймыр. Остров Таймыр был скрыт туманом, сквозь туман виднелись только темные утесы. Я не мог различить, были ли это мысы острова Таймыр или же лежащие перед ним островки. В 2 часа дня начало смеркаться, выюга резко усилилась, и через полчаса пришлось разбить третий лагерь под защитой утеса, до которого дошли со стороны мыса Миддендорфа, оставив за собой в этот день более 30 км. В 9 часов вечера, к моменту метеорологических наблюдений, небо прояснилось при температуре —25°. На западе северное сияние светилось отдельными снопами лучей, начиная от яркого Арктура до созвездия Кассиопеи. Затем лучи собирались в огромный мерцающий покров, который простирался до самой земли.

Отсюда я хотел на другой день при любых обстоятельствах достигнуть противоположного берега Таймырского залива, где находился открытый Нансеном полуостров Короля Оскара. Для этого предстояло проехать свыше 50 км, согласно масштабу карты Нансена. Чтобы выполнить свое намерение, я должен был сократить время на сборы. В 5 часов утра я разбудил своих спутников, и на этот раз мы были готовы к отъезду уже в 9 часов.

Пятница 26 октября, 9 часов утра. Когда мы тронулись в путь, дул северо-северо-западный ветер с легкой метелью. Я взял курс на восток-северо-восток, Снег, перегоняемый вет-

ром по гладкой поверхности морского льда, служил мне отличным компасом. Чтобы точно держать курс, было достаточно следить за тем, чтобы сани пересекали под надлежащим углом направление, обозначенное перегоняемым снегом. Соответственно с этим я дал своему каюру Расторгуеву указание кричать собакам то «наррах! наррах!», то «тах! тах!», как только упряжка уклонялась от курса. На вторых нартах роль каюра выполнял Носов. Помимо обычной команды, Расторгуев и я обращались на якутском языке к собакам с возгласами, которые рисовали животным возбуждавшие их инстинкт предметы, как, например: «кор-кыrsa бар», «кыллар баллар», «былтугуй, хара бар», «дие бар», «чуэта бар» и т. д., что означало: «смотри — песец», «там олени», «там что-то есть», «гляди — что-то черное», «там хижина», «там медведь» и т. д. Надо сказать, что это имело успех, так как животные, поддаваясь обману, отвечали сердитым воем и ускоряли темп своего бега. В действительности же не было ни песцов, ни белых медведей и менее всего, конечно, человеческого жилья. Мы видели лишь давние следы белых медведей, которые, очевидно, перекочевали на север к открытой воде, и песцов, которые идут за ними следом, чтобы попользоваться остатками «царского стола».

Вскоре рассеялась пелена тумана, скрывающая горизонт, и нашему взору открылся полуостров Короля Оскара; было даже видно, как в Таймырский залив вдавались полуострова или острова. Самая крайняя оконечность полуострова Короля Оскара лежала на 65° и самая отдаленная на юге суша на 180° . Такая же хорошая видимость была на западе — там лежала крайняя оконечность суши на 345° ; соответствовала ли она мысу Лаптева, т. е. мысу Северо-Западному Лаптева, или же это был остров, нельзя было, конечно, сказать. Однотонно-белые контуры Ледовитого океана постепенно переходили в очертания такой же плоской тундры, и только местами на фоне окружающей белизны выделялись темные пятна скал, которые могли принадлежать материку или же одному из многочисленных островов.

В час дня, после четырехчасового пути, достигли северного мыса полуострова Короля Оскара.

Судя по времени пребывания в пути, мы проехали на восток 28 км. Таким образом, к моему немалому удивлению, оказалось, что ширину Таймырского залива нужно сократить вдвое по сравнению с принятой Нансеном; следовательно, он имеет форму фиорда. Какой контраст с картиной, представленной на карте Великой Северной экспедиции! Лед Таймырского фиорда, по которому мы ехали, образовался, очевидно, в течение последних недель, а летом море было здесь, по видимому, свободно от льда. В то время как весь плавучий лед находился в Таймырском проливе, отдельные плоские ле-

дяные глыбы, загнанные течением, смерзлись зимой без сжатия. Предыдущим летом лед оставался неподвижным, так как связующие ледяные перемишки не таяли, и здесь в Таймырском фиорде образовалась, начиная от мыса Миддендорфа, гладкая ледяная поверхность, в которой незадолго перед тем возникло несколько трещин. В одну из этих покрытых снегом трещин попал я, а в другую, более широкую, провалились незадолго до ночлега три собаки вторых нарт. Псы отряхнули холодную воду со своей косматой шерсти и бодро побежали вперед. На стоянке бедные животные тряслись от холода, и мы растирали их как только могли, пока дрожь не уменьшилась; затем они были предоставлены своему собственному попечению. Закопавшись глубоко в снег, они покрылись своими пушистыми хвостами и спокойно переспали неприятную неприятность.

Мыс на полуострове Короля Оскара сложен из круто поставленных метаморфических сланцев, достигающих около 10 м высоты над морем. Здесь у мыса гладкая поверхность старого льда уступила место полю молодого с беспорядочным торшением, которое мы обошли, свернув за мысом по узкой косе в ближайший залив, открытый Нансеном и названный им заливом Толля.

Взобраться на берег с тяжело нагруженными нартами можно было только после приложения физической силы всех четырех человек и после того как все собаки с обеих нарт были впряжены в одну нарту. На берегу нашли немного плавника и взяли с собой два коротких бревна благодаря чему в лагере, в 5 км к юго-востоку от мыса на берегу залива Толля, мы получили возможность насладиться внеплановой порцией чая. Чай быстро вскипел в медном чайнике на жарком огне разведенного перед палаткой костра и пришлось особенно кстати, так как температура в палатке упала до -20° , а на открытом воздухе было -30° . С понижением температуры затих и ветер. В 4 часа дня дул северный ветер силой 7 м/сек, а к 9 часам вечера сила ветра при -31° не превышала 3 м/сек.

На следующее утро, 27 октября, выехали в 10 часов 30 минут. Термометр показывал в 9 часов утра -34° , небо было ясно, дул легкий северо-западный ветер. По мере приближения к полудню, когда рассеялась мгла, стали ясно различимы берега залива Толля. Они казались изрезанными небольшими фиордами или устьями рек.

Из-за снежного покрова исследовать геологическое строение не представилось возможным. В районе нашей палатки тундра имела плоскую и как бы волнообразную поверхность, которую Нансен сравнивал с моренным ландшафтом северной Германии. От ближайшего мыса до нашей стоянки простиралось обнажение метаморфических сланцев, у подножия ко-

того находилась стена фирнового льда. Ровный без торосов лед был и в заливе Толля, но мне не удалось установить его мощность, и поэтому я не мог определить, был ли это вновь образовавшийся лед или он оставался с прошлой зимы. У внешнего края залива к северо-восточному мысу бухты простиралось торосистое поле, вдоль восточного края которого мы шли до полудня на северо-восток (сначала восток-северо-восток, затем северо-северо-восток). Через 2½ часа, пройдя около 16 км, достигли противоположного берега у мыса, сложенного, как и южный мыс этого залива, из метаморфических сланцев с большими или меньшими включениями пирита. Окраска этих сланцев была в результате выветривания шоколадно-коричневого цвета, между тем как у южного мыса она была совершенно зеленой.

Здесь у мыса взгромозились торосы. Я решил пересечь сушу и пойти прямо к фиорду Гафнера. На горизонте над косой возвышалась гора, на которую мы взяли направление. Это могла быть только гора Кельха, которая, судя по карте Нансена, находится на южном берегу фиорда Гафнера. От залива Толля до фиорда Гафнера шли по суше целый час, сначала медленно в гору, затем вниз по пологой ложбине. В 2 часа 30 минут дня достигли фиорда Гафнера, а именно его восточной части, как это мною и было намечено.

Освещение, при котором перед нами открылся фиорд Гафнера, поразило нас своей трудноописуемой красотой благодаря северному сиянию — самому величественному из всех небесных явлений. В полдень солнце поднялось до горизонта, но, укрывшись за мгlistой пеленой, осветило лишь на короткое время местность. В 2 часа 30 минут дня, когда солнечный диск скрылся за горизонтом, на противоположной стороне засветилась широкая розово-красная дуга, окаймлявшая нижележащий темно-синий сегмент неба. Эта дуга медленно угасала, чтобы уступить место темно-фиолетовой завесе, достигшей полного свечения к 3 часам дня. Эта изумительная по красоте картина наблюдалась на северном небосклоне на высоте около 30° над горизонтом. От ярко окрашенного заднего фона резко отделялся белоснежный ландшафт фиорда. Плоская возвышенность горы Кельха выделялась своей слегка заалевшей, позже нежно-фиолетовой вершиной, на снегу играли самые разнообразные оттенки, соответствовавшие раскраске неба. Вдали можно было различить крутой берег в виде узкой темной полосы.

Теперь надо было найти подходящее место для устройства склада, чтобы на следующее утро приступить к работе. Лучшим грунтом, в котором можно было бы быстро и легко вырыть яму для продовольствия, могло служить поле фирнового льда на откосе ближнего мыса. Захватив подзорную трубу, я отправился с Расторгуевым осмотреть берег. Сначала мы

замкнутое широкое золотое кольцо. В 9 часов несколько сверкающих полос перебросилось от Кастора и Поллукса к Арктуру, и одновременно через зенит протянулись широкие полосы — лучи стремились как бы соединиться по направлению к Кассиопее.

Колчак воспользовался ясным звездным небом для определения широты и долготы нашего местонахождения. Мы трое помогали ему, освещая теодолит, держа хронометр и записывая наблюдения.

На следующий день проснулись в 9 часов утра, великолепно выспавшись. В 10 часов на окрашенном в оранжевый цвет горизонте еще сверкала яркая Венера. Была мертвенная тишина над бескрайними просторами. Ни звука, ни звериных следов. Я поднялся на скалу, у подножия которой был расположен наш маленький лагерь. Она была сложена из гранита. Такой же крупнозернистый, переходящий местами в гнейс гранит я встречал много раз, начиная от фиорда Миддендорфа. Этот скалистый полуостров поднимается двумя уступами до высоты 15—26 м. Он разделяет направленные к востоку два глубоко врезавшиеся в берег рукава фиорда Гафнера. Северный фиорд, лежащий по ту сторону мыса, казался более глубоким. Я охотно совершил бы рекогносцировочную экскурсию в восточном направлении или на одну из вершин горы Кельха, но это могло оказаться безуспешным ввиду приближения полярной ночи. Дни быстро убывали.

К нижнему уступу скалы, круто ниспадающей на юго-запад, примыкает ущелье шириной в 40 шагов, суживающееся кверху; на дне его лежит фирновый лед. Здесь мы решили устроить склад. В поперечном разрезе, образовавшемся на месте отрыва нижней части льда, можно было ясно прочесть историю возникновения этого фирнового льда.

Бури неумоимо навевали большое скопление снега, слой за слоем, год за годом. Можно было различить три нижних слоя, каждый мощностью по 0,5 м, и один верхний, вдвое меньшей мощности, не считая мелкой слоистости, наблюдавшейся во всей массе снега. Три нижних пласта были отделены один от другого тонкими пропластками из гранитных обломков, ягеля и остатков растений. Растительные остатки были занесены ветрами на поверхность фирна, очевидно летом. Верхний слой отличался от остальных красным цветом, видимо благодаря накоплению за последнее лето «красного снега» со снежной водорослью (*Pleugosoccus nivalis*). Нижние, более мощные слои также отличались один от другого: верхний из них был грязно-коричневого цвета, нижние — светло-зеленого до молочно-белого.

При попытке дать ответ на вопрос, какого возраста этот фирновый лед, легко прийти к заключению, что здесь имело место четырехгодичное образование льда, если красный верх-

ний слой считать одногодичным, а три остальные, охарактеризованные растительными остатками, считать каждый отдельно. Но такое заключение было бы преждевременным. Необходимо сначала выяснить, каждый ли год наносится слой с растительными остатками и с каменным материалом. Разве не могло быть лета, когда поверхность фирна покрывалась только мелкой пылью или снежной водорослью, подобно верхнему слою?

При решении этого вопроса величайший интерес представляет исследование таких масс фирнового льда, о существовании и мощности которых уже с отдаленных времен имеются указания. Аналогичное образование описано Лаптевым из Нордвика: «Посреди сего берега из льда сделалась гора, на которой видно, что по веснам великими ветрами песок со снегом наносит, которая вышиною близ 10 сажен, длиною 30, поперек с 6»¹⁰.

О мысе Св. Игнатия он говорит: «Мыс Св. Игнатия, берега прикрутые, каменистые, около которого лесу наносного очень многое число. На полях земля мягкая, и на ней мох. Здесь выкопали из земли мамонтовой рог, длиною в 2½ фута. У сего мыса изо льда гора давно сделалась выше и больше преждеупомянутой»¹¹.

У мыса Фаддея «мамонтовый рог выкопали из земли длиною в 4 фута»¹².

Нет надобности указывать, насколько важно вновь посетить описанные 161 год назад (в 1739 г.) места, особенно потому, что здесь были найдены остатки мамонта. Для исследования фауны ледникового периода этих мест и организован наш склад.

Воскресенье 28 октября. В фирновом льду была вырублена киркой яма 1,20×1,20 м и глубиною 1,20 м. Привезенное продовольствие было уложено в нее; затем яма была заполнена льдом и снегом и над нею установлен знак из лыжной палки с прикрепленной к ней киркой. В этом деле я использовал опыт Расторгуева, с которым в 1893 г. устраивал склад на острове Котельном для Нансена.

Когда стемнело, мы собрались в палатке вокруг зажженного примуса. За обедом и чаем, сопровождавшимся оживленной беседой, мы отметили завершение нашей работы праздничным угощением: кроме щей, пудинга и какао, выпили еще по стакану пунша. Расторгуев рассказывал о своих путешествиях по восточносибирской тундре и тайге от Якутска до Чукотки и Камчатки.

Привожу биографию Степана Расторгуева. Его жизнь неинтересна и заслуживает внимания. Он родился в Якутске 15 июля 1864 г. Его отец, камчатский казак, принимал участие в защите гавани Петропавловска от англичан и затем был переведен в Якутск. Степан Расторгуев рано осиротел и

провел детство у родных, в доме сельского священника под Якутском, пока не был призван на службу как военнообязанный казак. Приемные родители не смогли его ничем снабдить на трудную казачью службу; они не позаботились даже научить его грамоте, и он остался по сегодняшний день неграмотным. По уставу Екатерины II уже в 16 лет он должен был поступить на военную службу в казачий полк сроком на 25 лет, но по отсталости своего физического развития получил отсрочку на четыре года. В 20 лет был зачислен в Якутский пехотный полк, который стоял на юге Европейской России. Но до конца срока службы якутские казаки перечисляются на службу в Министерство внутренних дел с сохранением военной формы, рангов, оружия и жалованья.

Биография Расторгуева служит ярким примером этого рода службы якутских казаков. В первые годы он часто сопровождал арестантов. Однажды Расторгуеву вдвоем с другим казаком было поручено доставить арестанта на лодке в Киренск на Лене за 1000 верст вверх по реке. Когда прибыли в Киренск и легли втроем отдыхать, арестант скрылся, а местные жители не дали казакам лошадей, чтобы догнать беглеца. Казаки заявили властям о случившемся. Дело было расследовано судебным порядком, и через 5 лет был вынесен приговор суда, согласно которому в 1891 г. Расторгуев должен был провести 3 месяца на гауптвахте.

Осенью 1887 г. ему было поручено доставить почту за целый год из Якутска в Охотск. В начале декабря он благополучно прибыл в Якутск, проехав 1000 верст туда и обратно. После восьми дней пребывания дома получил приказ вернуться немедленно в Охотск. Судно военного флота «Алеут», посланное из Владивостока в Охотск, не вернулось с наступлением зимы обратно. Морское министерство было этим обеспокоено и предложило властям Восточно-Сибирского края произвести розыски судна. Расторгуев был послан в Охотск, а на Камчатку для обследования морского побережья был командирован исправник, с которым Расторгуев должен был встретиться в Гижигинске. Оттуда оба направились в Анадырск. Тем временем поступило сообщение, что «Алеут» благополучно прибыл во Владивосток. Расторгуев отправился на ярмарку в Анюй, оттуда через Нижне-Колымск, Средне-Колымск и Верхоянск в Якутск, куда прибыл в апреле 1888 г.

В том же месяце, сопровождая в Вилюйский округ вновь назначенного исправника, Расторгуев поднялся вверх по Вилюю до Сунтара. Здесь в Вилюйске он был произведен в унтер-офицеры в награду за участие в поисках «Алеута». Прибыв в Якутск, Расторгуев получил назначение сопровождать исправника Кондакова в Верхоянские горы. Его задачей было найти легкодоступный перевал для горной дороги в Верхоянск вместо Тукаланского перевала. Вернувшись осенью до-

мой, Расторгуев женился на дочери казака. Четыре месяца спустя он получил предписание сопровождать политических ссыльных в Вилуйск. Летом он был свободен от поручений и мог заняться рыбным промыслом вблизи Якутска. Казачий полк владеет в окрестностях Якутска местами рыбного лова, которые служат одним из источников дохода и могут сдаваться в аренду. Доходы с аренды поступают в ссудную кассу полка, из которой откомандированные казаки могут получать заимообразно 10—15 рублей, чтобы снарядиться кое-как в дорогу, так как $7\frac{1}{2}$ копеек суточных «порционных» денег не могли, разумеется, удовлетворить минимальных потребностей. До последнего времени цены в Якутске были невероятно высоки, и несколько лет назад, когда своевременная доставка казенного пороха прекратилась, цена за фунт его поднялась до 7 рублей. Только за последние годы цены на хлеб благодаря усилиям хлебопашцев — поселенцев скопцов и особенно духоборов — снизились. О трудолюбии и честности последних Расторгуев рассказывал много похвального. В 1897 г. в Якутск было доставлено 200 мужчин, принадлежавших к этой секте, а в следующем году прибыли их семьи.

Осенью 1889 г. Расторгуев был командирован с почтой снова в Охотск. В следующем году он совершил путешествие на Камчатку, сопровождая коллектора энтомолога Герца. Оттуда отправился в Охотск за почтой, которую доставил в Якутск. С мая 1891 г. он стал верным спутником И. Д. Черского¹³, который умер в лодке на руках Расторгуева во время плавания по Колыме летом 1892 г. Вернувшись с вдовой Черского в январе 1893 г. в Якутск, он поступил на службу ко мне и проводил меня до Хатанги, откуда вернулся через Анабару, Лену и Яну в Якутск. После месячного пребывания дома был послан в Охотск, на этот раз с транспортом табака и махорки. Оттуда были отправлены в Якутское губернское управление местными уроженцами четыре нарты беличьих шкурок в качестве налога (ясака). Ввиду того, что за это время рыночная цена на этот мех снизилась и шкурки не соответствовали больше объявленной стоимости, они были отосланы обратно. В апреле 1894 г. Расторгуев прибыл снова в Якутск, где к осени построил собственный дом для своей семьи. Жена его была слабого здоровья. Все дети родились в его отсутствие, и двое из них умерли, не повидав отца. В сентябре 1894 г. он доставил почту в Средне-Колымск и к январю 1895 г. вернулся оттуда в качестве конвоира политических ссыльных.

Весну и первую половину лета он смог провести дома, затем сопровождал горного инженера через Нелькан в Аян и дальше на Охотское море через Джугджурский хребет. К осени вернулся обратно и был назначен в канцелярию губернатора вахмистром. В конце того же 1895 г. получил распоряжение доставить

почту в Колымск. На обратном пути должен был по поручению местного исправника сопровождать в Якутск душевнобольного политического ссыльного Янковского. Этот несчастный находился много лет в рудниках Кары, а затем был пожизненно сослан в Колымскую область, куда был доставлен с первыми признаками психического расстройства, и прожил десять лет один в якутской урассе, вдали от Средне-Колымска. Когда сумасшествие ссыльного ясно проявилось, правительство решило вернуть его на родину к родственникам в Киев, и в феврале 1896 г. Расторгуев получил поручение сопровождать больного. Это был год царской коронации, когда якутский казак вступил впервые в Европейскую Россию. Вполне понятно, что, вместо того чтобы ехать обратно тем же путем, Расторгуев поехал на свои средства и свой риск через Москву. Там он пробыл дни коронации и видел народные торжества, но ознакомился не только с ослепляющим блеском тех дней, а познал и мрачные стороны: он был свидетелем страшных сцен на Ходынском поле, но, по счастью, благодаря своему высокому росту не оказался среди затоптанных толпой. Он сам шагал по мертвым телам, прежде чем получить коронационную кружку. В 4 часа утра он пробрался к Петровскому дворцу, к тому краю поля, где толпа была малочисленнее и где лежали сотни мертвых, а не тысячи, как на другом конце Ходынского поля. Из Москвы он поехал в Нижний-Новгород [Горький] посмотреть выставку. Оттуда через Пермь, Казань, Тюмень, Иркутск в Жигалово на Лене. Здесь Расторгуев купил себе за 5 рублей лодку, которую при встречном ветре тянул вдоль берега вместе со своим земляком; так добрались до Усть-Кута. Отсюда до Витима он проехал пароходом, на котором за 3-й класс уплатил без продовольствия 16 рублей, что по сравнению с тарифом волжских пароходов было чрезмерно дорого. От Витима до Якутска билет стоил 35 рублей, но у Расторгуева не оставалось больше денег, поэтому он просил командировать его для сопровождения арестанта в Якутск, чтобы получить таким образом бесплатный проезд. После семимесячного путешествия он прибыл благополучно домой с девятью копейками в кармане. В том же году в сентябре Расторгуев был завербован золотоискательским акционерным обществом в качестве сопровождающего и прослужил там три зимы.

Осенью 1899 г. благодаря хорошему знанию якутского языка он был определен переводчиком в окружной суд, только что открытый после судебной реформы, но вскоре был послан в Колымск с денежной почтой в 18 000 рублей. В феврале 1900 г. на обратном пути Расторгуева встретил на Алдане нарочный со спешным вызовом к вице-губернатору, который передал ему мое поручение: Расторгуев был прикомандирован к моей экспедиции. В первую очередь ему было поручено доставить транспорт восточносибирских собак в Архангельск.

В Верхоянске он встретился со Стрижевым, который привез туда на оленьих нартах собак из Устьянска. Погрузив на 10 оленьих нарт клетки с собаками, он повез их в Якутск. Отсюда на трех тройках собак довезли в Жигалово. Когда началась распутица, сани пришлось сменить на колеса. Почва почтового тракта, таявшая днем, ночью снова замерзала. Чтобы избежать вредной для собак тряски на безрессорных почтовых телегах, ехали только днем, а ночи проводили на почтовых станциях. 14 апреля прибыли в Иркутск и продолжали путь по железной дороге. Таков Расторгуев — мой незаменимый товарищ в пути...

К вечеру небо заволокло, и пришлось отказаться от астрономических наблюдений. Вскоре мы забрались в свои спальные мешки. С 6 часов 30 минут до 10 часов 30 минут утра длились приготовления к выезду. В это время на скалу у продовольственного склада прилетела куропатка и скрылась, прежде чем я взялся за ружье. Зимует ли здесь куропатка или же она отстала при перелете, задержавшись на отдаленных островах, как и встреченный нами днем раньше олень? Полагаю, что на пути к мысу Челюскина должны находиться еще острова, с которых могли прибыть сюда оба эти странника. Простираение пластов полуострова Челюскина прослеживается на север. В этом направлении следует ожидать еще островов, быть может не менее многочисленных, чем в Таймырских шхерах! ¹⁴

Наши сани на обратном пути стали легче на 200 кг. Отдохнувшие за день собаки, которых последние два дня кормили двойным рационом (по 0,8 кг рыбы каждой), находились в прекрасном состоянии. Надо думать, что на обратном пути собаки будут выдерживать бодрый темп, и, если только позволит дорога, мы сможем сесть на сани; это заставило нас одеться теплее: вместо противоветренной одежды надели ненецкий совик, на голову чебак ¹⁵, на ноги пимы. Вернуться возможно быстрее на зимовку было необходимо, так как термометр и aneroid предсказывали приближение пурги. Давление медленно падало, а температура поднялась до —15°. Первый день езды оказался удачным. Сбоку дул свежий ветер, воздух был прозрачен. За этот день покрыли все расстояние через фиорд Гафнера, проехали косу и залив Толля, где и разбили свой лагерь. Вечером небо было чистое и звезды ярко сияли, так что этот пункт был астрономически определен.

Но на следующее утро, 30 октября ¹⁶, началась предсказанная барометром сильная пурга; к счастью, снег мело не навстречу, а сбоку, с северо-востока. Как учит опыт, если в снежную бурю сидящему на нартах не видно собак, то надо переждать в палатке, пока буря уляжется. Если же можно различить всю собачью упряжку и если ветер не задует им прямо в морду, то можно спокойно ехать при умении держать направление.

Мы выехали при снежной буре в 11 часов утра 30-го и взяли курс на юго-запад через Таймырский фиорд. Вместо компаса я ориентировался, как всегда в таких случаях, по снегу, перегоняемому ветром по ровной поверхности льда. Около двух часов, когда ветер временами стихал, мы увидели перед собой восточное побережье острова Таймыр или прилегающие шхеры. Достигнув берега, повернули на юг и вышли точно на мыс Гелленорм. При надвигающихся сумерках, в 3 часа 15 минут, разбили у подножия огромного эрратического (?) гранитного валуна свой последний лагерь.

На следующий день, 31 октября, — это был день, когда солнце поднималось в последний раз в году до линии горизонта, — снег стремительно кружился, подгоняемый северо-северо-восточным ветром. Мы чувствовали себя уверенно в хорошо знакомом Таймырском проливе, в котором не могли бы заблудиться, как и на любой улице С.-Петербурга. Пока ехали, погода прояснилась. В момент приближения к судну все кругом озарилось причудливой игрой красок, как в день нашего прибытия в фиорд Гафнера. Около трех часов дня, когда мы добрались до «Зари», первым вышел нам навстречу доктор.

СНОВА НА БОРТУ „ЗАРИ“. НА ЗИМНЕЙ СТОЯНКЕ

Четверг 1 ноября. Здесь я нашел все в полном порядке, хотя устройство магнитной станции задержалось из-за пурги и подвозки дров. Доктор, находясь на дежурстве, заметил нас первым. Он сообщил, что все в порядке и все здоровы. Вслед за тем пришел Матисен и рассказал о достижениях доктора: за один только день он застрелил пять оленей и на другой день белого медведя! Во время чая в уютной, теплой кают-компании я просил рассказать доктора об охоте, благодаря которой у нас будет снова свежее мясо, а также корм для собак. В свою очередь гидрограф и я поделились впечатлениями о нашей поездке. Вечером пили крюшон, а команде я велел дать полбутылки коньяку для грога. После девяти дней кочевой жизни я испытал огромное удовольствие, получив возможность вымыться и выспаться в теплой каюте при температуре $+6^{\circ}$, казавшейся мне после 20° мороза в палатке немного тягостной — я не мог сразу заснуть. Сегодня мы оба с гидрографом поздно встали, затем, разложив вещи по местам, я привел в порядок свой рабочий стол в лаборатории. Кроме охотничьих новостей, была еще одна: ненецкая собака ошенилась; из пяти щенят в живых осталось только три, а сегодня погиб еще один щенок.

Своей девятидневной поездкой я остался доволен. Склад фиорда Гафнера заложен в надлежащем месте — на пути запланированного пересечения полуострова Челюскина. Будем надеяться, что склад не будет опустошен медведями и песцами.

Касаясь результатов этой кратковременной санной поездки, хочу отметить, что нашими маршрутами через Таймырский пролив и пересечением Таймырского залива к полуострову Короля Оскара, а оттуда к Гафнер-фиорду, как и астрономическим определением пунктов, доказано, что Таймырский залив значительно уже, чем показано Нансеном на карте, и что по своей форме он подобен фиорду. Такая форма характерна для побережья Таймыра; между тем на наших картах этот фиорд до последнего времени обозначался в виде вогнутой береговой линии шириной свыше 100 км. По геологическому строению этих мест у меня уже накопился небольшой материал.

Я приобрел дальнейший опыт в снаряжении путешествий и, невзирая на снежную бурю и приближение полярной ночи, вернулся в точно намеченный срок, в день последнего появления солнца. Сегодня началась полярная ночь, хотя благодаря рефракции дневное освещение продолжалось еще несколько часов. Когда я веду запись в дневнике, боль в правой руке, пострадавшей от мороза, напоминает мне о днях, прожитых в палатке. Суставы пятого и четвертого пальцев тугоподвижны и болезненны, это своего рода ознобление костей рук — сказал доктор. Впрочем, он сам отморозил себе во время охоты на медведя ухо, а Железняков — подбородок. В остальном на «Заре» все по-старому. Зимние приготовления еще не закончены. Надеюсь, что здесь сложится все благополучно и что наши научные работы окажутся успешными.

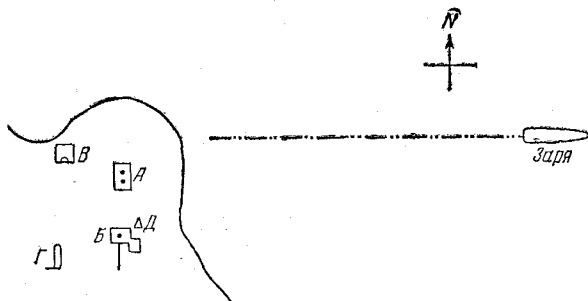
Как обстоят дела дома? Никаких нет вестей!..

*Воскресенье 4 ноября*¹⁷. Дни проходят довольно быстро в строгом распорядке: незадолго до 7 часов утра дежурный громко и энергично будит моего соседа по каюте Матисена для проведения метеорологических наблюдений. В 8 часов утра дежурный, производивший в течение суток ежедневные наблюдения, сдает дежурство своему преемнику. В это время почти все собираются за кофе, лишь гидрограф и я появляемся с некоторым запозданием, но не позже 9 часов. В 9 часов убирают со стола. Зееберг отправляется с рабочими на остров, где продолжается сооружение снежной хижины и установка магнитных инструментов.

За мое отсутствие протянут трос на ледяных столбах почти до самого острова. Деревянный павильон готов, установлены столбы и инструменты. Астрономическая снежная хижина и ледяной павильон для абсолютных магнитных наблюдений всех трех элементов¹⁸ еще без крыши. Остается устроить снежный домик для наблюдателей, в котором мы будем посменно проводить суточные дежурства для проведения вариационных наблюдений, ежечасных отсчетов и одновременно для ежечасных метеорологических наблюдений. Через час я ушел, оставив Зееберга работать у унифиляра¹⁹. На случай появления медведя он вооружился револьвером.

Я вернулся на «Зарю»; в 11 часов 30 минут утра поднялась легкая метель. Несмотря на сумерки, было довольно светло, однако неприятно действует полное отсутствие тени: сильный шторм, до 24 м в секунду, наваял вчера за каждым торосом свежие сугробы пушистого снега, из-за отсутствия теней их невозможно отличить от ровной поверхности, и я не раз спотыкался и падал.

Вчерашний вечер меня утомил. Был день рождения наших «близнецов», а именно Бирули и доктора, которые по странной

План научного городка на острове Наблюдений:

А — дощатый домик для магнитных наблюдений; Б — астрономический снежный домик (для пассажного инструмента и маятникового прибора); В — снежный домик для магнитных наблюдений; Г — азимутальный столб; Д — палатка.

случайности родились в один день. Им вчера исполнилось по 36 лет. Фома приложил много стараний, чтобы отметить этот день праздничным угощением. К завтраку был подан пирог и холодное блюдо из мозгов с гарниром, к обеду — прекрасный суп с маленькими паштетами, тушеное жаркое из оленины и компот из консервированных фруктов, украшенный двойным вензелем из жженого сахара. После обеда я сварил кофе молко, а Бируля принес из своей каюты абрикосовый ликер. Когда ликер был выпит, появился доктор с бутылкой бенедиктина, которая была тоже почти вся выпита. Один из «виновников торжества» — Бируля, несший дежурство, боролся каждый час со снежной бурей, снимая показания термометра и определяя силу ветра. Вечером разговор перешел в научный спор по вопросу, почему Таймырская земля необитаема, и коснулся затронутой мною проблемы о ледниковом периоде.

Ночью я спал плохо и чувствовал себя весь день усталым. Сижу снова за работой в своей лаборатории. Чувство одиночества сжимает сердце. Возможно, на моей родине сегодня теплый солнечный октябрьский день, но у тебя, вероятно, дождливо и пасмурно на душе!.. Сколько еще времени продлится разлука?

Понедельник 5 ноября. Сегодня великолепный зимний день. 15° мороза, легкий, едва заметный южный ветерок. В южной части горизонта разгорается алая утренняя заря и на открытом

воздухе достаточно светло, чтобы видеть окружающее, но для работы в каюте необходимо искусственное освещение.

10 часов утра. На борту мир и тишина. Зееберг ушел с машинистом Клухом на работу, Коломейцев, Бируля и Колчак поехали на собаках со Стрижевым в качестве каюра к заливу Актиния. Вальтер на дежурстве, а я иду с Матисеном на остров, чтобы ознакомиться его с употреблением бура при бурении скважины для измерения температуры почвы. Продолжается подготовка к зиме. Я распорядился сделать высокий порог у дверей лаборатории, обить двери паклей и холстом и обложить стены снегом. При сильном ветре температура в лаборатории опускается много ниже 0° , и зоологические препараты, консервированные в формалине, как и гидрологические пробы, могут пострадать от мороза, если не топить печь днем и не обогревать помещение ночью керосиновой печкой. У себя в лаборатории я поддерживаю $+6^{\circ}$, однако на полу под письменным столом температура не поднимается выше 0° . В остальных помещениях тепло и сухо, только на наружных стенах некоторых кают в палубной надстройке осаждается влага, образующая кое-где, например в каюте Коломейцева и моей, маленькие «глетчеры». При усиленном высушивании каюты керосиновой печкой можно было бы этого избежать. В помещениях команды и машинистов сухо и тепло. Матисен сконструировал практичный бур, который хорошо действовал в замерзшем грунте.

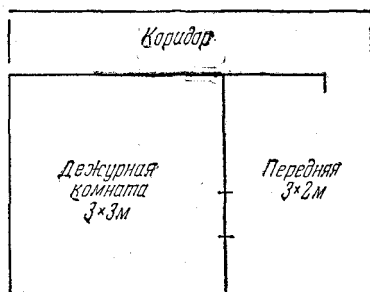
Вторник 6 ноября. Завтра исполнится четыре месяца со дня нашей разлуки в Бергене. Ждать остается еще в шесть раз больше. Пишу сейчас книгу. Ни одной минуты не оставляю неиспользованной и все же должен бороться с несвойственной мне вялостью. Пополняю пробелы в своих знаниях. Надеюсь, все будет хорошо — у меня хорошие сотрудники...

Сегодня ходил с Вальтером и Бирулей к южному побережью. Там мы расстались. Страшно тоскливо в тундре, она угнетает своим однообразием и безжизненностью. Что будет, если мы потеряем свою яхту, свой теплый кров? Чтобы избежать возможности пожара, единственной в этом смысле опасности, я распорядился, чтобы боцман спускался в трюм с фонарем не иначе, как в сопровождении одного из офицеров или доктора. Кроме него только Огрин имел право спускаться в трюм с фонарем для ежедневных измерений уровня воды в трюме.

Среда 7 ноября. Просмотрев список снаряжения, я обнаружил, что заказал слишком мало лапландской обуви. Правда, тобары²⁰ могут служить взамен лапландской обуви, но тем не менее надо заготовить для смены запасную обувь из парусины, а именно — шить гамашы по образцу торбасов, подошву сделать из юфтовой кожи, а верх окантовать сукном и пришить ремень для скрепления. К ним придется шить наколенники по эвенкскому образцу, надо также заготовить ветронепроницаемую одежду из парусины.

Четверг 8 ноября. Печка в кают-компании настолько дымит за отсутствием тяги, что выкуривает всех из помещения. Приходится открывать обе двери и верхний люк для проветривания; в результате в кают-компании постоянно стоит стужа. После утепления в лаборатории температура держится около $+6^{\circ}$. На ночь зажигаем керосиновую печку, которая поддерживает температуру выше 0° . У меня в лаборатории гость, который спит здесь и ночью,— это Туркан, прекрасный вожак из моей упряжки. Он находится в тепле в качестве пациента, так как страдает потливостью. По словам Стрижева, этот недуг встречается иногда у устьянских собак.

Фома все еще не может привыкнуть к экспедиционным условиям. Он скучает без обстановки петербургского ресторана «первого разряда», раздражителен, ко всем придирается и обвиняет во всем своих товарищей.

План снежного домика для дежурных наблюдателей

Вчера я поручил Матисену начать предложенную им постройку снежного домика возле станции для дежурных, выполняющих наблюдения. Он набросал план, с которым я вполне согласился.

Пятница 9 ноября. Дни быстро проходят в планомерной работе. Зима только что началась, а я уже опасаюсь, что не хватит времени для всех необходимых работ, или, вернее, оно недостаточно рационально расходуется. Предобеденное время ушло сегодня у меня на уборку моей крошечной лаборатории и наведение порядка в письменном столе. Вчера я начал измерять собак. Чистокровных очень мало и они, к сожалению, кастрированы. Вина моя! Упустил обусловить при заказе.

Суббота 10 ноября. Просидел всю неделю за письменным столом — начал писать о фиорде Гафнера. Завтра, в воскресенье, хочу выйти на воздух насладиться жизнью! Днем на несколько часов рассветает, но в каюте давно нельзя работать без лампы.

Работаю с 9 или $9\frac{1}{2}$ часов утра до 9 или $9\frac{1}{2}$ часов вечера с перерывами для еды от 12 до часу, от 3 до 4 и от 6 до $7\frac{1}{2}$ часов, следовательно, всего 8—9 часов, соответственно общепри-

нятому рабочему дню. Чувствую себя хорошо, но временами появляется неуверенность в своих силах. Разрешу ли поставленную задачу и смогу ли выполнить все предстоящие работы?

Воскресенье 11 ноября. Вечер. Сегодня ходил к острову и был приятно удивлен видом снежного дома Матисена. В остальное время читал; сыграл партию в шахматы с Зеебергом, который играет несравненно лучше меня. В этом заключались мои воскресные удовольствия.

Понедельник 12 ноября. Климатологическая особенность: вчера температура с -14° в течение дня быстро поднялась при юго-западном ветре до $-1,8^{\circ}$. Сегодня ночью ветер повернул на северо-запад и принес с собою мороз -23° ; скорость ветра 16 м/сек. Начинается буря. Со вчерашнего дня действует подаренный нам телефон; для предварительного испытания он установлен между кают-компанией и лабораторией, позже он соединит нас со станцией на острове.

У одной из собак два щенка замерзли в снежной норе. Я распорядился устроить их в коридоре перед лабораторией, которая постепенно превращается в клинику для собак: справа и слева у моих ног лежат пациенты, страдающие потливостью, — Туркан и Чакирес и еще две собаки с новорожденными щенками.

Вчерашнему «фёну» можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что у меня голова как в тумане и что собаки нервно были.

Среда 14 ноября. 9 часов 15 минут вечера. Вчера сел за I главу «Истории возникновения и плана экспедиции»²¹. Когда я приводил в хронологический порядок проекты экспедиции и заключение, мне живо вспомнился период подготовки: друзья, которые оказывали помощь, препятствия, которые надо было преодолеть и т. д. Быстро прошли те два года. Промелькнули бы благополучно и также быстро два последующих! Могу ли надеяться, что через два года я буду в это время уже целый месяц дома? О мечты!

Пятница 16 ноября. Дежурная сторожка на острове готова. Подвозим туда на собачьих упряжках предметы внутреннего оборудования, керосиновую печь, доски и пр. Зееберг установил уже унифиляр в законченной им постройке. До открытия станции остается подготовить приборы для абсолютного наблюдения над склонением и доставить на место метеорологические инструменты. Наша ценная библиотека приносит свои плоды. Все сотрудники, за исключением Зееберга, у которого не хватает для этого времени, и Матисена, не интересующегося подобным чтением, углубились в полярную литературу. Я предложил каждому по очереди делать сообщения о прочитанном, тогда мы все познакомимся с научной литературой по полярным странам и сам докладчик глубже вникнет в

прочитанное. Кроме того, референт проработает материал для популярного доклада команде.

Суббота 17 ноября. Первую главу я закончил, недостает лишь нескольких документов, оставшихся в Петербурге. Вторая глава посвящена персоналу экспедиции и описанию снаряжения²². Всю неделю я провел за письменным столом. Завтра, в воскресенье, думаю совершить прогулку.

Воскресенье 18 ноября. Вчера я сговорился с Коломейцевым поехать к так называемому «глётчеру» на острове Нансена, чтобы вместе с ним укрепить знаки на льду, по которым хочу точно установить, движется ли он. Сегодня утром в 9 часов 30 минут мы вышли при тусклом свете полярной ночи. Была великолепная погода: тихо и тепло, 17°. В 10 часов 30 минут, когда мы были на восточном берегу острова Нансена, стало настолько светло, что я мог снять и записать показания анероида. Нашел довольно большое ледяное поле, более интересное, чем можно было ожидать, и приступил тотчас к его измерению. Собаки были привязаны к воткнутому в лед лому. Вытаскивая бамбуковый шест из глубокой трещины, я заметил, что собачьи нарты пришли в движение. Почуввав, очевидно, оленя, белого медведя или песка, собаки сорвались с места. Стрижев немедленно бросился наперерез собакам, а Расторгуев большими прыжками побегал им вслед. Догнать упряжку не удалось, и она вскоре исчезла из виду, а за нею и оба каюра. Я беспокоился за ружье и подозрную трубу, которые лежали непривязанными на санях. При бешеной гонке нарта могла опрокинуться или же разбиться о камни, которыми усеяна тундра. Пришлось работать без ломов и бамбуковых палок, оставшихся на нарте. Время подошло к часу дня, но ничего не было ни видно, ни слышно! Мы отправились в обратный путь, напряженно всматриваясь в темноту и прислушиваясь. Было настолько тихо, что я слышал собственное дыхание и биение своего пульса. Наконец после получасовой ходьбы мне показалось, будто слышны голоса, и острое зрение Коломейцева действительно обнаружило черное пятно, которое казалось подвижным. Это были нарты. Через четверть часа они нас нагнали. К счастью, все оказалось цело и ничего не потерялось. Не догнав оленей, собаки повернули обратно и пришли, оказывается, точно на то место, с которого сорвались. Какие умные животные наши собаки! Какой исключительный инстинкт ориентировки! Догоняя упряжку, Стрижев и Расторгуев видели вдалеке восемь оленей. Интересно разрешить вопрос: зимуют ли здесь олени или они перебирались с северных островов?

Во время ужина Стрижев объявил, что один из щенков задушен своей матерью, а именно более сильный с красивой белой шерстью. Это печально! Неприятное чувство защемило мне сердце, да и все возмущены. Оказывается, собаки разо-

дрались из-за лучшего щенка, и бедное маленькое существо стало жертвой их вражды. Мать оставшегося в живых щенка непрерывно воет, скребет у наружной двери и ищет чужого щенка, которого она хотела отнять и которого умертвила в борьбе. Странно, что о своем собственном щенке она мало беспокоится. Быть может, произошла ошибка?

Понедельник 19 ноября. Всю ночь напролет и сегодня весь день воет и скулит собака о своем разорванном щенке. Подобный раздор за обладание новорожденными щенками происходит среди собак, видимо, нередко. То же самое наблюдал Расторгуев у оленей. Он рассказывал мне, что видел в тайге Алданского округа, как важенка увлекла к себе чужого олененка и как ей посчастливилось защитить усыновленного приемыша от притязаний его собственной матери и вырастить на своем молоке. Горячие бои между важенками за обладание молодняком происходят нередко. В чем тут причина? Потребность ли отдать излишнее молоко или же за этим кроется что-то другое?

Сегодня утром я снова отправился с Коломейцевым на фирновый лед на острове Нансена, чтобы вбить бамбуковые шесты. Фома работал необычайно старательно и в пылу работы свалился в трещину. Он громко зывал о помощи и был возмущен, когда Стрижев, вытаскивая его, хохотал от души. На обратном пути я осмотрел на острове Наблюдений ледяную хижину, очень ловко построенную Матисеном, и оттуда вернулся пешком.

Среда 21 ноября. Организовать работу я решил таким образом, чтобы семеро из нас дежурили по одному дню в неделю на острове Наблюдений, а остальные шесть человек, за исключением меня, несли в течение зимы судовую вахту.

Вчера перед обедом мы с Бирулей поехали на фирновый лед. Я погрузил в лед бамбуковые палки так глубоко и прочно, как только смог. Было 30° мороза при совершенно ясном небе, и поэтому в полдень было почти светло. Доктор воспользовался этим для охоты за оленями, но вскоре вернулся с сообщением, что их разогнали волки. Это наблюдение подтверждает наше предположение, что олени проводят здесь зиму. Что же касается лета, то олени, возможно, и перебираются на более северные острова. В 9 часов 30 минут вечера, сидя в лаборатории, я услышал два выстрела. Это Огрин, стоя на вахте, заметил за кормой судна пробежавшего волка и послал ему вслед две пули. Теперь собакам угрожает двойная опасность: во-первых, быть растерзанными волком и, во-вторых, оказаться застреленными одним из чрезвычайно старательных охотников, принявших их за волков.

Когда я вышел к вечернему чаю, светилась великолепная корона северного сияния, лучи которого направлялись на северо-запад к Кассиопее, находившейся приблизительно в

30° от зенита. Широкий покров завесы концентрически окружал корону.

Воскресенье 25 ноября. Тихий день. В 7 часов утра 17,9° мороза. Долго ли простоит такая теплая погода? За завтраком нас было только четверо, так как доктор задержался на острове, а Бируля и Матисен тоже ушли, чтобы установить новый флюгер. Из помещения команды доносится игра на цитре и пение. Природа мертвенно спокойна.

Среда 28 ноября. Станция на острове работает с понедельника. Вчера я провел на острове свое первое суточное дежурство, которое прошло хорошо и быстро. До 3 часов ночи ни я, ни Расторгуев не ощущали сонливости. В промежутках между наблюдениями мы развлекались чтением и приятной болтовней. В 3 часа ночи я отпустил Расторгуева спать, так как его помощь была нужна только в 7 часов при снятии показаний почвенного термометра. В час дня пришли Коломейцев и Фома нам на смену. Вечером я играл в шахматы с доктором и выиграл партию к общему удивлению.

Опять вопрос об угле! Остается единственный выход — уполномочить лейтенанта Коломейцева организовать угольные базы. Его личные качества — деловитость, трудолюбие и точность при выполнении порученных работ, а также оперативность будут способствовать успеху организации двух угольных станций, а именно: в гавани Диксон и на острове Котельном. Сопровождать Коломейцева мог бы Расторгуев, которого все еще не покидает мысль об отпуске. До нового года этот план должен быть окончательно продуман.

Суббота 1 декабря. Тихая погода, ясное небо, слабый мороз и лунный свет. При луне нет северного сияния, какая взаимосвязь? Через шесть дней будет пять месяцев со времени нашей разлуки. Как бы то ни было, шестая часть времени миновала. О, если бы я мог побыть с вами всего только один час!

Воскресенье 2 декабря. В двух километрах в глубь от южного берега находится озеро, обнаруженное доктором. Уже давно я задумал, если только близ нашей зимней стоянки окажется озеро, проводить там ежедневно наблюдения над температурой, чтобы осветить вопросы, поставленные Миддендорфом. Так как озеро расположено довольно далеко, то я за недостатком времени готов был отказаться от своей мысли, если бы Бируля вновь не затронул этого вопроса. Сегодня мы с Бирулей и доктором собрались поехать на собачьих нартах к озеру со всеми необходимыми инструментами. Закончив приготовления, мы с Бирулей в 10 часов 30 минут сели на нарту, а доктор, потеряв, как обычно перед отъездом, терпение, отправился вперед пешком. Было тихо, — 31° при слабой облачности. На юге над горами протянулась оранжевая полоса — это была утренняя заря скрытого за горизонтом солн-

ца. Увидеть солнце мы смогли бы совершив путешествие за 1000 км к югу через тундру, леса и горные хребты. Над узкой оранжевой лентой плыли темные, пепельно-серые облака. Через образовавшийся в верхних слоях просвет проникали бледно-оранжевые лучи, освещавшие матовым светом облака. Над ними мерцали звезды. На севере по темному синевато-серому небосклону пронесся метеор. На северо-востоке восходила луна — красный огненный шар. В полусумраке глаз не различал ничего под ногами, кроме нескольких песцовых и одного волчьего следа. Мы повернули обратно, так и не встретив доктора. Пересекая следы оленьего стада, имели случай еще раз убедиться в присутствии живых существ в тундре. Через час вернулся доктор. Я был доволен, что удалось освежиться в этой воскресной поездке, хотя в научном отношении поездка и не оправдала себя. Остальное время провожу безвыходно в своей лаборатории. Не будь у меня этого тихого угла для работы, мне было бы тяжело переносить зимовку.

Среда 5 декабря. С понедельника на вторник я вел наблюдения в снежном домике на острове. Сутки промелькнули быстро. Погода была чудесная, особенно ночью, когда западно-юго-западный ветер совершенно стих, и на ясном небе светила полная луна. Белоснежный ландшафт был настолько ярко освещен луной, что все кругом было видно лучше, чем в сумеречный полдень. Ледяные иглы в атмосфере создавали красивый ореол вокруг луны. В 9 часов вечера под луной в поднявшемся с горизонта туманном облике образовался добавочный, расплывчатый лунный диск, затем появился переливающийся всеми цветами радуги круг. Позже образовалось огромное гало и наконец в 9 часов утра 4 декабря, когда луна стала золотисто-желтой, появилась такого же цвета полоса поперек лунного диска.

Полная луна благодаря своей исключительной яркости заставляет бледнеть северное сияние. Своды и завесы кажутся при луне белыми полосами, с трудом отличимыми от слоистых и перисто-слоистых облаков. Невзирая на это, мне удалось наблюдать несколько стадий северного сияния. Магнитная игла унифиляра обнаружила наибольшее отклонение, когда с севера с огромной быстротой поднялась завеса и остановилась в зените в виде направленных с запада на восток полос.

Снежный домик отлично оправдывает себя и делает своему строителю Матисену, как и его помощникам Толстову и Безбородову, большую честь. Во время моего дежурства температура наружного воздуха опустилась ниже — 30°, и тем не менее внутри снежного домика держалась температура — 2°, хотя керосиновая печка горела слабым пламенем, чтобы только согреть хронометры. Но как только зажигалась для приготовления пищи керосинка, температура быстро поднималась

до $+3^{\circ}$. Сверх обычного шерстяного белья, спортивных брюк и тонкой синей матросской рубашки я надевал на дежурство исландский свитер, поверх него спортивный пиджак, на ноги пимы и короткие чулки из оленьего меха. Выходя наружу, я надевал дополнительно только шапку и перчатки, которые приходилось, впрочем, снимать во время наблюдений.

Дежурная комната в снежной хижине устроена очень уютно: потолок и стены завешаны парусиной, которая защищает снежную поверхность от непосредственного воздействия тепловых лучей и в то же время препятствует капанию оттаивающего понемногу снега. У стены устроены широкие нары из досок, на них разложены олени шкуры. Перед нарами стоит большой дощатый стол из ящичков, покрытый клеенкой, так как часть этих досок служила ранее подстилкой для собак. У узкого конца стола стоит вертящееся кресло — запасный стул из кают-компания, покрытый оленьей шкурой, у другого конца — маленький деревянный стул из штурманской рубки. У западной стены из ящичков устроен буфет для посуды и припасов. В северо-западном углу на керосиновой печке помещается в термическом ящике хронометр. Посреди комнаты рядом со столом отведено место кипятильнику. Пол сделан из досок, чтобы ноги не находились непосредственно на снегу. У северной стены стоит умывальник и рядом висит барометр.

За пять минут до истечения каждого часа матрос зажигает фонарь и покрывает его колпаком для защиты от ветра. Сняв показания барометра, выхожу наружу. Идем сначала к флюгеру, затем к термометру. На шесте над термометром прикреплен ручной анемометр, под жестяным кожухом во избежание его вращения в промежутках между наблюдениями. Снимаю кожух, анемометр приходит в движение, после минутного вращения снимаю показания. Затем иду без фонаря к магнитному павильону и отсчитываю через трубу унифиляра деление шкалы.

На обратном пути ведутся наблюдения над облачностью, северным сиянием и другими явлениями природы, а затем все заносится в тетрадь. В 7 часов утра, 1 час дня и 9 часов вечера определяется температура почвы по четырем термометрам на глубинах 0,2, 0,4, 0,8 и 1,6 м, а в 7 и 9 часов только по двум термометрам. Затем снимаются показания максимальных и минимальных термометров на снегу. В интервалах между наблюдениями занимаюсь легким чтением.

Заболела еще одна собака — Тугут, brave вожак, который лежит теперь у моих ног.

Ежечасные наблюдения являются истинной благодатью. Благодаря им вахта проходит незаметно. Когда возвращаешься в 10 часов утра с острова, два часа до завтрака проходят быстро за умыванием и разговорами. После завтрака ложусь в час дня спать до 6 часов. После обеда играю партию в

шахматы и, вытянувшись на диване перед камином, наслаждаюсь комфортом уют-компаний, слушая в исполнении Матисена на фортепиано песни Шумана или Шуберта. Беседую и забавляюсь горячими спорами между Матисеном и Колчаком; они неизменно придерживаются противоположных мнений, но благодаря добродушию Матисена остаются в дружбе, несмотря на частое раздражение гидрографа.

Матисен все более сживается со своей метеорологией. Его практические склонности находят хорошее применение.

Суббота 8 декабря. Время быстро проходит, слишком быстро, чтобы чувствовать удовлетворение работой, но слишком медленно, когда думаешь об оставшихся 22 месяцах! Сегодня волшебный светлый лунный ландшафт и тихо при 24° мороза. Ненарушимая тишина полярной ночи и покой. Мир? Еще нет! Предстоит дальнейшая борьба...

При луне по ночам светлее, нежели днем, так как луна дает отраженный от снега свет и, что особенно важно, дает тень, в то время как при сумеречном свете дня теней не бывает. Вчера от 11 до 12 часов я ходил с Бирулей гулять до станции, где доктор вел наблюдения. На обратном пути светло-голубое небо было расцвечено северным сиянием, которое образовало нежные лучи и красиво окрашенную вздернутую завесу среди мерцавших звезд и созвездий. Внизу бесконечная пелена снега и ледяная равнина. Вся картина — символ мирного покоя. Но здесь нет мира, нет покоя, только временами их приносит освежающий сон, а потом вновь начинается борьба с самим собою и со всем окружающим...

Вторник 11 декабря. Сегодня во время дежурства я с большим наслаждением дочитал до конца прекрасный роман Рейтера. Многозначность, которая местами присуща автору, соответствует духу той эпохи, когда располагали временем для личной жизни.

Сегодня темно, луна скрылась. Возвращаясь с острова, я спотыкался не один раз, так как свежие снеговые заструги не были видны. До острова уже протянуты телефонные провода на бамбуковых шестах. В ближайшее время телефон начнет работать. Уже несколько дней приведен в действие измеритель приливов.

Четверг 13 декабря. Собачья благодать: у молодой собаки в лаборатории появилось на свет восемь пестрых, красивых щенят; другая белая собака принесла сегодня ночью семь щенят, но по неопытности дала трем из них погибнуть.

Пятница 14 декабря. Вчерашняя молодая мамаша произвела на свет всего 13 щенят. Она хорошо устроена со своими семью выжившими щенятами у машинистов, которые находят развлечение в ухаживании за ними.

Вторник 18 декабря. В ночь на сегодня наблюдения велись при великолепной погоде с 36-градусным морозом. На этот

раз я ни минуты не спал, но за то боцман Бегичев отсыпался очень усердно.

Время в работе проходит у меня быстро; Огрин также считает, что благодаря отсутствию свободного времени дни мелькают незаметно. Как и все остальные, он чувствует себя хорошо. В субботу, придя ко мне по вопросу театральной подготовки, он просил дать ему геофизику Гюнтера, за изучение которой хочет взяться после нового года.

Запас дров кончается, и потому в каюте довольно-таки прохладно. На остров Наблюдений посланы две нарты за бревнами. Как только появится луна, нужно будет подвезти топливо с более отдаленных мест. Мороз постепенно крепчает: сегодня — 38° , но толщина льда не превышает одного метра.

Пятница 21 декабря. Страдаем от недостатка дров, и потому в кубриках поставлены две керосиновые печки. За 60 дней подвезли приблизительно 60 нарт дров, следовательно, ежедневно расходует-ся по одной нарте.

Сегодня истекли шесть месяцев с тех пор как мы покинули Петербург и уже месяц со времени последнего разговора с Коломейцевым об угле. Угольный вопрос стоит настолько остро, что я должен принять окончательное решение по этому поводу. У меня окрепло твердое намерение поручить лейтенанту Коломейцеву организовать угольные станции; сопровождать его может Расторгуев.

Расход угля на отрезке пути от гавани Диксон до Таймырского пролива, особенно от фиорда Миддендорфа, значительно превысил допустимое количество. Согласно подсчетам капитана, в бункере еще достаточно угля для плавания до Земли Санникова или острова Беннета даже при столь неблагоприятных ледовых условиях, как в последнюю кампанию. При более бережном расходовании угля и при более благоприятных обстоятельствах будущим летом 1902 г. в бункерах должно остаться количество, достаточное, чтобы пройти под парами до Новосибирских островов или до ближайшего материкового побережья Сибири, но и только.

Конечно, через год вопрос о том, какой избрать обратный путь, может быть поставлен совершенно иначе. Однако для разрешения главной задачи экспедиции — исследования неизвестной области севернее Новосибирских островов — необхо-

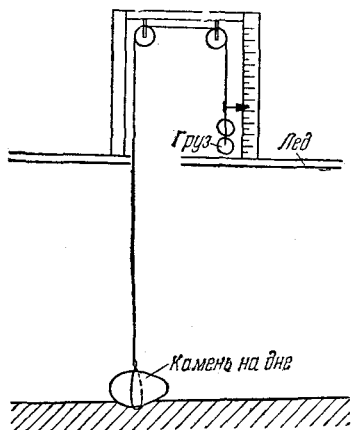

Схема измерения уровня

димо организовать две угольные станции: одну в гавани Диксона, а другую у западного побережья острова Котельного. Понятно, что письменные распоряжения, посылаемые отсюда, не могут обеспечить желаемого результата, а осуществление плана зависит всецело от энергии и распорядительности знающего свое дело человека, по возможности моряка.

Лейтенант Коломейцев в смысле распорядительности и опыта, приобретенного им во время плавания по Енисею в 1893 г., прекрасно подходит для этой миссии, он располагает также сведениями об условиях плавания к острову Диксона для устройства там важнейшей угольной станции. С появлением солнца Коломейцев должен отправиться в сопровождении Расторгуева на нартах, нагруженных продовольствием и собачьим кормом из расчета на 40 дней, к устью Таймыры через Таймырский залив, оттуда следовать путем Миддендорфа вверх по реке Таймыре до Таймырского озера и далее путем Лаптева до устья Хатанги. Полагаю, что расстояние около 550 км займет не более 30 дней. У устья Хатанги живут ненцы, которые доставят путешественников на своих оленях так же верно и быстро до Дудинки на Енисее, как перевозили меня в 1893 г. от жилья к жилью. Здесь должна быть сдана наша почта для дальнейшей отправки. Из Дудинки Расторгуев возвращается с полученной для экспедиции обратной почтой той же дорогой к устью Хатанги. Он может быть доставлен на оленьих нартах до устья Таймыры, так как ненцы каждой весной перекочевывают на север до Таймырского озера и при хорошем вознаграждении поедут и дальше. Тогда Расторгуев прибудет в мае месяце на борт «Зари». Попутно Коломейцев внесет вклад в географическую науку, произведя съемку по маршруту от зимней гавани «Зари» до конечного пункта экспедиции 1893 г. у устья Хатанги, также сделает ряд астрономических определений мест и т. д.

Суббота 22 декабря. Температура в помещении команды держится благодаря большой керосиновой печке $+7^{\circ}$, между тем как у нас было сегодня $+2^{\circ}$. В моей каюте в наружном углу образуется лед и снег; как только я перестаю согревать воздух маленькой керосиновой печкой, на другой стене и на потолке конденсируется вода, которая каплет ночью на койку; тем не менее чаще одного раза в неделю я не могу пользоваться печкой из-за недостатка горючего.

Тугут, видимо, тяжело болен, он сильно худеет, потерял аппетит и не линял в свое время. Ввиду того, что и другие собаки прихварывают и две восточносибирские «потеют», как это определяют каюры, я распорядился сегодня выдать из наших запасов слабым и хворым собакам тюленьи и медвежьи сало, так как, по всей вероятности, заболевание можно отнести за счет недостаточного образования сала в салых железах и неудовлетворительной смазки салом их шерсти.

Воскресенье 23 декабря. Сегодня ночью Тугут отошел к своим праотцам. Несчастное животное сильно мучилось последние дни, а вчера оно с трудом переползало с места на место. Вечером затопили в лаборатории печку, я растянул на полу коврик и уложил перед огнем больного Тугута, а сегодня утром Железняков нашел его в той же позе уже окоченевшим. Теперь из восьми шпичев осталось лишь шесть. В помещении машинистов температура поддерживается керосиновой печкой $+9^{\circ}$, при наружной температуре воздуха $-40,2^{\circ}$. То же самое в помещении матросов, но там сыро. Необходимо произвести осушку, а затем завалить борта судна снегом.

Среда 26 декабря. Сегодня я встал свежим и бодрым, хорошо выспавшись после вчерашнего дежурства. Ночью было $-44,3^{\circ}$, тем не менее в снежном домике было уютно, хотя температура держалась в нем между -5° и 0° .

Суббота 29 декабря. Сегодня шторм 12—14 м при -30° . Дежурство в такой день вновь выпало на долю доктора. Зееберг сегодня утром заблудился во время пурги между ледяным домиком и сторожкой. Потеряв ориентировку, он стал кричать, пока ему не был дан из сторожки свет.

Из-за непогоды отменены поездки за дровами. Топлива остается всего на три дня только для камбуза; все жилые помещения и лаборатория обогреваются керосином, в последней температура поддерживается $+1^{\circ}$.

Только что я пережил тревожные минуты. Расторгуев, который нес дежурство с доктором, не возвращался после его прихода в течение часа. Что делать? Искать не было смысла, так как каждый, кто разыскивает затерявшегося в пургу, неминуемо рискует заблудиться. Только держась за канат можно не терять направления. Ракеты и фейерверки светят в такую пургу слишком слабо. Хотели поднять фонарь на мачту и второй, очень яркий, зажечь на острове. В это время сообщили, что Расторгуев прибыл. От радости я едва мог совладать с собой. Чтобы в будущем предотвратить несчастье, я дал приказ во время снежной бури дежурным не разъединяться и в сильную непогоду идти связанными канатом по двое.

Сегодня день рождения моей дочурки. Хочу взяться за письмо к своей нежно любимой девочке.

Стрижев сообщил, что у молодой ненецкой собаки, которую поместили в бане, погибают щенята. Я послал для выяснения Матисена — покровителя наших оценившихся собак. Он сообщил, что глупая собака зарыла своих двух щенят в паклю и убежала, не желая их кормить. Матисен и Стрижев, пытаясь пробудить материнское чувство животного, поднесли к ней щенят. Голодные щенята пищали, оценившаяся собака тоже визжала, затем одного из них укусила. Этим была решена судьба бедных созданий: их утопили, а собаку с бранью выгнали под открытое небо.

Коломейцев только что сообщил, что, по его расчетам, произведенным совместно с Огриным, расходование угля нашей машиной выражается в следующих цифрах:

При 4 узлах угля хватит на	2300	морских миль
5 " " " "	на 1500	" "
6 " " " "	на 1100	" "

Тем самым наиболее выгодный ход 4 узла.

Ветер усилился до 8 м/сек. Это сразу сказывается на пальцах и носах. После обеда ветер посвежел до 11 м, однако ночью, к началу нового столетия, наступила великолепная, безветренная ясная лунная ночь, такая бывала почти в каждую мою вахту.

Сегодня вскрыл посылку из дома — пакетик № 2, а № 1 с надписью «вскрыть в первый час досуга» я вероятнее всего привезу обратно невскрытым, так как этот час вряд ли наступит. Принесет ли нас всем счастье Новый год и новое столетие!

Среда 2 января 1901 г. В лаборатории становится очень сыро, спасает только топка печи, но нужно беречь дрова.

Сегодня вскрыли посылку от друзей из Дерпта. В ящике, кроме многих хороших вещей, находились коньяк и ликер, которые были с веселым смехом конфискованы и спрятаны до торжественного случая. Появление первых лучей солнца над горизонтом, пасха и разрешение угольного вопроса — это будут дни веселого торжества за стаканом вина!

Позавчера были подвезены две с половиной нарты дров, сегодня посылаются еще три нарты за топливом. Благодаря этому мы сможем к рождественским праздникам высушить сильно отсыревшие помещения.

«Собачья благодать» прибывает. На месте глупых молодых собак в ванной каюте устроили вчера другую собаку, так как в «родильном доме» Огрина нет больше места. На борту у нас растет 19 щенят.

Огрин старательно проводит репетиции к торжественному спектаклю, намеченному на третий день праздника. Пузырев, ознакомивший меня во время последней вахты со своей биографией, будет выступать в качестве клоуна.

Привожу вкратце его биографию. Он родился в 1875 г. в Вологодской губернии. До тринадцати лет жил дома, посещал приходское училище и обучался кузнечному ремеслу. Затем его потянуло к новой жизни — ковать кое-что более значительное, чем подковы, гвозди и дверные задвижки. Когда ему исполнилось 13 лет, он приехал в Петербург и поступил учеником в слесарную мастерскую мраморной фабрики. Обладая хорошим голосом и слухом, он записался в хор мальчиков, выступавший в народных театрах, вскоре научился также танцевать в хороводах русские народные пляски. При рекрутском наборе он был назначен в учебный отряд и плавал в Балтий-

ском море. Во время плавания на «Заре» от Христиании до Копенгагена произошло следующее событие, о котором, впрочем, сам он не рассказывал. В топке парового котла прогорели и провалились колосниковые решетки, поддерживать тар стало невозможно. Море было бурное, судну грозила большая опасность. Тогда Пузырев опустился в топку, обвязав для защиты от жара голову и туловище мокрыми мешками. Проработав в течение пяти минут в страшном пекле и достав решетки, он впал в обморочное состояние. Последствия этого рискованного предприятия сказались сильными головными болями.

Среда 9 января. Рождество позади! Как прошли у нас на судне рождественские праздники? Наши «ребята» из команды провели их очень весело. Толстов устроил красивую елку, соорудив деревянный остов и ветви из проволоки, искусно обернув все темно-зеленой бумагой. На кончиках ветвей бумага была мелко надрезана, так что сходство с елкой было вполне достигнуто. Она была украшена елочными свечами, золотыми звездами и пестрыми бумажными цепочками, изготовленными обоими отцами семейства — Евстифеевым и Расторгуевым. Стол, на котором была зажжена елка, покрыли флагом, стены украсили бумажными флажками и маленькими знаменами. На столе для каждого было приготовлено по полной тарелке угощения: миндаль, изюм, винные ягоды, конфеты, пряники и по четыре плитки шоколаду, и на всех две бутылки рому для жженки.

Все выглядели торжественно в парадной одежде, когда я вошел и приветствовал их словами: «Поздравляю вас с праздником». На матросской куртке Расторгуева сверкала медаль. Фома выглядел также празднично в матросской форме. Затем начался розыгрыш подарков. Главным выигрышем был аккордеон, который пал на долю маленького застенчивого Безбородова. Еще были шапки, домино, зеркало, головные щетки, коробка сигар и т. д. Кроме того, каждый получил на память по перламутровой чарке. В заключение торжества я просил в нескольких словах команду не забывать о том, что празднование этого вечера знаменует искреннюю дружбу, без которой не может завершиться ни одно задуманное дело.

В кают-компании у нас было тоже деревцо, устроенное по тому же методу Толстовым и напояившее своими немногочисленными ветками скорее араукарию, чем елку. Зеeberg вел в этот вечер наблюдения, а Бируля находился в угнетенном настроении духа и не выходил к нам. Доктор поставил на стол разложенное на крышке ящика, как на подносе, рождественское угощение: орехи, миндаль, изюм, винные ягоды и т. д. Кроме того, открыли ящик конфет и пряников. Матисен принес преподнесенные его свояченицей подарки в надписанных нашими именами пакетах. Я получил карманную записную книжку и маленькую куклу-лыжника, видимо, чтобы она напоми-

нала мне о моих детях. Доктор получил пивную кружку и т. д. Среди подарков Матисена было несколько бутылок кахетинского, так что я мог не доставать вина из наших запасов. Матисен завел фонограф и пока все слушали «адмиральский марш», я пошел с доктором к Зеебергу отнести ему деревцо и пакетик с угощением.

Ночь была лунная, тихая и теплая, только 27° мороза, так что на пути к станции мы с доктором покрылись испариной. Шли молча, бок о бок. Было между 8 и 9 часами вечера. Доктор прервал молчание, коротко заметив: «Сейчас на родине многие думают о нас». Из моей гортани с трудом вырвалось судорожное «Да» и я едва не застонал. Овладев собой, я дал разговору другое направление — заботы об экспедиции заглушают мою тоску по родине. Зееберг был один, так как он отпустил своего вахтенного матроса на праздничный вечер. Я внес зажженную елочку, которая ярко осветила дежурное помещение. На открытом воздухе было настолько тихо, что мы могли пронести елку с зажженными свечами. Вернувшись, застали трех офицеров за кахетинским. Вскоре все разошлись и улеглись по своим койкам. Я чувствовал себя очень усталым, было 11 часов, дома горела елка. Судорога сжимала мне горло. Я потушил свечу и мысленно перенесся домой. Как хотелось бы, мои дорогие, чтобы горе и жизненные невзгоды миновали вас! Вскоре я заснул.

На следующее утро я был на дежурстве. На этот раз серьезное чтение и работа казались мне утомительными, поэтому я захватил с собой «Швецию» Пассарге, книгу, напомнившую мне о нашем последнем путешествии вместе с тобой, родная! День после вахты постоянно принадлежал мне. Я заказал себе ванну, которой наслаждался вечером перед сном. Выпив стакан чаю с коньяком, я лег в свежем белье в высушенную и согретую постель и спокойно заснул.

Четверг 10 января. Вчера состоялось первое театральное представление. Чисто выбритый, как надлежит актеру, Огрин — режиссер и директор театра — вошел в 7 часов 30 минут в кают-компанию и сообщил, что был уже второй звонок. На переданной им театральной афише были нарисованы два белых медведя, которые смотрят изумленно на плакат, оповещающий полярные страны о первой зимовке «Зари», на заднем плане силуэт «Зари». Ниже следует отпечатанная на ремингтоне программа.

Кубрик был превращен в подлинный театр. Там был партер с креслами, откидными стульями и скамейками, даже ложи стоимостью 3 руб. 50 коп. — койки команды, которые действительно походили на ложи первого и второго яруса. Сцена отделена от зрительного зала занавесом из больших флагов. Позади сцены флагдуком были отделены уборные и гардероб артистов.

Занавес поднялся. Мужской хор под управлением Огриня исполнил после национального гимна несколько хоровых песен. Следующий номер — комическое интермеццо Фомы — было лучше, чем я ожидал, особенно принимая во внимание, что весь текст и отдельные сцены представляли собою творчество драматурга Таймырской земли — Огриня, причем он сочинил удачные куплеты на злобу дня. Обладая мимическим талантом, Огрин хорошо провел сцены с монологами и исполнил на цитре народные мелодии. Также хорошо выступали музыкальные клоуны; Шервинский выглядел комично в роли клоуна-щеголя, а Пузырев получил полное признание всей команды за свой музыкальный номер. Наивысший успех выпал на долю исполнителей последнего номера — «Камаринской», во время которой Фома изображал указанный в программе кордебалет.

После громких рукоплесканий артистам были переданы «букеты» — две бутылки рому, завернутые в бумагу в виде больших букетов цветов. Позже, когда я шел в лабораторию, было слышно, как внизу в клубе вся команда, сидя за пуншем, весело распевала круговые песни. Актеры бражничали в кругу своих товарищей далеко за полночь. Несмотря на несколько излишнее возбуждение подвыпившей компании, я охотно разделил бы с матросами их искреннее веселье.

*Среда 13 января*²³. Сегодня в канун Нового года²⁴ спектакль будет повторен. Таким образом, те, кто в прошлый раз находился на вахте, смогут присутствовать на представлении.

*Суббота 16 января*²⁵. В своей каюте. Встреча Нового года также позади. Театральное представление прошло довольно удачно. Огрин включил в программу несколько новых номеров. Фома, которого лавры Огриня лишили сна, пожелал выступить с монологом, написанным в стихах им самим, но его чтение не отличалось остроумием. Он появился с саблей, в треуголке, в орденах и преподнес непонятные обрывки на польско-еврейском жаргоне. Клоунада «Цирюльник» была представлена в неизменном виде и имела большой успех.

В следующем номере укротителем-клоуном Люиджи были показаны дикие звери и собака Русалка в виде ручного белого медведя с носом, выкрашенным, как у клоуна. В трех клетках от судовых фонарей находились молодой лев, тигр и пантера, настолько «дикие», что их можно было показывать зрителям только через стекло. Это были три щенка, которые, облокотясь стойком на стекло, громко выли, стараясь вырваться на свободу. В заключительном номере спектакля «Камаринской» Фома пожинал действительно заслуженный успех. После продолжительного антракта был показан новогодний апофеоз. В полутьме перед нами стоял сгорбленный трясущийся старик на дрожащих ногах с ниспадающими седыми волосами. Он опирался на посох. Это был старый год. Обращаясь

к зрителям, он произнес несколько слов слабым голосом. При его последних словах часы ударили двенадцать, тогда старец пригнулся к земле и исчез со сцены. В это время на заднем плане обрисовалась ярко освещенная магием молодая сильная фигура, художественно задрапированная в светлый флагдук, с голубой, украшенной звездами короной на голове. В руках у нее был транспарант, на котором светились пламенно-алые буквы двух слов: «Земля Санникова!» Более осмысленного воплощения наших стремлений в новом году вряд ли можно было себе представить. Пока я обдумывал несколько слов признательности, раздался голос Бирули: «Спасибо, спасибо». Не успев подготовить красивую речь, я поднял бокал рому за здоровье нашей прекрасной команды и сказал только, что она показала своей серьезной работой высокую сознательность при выполнении задач экспедиции, а своей веселой игрой и остроумием сократила всем нам зимнюю ночь. В офицерской кают-компании не было особого торжества. Как враг пышных речей, я уже за обедом предупредил всех о нежелательности торжественных выступлений и сказал, что, согласно моей точке зрения, от нас ждут не речей, а дела! Тем не менее Матисен встал и развернул принесенный с собою большой лист.

— Итак, будет все же речь? — спросил я в некотором изумлении.

— Нет! — ответил он с застенчивостью начинающего поэта, — я прошу лишь прослушать маленькое стихотворение, посвященное моим друзьям. — И прочел свои красивые, полные юмора и остроумия стихи, получившие заслуженное признание всех присутствующих.

Затем выпили пунш, прибавив к нему великолепное апельсиновое варенье, и я сам с истинным наслаждением выпил стакан. После 11 часов я удалился под предлогом отдыха перед предстоящим на следующее утро дежурством.

Завернувшись в шерстяное одеяло, я натянул его на голову, чтобы не нарушалась тишина, и перенесся всей душой домой... Свою тоску по родине и все тревоги я вложил в мольбу о благополучии моей семьи и о сохранении моих сил, чтобы найти верный путь к преодолению явных и скрытых трудностей экспедиции, часто тяжело ложившихся на меня.

Во время наблюдений 14 января был резкий штормовой ветер. Вчера он улегся, и сегодня наступила тихая погода при — 43°. В полдень было довольно светло.

Позавчера, во время посещения острова, Стрижев рассказывал мне, что промышленники добывают в последние годы много мамонтовой кости — свыше полутора тонн на одном лишь Ляховском острове. Потом он спросил о судьбе ноги мамонта «с кожей», посланной его отцом в Академию наук, за которую была получена благодарность. Стрижев помнил,

как его отец нашел череп мамонта с бивнями, которые были обращены назад и загнуты вверх. Отец продал оба бивня за сто рублей, а череп за пять. Он рассказал также о находке мамонта вблизи Усть-Янска, о чем в 1896 г. было сообщено в Академию через одного из ссыльных. Одновременно был отправлен лоскут кожи, отрезанный от большого, до двух сажен (?) величиною, куска шкуры мамонта. Здесь же было найдено много костей вместе с суставными сумками и сухожилиями, издававшими отвратительный запах падали. Останки мамонта лежали у береговой полосы, скатившись, очевидно, с отвесной ледяной стены, возвышавшейся над берегом. Прекрасный кусок мамонтовой кожи был найден в том же 1896 г. на речке Хараулах западнее Усть-Янска. По словам Стрижева, берег состоит здесь из мощных пластов каменного льда, из которого вытаивают в большом количестве остатки млекопитающих и стволы берез. Каменный лед залегает также в бассейне Чендона вплоть до границы лесов. Там Стрижев нашел много клыков мамонта и отсюда же должна происходить нога первобытного быка (*Bos primigenius*), присланная в Петербург в свое время М. Санниковым. В заключение Стрижев сказал, что, по словам промышленников, в последние годы вокруг островов била чистая вода и они не видели в разгар лета плавучего льда. Небезынтересно, что за последнее время, судя по рассказам Стрижева, на его родине в Казачьем развилось скотоводство и вообще жизнь значительно изменилась. С 1898 г. прекратилось опасное плавание по реке Лене на каяках благодаря трем регулярным рейсам парохода «Лена» из Якутска до Булуна; с тех пор купцы доставляют все товары в Казачье пароходом. Меня заинтересовало и другое сообщение Стрижева: прошлый год инфлюэнца произвела огромные опустошения в Усть-Янске и Булуне. Булун за последнее время сильно разросся и приобрел облик города.

Пятница 18 января. Наконец договорились! К общему удовольствию, угольный вопрос решен!

Суббота 19 января. Коломейцев тоже переживает разрешение этого вопроса с величайшей радостью.

Вчера в 8 часов вечера я попросил Коломейцева зайти ко мне и ознакомил его со своим планом устройства угольных станций, созревшим у меня после длительного размышления и серьезного взвешивания. Я сказал, что не позже первого дня появления солнца ему надлежит отправиться в путь на Хатангу и предварительно передать командование «Зарей» лейтенанту Матисену. Каким образом выполнить это поручение, указано в составленной мной инструкции.

Коломейцев внимательно углубился в разложенную перед ним карту, задал ряд вопросов и сделал несколько существенных замечаний. Приблизительно через час он вернулся ко мне в лабораторию, живо заинтересованный этим делом, и

просил разрешения критически обсудить инструкцию. Он спросил, нельзя ли ему сначала устроить склад на Котельном как более важный, а устройство склада в гавани Диксона предоставить местному начальству на Енисее. Я ответил, что предоставляю ему право действовать согласно обстоятельствам, но все же считаю, что не годится организацию единственно верной из двух станций поручать незнакомым людям, и поэтому он должен в текущем 1901 г. устроить склад в гавани Диксона, а в 1902 г. идти на Котельный.

Сегодня, после долгого времени, я спал великолепно. Собственно говоря, я не страдал бессонницей, но проснувшись ночью, я не мог снова заснуть под влиянием тревоживших меня мыслей, а этой ночью обрел покой.

Воскресенье 20 января. Дни становятся заметно светлее. Первая полярная ночь не отразилась на настроении команды — в характере матросов не проявляется ни раздражительности, ни меланхолии. У большинства ровные взаимоотношения с товарищами. Меня привлекает выражение трогательной доверчивости в их лицах. К какой бы национальности ни принадлежал человек, его надо не только уважать, но и любить, как мы любим детей. Особенно уроженцы далекого севера пробуждают у меня те же чувства участия, которые вызывает все юное, растущее и развивающееся.

Понедельник 21 января. Из ненецких собак только двенадцать годятся в упряжку. Надеюсь отобрать еще шесть, чтобы получить три хороших упряжки из 18 восточносибирских и 18 западносибирских собак, т. е. по 12 в каждой упряжке.

Период безветрия, как видно, закончился. Последнее время через день разыгрывается буря. Не думаю, чтобы вновь установилось затишье. При таких обстоятельствах поездка на Хатангу не доставит удовольствия Коломейцеву.

Среда 23 января. Провел незабываемо прекрасное дежурство: было почти безветренно, температура воздуха от -31° до $-34,5^{\circ}$ при совершенно ясном небе. Играло великолепное северное сияние большей или меньшей яркости в зависимости от времени суток. Заношу в дневник вычисленные Матисеном средние данные наблюдений за половину октября, ноябрь и декабрь.

Температура воздуха

	Средняя	Максимальная	Минимальная
Октябрь . .	$-16,16^{\circ}$	$-0,8^{\circ}$	$-29,3^{\circ}$
Ноябрь . .	$-21,11^{\circ}$	$-2,0^{\circ}$	$-32,9^{\circ}$
Декабрь . .	$-29,6^{\circ}$	$-14,2^{\circ}$	$-44,8^{\circ}$

Давление воздуха в мм

	Среднее	Максимальное	Минимальное
Октябрь . .	752,06	769,2	734,3
Ноябрь . .	759,49	782,1	733,1
Декабрь . .	762,2	782,9	742,0

В коридор перед лабораторией принесли еще девять прекрасных щенят, которые весело проводят время. Их мать, старая мохнатая ненецкая собака, хорошо справляется с большой сворой и проявляет много заботы о своем потомстве.

Сегодня перед обедом доктор совершил экскурсию на северный остров. Он видел там стадо старых оленей, убежавших прежде, чем он приблизился на расстояние выстрела. Кроме того, он видел свежие следы второго стада, в котором было много молодняка. Вопрос о том, зимуют ли здесь олени стада, нашел таким образом разрешение.

Вчера в снежном домике у меня было много гостей. Прежде всего в 11 часов утра пришел гидрограф, который производил между 12 и 1 часом дня абсолютные магнитные наблюдения, а я снимал одновременно на график в течение трех четвертей часа показания унифиляра. Игла была довольно спокойна, так что гидрограф с удовлетворением закончил свою работу при благоприятной погоде. Он остался у меня обедать. После обеда пришел Зееберг и принес с собою хронометр, находившийся для исправления термического ящика на борту судна. Вскоре Зееберг приступил к работе с пассажным инструментом²⁶. С достойным удивления терпением он вел наблюдения над прохождением звезд в течение всей ночи до 6 часов 30 минут утра. В перерыве между наблюдениями он заходил в снежный домик, чтобы согреться супом, чаем или какао, которые я держал для него наготове. Заходил также Матисен привести в порядок анеометр. Когда я поднял разговор о данном Коломейцеву задании и о новом положении Матисена на борту «Зари», он сказал, что нести вахту будет нетрудно и что он уже договорился с гидрографом стоять ночью по четыре, а днем по шесть часов, т. е. от 12 до 4 и от 6 до 12.

Тишина полярной ночи своеобразна. Звук проводится издалека так ясно, что со всех сторон слышится потрескивание снеговой и ледяной поверхности. Когда я стоял однажды под короной прекрасного северного сияния, наблюдая его переливы, то ясно слышал шаги зверя, пробежавшего рысью за несколько километров через пролив между островами. К сожалению, нет следов белых медведей, так страстно поджидаемых нами; их мясо хорошо пригодилось бы собакам.

Через 10—14 дней Коломейцев уезжает. Сейчас он приводит в порядок свои вещи, сортируя что взять с собой из одежды, а что оставить.

Четверг 31 января. Целыми днями занят отчетами, письмами и подготовкой почты, в то время как хотелось бы побродить с доктором в лучах утреннего рассвета! После завтрака вернулся пешком Стрижев, отправившийся с утра вместе с матросами собирать дрова на острове Нансена. Он прибежал за помощью, так как матросы встретили медведицу, и со-

баки окружили зверя. Стрижев пытался убить медведицу топором, но безрезультатно. Раненная топором в голову в двух или трех местах, она забралась в свою берлогу. Который уже раз матросы опрометчиво выходят без оружия! Матисен с Расторгуевым быстро собрались подъехать на собаках. Шкура должна принадлежать Стрижеву.

Доктор вернулся с экскурсии на северный остров, где он подошел приблизительно на 500 шагов к трем оленям, но за дальностью расстояния не смог их уложить из моего маузера. Животные, не понимая значения выстрелов, спокойно остановились и удивленно озирались. Один огромный олень был со сброшенными рогами. В своем охотничьем облачении доктор выглядит великолепно, закутавшись в полученный от Коломейцева белый японский халат, с обернутой белым платком головой — его скорее можно принять за муллу, путешествующего в Мекку, чем за полярного исследователя, стремящегося достигнуть Северного полюса. А он в самом деле серьезно занят мыслью совершить на собаках поездку на полюс и мечтает получить на это средства. Я обещал свое содействие, но он сказал, что будет достаточно удовлетворен, если я не стану возражать.

Сейчас в 5 часов дня возвращаются охотники с медведицей. Оказывается, когда матросы подъехали в поисках дров к южному берегу острова Нансена, одна из собак почуяла медвежье логово и разрыла над ним снег. Медведица высунула из берлоги голову, и Стрижев, самый ловкий и отважный, нанес медведице топором два удара по голове и замахнулся в третий раз, но топор вылетел у него из рук. Пока Стрижев бегал на судно за ружьем, медведица вылезла из берлоги и попыталась бежать к южному берегу. Было заметно, что она оглушена ударами топора; вскоре она повернула обратно к берлоге. Здесь ее окружили собаки, а Толстов нанес удар ломом. Собаки хватали ее сзади, некоторые из них получили изрядные ранения. Пока медведица убегала к морю, достали обоих медвежат из берлоги и поместили на нарты. Но в одно мгновение собаки набросились на медвежат, разорвали их на куски и съели. Медвежата были ростом с собаку Русалку и, видимо, родились лишь несколько дней назад. Когда пришел Матисен, с медвежатами было покончено. Медведица, стоя на задних лапах, защищалась зубами от окруживших ее собак. С расстояния в десять шагов Матисен всадил ей пулю в лопатку. Мяса медведицы, видимо молодой и еще неопытной матери, хватило для прокорма наших собак на два дня.

Суббота 2 февраля. Ночь. Наконец приготовления закончены! Вся почта готова, сани нагружены. Погода хорошая, сегодня —19°; если ничего не изменится, Коломейцев завтра уедет! Ввиду того что собакам трудно тащить его нарту весом 460 кг, я распорядился в утешение Расторгуеву запрячь для

сопровождения вторую нарту, чтобы облегчить в течение трех-четырех дней груз на 160 кг. Доктор охотно едет с ними провести свою первую санную поездку — «первый шаг к Северному полюсу».

Сегодня перед чаем я дал Коломейцеву последние инструкции. Только бы он благополучно прибыл в Хатангское, а Расторгуев вернулся бы обратно!

Воскресенье 3 февраля. Этой зимой была проведена большая работа! Коломейцев уехал сегодня в 11 часов 25 минут дня. Я слишком устал, чтобы осознать свою радость, что тяжелый угольный вопрос встал на путь к разрешению и что все связанное с ним завершится! Теперь жизнь пойдет по-новому, и я смогу остаток зимы наслаждаться приятным трудом, экскурсиями и т. д. Но сегодня необходимо отдохнуть! Надеюсь, что Коломейцев, не рискуя жизнью, своевременно достигнет места своего назначения, а Расторгуев сможет вернуться ко мне. Утром между 9 и 10 часами Коломейцев попрощался с командой и в последний раз исполнил свои обязанности капитана, примирив между собою боцмана Бегичева и Фому. После этого Коломейцев передал команду Матисену и доложил мне, что он готов тронуться в путь. В 11 часов 20 минут он обнял на прощанье своих товарищей. Я пожал ему руку с пожеланием счастливого пути и полного успеха в его трудной задаче. Расторгуеву я также сердечно пожал руку и пожелал ему доброго пути и счастливого возвращения. В момент налетевшего шквала, поднявшего легкую метель, нарты тронулись и быстро исчезли из глаз! Почта была зашита только сегодня утром, так как вчера вечером Колчак не закончил своих писем, а Зеберг продолжал писать всю ночь напролет. С этого времени дневник должен заменить мои письма семье.

На судовом документе, под словами президента Академии наук о том, что командир Коломейцев находится в моем полном распоряжении, я написал следующее примечание: «Вместо лейтенанта Н. Н. Коломейцева я назначил лейтенанта Ф. А. Матисена командиром яхты «Заря». Таймырский залив, 76°8' с. ш., 95°6' в. д. 21.I — 3.II.1901. Э. Толль».

После завтрака я лег на койку и спал без перерыва почти до обеда. Обед и вечер прошли за разговорами о полярных путешествиях, наших будущих планах и т. д.

Вторник 5 февраля. Наконец свалилась забота! Я вздохнул свободно и почувствовал себя моложе на много лет. Теперь начинается новая жизнь. Сегодня путникам благоприятствует великолепная тихая и ясная погода.

Среда 6 февраля. Совершил трехчасовую прогулку в гавань Колин-Арчера. Небо было облачно и лишенный теней ландшафт казался однообразно белым и унылым. Идти по ледяной поверхности было неприятно, так как, не видя скатов и заструг, я часто падал. Хотя горизонт был скрыт туманом, я все же

ясно видел «Зарю» с последнего пункта — северного мыса гавани. Сидячий образ жизни во время полярной ночи дает себя знать. Начиная с сегодняшнего дня я должен, по возможности ежедневно, совершать экскурсии. Сняли высокие телефонные шесты, чтобы использовать их для устройства знаков при тригонометрической съемке островов, окружающих залив «Зари». Гидрограф должен в скором времени приступить к этой работе. Проводка линии будет установлена на льдинах, что, разумеется, не плохо. Я бесконечно рад, что погода благоприятствует санной поездке Коломейцева и поможет ему освоиться с новым способом передвижения.

Четверг 7 февраля. Сегодняшний поход значительно легче, чем вчерашний. На южной части неба были небольшие слоистые облака и утренний рассвет освещал ландшафт настолько, что ясно обозначались тени от заструг и других неровностей. Вид на юг можно было сравнить с наброском картины. На горизонте вырисовывались контуры гор и ясно был виден силуэт «Зари». Вся картина имела вид эскиза, подобно подмалевке картины, начатой свинцовыми белилами, на которой нанесены масляными красками первые контуры будущего пейзажа. Когда солнце поднимется над горизонтом, картина будет закончена! Снег на заливе настолько тверд, что по нему можно ходить, как по паркету. Поверх наста лежит тонкий, в несколько миллиметров, снежный слой, завтра будет хорошо пройти на лыжах! На тундре снег не так сильно затвердел от ветра, а на вершине острова снега настолько мало, что из-под него на каждой кочке выступают стебли трав. Тонкий слой наста, соединяющего кочки между собой, при каждом шаге проламывается с громким треском, и шаги слышны на расстоянии многих километров, поэтому неудивительно, что такой опытный охотник, как наш доктор, не смог приблизиться к оленям.

На берегу моря непрерывно слышен то тихий, то громкий шум растрескивающегося ледяного покрова. Вдоль берега тянутся параллельные линии разлома. Они образуются из-за опускания и поднятия ледяного припая под влиянием колебаний уровня воды во время приливов и отливов. Возникающий при этом треск и грохот представляют единственный шум, нарушающий тишину, который часто доносился до моего слуха в тихие безветренные ночи.

Воскресенье 10 февраля. Вечер. Огрин сменил Фому, и я смог, ознакомившись с биографией обоих, получить соответствующее впечатление об их личности. Жизнь Огриня была очень интересна и богата событиями.

Понедельник 11 февраля. Вчера солнце должно было подняться до горизонта, но мы его не видим и сегодня, так как на юге горизонт затянут облаками. Торжественное празднование появления солнца откладывается на завтра. Сегодня,

вероятно, приедет доктор, и завтра Огрин впервые приступит к проведению наблюдений, так что вести наблюдения будет шесть человек.

Выращивание молодых собак не лишено трудностей. Помещение около лаборатории, где пристроены 17 щенят, слишком тесно. Вопрос осложняется недостаточностью подстилки для животных. Излишки такого ценного материала, как пакля, уже использованы для этой цели, а мох не удастся раздобыть из-под снега. Имеется только немного древесной ваты из консервных ящиков. Находящиеся в сырости щенята могут погибнуть, как погиб уже один. Если мы их разместим по теплым помещениям, а именно: трех в освободившуюся каюту Коломейцева, четырех в сторожку на острове, трех у команды и остальных шесть в лаборатории, тогда, надо надеяться, их удастся держать сухими.

В четверг, когда я отправился на Олений остров или остров Боневи, как я его буду называть в память моего старейшего друга студенческих лет, Бируля ходил на южный берег, где видел стадо из семи оленей. Они еще не сбросили своих рогов.

В субботу я распорядился высушить керосиновыми печками койки в матросском кубрике, несколько отсыревшие, но все же менее сырые, чем наши. В помещении машинистов днем $+12^{\circ}$, а ночью от $+6$ до $+7^{\circ}$. У Пузырева и Безбородова по неизвестной причине болят ноги.

Я только что вернулся из трехчасового похода к восточному берегу рейда «Зари», как я называю ту часть Таймырского залива, где мы зимуем. Небо было однотонно серое, по-видимому подернутое на большой высоте туманом. Происхождение этого тумана мне не ясно. В северной части небо затянуто не до самого горизонта, а непроницаемый покров свисает на темно-синем фоне, как занавес на сцене. Синяя полоса тянется через горизонт в северном квадранте и, дугообразно поднимаясь, достигает максимальной высоты около 8° . Вся картина напоминает фиолетовые сумерки. От 1 до 4 часов освещение было настолько рассеянным, что я не мог различить ни одной заструги и падал неисчислимо много раз. Такого рода прогулку можно сравнить с ходьбой по ковру, который невидимая рука без предупреждения ежеминутно выдергивает из-под ног. Рискую получить по меньшей мере перелом руки или ноги, я ругал сумерки полярной ночи. Расстояние до ближайшего восточного мыса рейда «Зари» равно приблизительно 5 км, ибо я шел быстрым шагом 55 минут. На льдине в 100—150 шагах от берега лежали четыре больших гнейсовых валуна. Интересно было бы сфотографировать этих странников. В тундре ни звука, ни одного живого существа, только временами трещит лед.

Когда я возвращался, сгустившийся туман оседал легкими кристаллами и снежинками, поэтому я распорядился поднять фонарь на случай, если доктор, израсходовав свой 10-дневный запас продовольствия, вернется сегодня. Если же он не вернется до среды, пошлю людей ему навстречу.

Среда 13 февраля. Вчера Огрин провел свои первые наблюдения. В 11 часов он телефонировал, что виден верхний край солнечного диска, но с борта «Зари» мы видели лишь его разноцветный отблеск в виде золотисто-красного шара на горизонте. Это была рефракция, т. е. отблеск солнца в ледяных кристаллах нижних слоев воздуха. За завтраком мы сидели впервые без ламп. День был великолепный, и я пошел быстрым шагом через залив «Зари» к северо-восточной оконечности острова Боневи, любясь освещением самых нежных тонов и оттенков. После пересечения восточной косы острова Боневи я увидел у юго-западной оконечности острова Таймыр два маленьких островка, которые, согласно карте Норденшельда, должны лежать перед гаванью Актиния. Как и обычно, тундра была совершенно безжизненна. Пробежав за три четверти часа расстояние от юго-восточного конца острова Боневи со скоростью собачьей рыси, я вернулся на борт «Зари».

В 6 часов вечера, когда мы сели за стол, Безбородов доложил о приезде доктора. Свежий, загорелый и радостный, как всегда, он вошел, восхищенный своей первой поездкой и ночевками в палатке. В заключение он поделился своим желанием удалиться на старости лет к ненцам, чтобы кочевать с их чумами изо дня в день, из года в год. Сон в спальном мешке он находил чудесным; сновидения были чрезвычайно приятны — ему постоянно снился ток вальдшнепов. Чай показался доктору вкуснее прежнего, несмотря на попавший туда керосин.

Теперь о самом главном. Коломейцев не мог найти устья Таймыры. Он был введен в заблуждение глубокими фиордами, которые ошибочно принимал за устье реки. Кроме того, путников задержали пурги и туманы. Примусы после «чистки» их Расторгуевым пришли в негодность, и доктору пришлось вернуться на «Зарю» для их ремонта. Коломейцев же решил искать устье Таймыры, устроить там склад своего груза и затем поехать на «Зарю» за исправленными примусами. После этого он окончательно решил отправиться в свое путешествие. Это известие меня не обрадовало, но и не омрачило хорошего настроения сегодняшнего дня.

Доктор вытащил из кармана привезенные для меня два образца каменных пород и лемминга для зоологической коллекции. Наскоро умывшись, он сел за стол и рассказал, как на обратном пути он раньше времени повернул на запад в залив, который им был ошибочно принят за Таймырский. В своей ошибке он убедился только, когда залив расширился, как бы впадая в море. Таким образом, он случайно совершил откры-

тие нового пролива, параллельного Таймырскому заливу, который я назвал проливом Вальтера.

Доктор произвел сегодня медицинский осмотр всей команды и у четверых — боцмана, Безбородова, Пузырева и Толстова — обнаружил цингу. Поразительно, что, несмотря на хорошее питание, большую подвижность на свежем воздухе и хорошее жилье на «Заре», все же появилась эта грозная болезнь, этот тяжелый бич полярных путешественников.

Тщательное лечение принесет заболевшим, надо надеяться, скорое исцеление. Это йод внутрь, полоскание рта раствором марганцевокислого калия, обтирание тела раствором уксуса, употребление лука, повышенный рацион клюквенного экстракта и лимонной эссенции — вместо одного раза дважды в неделю, компот и большее количество овощных блюд. Клюквенный экстракт и соки, которые доктор предложил выдавать с рождества, следовало бы давать уже с осени, и тогда, возможно, беда была бы предотвращена. Но кто же мог думать, что так случится?

Вчера в 7—8 часов вечера поднялась пурга, сегодня снова ясная погода. В полдень я ясно видел, как верхний край солнца резко отделялся от сверкавшего над ним ложного солнца. Если бы начальник экспедиции не нес сегодня дежурства, то праздник солнца был бы отмечен и не пришлось бы откладывать торжество на завтра. Сегодня в первый раз мелькали розовые солнечные блики на потолке салона, проникнув сюда через люк.

Четверг 14 февраля. Как бы ни легко относился доктор к цинге, я не могу избавиться от неприятного чувства, которое возникло у меня в связи с этим фактом. Перед отъездом я твердо надеялся, что моя экспедиция не столкнется с этим злым недугом. Но теперь я предчувствую, что в будущем не обойтись, видимо, без тяжелых испытаний, выпадавших на долю остальных экспедиций.

Вторая причина для серьезного беспокойства лежит в напрасной потере времени из-за блуждания Коломейцева и его непредвиденного приезда на «Зарю». Возвращение Расторгуева к маю месяцу становится в связи с этим сомнительным.

Доктор отправился сегодня на охоту. По его мнению, свежее мясо является лучшим средством против цинги. А я остался дома проследить, как будут проведены намеченные в связи с появлением цинги физические упражнения на открытом воздухе. Состязания — бег в мешке, лазание по шесту и др. — состоялись от 2 до 3 часов и прошли очень весело и непринужденно. Фома вначале упал с трапа в камбуз, но Матисен вернул его на ристалище, и во время бега в мешках Фома едва не отобрал пальму первенства у хромоногого боцмана.

Среди премированных оказался Стрижев, который был похож на балетную танцовщицу в своем новом одеянии.

Когда мы сидели за обедом, в потолке кают-компании открылся люк и вниз были спущены билеты на театральное представление вместе с двухцветным фонарем, изображавшим восходящее солнце. Но об этом напишу завтра, на сегодня достаточно репортажа. Меня радует, что, несмотря на цингу, сохранились юмор и занимательная выдумка у матросов. Спокойной ночи!

Пятница 15 февраля. Пурга. Примусы оказались в полном порядке, просто Расторгуев не умел с ними обращаться; теперь приезд Коломейцева окажется напрасным.

Суббота 16 февраля, 2 часа 45 минут дня. Сегодня мы со Стрижевым и Железняковым ходили к юго-западной оконечности острова Нансена, где оставались нагруженные дровами нарты. Матросы пригнали собак, впрягли их в нарты и привезли дрова домой. На обратном пути из-за сумеречного полусвета я падал не менее 20 раз.

Воскресенье 17 февраля. По моему предложению Колчак прочел сегодня вечером доклад команде. Темой для доклада послужила глава из истории открытия сибирских берегов Великой Северной экспедиции.

Среда 20 февраля. Погода точно такая, как ожидалась: с появлением солнца начался штормовой период, теперь весь день пурга. Сегодня юго-юго-восточный ветер 8—10 м с отвратительной докучливой снежной метелью. Достаточно пройти разок от салона до лаборатории, чтобы превратиться в снежную бабу.

Причиной цинги можно считать, по мнению доктора, солонину, которую команда употребляла значительно больше нас. Так как солонина сохраняется недолго, она была использована в первую очередь.

Упущением в снаряжении является нехватка теплой обуви. Я не предвидел, что пимы не оправдают себя в отношении прочности и потому не заказал достаточно лапландских башмаков, как и материала для их починки. Если будущим летом добудем достаточно оленьих и тюленьих шкур, то выправим положение. Было ошибкой с нашей стороны не стрелять тюленей в заливе Миддендорфа; их шкура и мясо могли сослужить хорошую службу, а сало предохранило бы собак от истощения и гибели.

Если Расторгуев не вернется с восточносибирскими собаками, я буду сильно стеснен в своих действиях, так как вновь подрастающий молодняк вряд ли возместит потерянных обученных ездовых.

Четыре щенка хорошо устроены в сторожке на острове Наблюдений. Они уютно спят под столом, тесно прижавшись друг к другу. Как только распространяется запах консервного супа, четыре маленьких существа оживляются и дружно уничтожают остатки нашего обеда, разбавленные водой и перемешанные с

сухарями. Через несколько минут они, как это верно подметил доктор, принимают грушеобразную форму. Затем всех четырех помещают в сени, где они жалобно скулят, но их визгливое завывание будет услышано не ранее, чем они выполнят свои обязанности. Жизнь со щенками протекает в часы дежурства мирно и весело. После появления солнца я велел вставить в снежном домике ледяные стекла. Благодаря этому стало настолько светло, что я мог с 10 до 3 часов 30 минут дня читать в сторожке без лампы. Температура была не очень высокой, около 9° мороза, а во время горения примуса — 0,5°.

Для чтения я взял с собой Ю. Пайера «Второе Немецкое полярное плавание», первая часть которого написана немного сентиментально. Инструкция этой экспедиции очень интересна и довольно поучительна, хотя с точки зрения современных знаний она кажется наивной. Особенно поражает предложение перезимовать на Северном полюсе или в крайнем случае под 80° с. ш., и еще больше — приказание подойти к Новосибирскому острову через Берингов пролив. Выполнение еще одного пункта инструкции могло бы оказаться роковым, а именно — указание подойти к берегу Гренландии в заранее намеченном месте, вместо того чтобы представить судам самим избирать себе путь.

На странице 122 представляет интерес замечание матросов с «Ганзы», относящееся к здешним местам: «Остров Оменарсук возвышается почти на 40 м над морем и тем не менее на его северной стороне есть место в несколько квадратных футов, которое покрыто пресным льдом, имеющим сходство с маленьким глетчером, и т. д.»

Погода становится все хуже и хуже. Ветер 18—20 м/сек завывает в мачтах, как в открытом море, мороз — 30°, а барометр продолжает падать. Зееберг пришел с острова будто вылепленный из снега. Сильные колебания магнитной стрелки не дали ему возможности работать. Железняков только что отморозил себе щеку. Могу себе представить, как гидрограф проклиная сегодня весь свет.

Из полярной литературы я хотел бы собрать следующие статистические сведения: 1. Время «начала блокады». 2. Дата освобождения. 3. Запасы угля. 4. Цинга. 5. Несчастные случаи. 6. Заболевания. 7. Неудачи экспедиций. 8. Их успех. 9. Явные ошибки.

Ощущаю в каюте слабые колебания корпуса яхты. Не подледная ли это зыбь, вызванная волнением в открытом море?

Четверг 21 февраля. К утру буря улеглась, ветер повернул на северо-восток и температура опустилась до — 41°.

Среди своих старых заметок я нахожу цитату из записей Анжу на стр. 160: «На Фаддеевском острове по направлению к СЗ 20° от мыса Бережных, промышленники видели следы оленей, прослеживавшиеся приблизительно на протяжении

10 миль. Это было 17 марта. По мнению промышленников, олени ищут на льду соль, которую они очень любят, и затем снова возвращаются на сушу». Но теперь я полагаю, что эти олени, по всей вероятности, переправлялись на Землю Санникова!

Вспомнились рассказы и легенды Джергели, записанные мною в ноябре 1886 г. История происхождения дьявола такова: «Когда Ной поднялся на ковчег, он велел своей жене потопиться. Но она продолжала медлить, и Ной в гневе проклял ее. Теперь, улыбаясь, жена вступила на ковчег. Дьявол, ее возлюбленный, ждал этого, укрывшись у нее на груди, чтобы тоже попасть в ковчег. Таким образом, дьявол не погиб во время всемирного потопа, он был сохранен для мира женщиной. Оказавшись в ковчеге, дьявол сыграл злую шутку. Он продырявил дно, но свинья тотчас заткнула отверстие своим носом; поэтому и сегодня свинья ценится как лучшее жаркое». Вспоминаю еще легенду: «В то время, когда родился Христос, в стране царя Ирода жил купец; у него было три дочери. Они скитались по всей стране, обворовывая людей и съедали у них последние запасы из погребов. Отец тщетно пытался исправить своих неудачных дочерей. Когда же ни одно средство не помогло, он по совету своего друга вырыл глубокую яму, насыпал в нее пороху, бросил туда дочерей и все взорвал. Три злые дочери взлетели вверх и, перевернувшись в воздухе, воскликнули: первая — «я хочу поразить людей оспой», вторая — «я хочу, чтобы эта оспа обезобразила людей», третья воскликнула «я хочу сделать оспу заразной болезнью». Поэтому заболевшие оспой якуты говорят: «Нас обжигают и пожирают сестры», и называют оспенные ярыны «рубцами ожога».

Пятница 22 февраля. Чудесный зимний день: штиль, ясное небо, температура воздуха 47—49° мороза, на земле —50,3° до —53,0°. Пользуюсь сегодняшним днем, чтобы пройти к острову Нансена и обследовать бамбуковые знаки, установленные нами в ноябре месяце на глетчере. Оказалось, что они изменили свое положение; но я пока не выяснил, произошло ли это вследствие сползания. Следующий раз выйду пораньше, чтобы измерить отклонение рек. Такой день, как сегодня, щедро вознаграждает за многие плохие дни. Солнце поднялось над совершенно чистым горизонтом. Ледяные кристаллы в воздухе образовали нарек на два ложных солнца — часть гало.

Несмотря на сильный мороз, мы чувствовали себя в каюте весь день хорошо, затопили только вечером, а после топки, когда температура поднялась до +12°, казалось невыносимо жарко. Во время урагана Шервинский отморозил себе пятки, как и Огрин, поэтому не может продолжать наблюдения. Зееберг просил разрешения вести в течение двух недель безотрывно астрономические наблюдения.

Цинготные больные, из которых самым серьезным пациентом был Пузырев, находятся на пути к выздоровлению. Они с удовольствием едят лук, назначенный доктором в виде лекарства. Вообще болезнь протекает у них не тяжело.

Два дня назад вернулся Коломейцев после долгих поисков реки Таймыры, устье которой он обнаружил в 80 км отсюда. Поездка Коломейцева стоила жизни двум собакам; лучшая из них была привезена на нартах и в тот же день отошла на вечный покой, другая была оставлена на льду. Коломейцев и Расторгуев совершили ошибку, не взяв собак в палатку во время пурги. Они заморозили также свои спальные мешки, ложась спать в отсыревшей одежде. Расторгуев сильно изнурен и заметно приуныл. Славный малый поморозил себе руки и вообще переутомился. Коломейцев, маршруты которого были очень ценны, занялся своим отчетом. К сожалению, за это время хорошая погода может смениться длительными штормами.

Суббота 23 февраля. Наконец устанавливается тихая морозная погода. Благодаря поразительно прозрачному воздуху ясно вырисовываются все контуры береговой линии. Сегодня из-за небольшого западного ветра, около 2 м/сек, мороз в 47° более ощутим, нежели вчера.

С тех пор как за недостатком дров мы их бережливее расходует, в лабораториях стало сыро. Работаю в своей каюте при лампе, которая обогревает помещение и сушит потолок, но стоит только погасить ее, как над моей койкой снова образуются сосульки.

Составляя инструкцию для Матисена, я натолкнулся у Норденшельда на фразу, особенно меня заинтересовавшую. На стр. 308 в томе I его «Плавания на «Вега» сказано: «Из птиц мы видели (у мыса Челюскина) множество плавунчиков, очень многочисленную стаю казарок (*Anser bernicla*), перелетавших, по-видимому, на юг с какой-нибудь полярной земли, расположенной севернее мыса Челюскина...»²⁷

Непосредственное отношение к поездке Матисена имеет следующее место на стр. 304: «Мы тотчас подняли якорь (18 августа) и пошли под парами вдоль западного берега острова Таймыр. Остров этот окружен множеством других островов, не нанесенных на карту, и возможно, что сам остров Таймыр разделен на несколько частей проливами. Постоянный густой туман во время пути мешал нам нанести на карту острова и островки, мимо которых проходила «Вега», иначе, как только приблизительно. Но во всяком случае мы могли убедиться, что северная оконечность острова Таймыр не выдается так далеко на север, как это обычно указывается на картах»²⁸.

Обморожений ног у команды становилось все больше. Вчера Пузырев отморозил себе большие пальцы на ногах. Необходимо подвергнуть тщательному осмотру обувь. Состояние

цинготного Безбородова ухудшилось. В остальном все благополучно.

Наши географические работы будут иметь значение, если только их выполнению не помешают болезни. Вновь подул юго-западный ветер и температура поднялась до -35° . Только два дня простояла ясная погода, а теперь начинается пурга.

Воскресенье 24 февраля. Сегодня последний день масляницы. Я охотно организовал бы для команды какое-либо развлечение, но у нас столько инвалидов, что не удастся ничего осуществить. Чтобы поднять настроение, я послал на остров Наблюдений всех, кто пожелал участвовать в призовой стрельбе. Матисен только что сообщил по телефону, что Евстифеев получил первый, а Стрижев второй приз. Первому я велю выдать бутылку вина, а второму банку варенья. Вечером я должен сделать доклад для команды, так как никто к нему не подготовлен. Сегодня день без бури.

Среда 27 февраля. С утра поднялся сильный ветер, что вызвало у гидрографа крайне плохое расположение духа, так как он намеревался установить два последних тригонометрических сигнала и специально для этой цели поменял свое дежурство на острове с доктором.

Больные медленно поправляются. Неизвестно, сохранятся ли у Пузырева на ногах большие пальцы. Ему, как и Безбородову, предписан покой. Из всех цинготных больных лишь боцман и Толстов остаются на ногах. Пятый пациент Шервинский, с отмороженными пятками, почти совсем поправился.

Сегодня я был на острове, проболтал там целый час с доктором, который вел наблюдения. В одиночестве он чувствовал себя прекрасно и не скучал, играя с четырьмя щенками. Во время разговора эти разбойники незаметно стащили мою прекрасную шапку-ушанку и использовали ее в качестве мягкой и теплой подстилки. Весь день было приятно тепло -24° , хотя дул порывистый ветер до 8 м.

Четверг 28 февраля. Огрин пошел на дежурство один. Из-за пяти инвалидов необходимо беречь рабочую силу, и потому введена вахта без сопровождающего. Здоровье Толстова почти восстановилось, боцман тоже избавился от цинги, но растяжение связок ноги еще не прошло. На обмороженных пятках Шервинского появилась молодая кожа, так что он может ходить и стоять на вахте. Опухоль на ноге Огрин мешает ему в работе. Пузырев все еще нетрудоспособен — обмороженные пальцы ног у него не зажили, однако появилась надежда, что дело обойдется без ампутации. Вчера я заходил в камбуз и в помещение команды. Там очень уютно и тепло благодаря большой керосиновой печке. Фома содержит двух питомцев, команда также двух. Все щенята развиваются прекрасно. Надо полагать, что эти собаки, родившиеся в Арктике, будут лучше, чем большинство тронгеймовских. Быть может, нам не доста-

лось хороших собак, после того как Тронгейм продал 40 ездовых собак на Шпицберген и 120 — герцогу Абруцкому²⁹. Как только вернусь в Петербург, хочу выхлопотать запрет вывоза ездовых собак.

В настоящий момент, в 1 час дня, прекрасная погода. Ветер перегоняет по земле золотистые облака снега, которые утром при восходе солнца были окрашены в кроваво-красный цвет наподобие песков пустыни. Воздух теплый, окрестные горы ясно видны.

При рассмотрении изохазм (линий одинаковой частоты северных сияний) по Фрицу и Норденшельду я обратил внимание на то, что эти эксцентрически расположенные как по отношению к географическому, так и магнитному полюсам линии находятся, по-видимому, во взаимосвязи с геотектоническими линиями.

Пятница 1 марта. Настроение духа наших цинготных хорошее. Оказывается, когда в воскресенье, в последний день масленицы, матросы плясали веселую «русскую», цинготные больные принимали в пляске живейшее участие. Невозможно, к сожалению, достать свежее мясо, это лучшее противочинготное средство. Все охотничьи экскурсии доктора оказались тщетными; собаки, по-видимому, разогнали оленей из ближайших окрестностей.

Инструкция для Коломейцева закончена; остались письма к Шмидту³⁰, Траубенбергу³¹ и к семье.

Четверг 7 марта. Позавчера, когда я был на вахте, в полдень при хорошей погоде Коломейцев наконец уехал. Во время моего дежурства барометр непрерывно поднимался; и сегодня погода великолепна: тихо, ясно, в 7 часов утра — 32°. Мы находимся в минимальном (26-дневном?) периоде полярных сияний — ни вчера, ни сегодня, несмотря на ясное небо, и следа их не было видно. Соответственно с этим магнитная стрелка оставалась почти неподвижной.

Вчера, когда я вернулся с острова, мне показалось, будто настроение у всех несколько подавленное, особенно у офицеров. Доктор ушел на охоту с моим маузером; в 7 часов вечера он вернулся угрюмый и раздраженный. Оказывается, он видел три группы оленей в 6, 4 и 3 животных. Подкравшись к стаду на 80—100 шагов, он стал стрелять, но маузер дал двенадцать раз осечку (очевидно, вследствие того что ружье было занесено с мороза в теплое помещение, когда доктор заметил, что Грозный его подкарауливает. Брать собаку с собой ему не хотелось, чтобы она не разогнала оленей, и он вернулся тогда в каюту, упустив из виду, что ружье не следовало заносить после мороза в теплое помещение).

Сейчас в 12 часов дня Матисен уезжает на архипелаг Норденшельда. Настроение у него прекрасное. Доктор отправился со своей трехстволкой, гидрограф начал измерение базиса для

тригонометрической съемки отсюда до острова, а астроном отсыпается после ночных наблюдений. Ему сильно не везет со звездами, лучше всего ему удалось наблюдения пассажным инструментом во время моей вахты.

Пятница 8 марта. Мир и тишина, как в воскресный день, а так как с окончанием полярной ночи появилось солнце, то могу действительно сказать — «как в воскресный день»³². До поездки на мыс Челюскина остается четыре недели, которые быстро промелькнут, и их надо провести с пользой.

Матисен отправился в свое первое санное путешествие в сопровождении «жизнерадостного» Стрижева. Эта пара представляла яркую противоположность паре Коломейцева и Расторгуева. Прощаясь с Расторгуевым, я пытался разъяснить ему, что предстоящая поездка должна быть неизмеримо легче нашей поездки на острова в 1893 г., но это не особенно на него подействовало: он опасался отсутствия дров и холода в пути. Безусловно, для этой поездки требовалось некоторое геройство. Он попросил, в случае своей гибели, переслать небольшой пакет, который вез с собой, своим близким в Якутск.

— Хорошо, — ответил я, — а если я погибну, то прошу тебя послать мой пакет в Дерпт.

Он засмеялся, и мы весело расстались.

Вес в 240 кг, несмотря на мои старания, не удалось выдержать — Матисен отправился в путь с нартой, на которую было погружено до 270—280 кг.

Теперь у нас остается только одна пригодная упряжка, поэтому надо ограничить поездки за дровами, тем более что плавник приходится искать все дальше и дальше. Последний раз топливо было найдено в 14 км при входе в пролив Фрама.

Вчера я совершил прекрасную экскурсию на остров Нансена. Было тепло — солнце уже заметно греет. Поднявшись на юго-восточную вершину острова Нансена, я увидел благодаря рефракции один из островов Норденшельда так же отчетливо, как берега острова Таймыр. После этого я повернул обратно к «Заре», которая со своими мачтами казалась на фоне холмов острова Нансена как бы игрушкой. В это время солнце склонилось к горизонту, и вновь образовался темный сумеречный сегмент, а над ним светло-фиолетовая завеса. На небосклоне перисто-слоистые облака были освещены заходящим солнцем, их нижний край принял золотисто-желтую окраску. Когда солнце скрылось и на западе запылала кроваво-алая заря, фиолетовые облака красиво выделились на оранжевом фоне, затем расправились в горизонтальные полосы и опустились к горизонту. Вся картина имела необычайное сходство с игрой полярного сияния.

Прерываю свои записи. Завтра хочу описать последний день наблюдений и установить связь между рассказами Джер-

гели и явлениями природы; имею в виду звуки полярной ночи. и рассказы Джергели об «Ичите» — духе-хранителе у якутов.

Суббота 9 марта. Днем производилась уборка и чистка. Я велел трем матросам основательно вычистить лабораторию, которая из-за ламповой копоти и пребывания собак стала невыносимо грязной.

Воскресенье 10 марта. Как вахтенный офицер я сменил доктора и весь день занимался разработкой литературных заметок о северном сиянии.

Наконец имеем свежее мясо для цинготных благодаря убитому доктором оленю. Ночью я посетил без предупреждения помещения команды. Нашел, что пол в помещении машинистов невероятно грязен; кроме того, там понапрасну горела керосиновая печка — было настолько тепло, что Огрин, только что вернувшийся с вахты, сидел в нижнем белье. В воскресенье утром на экскурсию, помимо доктора, ушел Бируля. У него что-то произошло с маузером, и это чуть не стоило ему жизни. Он кинул на снег заряженный маузер, не поставив на предохранитель взведенный курок. Последовал выстрел, и пуля просвистела у него над ухом. В 7 часов 30 минут вечера Бируля по моей просьбе прочел доклад для команды на тему: «Природа южных полярных стран».

Понедельник 11 марта. Я проводил доктора на охоту. Чтобы привезти убитого накануне оленя, были запряжены в нарту собаки. Носов управлял упряжкой, сопровождающим пошел Толстов, который так быстро бежал рядом с нартой, что у него нельзя было заподозрить и следа перенесенной им цинги. Убитый олень оказался молодой самкой, впервые стельной. Как я слышал от промышленников, стельные самки оленя не сбрасывают рогов до отела. Выпотрошенный доктором олень еще не успел замерзнуть. Накануне было тепло, 13° мороза, и в брюшной полости оленя кровь оставалась жидкой. Носов сразу же выпил полную горсть крови, но нашел ее не такой вкусной, как у только что убитого животного. По словам Евстифеева, свежая кровь является лучшим средством против цинги, и я могу себе представить, как горячо он будет рекомендовать это лекарство нашим больным.

Вчера перед уходом я отдал распоряжение вымыть основательно с мылом полы и стены наших кают. В помещении команды в этом не было надобности, так как его мыли ежедневно по субботам. Пол в помещении машинистов я распорядился покрыть линолеумом.

Пятница 15 марта. Со среды на четверг я нес вахту. Был хороший день, лишь под утро ветер посвежел и перешел сегодня в шторм. Солнце уже заметно греет. В 10 часов утра ящик с термометрами согрелся на полградуса, поэтому я перенес его в тень на другой столб и решил соорудить вокруг стенку из снега. Фома и боцман были весь день заняты этой работой.

В 2 часа дня на солнце на поверхности снега было по ртутному термометру $-23,5^{\circ}$ и одновременно спиртовый (минимальный) термометр показывал в тени $-27,7^{\circ}$.

Анемометр я распорядился установить на крыше наблюдательной станции. Погода была неустойчива, порывистый ветер резко менял направление почти каждый час — с юго-востока на север и снова на юг; его скорость менялась от 0 до 8 и 10 м. Стрелки унифиляра проявляли большое беспокойство, так что можно было ждать полярное сияние, которое и в самом деле засветилось в 9 часов вечера. Помимо нескольких корон в зените и одной спиральной ленты, меня заинтересовала неподвижная дуга, появившаяся после 10 часов, которая в южной части становилась все интенсивнее и начала светиться. Эта дуга была настолько постоянна и отделялась от неба настолько резко, что производила впечатление темного сегмента. Позднее с юга поднялось к зениту еще несколько дуг. Оставалось установить, не возникла ли южная часть вследствие перехода некоторых дуг через зенит с севера? Бируля вел наблюдения с 8 часов 30 минут до 9 и я узнал от него, что действительно много дуг перешло через зенит.

Это явление оказалось во многих отношениях поучительным. Если бы Бируля не наблюдал перехода лент через зенит, можно было бы легко прийти к заключению, что мы находимся здесь в «нейтральной зоне», ибо на юге тоже образовалась дуга. Позднее удалось установить явную связь между интенсивностью полярного сияния и магнитным возмущением, так как стрелка унифиляра резко колебалась.

Явление, образовавшееся на юге, для наблюдающего с юга будет представляться образовавшимся, естественно, в северной части. Это наблюдение должно было бы привести к разрешению вопроса о главных путях максимумов северных сияний. Величайший интерес представило бы сравнение этого явления с наблюдениями Нансена, которые он проводил зимой 1894/95 г. на том же магнитном меридиане.

По завершению обработки нашего материала по полярным сияниям было бы интересно поставить на ближайшем полярном конгрессе вопрос об одновременном проведении таких наблюдений.

Не говоря о приобретенных навыках, суточная вахта в это время года проходит несравненно легче, чем полярной ночью. Прекрасная ясная и теплая погода (около -25°) соблазняла меня проводить больше времени на открытом воздухе. Я стал упражняться в ходьбе на канадских лыжах, на которых был очень неловок. В снежном домике благодаря ледяному окну стало настолько светло, что я мог читать без лампы до 5 часов вечера, в связи с чем меньше утомлялся. Кроме того, после упразднения дежурства матросов они являлись теперь лишь в утренние часы, чтобы произвести уборку, заправить

лампу, принести лед и т. п. Вахта в снежном домике оживлялась заботой о щенках, особенно когда представлялся случай с ними поиграть. Зееберг усовершенствовал ящик, в котором спали на пакле четыре собачонки, снабдив его поднимающейся вверх двухстворчатой крышкой, у верхнего края которой он оставил свободное пространство для притока воздуха. Таким образом, вахтенный мог спокойно выйти из дома, не опасаясь, что оставшийся молодняк в жажде подвигов напроказит — проглотит, например, том рассказов Короленко, как это случилось во время последней вахты Бирули, или же использует для подстилки шапку из ангорской шерсти. Теперь наблюдатель, прежде чем покинуть дом, быстро засовывает всю компанию в ящик и из него выглядывают только мордочки собачек. Такое устройство полезно, кроме того, в том отношении, что щенята обеспечены более спокойным сном, так как их ночной покой не нарушается при зажигании керосинки для кипячения чая и т. п. Это обстоятельство особенно радует их приемного отца и воспитателя Зееберга. Его воспитание приносит уже хорошие плоды: Маруся, как только поднимается крышка, выбегает по собственному побуждению в сени для совершения туалета и трое остальных должны более или менее добровольно следовать ее хорошему примеру. Секрет этого воспитательного метода состоит в том, что педагог начал давать щенкам теплую пищу в коридоре, и теперь вечно голодные щенята охотно туда выбегают. Когда у щенят пропадает охота играть, они греются у горячей керосинки, тесно прислонясь к ней. Бывали случаи, когда они в оживленной игре опрокидывали горящую печку, как было недавно во время вахты доктора, который обычно больше других радуется безудержной резвости маленьких существ. Можно быть уверенным, что он не наказал щенят за эту шалость, чего не упустил бы сделать Зееберг из педагогических соображений, без особой, правда, суровости. Колчак же хватает их грубее, как придется, за заднюю лапу, за морду или еще как-нибудь, чтобы водворить в ящик или выставить в сени. Ради щенят я поддерживал температуру в прошлую вахту почти постоянно выше 0°. Физически животные развиваются медленно, что, очевидно, следует отнести за счет низкой температуры. Их сверстники, содержащиеся в теплых помещениях, уже давно обогнали их ростом.

В сильную выюгу, при южном ветре 10 м/сек я вернулся вчера с дежурства на канадских лыжах. Чтобы пройти на канадских лыжах от острова до судна, мне потребовалось на 5 минут больше, чем пешком! Необходимо продолжать тренировку.

Во время вахты Зееберга при обходе жилых помещений команды обнаружилось, что в помещении машинистов горела не только керосиновая печка, хотя температура была +15°, но и лампа, подвешенная под самым потолком. Потолок сильно

нагрелся и потемнел. Такое разгильдяйство могло окончиться большой неприятностью! Я передал гидрографу маленькую тетрадку, в которую вахтенные офицеры должны отныне заносить три раза в день температуру всех трех жилых помещений команды. Кроме того, я распорядился, чтобы каждый вахтенный офицер и научный сотрудник производили ночью проверку помещений, что теперь ревностно выполняется. В течение всего дня я основательно просушивал свою койку. Вечером играли в вист, к игре привлекли также и Зееберга.

Сегодня день моего рождения. Пирог с горящей свечой в центре украшал стол за утренним кофе. К завтраку я извлек одну из запаянных жестяных банок и коробку великолепных сигар. К обеду будет очередь за бенедиктином, который явится неожиданностью наряду с шоколадными пирожными и соленым жареным миндалем; остальное думаю сохранить до следующих рождественских праздников, и таким образом мы получили удовольствие лишний раз вспомнить о милых друзьях. У всех хорошее деловое настроение. Надеюсь, что величайшие трудности привыкания к этой тяжелой обстановке уже преодолены.

За последние две недели у нас впервые разразилась настоящая буря. Надеюсь, наши путешественники проехали уже далеко. Сегодня, на одиннадцатый день своего путешествия, Коломейцев достиг, вероятно, Таймырского озера, а Матисен мог уже добраться до крайней точки своего пути.

4 часа дня. Дома теперь полдень! Скоро моя дочурка придет из школы и наверняка у нее найдутся в этот день слова утешения для матери, все мысли которой обращены сюда. Для моей семьи разлука была бы большой несправедливостью, если бы я не надеялся вернуться отсюда более умудренным и созревшим человеком. Для этого необходимо напряжение всех духовных сил, подчинение высоким нравственным законам, когда обостряется совесть, усиливается строгое отношение к себе, обуздывается темперамент и сердце становится более восприимчивым в любви к окружающим. Я думаю, что имел право и даже был обязан следовать своим личным побуждениям, приняв эту экспедицию. Надеюсь, что при развитии таких качеств, как выдержка и самоотверженность, моя работа окажется полезной и плодотворной для науки, а косвенно и для будущих поколений. Но что же является положительным в моей природе? Что дает мне право следовать развитию своей индивидуальности?.. Вся моя жизнь проходит перед моим взором... наследственность и воспитание создали противоречия, которые должны быть преодолены упорной работой над собой по мере накопления жизненного опыта!

Понедельник 18 марта. Возвращаюсь к своему дневнику. Сначала о дне рождения. Торжество прошло задушевно и тепло. Обед явился непревзойденным произведением искусства Фомы. Вокруг тарелки с паштетом лежало написанное им

красным и синим карандашом на длинной полоске бумаги меню, украшенное по краям бахромой. Оно было написано малоразборчивыми буквами. В дополнение доктор передал мне красивую карточку-меню:

Суп „Северное сияние“
Ветчина с гарниром
Песочное пирожное
Кофе с бенедиктином

Над текстом находился юмористический рисунок: три охотника застигнуты врасплох свирепо наступающим на них мамонтом, от которого они обращаются в бегство. На заднем плане виден залив «Зари» и сама «Заря». Праздничный обед начали с тминной водки. Бутылку тминной и бутылку рому я дал команде в ознаменование торжества. Суп был действительно венцом кулинарного искусства нашего полярного кока. Ветчина с овощными консервами в виде спаржи и горошка тоже соответствовала торжественному дню. Превосходно было и песочное пирожное, но оно легло камнем в желудке, а приготовленный из жженого сахара вензель нельзя было оторвать от неба. Пока мы расправлялись с песочным пирожным, доктор принес подарок своего друга — бутылку шампанского. Колчак произнес торжественный тост, пожелав мне успеха в достижении цели и высказав общее пожелание отметить в будущем году этот день на Земле Санникова. В ответ я сказал приблизительно следующее:

— Сегодняшний день могу сравнить с остановкой у верстового столба на трудном пути. Оглядываясь, обзореваясь то, чего добился на этом пути при достижении своей жизненной цели и стараешься справедливо оценить то, чему научился и тех, кто этому способствовал. Насколько этот последний участок пути оказался для меня труден, я не буду здесь говорить, но хочу сегодня выразить глубокую благодарность своим товарищам не только за то, что они делают для экспедиции, хотя их труд значительно больше, чем я ожидал, но и за то, чему я научился от каждого из них в отдельности. Я рад выразить вам сегодня самую горячую благодарность и обещаю остаться навсегда вашим верным старшим товарищем.

Затем последовало пение.

Аромат прекрасных сигар смешался с ароматом привезенного с родины кофе. Под вечер началась оживленная партия виста, продолжавшаяся до второго часу ночи. Бутылка бенедиктина была осушена за приятной беседой.

В три часа утра мы расстались.

Пятница 22 марта. Около 6 часов вечера вернулся Матисен веселый и довольный. Он прошел на север по меридиану мыса Лаптева и проследил ряд островов вплоть до 77°. Повернув на запад, он натолкнулся на торосы, преградившие ему

дальнейший путь, и по их кромке повернул назад, так как собачий корм был израсходован ранее, чем он рассчитывал. Стрижев кормил собак, очевидно, сверх положенной нормы в расчете скорее вернуться домой. Таким образом, Матисен приехал обратно на 15-й день. Трещин нигде не было видно. На обратном пути они тщетно преследовали трех медведей.

Поездка Матисена не разрешила вопроса о проблематичном мысе «Северо-Западном»³³, и он с удовольствием согласился продолжить, по моему предложению, поездку. Видимо, местонахождение этого мыса останется загадкой, а пока не ясно — какой именно из маленьких островов был принят Лаптевым за мыс материка. Когда Матисен вернется из своего второго маршрута, он передаст мне отчет о всей поездке.

Я прочел с наслаждением два рассказа Бьернстерне-Бьернсона: «Арне» и «Синнове Сольбаккен». Свежесть его описаний природы пленила меня. Перед глазами у меня все еще стоит великолепный ландшафт, которым мы в последний раз любовались вдвоем во время поездки через горы из Христиании до Бергена. Привожу строфы из «Арне», где говорится:

„Что мне грезы о смелом полете сулят?
Только царство снегов встречает мой взгляд.
Все же рвусь я туда, страстно тоскую,
О, когда же в тот край улечу я!
Этот воздух томит, не дает мне вздохнуть...
Сил кипучих, как прежде, полна моя грудь,—
Будет день, я уйду от земной суеты
За высокие горы...
Твое царство полно красоты,
Но не дай его тайнам раскрыться,
Дай всю жизнь к нему в думах стремиться.
Неужели не судьба мне взлететь в край иной
За высокие горы?
И мечта моя будет стоять предо мной
Недоступною, снегом покрытой стеной,
Скрыв от глаз, что таится за нею,
И могилою станет моею“.

Я постоянно говорил себе, что при других склонностях, чем у меня, было бы возможно создать что-либо на поприще науки, оставаясь дома, но по своей натуре я могу только «в манящих даях» совершить что-либо значительное. И вот я должен был просить тебя принести тяжелую жертву, которую требовала моя работа.

Эта работа дает мне ту творческую силу, о которой Арне поет в своих песнях:

„Вперед стремиться должен я без раскаяния и
скорби.

А дома любовь и верность я встречал.
Песнь твоя вселяла бодрость мне для многих дел,
Чтоб мог помочь я ближнему на жизненном пути“.

Суббота 23 марта. Обращаясь к истории животного мира Новосибирских островов, прихожу к мысли, что тех гигантских животных не могли спасти от гибели ни толстая шкура, ни излишнее развитие огромных бивней. Причина вымирания мамонтов могла лежать в ограничении свободы передвижения при их индивидуальной склонности передвигаться через большие пространства, когда они следовали в поисках пищи. Таким образом, причина их вымирания лежала в утрате связи с родной, быть может вследствие наступания моря и оледенения почвы.

Воскресенье 24 марта. Великолепная, но холодная погода —40° мороза и штиль. На смену алым вечерним сумеркам пришла светлая лунная ночь с северным сиянием. Вечером Колчак продолжил свой доклад о Великой Северной экспедиции.

Понедельник 25 марта. Матисен отбыл в 12 часов дня. Перед отъездом он передал просьбу Фомы взять его в следующий раз в поездку на 1—2 месяца на открытие новых островов, так как ему «надоел камбуз». Каюром с Матисеном на этот раз едет Носов. Даю Стрижеву отдых. В поездку назначил новых собак, на смену прежним, которым необходимо отдохнуть. Погода ясная и тихая при —30°. Когда мы вышли провожать Матисена, я обратил внимание, что одна из остяцких собак заболела белой течью из носа; пришлось распрячь ее и заметить другой.

Зееберг предложил сегодня перевести щенят из лаборатории в ледяной домик на острове. Он взял их с собою, чтобы во время своего дежурства устроить с остальными щенками. Гидрограф ушел рано утром на топографические работы, а я работаю без особой последовательности над основными понятиями определения места, фотограмметрией, историей полярных экспедиций, Северо-Восточного прохода и т. д. Притом у меня на совести лежат еще два дела: изучение физических и оптических свойств льда и проявление сентябрьских снимков.

Наши цинготные больные почти все поправились, только Пузырев чувствует небольшую одеревенелость в ногах и Безбородов ощущает незначительные боли в суставах ног. Это, однако, не помешало ему просить сегодня стоять вахту, против чего возражал доктор.

Вторник 26 марта. Вчера я предложил Бируле предпринять двух-трехдневную экскурсию к «Черной горе». Он с готовностью согласился. Я хотел бы согласно своему заповедному желанию установить на вершине горы минимальный термометр. Хотя это несколько запоздало, но и теперь интересно определить разницу между минимальными температурами на горе и в долине. Одновременно Бируля произведет топографическую съемку южной бухты до этого места, воспользовавшись общим видом с «Черной горы». Там, где гора спускается к берегу

моря, Бируля заложит у подножия или на склоне в обращенном на север снежном сугробе продовольствие для двух человек из расчета на семь дней. Кроме того, Бируля должен подвезти туда для топлива немного плавника. Из инструментов, кроме пелькомпаса и анероида, даю ему гипсотермометр.

Когда я вернулся в 6 часов 30 минут вечера с лыжной экскурсии к юго-западному берегу гавани Арчера, зачерненный термометр показывал на солнце —19°. Мне было настолько жарко, что я вынужден был снять меховую шапку с вспотевшей головы, но вскоре порывистый ветер принудил меня надеть еще ушанку под меховую шапку. Сегодня я окончательно убедился, что настоящим лыжником не смогу больше стать, но тем не менее буду дальше тренироваться в беге, хотя мое продвижение со скоростью улитки бегом нельзя назвать.

Был прекрасный день, я дошел до водораздела между гаванью Арчера и южной бухтой, откуда видна цепь гор, доходящая вплоть до «Черной горы» (?). Солнце было окружено большим гало, а ниже и справа темнел мгlistый конус. На объятый тишиной и безмолвием тундре виднелись следы лемминга и горностая. Временами были слышны как бы ружейные выстрелы — это трескался морской лед. «Заря» была скрыта островом Наблюдений. Овернувшись, я неожиданно увидел как раз в том направлении, где должно было находиться судно, колебавшийся при ветре серый столб дыма. Хотя я и убеждал себя, что это лишь атмосферное явление, мне было трудно отрешиться от мучительной мысли — что же именно следует предпринять, если это дым, поднимающийся от кучи пепла погибшей в пламени «Зари»? Только когда стройные мачты яхты показались из-за острова, моя тревога рассеялась и я умерил шаг.

Дома я встретил всех в сборе. Доктор охотился безуспешно: поднявшийся поземок помешал ему как раз в тот момент, когда он приблизился на 150 шагов к стаду оленей. Отставляя ружейный предохранитель, он поморозил себе пальцы настолько, что они мигом буквально «зазвенели».

После обеда поднялся резкий восточный ветер, и в вантах зазвучала знакомая музыка. Завтра надо ждать шторма и на вахте у меня с универсалом опять ничего не получится!

Пятница 29 марта. Стрижев проводил меня на остров, чтобы покормить щенят, почистить лампы и проч. Дорогой я сообщил о своем намерении послать его на два-три дня сопровождать Бирулю к «Черной горе». На мой вопрос, чувствует ли он себя здоровым и отдохнувшим, он ответил, что ощущает боли в ножных мускулах, и действительно на другой день у него появились багровые пятна на ногах. Это уже пятый случай цинги! Кто знает, какие последствия для хода экспедиции повлечет за собою цинга? В связи с отсрочкой поездки Бирули к «Черной горе» моя экскурсия на полуостров Челюскин будет

затруднена. Едва ли я рискну взять Стрижева в изнурительную поездку, даже если в течение двух остающихся до отъезда недель исчезнут симптомы его болезни. Возможность рецидива во время санной поездки кажется мне вполне вероятной; тогда пострадает не только работа, но и сам он будет подвержен опасности.

В мое дежурство, во время шторма 19—20 м/сек при максимальной температуре $-9,8^{\circ}$, намело огромные снежные сугробы, и мне пришлось выбираться из сторожки на четвереньках, а возвращаясь обратно, я вполз в нее задом наперед; при этом моя ветровая одежда, раздувшаяся, как бочка, и замерзшая колом, загородила вход и мне стоило огромного труда пролезть. Прежде чем снять показания анемометра, я должен был прочно укрепиться на крыше домика, чтобы не потерять равновесие. Наблюдения, на которые обычно требовалось 10—15 минут, длились теперь, включая одевание и раздевание ветронепроницаемой одежды, 25—30 минут, так что между каждой серией наблюдений оставалось едва полчаса времени, чтобы приготовить пищу и чай и заняться собаками, число которых возросло до десяти. Все же мне удалось углубиться в чтение истории о несчастьях Марии Антуанетты по описанию Клары Чудис. Я не мог не согласиться с приведенным в качестве эпиграфа изречением Цицерона: «Свойство величия души и мужества заключается в том, чтобы ничего не страшиться, стоять выше событий и не признавать ничего непреодолимого в человеческой судьбе» («Долг» Цицерона).

После прекрасной погоды начался новый период штормов. Сегодня третий день не прекращается юго-западный ветер. Барометр продолжает падать. Снежная буря намела с правого борта «Зари» огромные сугробы. Отгребание снега от бортов судна, с палубы, с брезента, натянутого над палубой, и с ботов требует немало сил. Сегодня вычищено и высушено верхнее помещение для ванны, в котором находились четыре красивых белых щенка. Для них и для остальных щенков, находившихся до сих пор в камбузе и в кубрике команды, устроены на фордеке бочки с захлопывающимися дверками, обложенные кругом снегом. Чтобы избежать распространения сырости в жилых и рабочих помещениях, я намерен устроить особую сушилку.

Суббота 30 марта. Со вчера на сегодня я взял на себя судовую вахту. Совершая обход в час ночи, я обнаружил значительную сырость во всех помещениях; велел как следует протопить утром печи дровами. В 7 часов утра я снял показания барометра, а Зееберг завел хронометры. Мы их выдерживаем при возможно постоянной температуре, около -16° , которая заносится в книгу, что входит в обязанности вахтенного, как и вычерчивание кривой температуры жилых помещений.

Воскресенье 31 марта. Коломейцев снова возвратился!

Понедельник 1 апреля. Значение этого неожиданного события нельзя не доучесть, принимая во внимание наступившее время года! Коломейцев прошел 20 км вверх по реке, которую он принял за Таймыру. Достигнув ее истоков, он пошел в западном направлении через тундру. На пути встретил каменистые россыпи, по которым передвигался с трудом, проходя не более 7 верст в день. Следующая река была шире и вела дальше на запад. Дойдя вниз по течению до устья, он решил вернуться к нам. Оказывается, река Таймыра впадает вовсе не в тот залив, который мы принимали за Таймырский, а в тот, который мы рассматривали как нансеновский залив Толля. Река Таймыра должна быть наконец найдена, и скоро! Потерянные два месяца невозместимы — теперь невозможно уже отправить почту зимним путем. Для этой поездки пришлось бы лишиться собачьей нарты в сопровождении такого каюра, как Расторгуев!

Вторник 2 апреля. После того как я сегодня ночью хорошо выспался, мне представляется лучшим следующий выход. В предположении, что Таймыра впадает не в так называемую Таймырскую бухту, а в залив Толля, невозможно снабдить Коломейцева продовольствием на весь путь, так как ее устье лежит в два раза дальше; придется устроить промежуточный склад на пути к Таймырскому озеру, а затем на байдарке подняться вверх по реке Таймыре. Чтобы отыскать ее устье, я отправлюсь 16 апреля с Колчаком, с нами пойдет и Коломейцев. На трех нартах зайдем в залив Толля, отыщем устье реки и, убедившись, что это действительно Таймыра, проводим Коломейцева до озера. Без преувеличения можно считать, что на поиски устья уйдет неделя; тогда Коломейцеву для поездки на юго-восток останется провианта еще на 33 дня. Если он оставит свой груз на Таймырском озере и налегке отправится через тундру, то через 23 дня доберется до первых поселений. Отсюда Расторгуев должен попытаться вернуться на оленях. Если это удастся, все будет в порядке. В случае, если Коломейцев не сможет добраться санным путем до Дудинки, то ненцы переправят его через тундру и летом.

Четверг 4 апреля. Во время моего дежурства Матисен сообщил по телефону о своем возвращении. Он объехал остров Нансена, положил на карту два ближайших маленьких островка из архипелага Норденшельда и запеленговал несколько других. Между островом Нансена и ближайшими островками был лед, который, как считает Матисен, не взламывался прошлый год. По другую сторону островков находились параллельные гряды торосов. В течение двух дней Матисен безуспешно пытался преодолеть торосы, затем отказался от своего намерения и, обойдя северный берег острова Нансена, прошел вдоль юго-западного берега до Волчьего залива (?).

Вчера я вызвал Расторгуева на остров и сообщил о своем решении отправиться с ним до реки Таймыры. Я сказал, что как только он встретит ненцев, то тотчас же вернется с ними на оленях. На поездку к Енисею времени не останется. Этим он был доволен. Позже, совершая оздоровительную прогулку, пришел ко мне Стрижев. Когда разговор коснулся цинги, Стрижев сказал, что эта болезнь была совершенно неизвестна в Усть-Янске и утверждал, что в течение всей зимы он питался там гнилой рыбой и что пища здесь много лучше. По словам Расторгуева, рабочие на золотых приисках также страдали в тайге цингой, хотя их питали свежим мясом, луком и свежеевпеченным хлебом и жили они в сухих бревенчатых домах!

Дни так быстро мелькают, что я беспокоюсь, сумею ли подготовиться к отъезду.

Завтра Толстов заканчивает устройство сушилки, и я снова смогу работать в лаборатории. На пасху хотелось бы на острове устроить «Марсово поле», чтобы повеселить «народ». Надеюсь, что это удастся.

Суббота 6 апреля. Сегодня приступил к детальному планированию предстоящей поездки. Кроме того, провел лекцию о высотных измерениях. Стрижев, а также и Пузырев чувствуют себя бодрее.

Воскресенье 7 апреля. Вербное воскресенье. Сегодня ночью было —30°. Тихо и ясно, великолепный зимний день, только чрезмерно много света; на солнце уже тает. Мои мысли обращаются к дому — ты все еще ждешь известий и кто знает, когда они дойдут? У детей начались пасхальные каникулы и они рады весне. Журчат ручейки, стекая вниз по Домбергу; скоро на улицах будут ломами сбивать лед и будет слышен стук железа о мостовую, который в юности так часто звучал у меня в ушах и вызывал постоянно ощущение приближающейся весны, тоску по свободе, стремление покинуть город и выйти на широкий простор! Сейчас я вышел в далекий мир, добился своей мечты, но сколько препятствий надо еще преодолеть, раньше чем будет разрешена моя задача! Прежде всего вопрос о поездке Коломейцева.

Понедельник 8 апреля. Сегодня утром я совещался с Колчаком, а вечером с Зеебергом; последний вызвался сопровождать Коломейцева до встречи с ненцами. Серьезно обдумав его предложение и, возможно, дам согласие.

Пятница 12 апреля. Со среды на четверг я провел свой последний день наблюдений на острове. Около трех часов пришел Коломейцев, и состоялся длительный разговор об его путешествии, который не привел пока к определенным результатам. Когда я вчера утром пошел обратно на «Зарю», мне навстречу вышел доктор. Его лицо казалось осунувшимся и чужим, так как за последнее время он сильно похудел после

желудочного заболевания. Приветствуя меня, доктор сообщил, что найден исключительный выход: Коломейцев задумал ехать другой дорогой, а именно — на Гольчиху вдоль морского побережья, где дорога лучше, расстояние короче и путь известен. Короче говоря, доктор пришел, чтобы склонить меня в пользу этого решения. Хотя Коломейцев и ошибается, так как в действительности эта дорога вдвое больше, я не хочу его удерживать и предоставляю ему возможность ехать избранным им путем. Так или иначе придется пожертвовать Расторгуевым и упряжкой. Отсюда до Гольчихи около 60 дневных переходов. Я могу дать 8 собак и хочу поручить Бируле проводить его приблизительно на расстояние 200 км, до мыса Стерлегова, следовательно 100 км за склад Миддендорфа. Сопровождая Коломейцева в течение 10 дней, Бируля разгрузит на это время его нарты. Маршрут Бирули может быть увязан на обратном пути с запланированной поездкой к «черной горе». Как бы то ни было, я должен отправить сначала Коломейцева, а потом могу выехать сам.

Через два дня пасха! Никаких известий от тебя! Кто знает, сколько еще это будет продолжаться и когда ты получишь мой письма?!

Вскрытие Енисея у Дудинки 13 и 14 июня н. ст.

Вскрытие Енисея у Терехина (70°30') 21—28 июня н. ст.

Вскрытие устья Енисея (72°) 10 июля н. ст.

Суббота 13 апреля. Опять великолепная погода. На солнце — 2,5°, в тени — 20°. Фактически уже давно тает, хотя и без подтверждения термометром. Лучшая пора для поездок упущена, утрата невозвратима!

Сегодня наступает большой праздник; Фома суетливо готовится и хлопочет. Всю неделю он не давал доктору покоя своими многочисленными просьбами, которых тот не мог удовлетворить: это были то шафран, то карамель, то ром для «бабки», то одно, то другое. Фома приготовил из шоколада яйца, сварил окорок, спек кулич; кто знает, что бы он еще придумал, если бы получил от доктора необходимые приправы, непростительно забытые, по его мнению, при снаряжении экспедиции. Всю неделю мы по очереди мылись в ванне. Фома и здесь хлопотал, стараясь установить строгий порядок купания. Являясь одновременно экспедиционным рабочим, каковую должность он выполняет с достоинством, Фома хочет, видимо, совместить с этим призвание банщика.

К полуночи у нас будет накрыт по русскому обычаю пасхальный стол со всей возможной торжественностью.

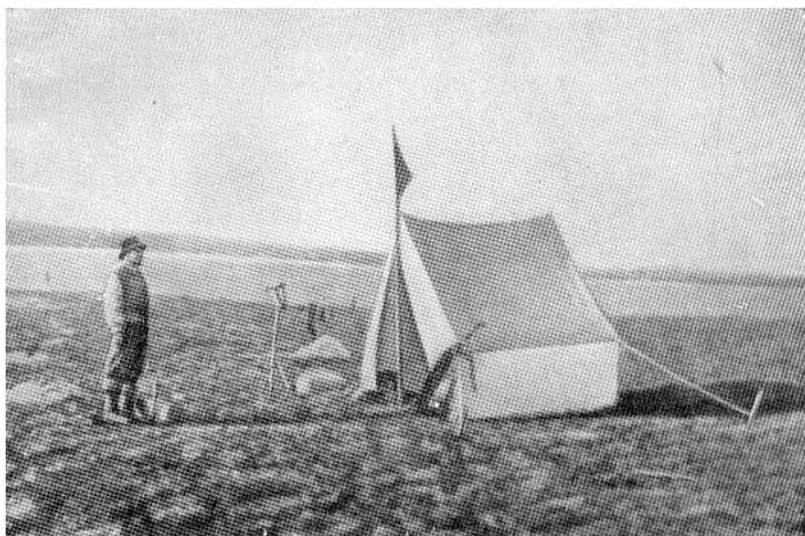
Сегодня я велел принести неотправленную до сих пор почтовую посылку и изменил текст телеграммы, так как невозможно своевременно отправить почту, как и получить ответную. Я готов на любую жертву, чтобы довести дело до конца.

Терпение, терпение и мы снимемся наконец с этой песчаной мели!!

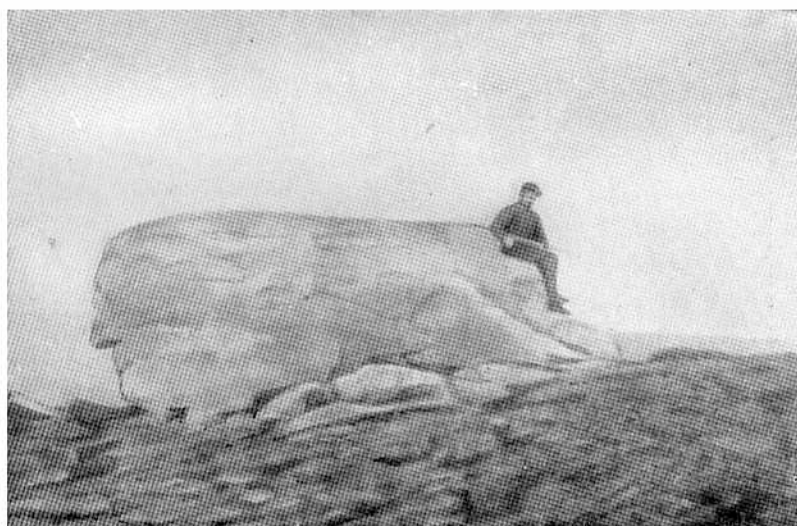
Пасхальное воскресенье, 14 апреля. Облачное небо, —9° и легкий снегопад. Снежинки падают правильными звездочками, я наблюдаю это здесь во второй раз. Пасхальную ночь провели торжественно. В 10 часов вечера Фома накрыл пасхальный стол белым полотном, на нем празднично красовался разукрашенный окорок, возвышалось три кулича, для каждого из нас было приготовлено по шоколадному яйцу и два для меня. Офицеры были одеты в тужурки, Зееберг вышел в крахмальном воротничке и галстухе. Помещение команды было украшено флагами. Здесь также был накрыт пасхальный стол, еще богаче уставленный различными консервами. Над столом красовалась сделанная Пузыревым с большим вкусом люстра со множеством восковых свечей.

Мы отдали должное мастерству Фомы. Куличи лежат у нас в желудке тяжелым камнем, как порфир или гранит, которых они напоминают по своей структуре и весу. Сегодня «Заря» красуется, вся убранная флагами. К обеду ожидается в изобилии хорошее угощение, команде будут поданы сосиски с капустой (доктор ходил вчера на охоту в поисках свежей оленины к праздничному столу, но безуспешно).

После обеда было организовано «народное увеселение». Призовая стрельба прошла очень оживленно. Перед началом стрельбы Матисен скомандовал парадный марш. Из-за отсутствия тренировки и отчасти из-за двух пар цинготных ног команда так промаршировала, что у более критически настроенного командира волосы встали бы дыбом, тем не менее этот полярный парад вполне удовлетворил командира. Затем был дан сигнал артиллерии, и после длительных интервалов, заполненных различными шутками и остротами по поводу необычайной быстроты обслуживания пушки, последовало три пушечных выстрела. Вслед за этим началась призовая стрельба, которая привела к совершенно неожиданному результату: на первое место вышел Фома! Оказывается, старательный и честолюбивый мастер поварского искусства систематически упражнялся в стрельбе. Вторым был Шервинский, третьим Клук. Участники стрелковых состязаний получили в подарок по разукрашенному яйцу величиной со страусовое, которые были высланы вслед нам из Петербурга в Екатерининскую гавань. В каждом яйце, кроме всевозможных полезных и красивых предметов находилась бутылочка водки, но так как накануне я угощал всех тминной водкой, то счел за лучшее сохранить эту водку до другого случая. Однако в предназначенном для Евстифеева сюрпризе я оставил бутылочку, содержащую около четырех рюмок водки, так как наш «старик» имеет слабость к этому напитку. Сегодня утром он выглядел великолепно,

Лагерь Бирули и Вальтера на южном берегу Таймырского пролива во время летней экскурсии

„Камень Миддендорфа“ — глыба кварца на острове Бэра

В проливе Фрама; август 1901 г.

Высадка на берег у мыса Челюскина; 1 сентября 1901 г.

гордо выступая на вахте в пальто, барашковой шапке и с манишкой на груди.

Вторник 16 апреля. Со вчерашнего дня, как и следовало ожидать, после продолжительной прекрасной погоды началась буря с северо-западным ветром в 16 м/сек, который повернул сегодня на юго-запад. Этим снова задерживается отъезд Коломейцева. Вчера я составил телеграмму президенту Академии наук и сообщил о случаях цинги. Дополнительно напишу несколько писем. Будет ли эта почта доставлена по назначению или снова вернется обратно?

Среда 17 апреля. Третий день продолжается шторм; в силу этого путешественники сегодня все еще здесь. Вчера вечером опять падали снежинки редкой формы — соединенные по несколько звездочек на одной оси.

Четверг 18 апреля. Буря улеглась, и в 2 часа дня обе нарты тронулись в путь. Коломейцев был бодро настроен, Расторгуев казался очень задумчивым. Надо надеяться, что Бируля вернется из этой поездки освежившимся и удовлетворенным, как возвращались до сих пор и все остальные. Придется ли мне отсылать почту еще и в четвертый раз? Тягостное чувство — писать письма своей любимой, не зная при этом, когда они дойдут и дойдут ли вообще?

Так как после моего отъезда здесь останутся только три собаки, которые в состоянии еще немного работать, то откладываю свой отъезд на послезавтра, чтобы моя упряжка подвезла две нарты дров.

Пятница 19 апреля. Отправляюсь в путь! Погода прекрасная. Весь день я укладывался и прибирал, чтобы оставить все в порядке.

ВТОРАЯ САННАЯ ПОЕЗДКА НА ПОЛУОСТРОВ ЧЕЛЮСКИНА

Первая съемка берегов Таймырского полуострова была произведена, как известно, Великой Северной экспедицией.

В 1741 г. Харитон Лаптев сделал попытку добраться на собаках из устья реки Таймыры до мыса «Северо-Восточного». Он выступил 10 мая, но четыре дня спустя заболел снежной слепотой и был вынужден повернуть обратно. Через неделю он снова приехал в устье Таймыры, в хижину, которая служила пристанищем для первого зимовщика в устье Таймыры — якута Фомы, занимавшегося здесь рыбной ловлей и охотой на песца.

После тщетного похода на север Лаптев предпринял 20 мая съемку и описание побережья до устья реки Пясины, куда прибыл 9 июня. В июле он достиг Туруханска на Енисее³⁴.

В следующем, 1742 г. помощник Лаптева штурман Челюскин впервые обогнул на собаках, начиная от устья реки Ха-

танги, северную оконечность Азии и 7 мая достиг мыса, названного его именем. От этого мыса он повернул на юг к устью реки Таймыры и до 15 мая ехал по льду вдоль берега; встретив в этот день посланного ему навстречу Лаптевым унтер-офицера Хорошева, поехал дальше через тундру к устью Таймыры³⁵. В каком именно месте Челюскин перешел с морского льда на берег и какого числа он достиг устья Таймыры, из найденных дневников Челюскина не видно. Этот вопрос остается не освещенным, так как весь географический материал этой большой экспедиции, очевидно, потерян³⁶. К сожалению, не увенчались успехом все усилия найти в архивах Петербурга, в том числе в архивах Гидрографического департамента, подлинные карты, составленные этой экспедицией³⁷. Таким образом, материал, послуживший основанием для старых карт, нам неизвестен. Позднее Соколов и Миддендорф составили карты по вновь найденным дневникам³⁸. На карте Соколова Таймырская губа простирается с запада на восток на 85 и с севера на юг на 75 морских миль (т. е. на 153 и 135 км). Залив открыт к северу, он почти равномерной ширины и ограничен с запада и востока материком. Устье Таймыры находится в юго-восточном конце залива, приблизительно под 99° в. д. и 75°35' с. ш. Суша, ограничивающая залив с запада, оканчивается на севере «Северо-Западным мысом» под 76°38' с. ш. В прямолинейный, местами слабо извилистый берег не врезается ни одного глубокого фиорда или залива.

Существенное изменение дает составленная Миддендорфом по маршрутам Лаптева карта, на которой западная часть суши, заканчивающаяся «Северо-Западным мысом», отделена от материка проливом и, следовательно, должна быть островом. Известное путешествие самого Миддендорфа обогатило топографию этих мест прекрасной картой течения реки Таймыры, но, к сожалению, без указания географического местонахождения устья реки и залива. Миддендорф не мог проникнуть на своем боте в залив ввиду позднего времени года. Самой северной точкой, им посещенной, был остров Бэра.

Итак, Таймырская бухта сохранила на картах свою старую форму. Маршрутная съемка Ваганова, топографа экспедиции Миддендорфа, не показала большого различия в определении широт по сравнению с его предшественниками. Миддендорф считал, что ошибки в определениях широт офицерами Великой Северной экспедиции не превышают «нескольких минут»; напротив того, указания долгот расходятся с истинными на несколько градусов — так восточный Таймырский полуостров следует отнести на 4° к западу.

1878 г. ознаменовался первым плаванием вокруг Азии на «Веге». Высадка Норденшельда на остров Таймыр в открытой им бухте Актиния подтвердила предположение Миддендорфа о существовании Таймырского пролива, отделяющего остров

Таймыр от материка. От мыса Лаптева на острове Таймыр Норденшельд направил курс «Веги» к мысу Челюскина, не заходя в расположенный южнее Таймырский залив и не ознакомившись ближе с расчленением берега на этом пути. Поэтому на общей карте, приложенной к описанию путешествия на «Веге», сохранено изображение Таймырского залива по Соколову и главнейшие изменения даны согласно карте лейтенанта Бовэ, который помещает устье пролива на широте Таймырского залива у мыса Миддендорфа.

Карта плавания Нансена на «Фраме» в 1893 г. не была еще опубликована до нашего отплытия из Европы, но Нансен лично передал мне набросок карты окрестностей острова Таймыр и данные нескольких астрономических наблюдений; благодаря этому экспедиция хорошо ориентировалась при розысках зимней гавани.

Вышедшие перед тем из печати эскизы карт Нансена, иллюстрирующие текст популярного описания путешествия и его научные доклады, вносят существенные изменения в очертаниях Таймырского залива. Согласно с этим на $76^{\circ}32'$ с. ш. и $98^{\circ}35'$ в. д. находится северная оконечность большой косы, которая, врезааясь в Таймырский залив в направлении юго-востока — северо-запада, суживает его наподобие фиорда. По ту сторону полуострова, названного Нансеном именем короля Оскара, он открыл еще много бухт. На $100^{\circ}40'$ в. д. и на той же широте, как и северная оконечность, им открыта бухта Толля, затем севернее отмечен глубоко врезающийся в сушу фиорд Гафнера, над северным берегом которого возвышается характерная гора Кельха. В остальном Нансен согласен с контурами Таймырского залива по карте Норденшельда.

На основе этих и новейших открытий Нансена я думаю, что устье реки Таймыры находится в глубине залива, расположенного восточнее мыса Миддендорфа, а за полуостровом³⁹ находится бухта Толля и затем уже следует фиорд Гафнера. Я еще более укрепился в своем мнении, когда увидел над северным берегом фиорда Гафнера характерную возвышенность, которую принял за гору Кельха. Однако, не видя описанного Нансеном мореноподобного холма, я предположил, что мыс мог остаться незамеченным в тумане, да и, кроме того, я не знал, в каком месте «Фрам» стоял на якоре. Таким образом, я считал, что достиг фиорда Гафнера, о географическом положении которого я не получил от Нансена никаких данных.

Исчисление курса по скорости движения собачьей упряжки имеет весьма приближенное значение, особенно во время пурги, когда собаки не точно выдерживают направление и их приходится то и дело направлять на верный курс. В таком положении мы оказались в октябре, когда по нашему расчету мы сделали 100 км к востоку от «Зари» к фиорду Гафнера и прошли 4° долготы. Уточнить местоположение фиорда можно было

только после возвращения на «Зарю» при сравнении карманного хронометра с судовым.

После того как Колчак, вычислив свои наблюдения, получил $76^{\circ}04'30''$ с. ш. и $99^{\circ}?'?'$ в. д.⁴⁰, у нас возникли, разумеется, сомнения, которые возросли, когда лейтенант Коломейцев и доктор Вальтер в феврале, и первый из них в марте, не могли найти устья реки Таймыры в предполагаемом Таймырском заливе. В силу неблагоприятных обстоятельств и непогоды тогда невозможно было представить несомненных доказательств, что Таймыра впадала не в эту бухту.

Как бы то ни было, склад был заложен здесь в фиорде, так как отсюда я хотел попытаться пересечь полуостров Челюскина, чтобы, если окажется возможным, достигнуть восточного берега залива Фаддея и затем повернуть на север вокруг мыса Челюскина. Я намеревался предпринять это путешествие на двух собачьих упряжках. Меня и Колчака должны были сопровождать опытные каюры, по возможности Расторгуев и Стрижев. Но Расторгуев отправился тем временем с Коломейцевым на Енисей, а Стрижева, только что перенесшего заболевание цингой, я не рисковал брать в длительную и утомительную поездку и поэтому направил его с Бирулей в более короткий маршрут провожать Коломейцева до мыса Стерлегова; мне самому пришлось отказаться не только от лучшего каюра, но и от лучшей собачьей упряжки. Для своей поездки я наметил теперь в качестве каюров двух матросов, поморов, архангельских уроженцев — Железнякова и Носова. В течение зимы они обучались у Стрижева управлению упряжкой и уходу за собаками, а Носов ездил каюром в октябрьскую поездку для устройства склада. После отъезда Коломейцева и Бирули с 16 лучшими собаками, на «Заре» осталось только 12 собак, не считая занятых подвозкой дров. Мне пришлось запрячь по шесть собак в нарту, из них 10 восточносибирских и 2 ненецких.

Отсюда ясно, что продвигаться мы сможем очень медленно и то лишь при условии, что сами впряжемся в постромки и будем не переставая тащить нарты в помощь собакам.

В субботу 20 апреля был ясный солнечный день. Барометр стоял высоко, дул легкий бриз с востоко-северо-востока. В час дня было $-25,8^{\circ}$ в тени, а на солнце $-20,9^{\circ}$ — прекраснейшая погода для поездок.

В полдень мы в последний раз пообедали с комфортом в нашей уютной кают-компании, которая сильно опустела, так как вместо прежних семи человек за столом, кроме нас двух отъезжающих, был только Матисен. Лейтенант Коломейцев и зоолог Бируля были уже два дня в пути и успешно провели, как я позже узнал, увлекательную охоту на медведей. Астроном Зееберг воспользовался ясным днем для работы на острове Наблюдений, а доктор Вальтер нес вахту на станции. Передавая им по телефону прощальный привет, попрощавшись с Матисе-

ном и со всей командой, ожидавших нас у нагруженных саней, мы в 2 часа дня тронулись в путь.

Гидрограф взял к себе каюром рулевого Железнякова, своего постоянного помощника при гидрологических и топографических работах, а я кочегара Носова. Они шагали с правой, а мы с левой стороны нарт. В моей упряжке в качестве передовых вожakov были Туркан, моя любимая собака, и Печать. Турканом или Туруханом якуты называют *ragu* (*Somateria spectabilis*), самец которой имеет брачный наряд в виде черного плаща с белым воротником и грудью. Его красивое оперение вместе со сверкающим оранжевым бугорком на клюве и зелеными круглыми, как яблоки, щеками представляет действительно привлекательное зрелище. Собака Туркан и была названа в Усть-Янске по имени этого пернатого благодаря своей черной спине, белой шее и белой груди. Он принадлежит к числу сильнейших и красивейших ездовых устьянских собак. Печать хорошо повинуетея и сильно тянет. Во второй паре следуют Соколка и Шахмат, первая такой же масти, как Туркан, второй — в серых и желтых крапинках, похожий на волка, но короткошерстый и с головой меньшей, чем у остальных, похожих на волков, собак другой нарты: серого Сегана и Керемеса. Соколка названа так, очевидно, чтобы охарактеризовать стремительность ее бега. Кличку Шахмата я мог бы рассматривать как плохое предзнаменование в предпринятом нами путешествии. В третьей паре моей нарты была Ласка и Крошка: первая длинношерстая устьянская собака не совсем чистой крови, но с отличными качествами, всегда добросовестно тянущая свою постромку. Два необычайно водянисто-светлых глаза на ее широкой морде, покрытой косматой шерстью, придавали ей полное преданности, отчасти напоминавшее сову выражение. Крошка — белая молодая самка из Западной Сибири — была моложе всех ненецких собак; она научилась зимой ходить в упряжке и превзошла в этой добродетели большинство своих одноплеменников.

Передовыми собаками второй нарты были — вышеназванный серый Сеган и его тезка черный Сеган с тупым носом и бурой мордой. Во второй паре были Туркан II и Собака. Первый из них, отличающийся робким нравом, был похож на Туркана I, лишь более светлой масти с желтоватым воротником и жилетом, но более короткошерстый, чем его соименник. Собака по своему сложению и окраске походила на гончую. В последней паре второй нарты были Керемес и Красный. Керемес — сильнейшее и красивейшее животное, по своему строению и цвету шерсти был типичной волкоподобной восточносибирской собакой. Красный — красновато-желтая остяцкая собака — в отношении своей работоспособности не уступал восточносибирским. Он уже показал себя в медвежьей охоте, обнаруживая в своих повадках и по внешнему виду примесь крови охотничьей

собаки. Это были лучшие собаки, покинувшие в тот день «Зарю». Из шести собак, везших с огромным напряжением мои нарты, вернулись обратно на «Зарю» лишь три, а из второй упряжки четыре.

На каждой нарте было около 300 кг груза. Не обшитые железом деревянные полозья глубоко врезались в снег. Собаки тянули с напряжением и медленно, и двигавшиеся нарты мгновенно останавливались, как только они не натягивали с полной силой постромки. Первую часть пути я шел впереди. Шедшему сзади было легче, так как собаки задних нарт сами старались не отставать. Вскоре Носов принялся подгонять животных плетью, им самим изготовленной. Он придерживался мнения, что собаки ленивы и что люди напрягают свои силы больше, нежели они. Я запретил прибегать к этому способу, так как устьянские ездовые собаки не привыкли к такому управлению. Лишь когда в условиях крайней необходимости собаки должны были приложить последние усилия перед своей смертью или когда какая-нибудь из них проявляла упрямство и лень, могла возникнуть речь о плетке.

После шестичасового марша мы прошли ничтожное расстояние в 13 км и еще 3 км за мыс Сморулаус у входа в Таймырский пролив. В 8 часов вечера остановились на отдых у тороса двухметровой высоты. Я не решался слишком много требовать от собак, утомившихся в течение первого дня пути, тем более что в последнее время они немало поработали в поездке Матисена к архипелагу Норденшельда; не менее утомительна была доставка плавника перед нашим отъездом. Собаки представляли собой большой капитал, который необходимо было бережно хранить для санных поездок будущего года и для обратного пути после достижения нашей главной цели — неисследованной полярной области. Нельзя забывать, что число хороших ездовых собак значительно сократилось. Две прекрасные устьянские собаки пали зимой в результате неизвестного заболевания, восемь лучших ушли безвозвратно с Коломейцевым. Из ненецких собак пало в течение зимы двадцать, а из оставшихся можно считать пригодными только шесть. В надежде, что молодняк на примере устьянских собак воспитается в хороших ездовых, я мог бы рассчитывать будущей зимой иметь около 30, вместо купленных первоначально 60 собак. Следовательно, в этом году предстояло принести немало жертв ради крайней необходимости беречь собак. В этой поездке я впервые произвел опыт запряжки саней 6 собаками против обычного числа 12, но уже первый день показал, что к ним были предъявлены непосильные требования, а поэтому я решил продолжать поездку без каюров.

В связи с моим намерением после поездки на Челюскин отправиться к устью Таймыры в начале лета по твердому льду и частью по открытому морю, когда нельзя будет рассчиты-

вать на собак, мне хотелось часть оставшегося провианта перебросить возможно дальше на восток. Поэтому на следующий день я отправил обоих матросов с распряженной нартой обратно на «Зарю» с их спальными мешками, ружьями, патронами и одеждой. Весь провиант я решил попытаться доставить на оставшихся нартах хотя бы до мыса Миддендорфа, который, по первому предположению, лежал почти на полупути до устья Таймыры и находился, во всяком случае, в двухдневном переходе на восток от «Зари».

После того как на другое утро при совершенно ясном небе, полном безветрия и температуре $-25,8^{\circ}$ Колчак произвел от 8 до 9 часов определение долготы, затем в полдень взял полуденную высоту солнца для определения широты и в промежутке определил магнитные постоянные, мы в час дня двинулись дальше. Первые полчаса мы шли в сопровождении матросов с запряженной теперь уже 12 собаками нартой. На нарте было теперь около 560 кг груза. Первые полчаса собаки, возбужденные совместной работой и в пылу первого усердия, везли довольно хорошо. Распрощавшись с матросами, я отослал их с пожеланиями счастливого пути домой. Через два часа рвение собак иссякло, и они с трудом тащились вперед. Для сокращения веса саней я решил здесь, в 18 км от «Зари», заложить склад продовольствия, чтобы не повредить собакам, если везти весь груз до мыса Миддендорфа, т. е. еще 18 км.

Мы заложили большую часть продовольствия и 48 кг собачьего корма с подветренной стороны гранитного валуна на южном берегу Таймырского пролива, не доходя до его сужения. Рядом с валуном я воткнул в снег в виде знака лыжную палку. Воров и разбойников, даже в образе песцов, которые обременяли Нансена во время его зимовки на Земле Франца-Иосифа, здесь нет. Следов белых медведей здесь также не было видно, так что я без опаски сгрузил наше продовольствие прямо на снег, без какой-либо защиты. Закапывание в снег, таяние которого могло начаться еще до нашего возвращения, больше повредило бы провианту, чем посещение склада зверями. С собою я взял приблизительно четвертую часть сухарей в мешке и весь запас сахара и шпига, которые могли здесь испортиться. Кроме того, взял консервы по расчету для двух человек на 30 дней. Расчет был не очень щедрый, так как я надеялся найти в фиорде Гафнера склад в хорошем состоянии и думал пополнить там недостающее, в том числе собачий корм.

Теперь, когда сани стали легче, собаки тащили около 380 кг без большого напряжения. На солнце было так тепло, что я снял верхнюю одежду и, пока тащил сани или бежал рядом, мне было достаточно кожаной жилетки и шерстяной фуфайки.

Расставшись с каюрами, я взял на себя управление собаками. Это выражалось в том, что я выкрикивал командные слова,

время от времени рассказывал им якутские истории и кормил перед ночлегом. Колчак находил, что мой метод слишком догосердечен и мягок, но я все же оставался ему верен. Я шагал как каюр, с правой стороны нарты, гидрограф слева. В 8 часов 30 минут вечера мы достигли мыса Гелленорм, расположенного против мыса Миддендорфа. Если не считать полутора часов, которые были затрачены на устройство запасного склада, то мы проехали сегодня 22 км за 6 часов. Этот успех следовало отнести за счет облегчения веса саней. Туркан, которого я впряг первым вожакom вместе с Печатью, довольно хорошо слушался моего голоса. Когда порвался потяг между обоими передовыми собаками и следующей парой, Туркан и Печать стремительно помчались на берег. Я бросился их догонять; Туркан, услышав мой зов, тотчас же повернул назад и направился ко мне. После того как беглецы были снова запряжены, дело пошло на лад. Приблизившись к мысу Гелленорм, мы обнаружили отсутствие железного лома, незаменимого для торможения нарт в пути и для привязи собак на стоянке, но вскоре я его нашел по следу благодаря ясной погоде. Поземок, пурга или густой туман замели бы следы и нарушили ориентировку.

Дорога по Таймырскому проливу была ровная, без торосов, и большей частью шла по крепкому снегу. Лишь местами попадался более мягкий снег, в который глубоко погружались полозья саней. По хорошей дороге собаки так быстро бежали, что мы, не успевая за ними, вынуждены были садиться на нарту, правда поочередно, так как собаки останавливались, когда мы садились вдвоем. По моему личному опыту бег рядом с санями, особенно по рыхлому снегу, когда нога глубоко проваливается, требует значительно большей затраты сил, чем если тащить сани с равномерной скоростью по хорошей дороге. Чтобы хорошо выполнять обязанности каюра, нужно соединить дарование скоростного бегуна с талантами кантора. Возгласы «наррах! наррах!» или «тах! тах!» относятся не только к вожаку, но и к остальным собакам, чтобы держать их внимание в непрерывном напряжении, на чем и основана вся тяговая работа и чем поддерживается стремительность их бега. Итак, приходится одновременно говорить, кричать, бежать, править собаками и приводить в порядок запутавшуюся сбрую. Этот, требующий тренировок труд стоит немалых усилий для непривычного человека. На второй день мы достигли мыса Гелленорм и той лагерной стоянки, до которой доходили в октябре под водительством Расторгуева. Я полон надежд овладеть специальностью каюра и выполнять свои новые обязанности без ущерба для успеха экспедиции.

Следует отметить существенную разницу между моими двумя поездками в пользу последней.

гда начиналась полярная ночь и для передвижения можно было использовать лишь немногие дневные часы, а теперь непрерывный день! Температура воздуха была примерно —30° и днем же, так, 22 апреля в 11 часов вечера было —30° и днем же, но солнце облегчало нам жизнь. Если только было ясно, небо, не скрытое туманом и облаками, при этой температуре, на солнце за несколько часов высыхала наша промокшая обувь, таял примерзший к палатке лед и снег и даже согревался воздух в ней. Теперь в палатке стало значительно уютнее, чем в прошлую поездку, когда фонарь едва ее освещал, и примус, приятнейший в данных условиях музыкальный инструмент, стал теперь быстрее согревать чай и пищу.

Чтобы лучше использовать дневное время для астрономических наблюдений и чтобы облегчить собакам работу, которые страдают днем от жары и даже при 25-градусном морозе бегут с высунутыми языками, я ввел новый распорядок: вечер и часть ночи мы были в пути, а днем работали и спали. Так, со второй стоянки мы снялись в 7 часов вечера и около 11 часов вечера расположились на следующей. На разбивку лагеря при благоприятной погоде требуется около двух часов, столько же времени расходуется на приготовление пищи и еду, а также запись предварительных заметок в путевой дневник и курение трубки. После этого наступал самый блаженный момент, когда можно было залезть в спальный мешок. Это было обычно около 3 часов утра. В 8 или 9 часов мы вставали, затем следовала варка пищи, работа по разборке и погрузке палатки. Таким образом, мы ели два раза в день с промежутками около 12 часов. Хорошо питаюсь в течение зимы мясными блюдами, мы первое время не ощущали голода, особенно когда принимали пищу регулярно. Так как тяжелые мясные консервы занимают много места, то по примеру других экспедиций я предпочел взять для санной поездки пеммикан и малороссийское сало. Из четверти банки пеммикана весом в полкилограмма, смешанного с полпорцией горохового пюре, получался суп, которым мы вполне насыщались.

От мыса Гелленорм, сложенного, как и все побережье Таймырского пролива, из гнейса, мы прошли через первую бухту к западному берегу этого залива, чтобы произвести съемку побережья. Сделав 8 км, мы остановились через час у маленького скалистого островка. На северной оконечности этого острова наблюдалось интересное явление. Здесь до высоты 10 м были вздыблены мощные ледяные глыбы. На поверхности островка близ крутого берега лежали сглаженные гранитные валуны диаметром в несколько метров. Присутствие на высоте 10 м над уровнем моря эрратических валунов объясняется напором морского льда. Такие ледовые подвижки могут срывать с крутых утесов огромные обломки скал, которые переносятся льдом летом во время шторма на далекие расстояния. Зане-

сенные таким путем эрратические валуны остаются лежать на береговых уступах или же на плоском берегу. Подобное явление имеет место на побережье Балтийского моря; тем более оно должно быть свойственно здешним краям, где силы, проявляемые льдом, значительнее. Но, принимая во внимание, что на высоте 5—6 м здесь имеются следы древних береговых линий, представленных морскими террасами и что Миддендорф находил морские раковины на высоте 60 м над уровнем моря, надо признать, что геологам будет нелегко доказать присутствие в полярной Сибири следов древнего оледенения подобного современной Гренландии. Если здесь и существовали отдельные глетчеры, как на Земле Франца-Иосифа или на Шпицбергене, то следы их в виде морен могли быть стерты наступанием моря, а при последующем отступании моря береговая галька и валуны перемешались с валунами морены. Ледниковая штриховка на скалах, расположенных близ современного уровня моря, может произойти от напора морского льда, между тем полировка и штриховка, обусловленные скольжением глетчера, могли быть уничтожены морским прибоем или выветриванием под воздействием атмосферных агентов.

Проехав около 22 км, мы разбили III лагерь у основания мыса высотой 8 м, сложенного сланцами. На следующий день 23 апреля в 9 часов 45 минут вечера пересекли мыс и направились через мнимый нансеновский залив Толля прямо на восток к лежащему за ближайшей косой складу в фиорде Гафнера. Было нелегко точно выдержать направление, так как, когда мы покидали берег, нас окутал густой туман. После двух часов пути быстрым шагом, или, вернее, мелкой рысью, мы достигли, как выяснилось позднее, восточной стороны этого залива приблизительно на 4 км южнее того места, откуда выехали в октябре месяце через тундру к бухте Депо. В этот день мы проехали около 25 км и были вполне удовлетворены успехом. Когда собрались улечься в спальные мешки, гидрограф сделал неприятное открытие: не доставало зимней одежды, в которую были завернуты две пары запасных рукавиц и войлочные подошвы. Зимняя одежда и запасные рукавицы были крайне необходимы, а вместе с тем я жалел терять время на их поиски. Окончательное решение я отложил до следующего утра. Хорошо выпавшись и высушив мокрые носки теплом своего тела и оттаяв в спальном мешке лапландские сапоги, которые накануне так затвердели на морозе, что невозможно было их надеть, я решил повернуть обратно и отправился с недельным запасом провианта на поиски зимней одежды, которая, вероятно, соскользнула с саней по ту сторону мыса. Мне помнится, сани получили в том месте резкий толчок, когда собаки неожиданно рванули и быстро помчались,

заметив то ли взлетевшую полярную сову, то ли белую куропатку.

Среда 24 апреля. У мыса Флага. Мыс III лежит приблизительно в 5 км к западо-юго-западу отсюда. Я рассчитывал, отыскав потерянный сверток, остановиться здесь на ночлег и попутно обследовать бухту, чтобы найти устье Таймыры. Не глядя на легкую метель, поднявшуюся с ночи, я все еще надеюсь обнаружить следы наших саней и не пропустить потерянных вещей.

Торосы, нагромодившиеся в октябре месяце и занесенные зимой снегом, стали неузнаваемы. Собаки везли нарту в гору без нашей помощи и, узнав старый след, бросились в стремительном беге через тундру на лед, где сохранились следы полозьев наших саней. Вскоре туман заволок противоположный берег, и нам с трудом удалось выдерживать направление по курсу.

Наконец в 11 часов 30 минут вечера перед нами предстал скалистый берег. Собаки его тотчас узнали и бодрой рысью побежали вслед за возбужденно лающим Турканом, натянувшим потяг. Сноровки ездовых собак познаются не сразу. Чтобы поддерживать их рвение, я должен был, как говорил выше, непрерывно их звать и рассказывать по-якутски разные обманчивые истории, в противном случае они останавливались, и тогда нам приходилось расходовать все свои силы, чтобы сдвинуть сани с места, пока собаки снова их потащат. Они еще свежи и бодры. Вчера и третьего дня они снялись с места с такой стремительностью, что я не был в состоянии поспевать за ними, и только тогда выдерживал темп длительного бега, когда гидрограф садился на нарту. Когда я не мог бежать от усталости, я подсаживался на нарту, и так мы сменяли друг друга. Но как только встречался незначительный подъем на месте заснеженного тороса или же более высокая заструга, приходилось соскакивать и самим впрягаться в сани. К концу перехода собаки замедляют обычно свой бег, и мы можем поспевать за ними быстрым шагом (5 км/час).

Всякий раз, как только я предоставляю небольшой отдых своим легким и глотке или обмениваюсь с гидрографом несколькими необходимыми словами, внимание собак тотчас отвлекается, и они останавливаются. Из-за непрерывного крика и сосания льда для утоления жажды я совершенно охрип.

В полночь, во время тумана или в сумерки, когда я не различаю неровностей на снегу и в то же время должен не спускать глаз с горизонта, чтобы придерживаться курса, приходится на каждом шагу скользить, спотыкаться и часто падать.

Пеленг отсюда на мыс Колчака запад 10° к северу. Температура с $-20,9^{\circ}$ опустилась до $-21,9^{\circ}$, ветер с 8 уменьшился до 6 м. Густой туман немного рассеивается и, хотя барометр падает, мы сможем двинуться дальше еще ночью.

Я изучил профиль местности и выбрал площадку, где можно выкопать в снегу яму, чтобы заложить две связки рыбы и остающуюся провизию. Из IV лагеря выступили в 12 часов 12 минут ночи и прибыли в V лагерь в 1 час 25 минут ночи.

V лагерь с 25 апреля до 26 апреля у мыса Колчака. Запас продовольствия опустили в яму и укрепили над нею на скалистом берегу на заметном месте лыжу с флагом, а над самим складом установили вторую лыжу. К полуночи закончили все работы по складу, разобрали и погрузили на сани палатку.

Сегодня впервые показалось полуночное солнце; снежная выюга и туман не заволакивали горизонта, и солнце было видно над горизонтом на одну треть своего золотисто-красного диска. Собаки сегодня устали более обычного. Когда я вывел их на вчерашний след, они остановились, повалились, потерлись о снег и потом только подстрекаемые моими беспрестанными возгласами, означавшими будто мы возвращаемся домой, бодрее побежали вперед. На расстоянии 20 минут от лагеря мы проехали мимо какого-то темного предмета, который я принял издали за обломок старого потемневшего льда, а собаки мимоходом его поочередно обнюхали. Это был сверток гидрографа с оплакиваемой зимней одеждой. Собаки бежали быстро — по 8 км в час. Ширина залива достигает здесь едва 12 км. Мы разбили свой лагерь на восточном берегу мыса у основания красивого тороса высотой 10 м. В 2 часа 30 минут ночи мы уже сидели в палатке у уютно шипевшего примуса, ели замерзший сыр из дичи, масло, сухари и шпиг, а через три четверти часа у нас был готов чай с молоком. Сегодня встали в 11 часов утра, в 12 часов дня гидрограф произвел определение широты. Затем он попытался определить магнитные постоянные, что, однако, ему не удалось сделать, как и определение долготы, вследствие поднявшегося свежего северо-северо-западного ветра. Плавника здесь было мало, и притом плохого качества, но я все же взял лучшие куски дерева с собой. В 8 часов вечера мы залезли в мешки, чтобы переспать начавшийся шторм.

Пятница 26 апреля. Второй день в V лагере. До 3 часов пополудни пролежали в спальных мешках. Двинемся дальше, как только улучшится погода и немного рассеется туман.

Суббота 27 апреля. VI лагерь. Чтобы не оставлять собак мерзнуть во время выюги и учитывая, что они за целый день отдыха достаточно оправились, я решил вчера, невзирая на пургу, идти дальше, и мы поехали вдоль берега, пока он оставался видимым.

В 2 км от вчерашней стоянки начинается низкий берег, который соответствует описанному Нансеном полуострову Короля Оскара. Через 4 км к юго-юго-западу повстречался маленький островок и еще один в 6 км к юго-востоку. Из-за пурги мы ничего не могли различить. Не легко было в такую бурю

установить палатку! Понаблюдав во время кормежки за собаками, чтобы они не таскали друг у друга полученных кусков, мы залезли после полуночи в мешки и оставались в них лежать до 3 часов дня, так как пурга усилилась и барометр продолжал падать.

Воскресенье 28 апреля. Вчера с 8 часов 30 минут вечера до полудня сегодняшнего дня мы пролежали в мешках, а затем сварили саламат из гороховой каши с сыром из дичи. Когда выюга утихла и показался берег, выяснилось, что мы находимся в маленькой бухточке. В палатке стало довольно мокро. В течение последних суток мы всего один раз согревали пищу. Невзирая на сгустившийся туман, собираемся двигаться дальше.

Понедельник 29 апреля. VII лагерь. Вторично на мысе Флага. Сегодня увидели поворотный мыс к фиорду Гафнера, позднее Инклинаторный мыс и гору Кельха. Только что я заметил первый след куропатки. Накануне, перед выступлением из лагеря, я видел оленей, которых пытался нагнать, но они быстро скрылись. На поверхности тундры я обнаружил породу, по-видимому гранулит⁴¹ (?). Вдоль южного берега суши, у которой мы провели ночь, был виден вход в пролив (?). Может быть, это устье реки? Пройдя около одного километра на восток, мы в 9 часов 45 минут достигли мыса, на вершине которого, к немалому нашему удивлению, увидели сооруженный Коломейцевым и Расторгуевым знак! Как они попали сюда? Они должны были подойти, очевидно, с юга и то, что я принял сейчас за пролив, и было фактически проливом.

Итак, здесь был остров, о чем мне правильно говорил Расторгуев, но в то время я ему не поверил. Загадка, где находится устье реки Таймыры, становилась все неразрешимее. Через полчаса пути мы достигли нового мыса, по другую сторону которого впадала незнакомая река. Чтобы не уклоняться от главной цели поездки, я решил отложить разрешение этой загадки на будущее время, тем более что Коломейцев уже побывал в глубине этого второго залива.

В 1 час 7 минут ночи мы вернулись к продовольственному складу у мыса Флага. Тем временем погода прояснилась, ветер стих и температура упала до —33°. Попытка отапливаться взятыми с собою дровами оказалась неудачной, так как они были сырые. В 4 часа 30 минут утра мы улеглись в мешки; вылезли из них в 11 часов утра, чтобы произвести наблюдения.

Вторник 30 апреля. VIII лагерь. Мыс Инклинаторный. Вчерашняя поездка была роковой! Дорога оказалась тяжелой из-за глубокого рыхлого снега, навеянного последней бурей. Собаки плохо ташили тяжело нагруженные сани. В 9 часов вечера мы покинули лагерь и, объезжая мыс, попали полозьями саней в трещину между торосами, из которой смогли освободиться только полностью разгрузив сани. Эта работа вместе

с погрузкой продолжалась до без четверти 12 ночи. Едва мы продвинулись на несколько сот шагов вперед, как о край тороса обломились копылья. Нам ничего другого не оставалось, как снова разгрузить сани для лочинки и устроиться здесь на ночлег. Во избежание повторения таких происшествий необходимо насколько возможно облегчить нагрузку саней, поэтому я оставляю здесь до нашего возвращения в числе прочих следующие предметы, с отсутствием которых мы можем мириться: инклинатор⁴² и треногу — 12 кг, рыбы — 32 кг, гороховых консервов — 25 банок, шпигу — 8 кг и т. д., всего до 80 кг груза.

Я снова выкопал яму в снежном откосе берега, опустил в нее продукты, уложенные в ящик, а сверху положил рыбу. На вершине снежного холма укрепил треногу в качестве опознавательного знака.

Среда 1 мая. IX лагерь у склада в фиорде Гафнера. Прибыли в 3 часа 20 минут утра сильно утомленные. Чтобы не ехать по торосам, направились по довольно отлогому снежному скату. Здесь сани перевернулись, и полозья опять попали в трещину. Чтобы не сломать сани при подъеме, пришлось наполовину разгрузить их. Разгрузка и погрузка заняли почти час времени, и мы только к 3 часам ночи добрались до мыса при входе в этот залив. Было тепло. Собаки сильно устали и проголодались. Леска в пути поедала помет передовых собак; вероятно, вчера во время кормежки соседние собаки похитили у нее рыбу, и дело обошлось без драки благодаря ее добродушию. Весь день она ухаживала за Крошкой, у которой было укушено ухо, и заботливо зализывала рану. Снег глубокий и рыхлый; тяжело бежать по такому снегу и одновременно безостановочно кричать.

Сегодня мы устроили себе день отдыха — спали с 7 часов утра до 7 часов вечера. Я ознакомился с местностью, затем мы с удовольствием поели гуляш с горохом и пили чай с молоком. Завтра приступим к работе по откапыванию склада, над которым скопилась мощная толща снега.

Четверг 2 мая. Вчера перед сном я пошел поохотиться за белыми куропатками, одну принес с собой, а другие улетели. Всего было 5 куропаток.

Стоял туман и сероватый полумрак. Мы быстро заснули, но в 2 часа ночи проснулись, так как спальные мешки отсырели и местами даже промокли. Уснув под самое утро, мы вылезли из мешков в 10 часов. Я ощипал куропатку и сварил суп. Куропатка с горохом показалась нам необычайно вкусной. В зобу у нее я нашел почки полярной извы и маленькие зеленые листочки куропаточьей травы, а в желудке были камешки. Перезимовали здесь куропатки или прибыли с юга? Здесь ли они нашли эту пищу? Перед обедом были произведены полуденные наблюдения. Сейчас наши вещи сохнут при температуре —7,2°. Раскопка склада подвигается с трудом. Моя ошибка

заклучалась в том, что установленный знак был слишком короток и оказался полностью покрыт снегом. Пришлось скрыть весь пригорок, чтобы найти верхушку лыжной палки.

Собаки утомлены и сильно похудели. Я отвязал передовых собак, и они тотчас улеглись спать. Сегодня после обеда, расчищая снег, я услышал и одновременно увидел первую пучку.

Пятница 3 мая. Весь вчерашний день прошел в бесполезном раскапывании снега. Колчак пребывал в трудовом экстазе, а я был рассержен своей непростительной ошибкой, что не установил более высокого знака. Вечером я ходил на горных лыжах обзирать окрестности и проследил в тумане пролив или глубокий фиорд на протяжении двухчасового пути, т. е. на 6—8 км, до конца которого так и не дошел. Он простирался приблизительно к северо-северо-востоку от залива. Его восточный берег, изрезанный многими мелкими бухточками, образован косой, на которой раскинута наша палатка, а западный прямолнейный берег — сушей, простирающейся на северо-запад от мыса Входного. Туман и сумерки были в полночь так ужасны, что я ничего не мог различить невооруженным глазом, хотя и сильно напрягал зрение, чтобы не сбиться с пути. В час ночи повернул обратно в надежде найти лагерь в порядке и увидеть гидрографа уютно сидящим в палатке у примуса. Спальные мешки, вывешенные на весь день для просушки, должны были быть убраны с заходом солнца в палатку, однако они висели снаружи совершенно оледенелые. Гидрограф все это время неутомимо разгребал снег, хотя и безуспешно. Он находился в подавленном настроении из-за своей неудачи. Разумеется, в этой неудаче повинен только я, и нам пришлось дорого поплатиться из-за того, что я не предусмотрел таких снежных наносов на юго-западном наветренном склоне скалы. Помимо того, я рассчитывал прибыть сюда с двумя матросами, которые и откопали бы склад. Здешнее пребывание благоприятно для собак, нуждающихся в отдыхе, но корм и керосин убывают. Собачий корм можно будет, правда, возместить, когда вскроем склад. Колчаку не нравится экскурсия внутрь страны, ему хотелось бы отправиться лучше к мысу Челюскина. Если бы мы располагали двумя нартами и рабочими, то я оставил бы их здесь для раскопки склада, и, не теряя времени, отправился бы сам с гидрографом дальше. Он вычислил, что мы совершенно не продвинулись на север, а только на восток, и находимся сейчас на широте 76°45'.

Суббота 4 мая. С 9 до 2 часов я совершил рекогносцировочную экскурсию, чтобы ближе ознакомиться с бухтой. Тяжелый туман не рассеивался, он появился вместе с потеплением. Идешь, как в сосуде с молоком, — кругом все бесформенно белое и неразличимое.

Скалы над нашим складом служат, видимо, излюбленным местом пребывания куропаток, так как я там нашел множество птичьих следов. Они, очевидно, ищут на скалах ивовые почки и листья нивянки. Здесь, как и вообще на высоких местах, почти нет снега, так как снег быстрее всего тает на темном, обросшем лишайниками граните. Я видел также первых пуночек; у них брачный наряд не такой черный, как у новосибирских.

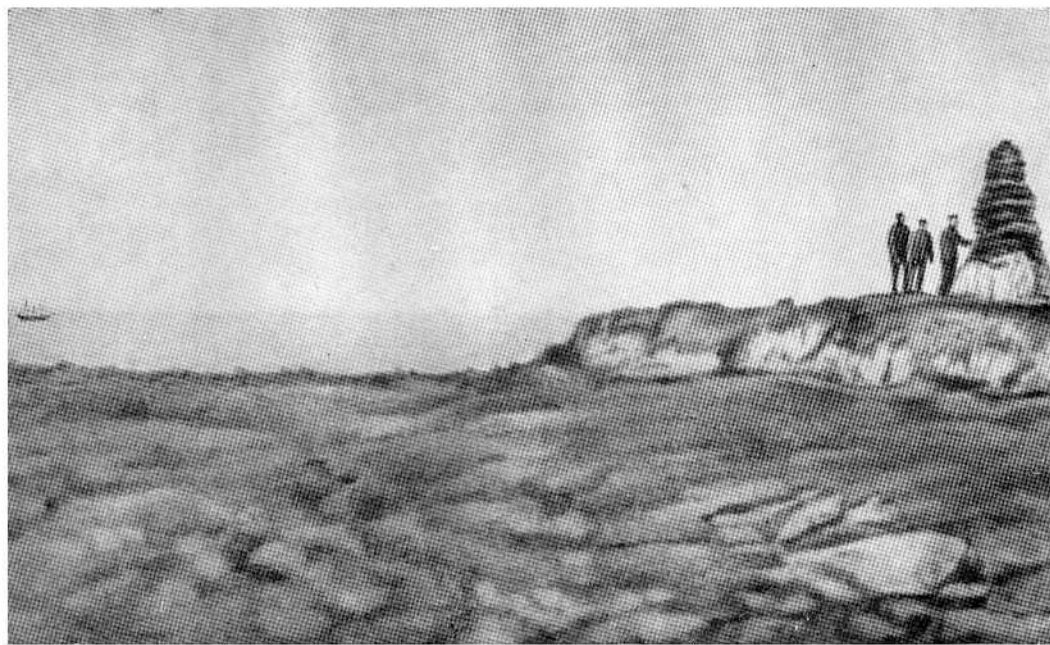
Если мы завтра не обнаружим склада, то придется послезавтра привезти консервы и рыбу с Инклинаторного мыса, затем отправимся на две недели на восток, а после вернемся сюда проверить, не оттаял ли склад, прежде чем отправиться к «Заре» за новыми запасами.

Воскресенье 5 мая. Яркое солнце. Воздух прозрачен, —19,2°. Гидрограф принялся за работу, а я пошел с ружьем в поисках куропаток. В 8 часов 30 минут гидрограф произвел определение долготы. С сегодняшнего дня мы работаем в глубине шахты; вчера сделали штольню в 20 шагов длиной и 1,8 м глубиной. Снег твердый, как сахар. Вместо нашей тяжелой лопаты был бы уместнее эскимосский снежный нож. За час мы выкапываем 1 куб. м. Пока великолепная погода, но гало вокруг солнца предвещает (?) бурю. Если мы находимся здесь под 100° в. д., а мыс Челюскина под 105° (или 98°—103°), то разыскиваемая бухта Фаддея могла бы находиться на долготе Челюскина; но если мы прикинем еще один градус, то до бухты останется около 6°. Ввиду того что данная линия не прямая, то это расстояние, как я полагаю, равно приблизительно 200 км. Делая ежедневно по 30 км, мы успеем за две недели добраться туда и вернуться обратно. Как бы то ни было, завтра необходимо ехать за продовольствием, чтобы послезавтра отправиться в путь. Мы провели здесь целую неделю, дольше оставаться никак нельзя. Солнце сильно греет, в палатке в 2 часа дня было +2,5°, а в тени —13°. Между снежными стенами, где я копаю, снег сильно слепит и жжет глаза.

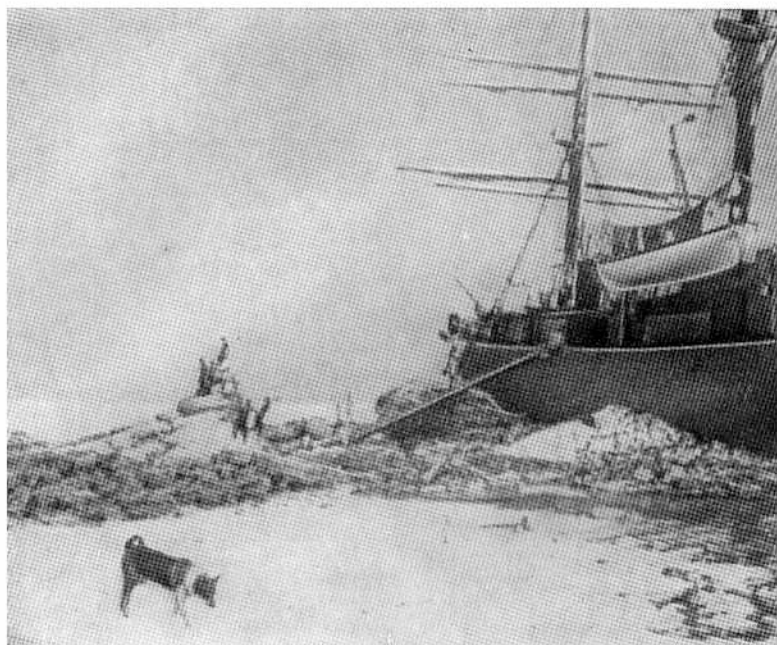
Понедельник 6 мая. Мой правый глаз сегодня совсем плох, ощущается резкая боль и текут слезы, особенно после того как я работал с лопатой в течение часа. Приготовив раствор сернокислого цинка, я попросил Колчака капнуть мне в глаз.

Погода прекрасная. Гидрограф удовлетворен сделанными им сегодня тремя наблюдениями по соответствующим высотам. Копать мы перестали. Вчера я слышал несколько пуночек. После обеда в 4 часа отправляемся к Инклинаторному мысу.

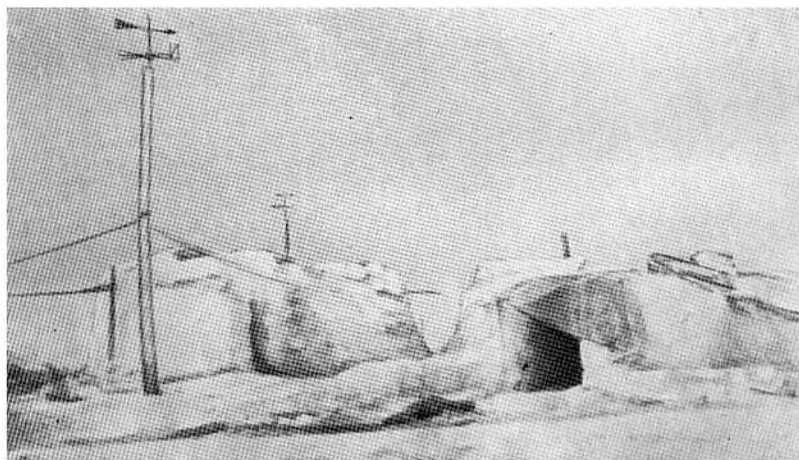
Вторник 7 мая. Вчера в 5 часов 30 минут дня мы тронулись в путь на пустой нарте. На заливе снег очень рыхлый и глубокий, дорога тяжелая. Через час достигли южного берега и поднялись по маленькой речной долине на тундру, где был твердый снег; благодаря крепкой и ровной дороге собаки мчались полным ходом. Свежие следы куропаток, которые мы местами пересекали, также ускоряли бег собак. Все следы шли в одном

Знак „Зари“ на мысе Челюскина

Погрузка топлива —плавника

Магнитно-метеорологический домик и поварня Воллосовича на острове Котельном

направлении (?), приблизительно с юга на север. Было 7 часов 10 минут вечера, когда мы пересекли тундру и через 20 минут неожиданно прибыли на мыс Флага вместо Инклинаторного мыса! Погода была ясная и тихая; над тундрой и над морем нависла сероватая дымка, так что линия горизонта с трудом различалась. Собаки мчались вперед с дикой быстротой. Когда мы приблизились к откосу, упряжку невозможно было сдерживать и нарта со свистом полетела вниз, но, к счастью, на откосе было много снежных сугробов, так что все завершилось благополучно. Мы очутились у берега моря и вслед за этим добрались до мыса Флага. Отсюда оставалось 4 км до Инклинаторного мыса. На море по льду, покрытому рыхлым снегом, собаки тащили пустую нарту с большим трудом. В это время года ехать по тундре легче, чем по морю!

В течение часа склад на мысу Инклинаторном был вскрыт и снова засыпан. 8 банок пеммикана, 25 банок гороха, собачий корм и сало были увязаны на нарте. Мы отправились обратно кратчайшим путем, причем мнимая гора Кельха указывала нам направление, как и в октябре. В час дня было -15° , ночью $-28,2^{\circ}$. Когда мы вышли после чая кормить собак, небо полностью заволочло тучами и температура поднялась до -20° . Сегодня снова пал густой туман, температура в час дня -12° . Вскоре может начаться оттепель! После крепкого сна в высушенном мешке мои глаза настолько поправились, что я надеюсь вскоре избавиться от начавшейся снежной слепоты.

Позавчера в воскресенье, когда я поставил aneroid на солнце рядом с палаткой, его термометр показал $+5,0^{\circ}$. С гранитных скал свисают большие ледяные сосульки.

Среда 8 мая. Х лагерь (1 со времени поездки в глубь полуострова). Мы выехали в 9 часов 27 минут утра. Первую часть пути собаки везли по тяжелому снегу довольно бодро, так что мы сели на нарту. Чтобы облегчить вес саней, я оставил в яме над нескрытым складом пять банок гороху, банку пеммикана, клондайкские лыжи, лыжные палки, половину наших патронов и даже фотографический аппарат. Все было уложено под резиновую покрывку для защиты от сырости и засыпано снегом. Одна лыжная палка была поставлена непосредственно над ямой с вещами, а вторая установлена выше над скатом. Мы направились на северо-восток через кут залива шириною 3 км, который я ранее обошел на лыжах и который оказался длиной около 10 км. Туман постепенно отступал, местами появилась мгlistая дымка, нависшая над тундрой. Все же было достаточно видно, чтобы ориентироваться и брать направление.

Слева впереди, т. е. на северо-западе, ясно и четко возвышалась гора Кельха. В конце этого залива мы поднялись на тундру, по которой ветер гнал с юго-востока снег.

Полуночное солнце, сопровождаемое двумя красивыми побочными солнцами, сообщало особую прелесть полярному ландшафту. Дорога была значительно лучше, чем в заливе и на побережье.

Следы куропаток и песцов подбадривали собак, но собаки еще сильнее возбуждались при виде пролетающих мимо пуночек или же вообще чего либо черного — будь то камень или моховая кочка на тундре, так как они принимали их за съедобные предметы. Бедные, голодные животные! В час ночи они отказались идти дальше. Все 20 км по тундре мы сделали пешком, а при подъемах впрягались сами в нарты. Чтобы не переутомлять собак, я решил остановиться в этом месте. Кроме того, меня интересовала геология ближайшей цепи холмов.

Четверг 9 мая. XI лагерь (II во время маршрута в глубь полуострова). На южном берегу Таймырского залива. Вчера перед выездом был юго-юго-восточный ветер силой 8—9 м. Когда он улегся, легкая поземка способствовала выдержанию курса. Собаки везли хорошо по холмистой тундре — по 8—9 км/час. Пройдя крутой спуск, мы оказались в глубоком рыхлом снегу, который свидетельствовал о том, что наш путь шел снова по бухте полярного океана. В этом мы удостоверились при виде выступавших из-под снега торосов, а в остальном эта снежная равнина ни в чем не отличалась от плоской низменной тундры. Когда туман несколько рассеялся, стало возможно ориентироваться.

В общей сложности сделали 20 км. Вчера, пересекая перешеек между двумя заливами, брали курс 30°, сегодня берем 40—45° в глубь страны. Быть может, нами открыт новый залив? Он находится на широте — 76°14,5'. Берег здесь слабо волнистый, местами поднимается на 20 м. Едва видимый на севере мыс (или остров) кажется издали скалистым.

Совершив геологическую экскурсию и зачинив прорвавшуюся палатку, мы двинулись дальше. На пустынной тундре видел стаю пуночек, весело летевших на север.

*Пятница 10 мая*⁴³, XII лагерь (III во время поездки в глубь полуострова). Северный берег неизвестного залива (Таймырского залива). Вчера сделали пересечение этого 20-километрового залива по курсу 30° и 25° (с северо-северо-востока на северо-восток). В восточно-юго-восточном направлении видел далеко простирающийся кут. Лед, по-видимому, старый, невзломанный, лишь на северо-западе у выхода виден пояс торосов. Снег рыхлый и глубокий. Астрономическое определение этого места на берегу залива показало широту 76°17,5'.

Из всех собак более утомленным кажется красивый серый Сеган, он при каждой остановке вытягивается на снегу во всю свою длину. Остальные, несмотря на крайнее истощение, до-

вольно бодры и везли сегодня не плохо. Раза два при виде пролетающей пуночки собаки пускались даже вскачь. Во время кормежки собак мы зорко следили за ними вплоть до проглатывания последнего хвостового плавника рыбы, чтобы добродушные псы не были обижены своими, более предприимчивыми товарищами. Когда мы улеглись в мешки после кормежки, собаки неожиданно поднялись с диким воем и сорвались с привязи, очевидно заметив пролетающую птицу. Изголодавшиеся животные стараются утолить свой голод, пожирая по дороге помет передовых собак.

Наш лагерь находится у устья маленького ручейка, берег которого при освещении полуночным солнцем казался высоким и крутым, а теперь, в полдень, он плоский и волнистый. Спал я плохо, так как спальный мешок отсырел, и меня беспокоили судороги в ногах.

Здесь в тундре не заметно больше хребтов, сложенных сланцами. Тундра представляет собою волнообразно увалистую страну с глинистой почвой, усеянную кое-где валунами гранита. Видел двух белых куропаток и застрелил, к сожалению, лишь самочку. Опечаленный самец, которого я охотно избавил бы от его одиночества, удалился, как только заметил, что его спутница упала и осталась недвижимой. Сегодня я нашел маленькие зеленые листочки нивянки (зимние листья?). Защищенные прошлогодними бурыми листьями и согретые солнцем листочки могут в скором времени развиваться. Завтра меняем свой курс более на восток.

Только что я выкурил свою последнюю сигару!

Суббота 11 мая. XIII лагерь (IV со времени поездки в глубь полуострова). Сегодня мы за час справились с подъемом лагеря — начав сборы в 7 часов вечера, в 8 часов 20 минут двинулись в путь. Через полкилометра у подъема на тундру в глинах четвертичных отложений мною была обнаружена котловина, размытая водой, а также холмы конической формы, поразительно похожие на «байджарахи»⁴⁴ Новосибирских островов.

Так как солнце скрыто за облаками, сегодня встали поздно, забрались в спальные мешки в 3 часа 30 минут утра и проспали до часу дня. Перед выходом в маршрут я сварил прекрасный суп из куропатки.

Насколько высоко мы находимся над уровнем моря, выяснится из вычислений, так как перед каждым маршрутом я произвожу наблюдения по гипсотермометру.

Суббота 12 мая. XIV лагерь (V со времени поездки в глубь полуострова). Вчера мы вышли в 8 часов 15 минут вечера, а в 11 часов 15 минут были вынуждены сделать привал, так как собаки не в состоянии идти более 12 км. Они не могли быстро бежать даже под гору, когда сани скользили сами, так что задние собаки, и чаще других Крошка, попадали под

полозья, и вся упряжка превращалась в труднораспутываемый клубок. С большими усилиями приходилось не раз освобождать упряжку. В 9 часов вечера в густом тумане прошли по берегу какого-то водоема, озера или залива. Снежные холмы покрывали торосы, дальше путь шел по рыхлому и глубокому снегу.

Сегодня в палатке жарко, и поэтому сон нас не освежил — солнце ярко светит и согревает палатку до $+8^{\circ}$. В связи с сильным переутомлением продвигаемся медленнее, чем я предполагал. Неужели придется повернуть обратно? Рыбы остается только на 11 дней, а нашего скудного провианта хватит едва на 14 дней, также и керосина. Собаки страшно исхудали. Сегодня, несмотря на усталость, мы сами впрягаемся в лямку.

Холмистая тундра лежит здесь на 24 м выше уровня моря. Она бескрайна и безмолвна, тем не менее мне казалось, будто я слышу, как растения поднимаются из-под снежного покрова под живительными лучами солнца, благодаря которым они снова зацветают и приносят плоды. Все в природе должно приносить свои плоды! А какие плоды принесет доверенная мне экспедиция?

Обволакивающий нас туман не дает возможности ориентироваться. Возможно, мы не раз пересекали пролив, лежащий в направлении западо-восток, или же шли параллельно узкому морскому заливу, не догадываясь об этом.

Характер тундрового ландшафта, туманы при теплой погоде и мгlistая дымка в холодную, отсутствие возвышенных точек для обозрения окрестностей при ясной видимости — все это затрудняет здесь географическое исследование.

Сегодня наш путь лежит по волнисто-бугристой тундре с лёссовидными формами вымывания, покрытой валунами гранита. Возможно, что вчера мы пересекли водораздел, так как спуск равнялся приблизительно $4\frac{1}{2}$ км.

С 12 мая до 14 мая. XV лагерь (VI лагерь со времени поездки в глубь полуострова). Покинув лагерь в 8 часов вечера, мы шли сначала через плоское ущелье, занесенное глубоким снегом, затем по холмистому плато и дальше спустились под гору. В течение первого часа собаки везли сносно, со скоростью около 5 км. Пройдя 4 км в густом тумане, по низине, похожей на речную долину, мы сбились с пути. Было 11 часов 35 минут, когда я остановился, потеряв в тумане окончательно направление. Это был последний привал. Идти дальше, не зная, бредем ли вдоль западного или же восточного берега, было бы беспцельным расходом последних сил ездовых собак. Правильнее будет совершить мне одному на лыжах дневной переход на восток. Чтобы набрать сил для этого, я предварительно хорошо выспался и сытно пообедал. Варка пищи заняла сегодня 40 минут. С собой беру один

сухарь и кусочек шпигу, надеясь вернуться завтра утром, чтобы помочь гидрографу при наблюдениях.

Вторник 14 мая. В течение 11 часов я шел на лыжах по глубокому снегу, то в гору, то под гору. В 8 часов 12 минут вечера я направился на восток-северо-восток при легкой метели. Полчаса спустя перешел первую моренную грядку, лежащую приблизительно на 25 м выше нашей палатки. К полуночи ветер стих, погода прояснилась и поземка прекратилась. В 1 час 30 минут ночи солнце осветило однообразный холмистый ландшафт — ни одной характерной горы, ни одной гряды на бескрайней пустыне. Пройдя еще 12,5 км на восток-северо-восток, я собрал на высоком холме (около 35 м выше палатки) несколько валунов и, подкрепившись сухарем со шпигом, пошел обратно по своему следу. Через 20 км я потерял след, так как в ущельях и долинах между холмами ветер замел мои следы. После долгих поисков я обнаружил при помощи бинокля широкий лыжный след на гребне одного из холмов, который привел меня в 7 часов 30 минут утра к стоянке. Если бы не яркое солнце, я мог бы блуждать и до сих пор в тумане, так как все холмы ничем не отличаются один от другого и в этих беспорядочных лощинах невозможно ориентироваться. Здесь нет связанных между собою долин: одна впадает в другую и по несколько собираются в общую низину. На грядках некоторых холмов, уже оголившихся от снега, я находил только песок, щебень и обросшие лишайниками валуны. Эта безотрадная пустыня угнетает своей безжизненностью. Из звериных следов видел свежий песцовый и старые олени. Если бы я не вернулся еще через сутки, гидрограф мог бы меня разыскивать совершенно напрасно. Отсюда поворачиваем в обратный путь.

Среда 15 мая. XVI лагерь на южном берегу того же озера, где был наш IV привал⁴⁵. Благодаря ясной, безветренной и морозной погоде (в 2 часа дня было — 22°) и благодаря тому что собаки за день немного отдохнули, мы сделали переход в 15 км. Полуночное солнце придавало ландшафту четкий рельеф. Местность, окружающая озеро, сложена из мореноподобных холмов и часто из байджарахоподобных конусов. Удовлетворенные началом обратного перехода, мы залезли в 3 часа утра в мешки. Раздумывая о предстоящем пути, я не мог уснуть в течение 6 часов. Солнце заметно согревало палатку, невзирая на 22-градусный мороз. В 3 часа дня поднялся южный ветер, было пасмурно и туманно, задувало в дверь палатки и стало холодно. В 5 часов дня буря усилилась. Оставаясь в мешках, мы занялись очередными делами: гидрограф производил вычисление маршрута, я вел свой геологический дневник, чинил кожаный жилет и курил трубку. Задержка на несколько дней из-за бури может оказаться роковой для собак. Рыбы остается лишь на восемь дней, да еще

на три дня есть на складе, питания для нас хватит на столько же дней. Чтобы беречь керосин, будем отныне варить пищу не чаще одного раза в сутки. Жаль, что следы полозьев занесены снегом, по старому следу собаки везут гораздо лучше.

Четверг 16 мая. Второй день переживаем бурю. В 12 часов ночи вылезли кормить собак. Соколка стащила у своего соседа полрыбы, поэтому я следил особенно за нею, как и за ненадежными соседями Лески.

Проглотив вместо теплого обеда по таблетке бульону и съев сахар с клюквенным экстрактом, мы залезли в спальные мешки. Ветер с юго-юго-востока усилился до 16 м/сек, температура поднялась до $-4,8^{\circ}$. В примусе керосин держится уже пятый день после наполнения, зажигаем его не больше как на полчаса — варим только полбанки гороховых консервов с пеммиканом и согреваем немного чая. Чаше утоляем жажду клюквой с сахаром и без сахара со снегом. Температура поднялась до $-1,6^{\circ}$. Надо ждать оттепели. Проснувшись, я обнаружил, что спальный мешок и вся одежда густо покрыты снегом, проникшим под крышу палатки и в щель над дверью. Я осторожно соскреб снег ножом, а затем счистил его остатки своей головной «универсальной» щеткой, которая незаменима также в качестве платяной и половой. К вечеру ветер ослабел до 10 м и повернул на юго-запад, но поземок не дает нам выехать.

В 11 часов показалось солнце. Барометр подымается, и я надеюсь, что завтра шторм стихнет, а солнце высушит палатку, которая промокла, покрылась ледяной корой, стала жесткой и тяжелой. Вес спальных мешков и брезента также увеличился.

Пятница 17 мая. Третий день в штормовом лагере у «Озера пурги», как я его назвал. Всю ночь ветер завывал и раскачивал палатку. Если бы только это была последняя остановка до возвращения на «Зарю»!

У меня тяжело на сердце из-за моей ошибки с устройством склада и гнетет неразрешенный вопрос о реке Таймыре.

Суббота 18 мая. XVII лагерь. В 10 часов вечера мы взяли курс на запад-юго-запад 230° . Остановку сделали в час ночи. Вчера, пока разбирали палатку и нагружали сани, погода снова ухудшилась. В пути дул сильный ветер прямо в лицо и, что было гораздо хуже, навстречу собакам, которым он спирал дыхание и препятствовал слышать голос каюра. Бедную Крошку, глубоко занесенную снегом, с трудом вытащили из снежной ямы. Она отставала даже при медленном беге, падала, волочилась и не могла встать на ноги. Леска, ее рыцарь, хотел, видимо, ей помочь: он поднимал ее за сбрую, а когда это не помогало, хватал ее за грудь, но все было напрасно. Убедившись в безуспешности своей помощи, он, следуя своему инстинкту, схватил ее за горло, чтобы прикончить. С боль-

шим трудом нам удалось освободить Крошку из зубов Лески. Она лежала бездыханной на окрашенном кровью снегу. Я ее поднял, когда у нее появились признаки жизни, привязал сверху к саням, где она быстро заснула и доехала сюда живой. Сегодня Крошка медленно ела свою рыбу; она страдает кровавым поносом и, видимо, будет первой жертвой. Если она не поправится до завтра, пуля прикончит ее страдания. Вчера дорога была чрезвычайно трудной. Глубокий, рыхлый снег и высокие подъемы. От наших старых следов ничего не осталось, мы их давно уже потеряли. Вообще ничего не видно. Движемся как в мешке. Сделав за 4 часа 12 км, я должен был остановиться. Это было вовремя. Едва мы успели раскинуть палатку, как начала бушевать сильная буря с западо-юго-запада. Барометр неизменно стоит на низком уровне. Колчак сильно ослабел, быть может из-за половинного пайка в последние три дня, соответствующего четверти пайка рабочего. После более сытного ужина он чувствует себя лучше. Наполнили примус керосином, его остается еще только на одну заливку.

Погода плохая.

Воскресенье 19 мая. XVIII лагерь. Опять пурга, и мы снова залезли в мешки. Вчера с 9 до 12 часов ночи смогли проехать только 9 км. Это была самая тяжелая часть пути. Западно-юго-западный ветер дул навстречу собакам, и они тянули с трудом, а Туркан не хотел вовсе повиноваться. Я выпряг его вместе с Печатью, а на их место впряг одного слабого Сегана, который и в самом деле лучше повиновался, но так часто останавливался по делам своего «туалета», что сильно задерживал упряжку. Я очень устал, возможно оттого, что слишком тепло одет: сверх обычной одежды на мне были надеты пуховая куртка и ветронепроницаемые брюки. Однако, сняв их, я не почувствовал облегчения. Мы оба с каждым днем становимся восприимчивее к холоду. После многодневного сокращенного пайка тащить сани, проваливаясь в глубокий снег, и безостановочно окликать собак при встречном ветре, когда они не слышат окрика, — на это требуется огромное напряжение воли! Наш ежедневный суп содержит половину установленного рациона, а в дни выюжной непогоды мы разрешаем себе только половину этого количества.

Сегодня остановились на отдых посреди ровной, не защищенной от ветра тундры, так как собаки не могли дальше идти. Нарту тащили только пять собак, остальные бежали просто рядом. Крошка освободилась от своих страданий, выстрел из ружья положил ей конец. По-видимому, она болела уже давно, так как каждый вечер жалобно скулила. Перед концом я дал ей еще полрыбы, которую она медленно сжевала. Теперь для остальных собак в связи с отсутствием Крошки хватит рыбы еще на один лишний день. Шестой день

длится юго-западный шторм. Бессмысленно гнать собак против ветра, не продвигаясь вперед: они теряют свои последние силы; их шерсть намокает, леденеет, и они мерзнут. Переживание пурги не является, разумеется, отдыхом для собак.

Наконец барометр начал подниматься, завтра погода должна улучшиться. До «Зари» еще 200 км, следовательно, в лучшем случае остается девять дней перехода. Корма для собак у нас также на девять дней. Отсюда ясно, что каждый потерянный день будет стоить жизни одной собаке.

Понедельник 20 мая. 4 часа 30 минут дня. Наконец трогаемся дальше. Вопреки высокому стоянию барометра и яркому солнцу поднимается метель!

Вторник 21 мая. 4 часа дня. На неизвестном заливе (Таймырском?). Бушует пурга, и мы опять как в мешке. Наш вчерашний переезд был удачен. Вьюга улеглась и, несмотря на туман, мы хорошо выдерживали курс 230°, ориентируясь по застругам.

Пройдя 9,5 км, достигли в 1 час 20 минут ночи северо-восточного берега залива, немного западнее нашего прежнего лагеря. Полозья из нейзильбера значительно облегчают скольжение нарты, да и дорога стала лучше. Мы ехали теперь по покрытой твердым настом гладкой поверхности, похожей на озеро. От залива взяли курс 234° на южный входной мыс, который неожиданно увидели перед собой. В этом направлении сделали еще 6½ км. Сегодня нарты тащили только пять собак. Они прошли 16 км, большего я не мог от них требовать. Бодро настроенные, надеясь на быстрое возвращение, мы забрались в мешки и, покуривая трубки, беседовали до 5 часов утра. Но когда в 10 часов утра я вышел из палатки, начался шторм 16 м/сек. В виде разнообразия это был юго-юго-восточный ветер. Барометр продолжает падать. Мы лежим в мешках. Для собак положение становится критическим. Если завтра не тронемся, придется пожертвовать еще одним животным, а именно Турканом II, который, кажется, слабее остальных. С наступлением непогоды природа, и без того безжизненная, как бы совершенно мертва — не слышно птиц, не видно звериных следов на снегу. Что делают в такие дни пуночки и беды куропатки?

Печать, видимо, больна, но отлично тянет.

Среда 22 мая. После суточной задержки у нас появилась надежда: барометр поднимается, температура падает. Ветер повернул с запада на северо-запад, но шторм не прекращается. Корма для собак остается на три дня. Я охотно прошел бы вдоль побережья до склада, чтобы исправить результаты топографической съемки. Сырость в палатке, влажность спальных мешков и особенно вечно мокрые, ледяные ноги дополняют тяготы. Сегодня съели последний сухарь; осталось немного крошек, которые бережем в качестве приправы к супу.

Сопровождавшийся снегопадом шторм снова испортил дорогу. Что сулят нам ближайшие дни?

Собаки и сани засыпаны глубоким снегом, пришлось их откапывать.

Четверг 23 мая. XX лагерь. На побережье, в 4 км от южного выходного мыса из неизвестного залива (Таймырского?). Вчера благополучно прошли 11 км от лагеря до южного выходного мыса по курсу 243° и еще 4 км до сюда по курсу 220° — 210° . Мы оба обессилели, питаюсь в штормовом лагере одной четвертью рациона. Чувствую себя особенно плохо — болит голова и наступила глубокая апатия, а также потерялся голос. Гидрограф бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда, в то время, как я готов был сделать привал в любом месте. Мы были в пути с 10 часов 15 минут вечера до 2 часов 6 минут ночи. Печать не могла сегодня сойти с места. Я привязал ее сзади к саням, где она одно время бодро бежала, пыталась даже тянуть сани, но позже, когда ей снова изменили силы, я посадил ее на нарту. Она хорошо поела, быть может завтра ей будет легче. Очень тяжело потерять эту прекрасную собаку-вожака.

Слабо извилистый берег напоминает по своему характеру холмистый ландшафт внутренней части тундры (полуострова Короля Оскара?) У северного выходного мыса «неизвестного» залива видны крутые скалы. Пояс торосов окаймляет выход из залива. За палаткой возвышается несколько девятиметровых холмов, усеянных валунами с ледниковыми штрихами.

Пятница 24 мая. XXI лагерь. На том же берегу, приблизительно в 10 км дальше. Вчера в пургу мы шли в тумане с 9 часов до 11 часов 30 минут, пока тянули собаки и пока можно было что-то видеть. Когда тронулись в путь, немного прояснилось, но едва прошли 1 км, снова поднялась пурга; снег забивал глаза с такой силой, что из-за боли я с трудом мог смотреть вперед. Мы шли по глубокому снегу у самого берега, который был едва виден сквозь снежную пелену. В тумане не раз наезжали на высокий берег, покрытый рыхлым снегом, не отличая его от поверхности моря, нередко принимали торосы за мысы и сушу. В конце концов нам прискучили эти скитания, и я остановился. При шквалистом ветре с большим трудом установили палатку.

Вчера Печать почувствовала себя как будто лучше. Сначала она бодро бежала рядом с санями и начинала даже их тянуть, но вскоре ослабела и не могла больше поспевать. Я отвязал ее, чтобы проследить, будет ли она хотя бы медленно следовать за нами, но она легла. Я устроил ее на нарте и решил положить сегодня конец ее страданиям. Гидрограф предложил не пристреливать собаку, а попытаться доставить ее на «Зарю». Я согласился подождать еще один день, но когда мы вышли из палатки кормить собак, Печать лежала

растянувшись на боку и жалобно визжала. Она была больна. Ее шкура стала тонкой и облезлой; она сильно мерзла. Такой внезапный конец может наступить у любой собаки, получающей по одной рыбе, а Печать как передовая получала постоянно полторы рыбы. Белый медведь или олень безусловно спас бы жизнь всех собак, тоже самое и запасы из нашего склада, если бы только удалось их откопать! Я отнес собаку за палатку, где ее не могли видеть остальные, положил перед ней рыбу и уговаривал ее поест, но она не прикоснулась к предложенной еде. Тогда я принес ружье и с болью в сердце прикончил страдания бедного животного.

Ненастная погода продолжается. Ветер сильно потрясал сегодня палатку; невозможно было уснуть из-за грохота оледенелого снега о ее стены. Спальные мешки, одежда, брезент, обувь — все намокло, в самой палатке также болото.

Сегодня мы сварили себе суп из полной порции гороховых консервов и шестой части пеммикана, что было чрезвычайно вкусно и должно хватить на сутки. Шпиг разделили на маленькие порции на шесть дней. Вчера выпили последнюю чашку прекрасного бульона. Провизия подходит к концу. Чем все это кончится? Пурга во всяком случае не кончается, она длится 12-й день, и барометр продолжает падать. Очевидно, май самый плохой месяц для поездок.

Инстинкт Лески своеобразен. Третьего дня, когда мы выехали, Печать шла в упряжке с ней рядом. Когда она упала, обессилив и не могла больше подняться, Леска сразу схватила ее за глотку. Она не пыталась поднять своего товарища, как это делала по отношению к Крошке. Если бы я не подоспел вовремя, Леска наверняка перекусила бы ей горло. Такое поведение добродушного пса говорило о безнадежном состоянии Печати. Но что же лежит в основе этого явления, подобного «журавлиному суду»⁴⁶? Проявление ли это сочувствия или же оно основано на чувстве самосохранения, на желании избавиться от лишнего едока? Быть может, это бессознательное стремление прикончить слабого, больного или немощного и дряхлого собрата?

Мои мечты в последнее время витают только вокруг съедобного, мне снятся прекрасные сытные обеды у старых друзей. На полозьях из нейзильбера сани легко скользили, на них груза не более 160 кг, но, несмотря на это, собаки не в силах тащить. Они не только истощены вследствие длительного голодания, но и пострадали из-за снежных штормов.

Сегодня снова завывает вьюга. Вчера мы в последний раз наполнили примус, следовательно имеем возможность согреть себе пищу в течение пяти дней. Когда доберемся до инклинатора, можно будет сжечь его сухой ящик. До склада остается около 20 морских миль. Если уляжется буря, мы

протянем с кормом для собак! Нашего продовольствия хватит на такой же срок, но хватит ли наших сил?

С сегодняшнего дня я ради экономии кладу в суп что-нибудь одно: или целую ложку масла или же пеммикана, то и другое одновременно класть не приходится. У нас остается всего четверть порции пеммикана, одна банка молока, три ложки хлебных крошек, шесть банок гороховых консервов, сала на три дня, сахара на неделю, чай и клюквенный экстракт, который мы употребляем по ложечке. Это все наше богатство! С огорчением отказываю себе в удовольствии курить — табак настолько отсырел, что трубку не удастся разжечь. Между тем курение и чистка трубки не только занимают время, но и согревают оковевшие пальцы. Помимо того, курение заглушает чувство голода и пробуждает приятные мысли о возвращении на далекую родину. Перед сном мы сняли мокрую верхнюю одежду, плотно завернулись в легкие одеяла из верблюжьей шерсти, залезли в меховые мешки и уложили у себя на животе для просушки мокрые шерстяные носки, а также промокшее сено из лапландских башмаков. Я уже забыл о хороших сигарах. Если моя трубка не погаснет до возвращения на «Зарю», я буду доволен и вообще должен быть счастлив, если доберемся туда с имеющимся количеством собак. Без сомнения, еще не одна собака погибнет!

Спрашивается, каковы будут результаты всех пережитых трудностей и невероятных лишений? Пока произведена только съемка побережья на небольшом протяжении к северо-востоку, причем установлено, что очертания берега, данные Челюскиным, правильнее тех, которые дал Нансен, — эта широко простирающаяся к востоку большая Таймырская бухта ни в коем случае не фиордообразная! Далее, брошен беглый взгляд в глубь полуострова, на скрытый за туманами пустынный тундровый ландшафт. О геологии этих мест не удалось составить себе ясного представления. И это небольшое стоило нам полных лишений 40 дней тяжелейшей работы и жизни нескольких собак! Вчера после долгого времени я увидел маленькую стайку из пяти-шести пуночек, пролетающую в двух километрах отсюда в глубь страны. В остальном все мертво.

Барометр падает не переставая.

Суббота 25 мая. Вчера мы долго лежали в мешках и прислушивались, как буря сотрясала палатку. Доверившись проглянувшему солнечным лучам и надеясь на улучшение погоды, мы вынесли наружу свою мокрую ветронепроницаемую одежду, носки и валенки, но все заледенело и покрылось снегом. Повторилась старая история — с юга-запада приближалась пурга. Наше терпение истощилось!

Для собак у нас остается 10 рыб, на складе их 36; это корм на четыре дня. Мы сами съедим завтра последний кусочек сала. Кожу с этого сала я всегда срезаю для собак, но

однажды, изголодавшись, съел ее сам. Керосина у нас еще на четыре с половиной дня, гороха на пять дней, есть четверть банки пеммикана.

Высота берега и мореноподобных холмов равна, по моим определениям, 18 м.

Воскресенье 26 мая. XXI лагерь. У северного входного мыса в залив Депо. Вчера в 10 часов вечера, несмотря на поземку, мы наконец тронулись в путь. Совершенно неожиданно погода прояснилась, и нас приятно поразило, что снег был настолько тверд и крепко укатан пургой, как давно не бывало. Легко продвигаясь между торосами, мы сделали 20 км, пересекли четыре маленькие бухточки, прошли мимо «горы Кельха» и с большой радостью увидели залив Депо.

Погода остается неизменной, но вчера нам улыбнулось счастье, так как небо прояснилось как раз в тот момент, когда мы добрались до залива Депо. В тумане мы могли бы легко его просматривать.

Понедельник 27 мая. XXII лагерь. У склада. На коротком семикилометровом переходе до склада завывала пурга со встречным ветром, тем не менее мы держали курс прямо на скалу.

За наше отсутствие ямы и шахты октябрьского склада были занесены снегом во время непрерывных бурь. Потребовалась четырехчасовая работа, чтобы выкопать продукты и предметы снаряжения. При такой метели это была работа Тантала и Данаид, так как раскапываемую яму снова и снова заносило снегом. Мои эвенские приятели сказали бы, что нас преследует злой дух тундры «Ичита»; как бы в подтверждение этого в момент установки палатки бурный шквал сломал один из основных ее шестов. Сыграв эту злую шутку, шквал стих. Несколько позже погода прояснилась. На скале над нами пуночки пели свою нежную песню, вдалеке щебетали куропатки. В мокрых мешках спалось довольно плохо, хотя я полностью разделся и вообще никогда не влезал в мешок в мокрой одежде.

Вторник 28 мая. XXIII лагерь. На 4 км восточнее мыса Колчака. В 6 часов вечера в густом тумане отправились дальше. Было безветренно, шел легкий снежок. Берег был скрыт туманом. Мы старались придерживаться побережья, ориентируясь справа поясом торосов и слева береговой линией, и все же в тумане не раз сбивались с пути. Вытаскивая сани из глубокого снега, мы теряли последние силы. Собаки не могли или же не хотели работать без нашей помощи. Когда приблизились на расстояние около 3—4 км к мысу Инклинаторному, видимость улучшилась и можно было держать направление к мысу на полуострове Короля Оскара.

Путь был тяжелый. Собаки едва тянули сани. В 12 часов 17 минут дня мы были вынуждены остановиться. К моменту

установки палатки поднялся сильнейший шквал, затем стало тихо. Почти всякий раз, когда мы на привале, погода проявляется, но как только пускаемся в путь — все заволакивается туманом. Чтобы сберечь керосин, кипятим себе только чай, а гороховое пюре едим вместо супа сухим. У нас всего 16 рыб, которыми мы должны обойтись до возвращения на «Зарю». Сегодня дам шести собакам, которые еще везут нарту, по целой рыбе, а четверем остальным по половине; тогда корма хватит еще на два дня, а именно до оставленных в Таймырском проливе в 18 км от «Зари» запасов.

Вчера надели вместо мокрых лапландских башмаков кожаные ботинки, которые оказались тяжелыми и тоже намокли из-за попадавшего в них снега, как только мы проваливались в глубокие трещины.

Среда 29 мая. XXIV лагерь. Посреди залива. Вчера мы выехали в 8 часов 50 минут вечера при хорошей ясной погоде и благоприятном ветре. Впервые после долгого времени ветер не дул нам в лицо. Более часу мы шагали в ляшках по торосам и прошли 6 км. Следующий час прошли 4½ км по гладкому льду, то же самое в течение третьего и четвертого часа.

В начале пути Леска обнюхивала Туркана II, скоро ли она сможет схватить его за горло, другими словами, прикончить своего ослабевшего товарища, а теперь сама тащила хуже, чем он, и, не имея сил идти в ногу с упряжкой, осталась лежать на месте.

Когда разбивали палатку, нас настиг сильнейший шквал при ветре 20 м/сек. Мы опасались, как бы не сорвало палатку и не унесло через наши головы. Пришлось вылезть из мешков, чтобы укрепить палатку балластом из нашего груза. Снег, который мы набрасывали вокруг палатки для защиты от ветра, сразу же сдувало. Все чертовски промокло; мокрые мешки, палатка, одежда отяжелели. Намокшие веревки оледенели, развязывать их в пургу было невыносимо тяжело.

Как только тронулись в путь, туман накрыл всю местность. Доберемся ли сегодня до мыса Миддендорфа?

Четверг 30 мая. XXV лагерь. Мыс Миддендорфа. Вчера снялись с места в 9 часов вечера. Погода прояснилась, была маленькая поземка. Надев лямки, медленным шагом тащили сани в помощь собакам. Час спустя силы изменили Туркану II, и я должен был его выпрячь. В надежде, что он придет в себя и доберется по следам до лагеря, я его оставил на пути. Часом позже та же судьба постигла Собаку. Леску привязали сверху на нарту, так как иначе она сваливалась. Мы медленно продвигались к входу в Таймырский пролив. Не раз нас вводила в заблуждение смена освещения едва различимых очертаний побережья: то проектировался мыс на заднем плане, то казалось отдаленный мыс находится совсем

рядом. Все это происходило словно при быстрой смене декораций.

В 2 часа дня — в те часы, когда мы обычно устанавливали палатку, с гор острова Таймыр стремительно спустился смерч. Он двигался перед нами к мысу Миддендорфа. На этот раз он явился в неурочное время, так что, не встретив там нашей палатки, не смог нанести нам вреда.

Во время нашего отдыха погода прояснилась, ветер 8 м/сек. Поземка. Я распределил последнюю рыбу между 8 собаками, из них полторы рыбы дал Туркану и полрыбы Леске. Она, впрочем, больше и не хотела. Мне так хочется спасти эту верную собаку и привезти ее на санях на «Зарю». Колчак тоже выражает симпатию к этому животному. Мы съели последние остатки продовольствия, за исключением банки паштета и одного кубического дюйма шпигу, который храним на случай, если не доберемся сегодня до склада. Оставленные позади собаки не нагнали нас. Леска, вчера заснувшая, не притронувшись к своей рыбе, больше не просыпалась.

Пятница 31 мая. На борту «Зари». 8 часов 36 минут вечера. Вчера мы оставили мыс Миддендорфа при ясной погоде. В 12 часов ночи достигли Таймырского пролива. Меняющееся освещение сбilo нас с курса, что помешало найти последний склад. В Таймырском проливе собаки удивительно подбодрились, очевидно узнали старый след, в особенности Туркан, который тащил нарту с радостным воем; но если мы сами не помогали тащить, то собаки останавливались. Так мы шли, пока не определили место первой остановки после выезда с «Зари». Следовательно, склад находился в 5 км позади. Что делать? Я решил идти дальше к «Заре». В 2 часа 30 минут ночи мы были у мыса Сморулаус. Здесь по просьбе гидрографа Бирулей был установлен для точной съемки рейда тригонометрический знак внушительных размеров. 25 км шли с пустым желудком, впрягшись в сани вместе с собаками. В 10 км от нас находилась «Заря», но сможем ли дойти до нее сегодня же? В желудке давно урчало. Каждый час мы выкуривали по трубке для подкрепления сил. С каждым километром становилось все тяжелее. Когда увидели свою давно желанную «Зарю», дело пошло на лад! За 2 км до цели собаки узнали «Зарю» и побежали полным ходом вслед за Турканом, который раньше почуял близость судна.

В 7 часов утра мы были дома! Первым нас встретил Стрижев, радостный и свежий, как всегда. Он сообщил, что они с Бирулей благополучно завершили поездку; Коломейцев и Расторгуев поехали дальше в прекрасном настроении. По пути застрелили трех медведей, что хорошо подкрепило собак. На «Заре» все здоровы. Вскоре вышел навстречу Матисен, полный и цветущий. Бируля и Зееберг находились еще на «Чер-

ной горе»; доктор не покидал каюты после перенесенного им суставного ревматизма. Приветствуя нас в кают-компании, он предложил торжественно отпраздновать наше возвращение «возлиянием Бахусу». У «Зари» выстроилась вся команда, я радостно ее приветствовал.

СНОВА НА „ЗАРЕ“

Среда 5 июня. С пятницы 31 мая опять на борту «Зари». Все события санной поездки с 21 апреля по 31 мая, ее ничтожные результаты и неудачи, поводом к которым послужили мои роковые ошибки при выборе места для продовольственных баз, утрата пяти собак, голод и снежные бури описаны мной в путевых заметках. В течение пяти дней я отдыхал и лишь сегодня настолько окреп, что могу приступить к работе. Мы прибыли в пятницу утром утомленные и истощенные, словно после тяжелого тифозного заболевания. Первые три дня посвятили почти исключительно еде и сну. Невзирая на это, я и сегодня ощущаю сонливость и вялость. Однако Матисен со свойственной ему настойчивостью увлек меня вчера с собою на остров Нансена к знакам, установленным на заснеженном ледяном поле. Эта прогулка, хотя и утомительная, пошла мне на пользу. Перед сном я принял ванну и благодаря этому спал всю ночь. Теперь ощущаю приятное утомление. Свое возвращение мы отпраздновали маленькой пирушкой. Торжество совпало с днем рождения Матисена. Крайне редкое употребление спиртного сказалось на моем самочувствии.

Четверг 6 июня. Завтра истекает неделя со дня нашего возвращения. Что произошло здесь за период моего отсутствия?

За день до нашего возвращения Бируля отправился в экспедицию на «Черную гору». К нему присоединился Зееберг, который недавно закончил маятниковые наблюдения и прожил в связи с этим неделю на острове. Бируле надлежало установить минимальный термометр на «Черной горе» и заложить там небольшой склад. Их сопровождает такая же отвратительная погода, какую пережили мы в течение мая месяца. Они запаслись продовольствием примерно на неделю и соответственно этому должны скоро вернуться.

В дни поднятия температуры выше нуля мы все на «Заре» пережили ложную тревогу. Судно начало внезапно оседать под действием тяжести крепко примерзших к бортам огромных масс льда и снега, которые пропитались проникшей снизу водой. Однако через день, когда лед отделился от бортов, судно снова стало медленно подниматься. Лед прочно примерз только по левому борту, что вызвало крен в 5,5°, неприятно ощущаемый в каютах.

31 мая мы с гидрографом прибыли как раз к утреннему завтраку. Наскоро умывшись и очистив 41-дневную грязь, сели за стол и почти целиком выполнили программу еды, составленную нами в пути, когда мечтали утолить голод по возвращении на «Зарю». Мы оба тотчас выпили по целой кружке молока, затем кофе и чай с бутербродами с сыром и съели банку паштета из дичи с горячим маслом. В полдень к завтраку у нас снова пробудился голод, тем более что было подано очень вкусное блюдо — свежая оленина.

На охоте доктора заменили во время его болезни два охотника. Железняков, лучший призовой стрелок, застрелил в течение одного дня пять оленей, а несколько дней спустя еще одного оленя застрелил Фома. Он немало этим гордился и возбудил зависть незадачливого Носова, заменившего его в это время в камбузе. Матисен позаботился еще о другом виде спорта для команды и не без успеха. Матросы с увлечением ходили на лыжах и соревновались в беге на призы. Матисен передал мне красивые фотографии, заснятые во время этих соревнований. Со дня своей удачной охоты Фома очень горд и доволен. Он прилагает все усилия, чтобы поднять наше питание и в течение недели подавал на стол самые разнообразные и вкусные блюда. Радостное оживление вызвали третьего дня свежие булки, которые Фома ухитрился испечь.

Погода стоит отвратительная. Судовые работы продолжаютя ровным темпом. В машинном помещении стучат молотки, везде наводится порядок, прилаживаются паруса. Команда имеет здоровый вид, в чем я убедился, когда в последнее воскресенье видел всех в сборе.

Суббота 8 июня. Вчера погода была замечательная — небо совершенно безоблачное. Я совершил свою третью прогулку, но не встретил в пути ни одного живого существа, как и доктор, который был в это время на южном берегу. В 12 часов ночи вахтенный доложил о возвращении Бирули. Собаки бежали рысью под управлением Железнякова, а за ними на расстоянии полукилометра шли оба путника. Полчаса спустя они были в кают-компании. Смуглые от солнечного загара, оба посвежели, были бодры и полны сил. Они прошли в течение дня от «Черной горы» 35 км. За это время сделали одну остановку в пути, чтобы перекусить и дать отдых собакам. Высота «Черной горы», согласно показаниям anerоида, равна 300 м. На куполообразной вершине установлен минимальный термометр и заложен склад. Эта точка, с которой открывался великолепный вид на все стороны, астрономически определена. Поездка прошла хорошо, собаки вернулись бодрыми. При небольшом грузе и коротком расстоянии упряжка в шесть-семь и даже пять-шесть собак вполне достаточна.

Отчет Бирули о поездке с Коломейцевым меня успокоил. По его мнению, Коломейцев уже благополучно прибыл к ме-

сту своего назначения. Бируля принес мне карту на основе произведенной им съемки берега до мыса Стерлегова. Карта действительно достойна удивления — это была замечательная работа. Я вправе гордиться своими сотрудниками.

Воскресенье 9 июня. Наконец наступает весна. Ночью с четверга на пятницу шел дождь. Вчера был мокрый снег при 0°, а сегодня +4,3°. Сегодня утром Толстов принес доктору трех куликов — морских песочников, застреленных им на острове Нансена. После белой куропатки и пуночки это были первые застреленные перелетные птицы. Бируля принес с собой белую куропатку, из зоба которой доктор извлек почки полярной ивы.

Вчера отбили общими усилиями примерзший с левого борта судна снег; когда «Заря» отделилась от снеговой и ледяной стены, примерзшей у ахтерштевня, вокруг судна начала образовываться широкая полоса воды, так что с борта пришлось перекинуть на лед дощатые мостки. Толщина льда равна здесь 194 см, выше лежит насыщенный водой 26-сантиметровый снежный пласт. Толстов принес двух исландских песочников (*Tringa canuta islandica*) с острова Нансена, где довольно много птиц. Сегодня Бируля передал мне образцы горных пород, собранных им во время поездки к мысу Стерлегова. Попутно он сделал немало ценных наблюдений: мыс Стерлегова и его ближайшие окрестности сложены из мелкозернистых кристаллических сланцев, разбитых кливажем; среди валунов, кроме гранато-слюдистого сланца, находился еще сиенит, таймырит (санидин + кварц + роговая обманка); в направлении к заливу Миддендорфа на большинстве мысов выступает на дневную поверхность гранито-слюдистый сланец, затем гранито-гнейс. Бируля нанес все эти находки на свою замечательную карту. Я просил его назвать своим именем нанесенный пунктиром безымянный залив, над съемкой которого он работал в течение всей зимы⁴⁷.

В заключение я сообщил ему план работ на июль месяц. Как только в проливах и бухтах сойдет со льда снег, я хочу предпринять две поездки на каяках, чтобы заполнить пробелы съемки, возникшие вследствие запутанности вопроса о реке Таймыре и безуспешности поисков ее устья. Думаю обратиться с Зеебергом к последнему из достигнутых мною заливов и, доехав до склада, повернуть на север вдоль залива. На обратном пути надеюсь вывезти по возможности продовольствие, оставленное на складе, и привезти с собою инклинатор. Если попутно разрешать и таймырский вопрос, то мне не удастся своевременно вернуться, поэтому выполнение этой работы должны взять на себя Бируля и доктор Вальтер. Оба они должны выехать одновременно со мной, также на каяке с санными полозьями. Им надлежит направиться сначала в восточную часть так называемого Таймырского

залива до точки, куда проникли доктор с Коломейцевым, и оттуда исследовать в западном направлении течение каждой реки. Бирюля охотно согласился на мое предложение. Накануне я переговорил о своем плане с Зеебергом. Наш магнитолог готов включиться в намеченную работу после предварительного вычисления результатов своих наблюдений.

Понедельник 10 июня. Тундра уже чернеет, количество птиц увеличивается. Матисен принес сегодня двух песчанок, одну камнешарку (*Streptilas interpres*) и одного поморника (*Lestrís longicauda*). К ночи погода разгулялась, туман рассеялся. Светит солнце, и почерневшее побережье острова Боневы кажется неожиданно приблизившимся. Тюлени выходят из своих лунок. Теперь становится понятным, почему в марте месяце Грозный раскапывал снег; он, очевидно, учуял тюленя в лежбище.

Я просил Зееберга прийти ко мне в лабораторию для обсуждения вопросов предстоящего путешествия. Он подсчитал, что в течение пяти недель успеет закончить свои неотложные работы, одна неделя потребуется для обработки хронометрического журнала и вычисления наблюдений, сделанных на «Черной горе», еще три-четыре недели необходимы для работ с пассажным инструментом.

Осадка носовой части «Зари» уменьшилась до 14 футов, а кормовой до 16. Если мы полностью разгрузим судно, осадка будет 12 футов, что важно учесть при выборе следующей зимней гавани. Весьма вероятно, что мы сможем войти в случае необходимости даже в устье Лены.

Вторник 11 июня. Продолжается сильная оттепель. Доктор и гидрограф хотят сегодня вечером предпринять трех-пятидневную санную поездку к заливу Актиния и оттуда пройти 18 км вдоль южного берега Таймырского пролива до продовольственной базы, чтобы закончить съемку этой части пути. На обратном пути они захватят оставленные на складе вещи. Сегодня исполняется год, как на борту «Зари» нас посетило много гостей. Вспоминает ли кто-нибудь из них о нас?

Третьего дня начали перевозить инвентарь с острова Наблюдений и сняли телефонную линию. На острове остаются почвенные термометры и унифилярный домик. Полоса воды вокруг судна расширяется. В бурой воде плавают выброшенные с прошлого года трупы птиц и другие отбросы.

В трюме начинает таять, поэтому ускорены приготовления к откачке, так как зимой в период морозов течь, естественно, прекратилась.

Среда 12 июня. На этих днях я принялся за изучение образцов прошлогоднего осеннего льда. Вчера мне удался хороший отпечаток третьего слоя льда, взятого у склада. Зернистость льда кажется совершенно схожей с зернистостью каменного льда Новосибирских островов, даже крупнее. Расти-

тельный слой содержит куропаточью траву и полярную иву. Сегодня попробую рассмотреть лед под микроскопом в поляризованном свете. Прежде чем заняться систематическим изучением льда, я перечитываю литературу и знаколюсь со всеми материалами, касающимися этой темы.

Небезынтересно описание санной поездки Пайера из гавани Германия от 74° 15' с. ш. к мысу Бисмарка на 77° с. ш., которая длилась с 6 апреля по 9 мая 1870 г.⁴⁸. Если принять пройденный путь за прямую линию, то получится, что Пайер и Эллингер прошли в каждый конец по 270 км, т. е. 540 км за 33 дня и в среднем делали ежедневно по 15 км. Если же откинуть семь дней задержки из-за непогоды, то окажется, что они проходили по 19 км в день. Это хорошая скорость, особенно при их плохом снаряжении и тяжелых санях, когда к тому же снег был очень глубок и дул встречный ветер. Поразительно, что они смогли выполнить свой маршрут, несмотря на голод и ежедневное употребление алкоголя, который не мог не подрывать сил путников. На восемь человек они взяли 20 бутылок коньяку вместо соответствующего по весу количества шоколада или чего-нибудь питательного. Каждый вечер они выпивали две-три столовые ложки коньяку, который быстро вызывал «оглушение». Пайер говорит по этому поводу: «Из хранившихся в замкнутой жестяной банке резиновых бутылок я регулярно раздавал после ужина по две-три столовые ложки рому или коньяку. Несравнимое ни с чем наслаждение! Во время всех санных поездок я наблюдал, что это ограниченное количество алкоголя после быстро нараставшего упадка физических сил и усиливавшегося голода тотчас порождало состояние радостного помешательства, за которым следовал сон».

Пайер считает максимальным грузом для одного человека на одних санях 2 ц (200 кг). Приличной скоростью передвижения при благоприятной дороге (весной) он считал 15—22 км. Учитывая этот опыт, полагаю, что если к 10 июля снег стает, то мы с Зебергом выполним наш план. Свои предположения я строю на опыте 1886 (?) и 1893 гг. Интересна попытка Пайера проехать на санях обратно под парусами при попутном ветре. Следует упомянуть, что Пайер и его спутники также страдали от обледенения спальных мешков, тяжело переносили заболевания глаз, судороги, нервные и ревматические боли. «Кто выходил из палатки после многодневной выюги, чувствовал слабость выздоравливающего», — упоминает он.

Привожу описанное Пайером наблюдение по геологии Гренландии, которое меня заинтересовало: «На скалах до самой вершины ориентирных островов ясно видна полировка. На гребнях покоились в самых неожиданных положениях огромные эрратические валуны, опиравшиеся нередко на небольшие

камни. Очевидно, они были принесены льдами и упали на дно моря. С течением времени морское дно поднялось или же уровень моря опустился». Как же при этом мне не вспомнить вদেশние большие, иногда столообразно посаженные валуны? Полагаю, что их можно отнести за счет современных передвижек льда, а также за счет описанных Пайером явлений, точнее говоря, за счет ниспадания валунов на дно моря в период его более высокого уровня в ранее послеледниковое время. Читая описание тем же автором гренландских фиордов, мне приходит на мысль, что области истинных фиордов были ограждены от денудации благодаря продолжительно действовавшей ледовой защите. Таймырская область была, очевидно, лишена такой защиты в течение длительного периода. Те же самые гнейсы, гранито-сланцистые сланцы и т. д., как и в Гренландии, где они выступают на высоте 1500 м и выше и опускаются в фиордах на глубину более 300 м, денудированы здесь на сотни метров и проливы заполнены щебенкой. Был ли здесь до или после европейского или местного ледникового периода длительный период степей или пустынь? Были ли они абрадированы морскими трансгрессиями? Как разрешить эту труднопознаваемую проблему?

Наконец я прочел в том же томе «Известий Петерманна» статью Миддендорфа о «Гольфштреме восточнее Нордкапа». Из этой статьи хотел бы привести следующие слова: «Я должен был бы отречься от всего своего прошлого, если бы, пользуясь этим случаем, не высказал надежды, что Сибирское Полярное море станет в скором времени объектом нашего внимания. Тем, для кого имеет значение материальная выгода лишь в данный момент, можно указать, что Полярное море таит в себе большие ценности. Вызывает возмущение хищническое истребление, обогащающее американских китобоев в нашем Беринговом море; и этому хищничеству в последние годы следуют также предприимчивые норвежцы у Кольского полуострова и в Карском море. Сокровища находятся именно здесь. Вместо того чтобы постоянно думать, где заимствовать вооруженного пушечными жерлами аргуса, чтобы охранять эти сокровища, следует ознакомиться с природой этих областей, а затем взяться самим за их рациональную эксплуатацию. Это необходимо сделать прежде, чем в наших собственных границах преимущество не будет захвачено иностранцами».

В заключение привожу еще одну выписку из статьи «О Русской северной полярной экспедиции» в том же томе «Известий Петерманна» (VI. 1870, стр. 226—230), а именно статью Петерманна о его переписке с Воейковым по вопросу представленного Русскому географическому обществу плана Северной полярной экспедиции. Цитирую из письма Воейкова: «Новая Земля и море на восток до северной оконечности Сибири и до Новосибирских островов является полем деятельности русской

северной экспедиции. Если шведы действительно предприняли зимовку на Шпицбергене, то было бы напрасной тратой средств посылать туда русскую экспедицию. Было бы чрезвычайно интересно там перезимовать. В остальном Шпицберген довольно хорошо уже изучен благодаря шведским и другим экспедициям. Подводя итоги результатам этого года, я предложил направить два судна, одно к северному побережью Новой Земли и по возможности прямо к северной оконечности Сибири, где следовало бы перезимовать, а следующим летом отправиться дальше к Новой Сибири и Берингову проливу. Второе судно направить в Карское море на розыск свободного от льда морского пути к устьям Оби и Енисея.

В заключение Петермани, подытоживая положение вещей, высказывается следующим образом: «Россия не будет, подобно Англии, шесть лет подряд обсуждать вопрос, исписывая полные чернильницы, чтобы в конце концов ничего не совершить!»

Иллюстрировать описание моей санной поездки по тундре может определение Тиндаля, высказанное им при виде «Моря льда» ⁴⁸: «Он производит впечатления моря, на котором бушевала со всех сторон буря и которое внезапно оцепенело в покое». Но какой контраст! Там глетчер Монбланской группы — какая величественная перспектива, какая живописная картина, напоминающая сценическую декорацию! После немногих часов спуска дорога приводит там к культурным городам. А здесь взгляд, если ему не препятствует туман, когда оказываешься как бы в сосуде с молоком, упирается в оцепеневшие валы в этой пустынной, наиболее отдаленной от цивилизованных стран области Старого Света.

Пятница 14 июня. Вчера после ужина я отправился на остров Наблюдений. Снег сильно пропитался водой, и я поэтому взял лыжи. Несколько дней назад я заметил, что мои ноги отекли. Если это симптом сердечного заболевания, то мое положение будет довольно-таки плачевным.

Неглубокий снег на острове почти совсем растаял. На оттаявшей тундре образовались лужи, и вода стекала по откосам в море. У берегов острова поверх льда стояла вода. Между торосами тонули даже горные лыжи, так что широкие клондайкские башмаки были как раз уместны.

Вечер на редкость великолепен. Тепло и безветренно. Яркое солнце, ясный прозрачный воздух. Множество пучочек оживляет остров; их подвижность и пение напоминает нашего жаворонка. Щебетание походит на начальные звуки пения жаворонка, а поднимаясь в воздух они также вздрагивают крыльшками, но вскоре снова опускаются и обрывают свое пение. Хотя бурные пятна тундры с ее скудной растительностью слабо напоминают природу нашей родины, но тем не менее веселые движения пучочек вызывают радостное волнение и пробуждают в памяти светлые родные картины. В остальном тундра еще

Мало населена: я видел парочку чаек с темными крыльями, несколько камнешарок, слышал вдали исландского песочника, моего старого друга по острову Котельному. Видел еще парочку сивок (*Charadrius morinellus*), которые до сих пор не известны как перелетные птицы, и поэтому я застрелил одну из них. Когда вернулся «домой», я увидел верные признаки возвращения доктора — около нарты лежал олень, и с него сдирали шкуру. Доктор и гидрограф остались довольны своей поездкой. Невзирая на тяжелую дорогу, когда приходилось проваливаться в мокрый снег до пояса, они сделали 70 км. Собаки, управляемые Стрижевым, тащили легкую нарту настолько хорошо, что приходилось попеременно на нее садиться, чтобы замедлить бег собак и чтобы два других охотника могли поспевать за упряжкой. В первый день они дошли до залива у западной оконечности острова Таймыр. Этот залив следует рассматривать как гавань Актиния, но с уверенностью этого нельзя утверждать, так как гурия⁵⁰, построенного экспедицией на «Веге», найти не удалось. В следующий день они проехали вдоль южного берега острова Таймыра вплоть до сужения Таймырского пролива. Оказалось, что на карте Бове ошибочно указаны у западного берега острова Таймыра два маленьких островка (острова Говгарда), в действительности не существующие, и показан курс, который ведет прямо через сушу, т. е. через остров Боневы (!). Очертания южного побережья на карте вполне совпадают с действительностью. Там имеется также маленький островок близ узкой части пролива, перед четвертой бухтой Входного мыса. Здесь, на южном берегу острова Таймыр, доктор застрелил трех крупных оленей и видел на острове еще стадо из семи оленей. Склад был в полном порядке: ни сухари, ни рыба не были испорчены и не тронуты зверем.

Погода стояла благоприятная, но незадолго до разбивки палатки, когда доктор возвращался через пролив после охоты на оленей, разразился сильный ливень, и путники промокли до нитки. К утру их развешанная одежда высохла на ветру. Из животного мира видели много нерп, лежавших у своих лунок, а из перелетных птиц — первых казарок и морянок, множество чаек и куликов. Вчера в полдень путники свернули палатку и погрузили консервы со склада на сани, оставив 50 кг рыбы, в расчете, что за застреленными оленями придется нарту посылать еще раз. Около убитых оленей была целая стая чаек; после них из внутренностей ничего не осталось. Мягкие, хрящеватые рога были тоже съедены до основания, а самый лакомый для нас кусок — язык — совсем исчез.

Вчера вечером с привезенного оленя была снята шкура, под которой оказались личинки оленьего овода (*Oestrus tarandi*). Эти личинки свидетельствовали о том, что животное пришло с юга! Встреченные доктором стада состояли из старых оленей, между тем как зимой близ «Зари» наши охотники подстрели-

вали годовалых и двухлетних оленей, а также самок с телятами. Отсюда доктор заключает, что здесь зимуют только молодые олени, а старые, очевидно, переключиваются зимой на юг. К его мнению я полностью присоединяюсь.

Подвергнув меня сегодня утром тщательному медицинскому осмотру, доктор нашел, что тоны сердца и границы соответствуют у меня норме, а сильные отеки на ногах до колен являются следствием сердечной слабости, вызванной перенапряжением во время последнего тяжелого перехода. Он предписал мне несколько дней покоя и считает, что я смогу спокойно предпринять предусмотренную планом поездку, если отеки исчезнут без осложнений. Но как только отеки снова появятся в пути, я должен буду безусловно повернуть обратно, также при появлении трудно заживающих повреждений кожи и язв. Сам доктор, невзирая на то, что перенесенный суставной ревматизм, не щадит себя и ходил к заливу Актиния и к Таймырскому проливу.

Обдумав заключение доктора, я пришел к выводу, что ехать надо вчетвером — с каюрами Носовым и Железняковым, тем более что в лице Железняка будем иметь хорошего стрелка и охотника, который обеспечит нас дичью лучше, чем я; работу и исследования, а также поиски устья реки Таймыры можно успешнее выполнить двумя партиями. Наконец Зееберг и Железняков, в случае если я буду вынужден повернуть обратно, смогут продолжать поездку без меня.

В отношении лежбищ тюленей интересны наблюдения Вангоффена, изложенные во II томе «Гренландской экспедиции». Там говорится, что самка тюленя, как и медведица, устраивает для своих детенышей на льду между занесенными снегом льдинами и обломками айсбергов родильное помещение с незаметным для глаз выходом к воде. У своих лежбищ звери оставляют открытую лунку, которую предохраняют от замерзания своим дыханием, а также при помощи своих острых когтей. По словам Железняка, то же самое ему приходилось наблюдать на мурманском побережье. Бай указывает, что на восточном побережье в Гренландии в желудках медведей были обнаружены в 1892 г. новорожденные детеныши тюленей. Медведи, очевидно, откапывали их в беспомощном состоянии из-под снега, когда матери удавалось скрыться. Далее заслуживает внимания высказывания Вангоффена о белухах (*Beluga leucas gtau*): «Третья возможность ловли белух представляется в тех случаях, когда их застигает вблизи берега быстро образовавшийся лед. Не находя выхода в открытое море, как это случалось в бухте Диско и на острове Вайгаче, белухи делают себе лунки для дыхания, к которым постоянно возвращаются. Эти небольшие отверстия расширяются книзу в поместительную ледяную воронку, которая затягивается тонким слоем льда. Хотя дыхание белух слышно издали, эти маленькие лунки среди

ледяных глыб и обломков айсбергов обнаруживаются с трудом и их разыскивают с помощью собак. Все же не все собаки пригодны для этой цели. Гренландские собаки, обнаруживающие такие лунки, получают премии. Нахождение дыхательных отверстий обычно связано с чрезвычайно богатым уловом». Так, например, за пять дней было добыто 400 белух.

Суббота 15 июня. Прекрасная весенняя погода, солнце и ветер сгоняют снег и высушивают отсыревшие помещения судна. Деревянные мостки, сначала горизонтально перекинутые с борта судна на снежный вал, окружавший «Зарю», сильно опустились. Стало опасно подниматься по этим скользким доскам после ненастной погоды. Чтобы не свалиться в мало соблазнительную бурюю воду, со вчерашнего утра с левого борта перекинуты вниз сходни, а с правого спущен большой трап, для чего вырыт проход сквозь снег. Команда весь день прилежно работала. Из машинного отделения доносятся во время работы песни. Судовые помещения приводятся в порядок, палуба вычищена, каяки ремонтируются и смолятся, шлюпки приводятся в исправность. Вечерами матросы получают разрешение поохотиться с дробовиком. Первое время они приносили одних только пуночек, чаек и куликов. Сегодня я почистил свою лабораторию и осушил ее сквозняком. Полагаю, что плесень на книгах исчезнет. Затем я принялся за ботанику Миддендорфа и сделал важные заметки.

Понедельник 17 июня. Вчера, в воскресенье, Фома порадовал нас прекрасным печенем и паштетом из дичи оригинальнейшего вида и превосходного вкуса. Он назвал его трудно выговариваемым, якобы французским словом. Вчера, изучая литературу по ботанике, я прочел, между прочим, что нивянка зимует, не теряя своих листьев, между тем найдя такие листья в зобу у белой куропатки я принял их за только что распутившиеся!

Продолжается бурное таяние снега. В субботу доктор был на южном берегу и слышал там журчание стекающих с гор ручейков. Среди множества птиц был краснотел и другие прилетевшие птицы.

Матисен ездил вчера на остров Нансена измерять углы между бамбуковыми шестами и тригонометрическими знаками. Оказалось, что большинство шестов переместилось в снегу. Возможно, удастся воспользоваться еще двумя восточными шестами.

Мои отеки положительно уменьшаются, чувствую себя прекрасно, обладаю неимоверным аппетитом и хорошо сплю. Вчера доктор вскрыл последнюю бочку солонины. Столовое масло мы ели на прошлой неделе в последний раз.

Идет дождь; сильно тает.

У Миддендорфа в «Материалах к познанию Русского Государства» на стр. 526 говорится: «Вершины, горные хребты и

отвесно стоящие утесы, подверженные влиянию господствующих ветров, оставались постоянно свободными от снега. Напротив, все долины выравниваются, заполняясь снегом!» Доверившись этим наблюдениям, я устроил свой склад, в результате чего мы так сильно пострадали.

Вторник 18 июня. Положенные накануне на поверхность тундры термометры показали:

Мин. 9 час. утра — 1,5°;
Макс. 9 час. утра + 7,4°;

11 час. утра + 4,0°;
11 час. утра + 13,2°!

Матисен установил сегодня гурий на самом высоком месте острова, там где стоял тригонометрический знак гидрографа. Перед нашим отъездом хочу укрепить на этом гурии памятную доску и оставить документ об экспедиции.

Зееберг закончил вычисления своих наблюдений на «Черной горе». Она лежит точно на 76° с. ш. и 94° в. д. Склонение доходит до 20°30' на восток. Остальные магнитные элементы еще подсчитываются. Вчера ночью я работал с поляризационным микроскопом, но мне не удалось найти во льду черных крестов в преломленном свете.

Пробираться к берегу с каждым днем становится сложнее. Лыжи проваливаются в талый грязный снег. Образуется так много водных пространств, что вскоре мы сможем испробовать каяки.

Вечером 18 июня. Прирост льда в море приостановился, его толщина равна сегодня, по измерениям гидрографа, 190 см, над ним 4 см растаявшего льда и 26 см снежного месива.

Доктор принес сегодня первого гуся (*Bernicla torquata*).

Четверг 20 июня. Занимаюсь два дня изучением структуры льда; сегодня добился получения красивых препаратов. С помощью Матисена сделал интересные фотографические снимки.

Завтра исполняется первая годовщина работ экспедиции. В 11 часов утра Матисен созвал команду. Я спустился в кубрик и приветствовал ее. На мой вопрос, не имеется ли у кого жалоб в отношении одежды, пищи, жилищных условий или еще на что-либо, все дружно ответили, что жалоб нет. Мой призыв жить и работать дружно в дальнейшем, как и до сих пор, команда единодушно поддержала.

Прежде чем сесть за праздничный стол, мы вскрыли лунинский ящик. В нем было много бутылок вина, а сверху лежали карточки с надписями: «Пьем сегодня вместе с вами за благополучие экспедиции», сделанными рукой доктора Шредера и доктора Лунина. На ящике была пометка — «вскрыть в день празднования первой годовщины экспедиции!» Все было отлично упаковано, от мороза треснула только одна бутылка рейнского вина и из нее вылился на пол кают-компания ароматный поток Рейна. Фома приготовил праздничный завтрак: капусту с сосисками, сладкое блюдо и свежие булки. Вино мы

решили приберечь к обеду, чтобы не нарушать рабочее настроение и чтобы выпить его в то самое время, когда мы прощались год назад со своими друзьями. Быть может в этот самый час они также соберутся за столом.

Сегодня работы для команды отменены, и каждому дана возможность провести время по своему усмотрению. Многие отправляются на охоту.

Суббота 22 июня. Этой тетрадью я заканчиваю первый экспедиционный год. О вчерашнем торжестве вкратце сообщу, что после моего тоста за президента Академии наук Матисен произнес речь, за ним последовали другие тосты.

Воскресенье 23 июня. Вчера я ходил в экскурсию к южному побережью. Поверхность льда была покрыта маленькими озерами пресной воды, кое-где соединявшимися между собою, по которым ветер перегонял рябь и волны. Идти было довольно сносно, вода не поднималась выше сапог. В тундре не было того оживления и разнообразия среди птиц, какое я встречал в 1893 г. у Святого Носа, против Ляховских островов или даже у Аджергайдах⁵¹. Я видел длиннохвостых хищных поморников, слышал исландского песочника, видел две или три пары куликов и несколько болотных куликов. Больше всего оживления вносило множество пуночек, которые кружились, поднимались в воздух и пели, как у нас жаворонки на весенней пашне. Подул холодный норд-ост, и я повернул обратно. За это время поднялся уровень надледной воды и, пересекая множество маленьких озер, я зачерпнул ее сапогами. При ясном небе синевато-зеленые озера сверкали подобно крупным аквамаринам. Передо мной лежали ярко освещенные солнцем пестрые, разноцветные горы материка и острова Таймыр и почти бурый остров Боневи. Все это создавало вместе с резкой белизной снежного покрова прекрасную картину. Вскоре после моего прихода вернулись с острова Боневи Матисен и Железняков. Матисен сфотографировал найденное им гнездо казарки — красного северного гуся, кроме того, принес орнитологическую редкость — яйцо исландского песочника. Не меньшую редкость представляет гнездо кулика краснозобика, за обнаружение которого доктор назначил Матисену премию в шесть банок варенья, так как уверял, что гнезда не найти. Часом позже пришел с материка через остров Наблюдений Бируля и принес гнездо камнешарки с яйцами.

Доктор вернулся вчера тяжело нагруженный охотничьими трофеями, это были: четыре гуся, две утки и одна белая куропатка; кроме того, он видел gary (*Somoteria Stelleri*?). Один из матросов принес вчера первого зуйка (*Charadrius medius*) в красивых серых крапинках с черной атласной жилеткой. Яйца зуйка в 1893 г. казались мне особенно вкусными. Орнитологическая коллекция будет, без сомнения, интересной и красивой. Важно установить, существуют ли здесь нитромонусы?⁵² Они

могут произрастать на голых скалах, добывая непосредственно из атмосферного воздуха необходимые им углекислоту и азот. Проникая в тонкие трещины, они являются таким же фактором разрушения горных пород, как и лед. Неизвестно, действуют ли они механическим путем или же выделяют секрет?

Вторник 25 июня. Прекраснейшая летняя погода, лучше которой здесь быть не может. Ярко светит солнце, в 9 часов вечера 10° тепла. С материка доносится журчание ручейков.

Моя работа продвигается медленно. Некоторое удовлетворение получаю только от занятий по гляциологии. Бируля видел вчера в тундре первую бабочку. Как ни странно, он не нашел пресноводной фауны, которой питаются кулики. В ледяной промоине вчера обнаружено множество гаммарид⁵³. Гидрограф выудил их у черепа медведя, опущенного в воду для его очистки морскими рачками. На поверхности снега кишат бескрылые насекомые — вилохвостки (*Podura*).

Мне необходимо заняться оптикой и общей физикой, так как изучение льда вызывает ряд интересных вопросов; я готов даже полностью отдаться кристаллооптике, если бы это не было поздно для моего стареющего мозга!

Среда 26 июня. Утром погода была благоприятной. Мы с доктором предприняли неудачную попытку выяснить, возможно ли добраться на каяке до материка. Надледная вода на наших глазах стала стекать ясно заметной струей в промоину и быстро просачиваться сквозь лед по порам. Вскоре мы застряли на мелководье, и нам пришлось тащить обратно свои каяки по снежному месиву и льду. Тем не менее мы успели насладиться кратковременной возможностью плыть в каяке с приятным сознанием, что прожита зима и целый год остался позади. С каяка я увидел на свободной от снега поверхности льда, защищенного от «выветривания» надледной водой, полигональную структуру, как она описывается Дригальским. Местами под действием солнца эта структура находилась в состоянии разрушения, ниже был зернистый лед, пронизанный воздушными каналами, через которые солевой раствор просочился в глубину. Сейчас через три канала стекает вода. Предобеденное время прошло за изготовлением шлифов этого льда и за его микроскопическим исследованием.

После завтрака мы с Зеебергом пошли на остров Бонев. Остров был скрыт туманом. Вскоре погода ухудшилась, начался норд-вест, температура опустилась до 0°. Почва тундры настолько оттаяла, что ноги вязли в глине. Снег лежал только в долинах ручейков, в ложбинах и на некоторых возвышенных местах. Повсюду снег превратился в фирновый лед; в сбегающих к морю ручьях шумит вода. Не сомневаюсь в том, что особенности геоморфологии этого района созданы современной эрозией, так как размывающая сила ручьев здесь чрезвычайно интенсивна. Другая характерная особен-

ность этой тундры — круто стоящие гранитные и гнейсовые плиты, напоминающие надгробные памятники, что навело меня на мысль назвать эту тундру «могильной». Происхождение этих плит стало для меня понятным после обозрения расколовшегося валуна на западном побережье острова Боневы. Мороз и выветривание расщепляют крупные каменные глыбы, причем наружные плиты падают, а средние остаются стоять вертикально. Упавшие плиты разрушаются выветриванием и денудацией или же засыпаются под влиянием ветра мелким щебнем и зарастают. Таким образом, остаются одни вертикально стоящие плиты. Процессы выветривания играют здесь важнейшую роль в формировании тундрового рельефа и в образовании почвы. Все что находится над коренной породой, образовалось либо здесь на месте, либо принесено речками и ручьями и временными потоками в период снеготаяния, или же навеяно ветрами в сухое время года, что бывает реже. Из представителей животного мира я видел в тундре красивого краснозобика, болотных куликов и много лапландских подорожников, призывное пение которых напоминало мне голос моего земляка и друга юности соборного певчего. Дальше я видел и слышал исландского песочника, двух поморников и пару гусей, к которым, к сожалению, подойти не успел, так как другой охотник обогнал меня. Это был Грозный. Отвратительный пес мешал мне наблюдать и за маленькими птицами, так что я не смог проследить, где их гнезда.

Четверг 27 июня. Пурга, —1,5°. Сегодня я составил каталог геологических коллекций и при этом обратил внимание, насколько детально и красиво Бируля записывает свои наблюдения. Кроме того, у него хороший фотоаппарат.

Суббота 29 июня. Погода несколько улучшилась. Доктор ходил к реке на южный берег и к озеру. Он принес с собою трех гусей, двух гаг-гребенушек и двух морянок. Эта дичь довольно солидного веса обогатит наш стол! Доставая из воды первого подстреленного в устье реки гуся, он до пояса погрузился в холодную воду. Это было в самом начале его дневного маршрута. Не обострился бы у него ревматизм! Мне пора спешить с поездкой в тундру для наблюдения природы и пополнения своих знаний. По словам доктора, тундра заметно изменилась после снегопада. Там где было совершенно сухо, снова лежит глубокий снег и под ним, наверняка, погребено много птичьих гнезд.

Судовые работы хорошо продвигаются. На вельботе установлен новый руль, изготовлены мачта и паруса, а также выкрашены все шлюпки. Мы располагаем теперь тремя парусными шлюпками, которые могут нас выручить, в случае если будем вынуждены покинуть «Зарю».

Вторник 2 июля. К большому огорчению доктора, Стрижев принес сегодня два яйца исландского песочника, т. е. неполную кладку, без гнезда и вконец поврежденную выстрелом самку, кроме того, чайку и двух болотных куликов. Короче говоря, он не принял во внимание нашего правила охраны птиц, которое гласит: если будут найдены полные гнезда с яйцами, их надо принести вместе с самочкой для определения вида или же должно быть отмечено местонахождение обнаруженного гнезда и о нем надо сообщить руководству. Стрелять разрешается только гусей, уток и куропаток. Вдобавок Толстов неосторожно раздавил одно из этих редких яиц. Доктор был полон возмущения. Благодаря его плохому настроению я выиграл у него третью партию в шахматы.

После завтрака мы собрались на материк. Доктор, Бируля и Матисен пошли с фотоаппаратом к озеру, чтобы заснять обнаруженное доктором гнездо чайки, а я отправился к другому озеру через остров Наблюдений и еще через второй островок, названный мною островом Пуночек⁵⁴. Там обитают, по-видимому, одни пуночки. Пройдя устье маленького ручья, я поднялся по его долине к озеру. В тундре около озера⁵⁵ пернатое население было несравненно беднее, чем я ожидал, вспоминая свое пребывание на берегах Ледовитого океана, на Новосибирских островах и на противоположном побережье материка. Стрижев также находит, что здесь очень мало птиц по сравнению с устьем реки Яны. Я видел и слышал несколько гусей, две парочки уток, одну морянку и одну краснозобую гагару, производившую необычайно много шума. Это были все водяные птицы, которые в данное время находились на озере! В тундре были ее обычные обитатели: кулик с его красивой, печальной песней, резвый клест, сорваец тундры болотный кулик в красных штанишках, который, сидя на камне, издавал резкие звуки. То здесь, то там попадались исландские подорожники, похожие по оперению на снегирей, но их пение удается редко слышать. На самом берегу озера была лишь одна морская сивка. Несколько раз попадались отдельные чайки, гонявшиеся друг за другом, два плавунчика, один поморник и это было все. Как это отличается от Аджергайдаха! Там был слышен непрерывный многоголосый хор, здесь только отдельные голоса. Временами здесь было совсем тихо, настолько тихо, что при неожиданном звуке я вздрагивал. В этом звуке я узнавал мелодичный звон разбивавшихся ледяных призм морского льда. В 8 часов вечера я отправился в обратный путь. Небо не совсем прояснилось, но освещение было чрезвычайно своеобразно, и вся окрестность представляла в противоположность бесконечно однообразному зимнему ландшафту красивую величественную картину, лишенную теней.

Пропитанный водой лед на поверхности бухты «Зари» светился изумрудно-зеленым цветом; горы, выделявшиеся на горизонте, казались темно-синими. Некоторые участки увалисто-холмистой тундры, освободившиеся от снега, были сочного темно-бурого цвета. Несколько дымчато окрашенных полос тумана отделялось своим цветом от нависших над ними молочно-белых облаков. Все вместе создавало впечатление картины художника, находящейся в процессе созидания, но о которой, однако, нельзя еще сказать с уверенностью, оправдает ли она возлагаемые на нее надежды.

В кают-компании я встретил Вальтера и Матисена. Вскоре после ухода с «Зари» доктор неожиданно выкупался в ледяной воде, но, несмотря на это, был чрезвычайно доволен. Он принес пару чаек и гнездо с яйцами. Все это было сфотографировано Матисеном. Вслед за мной пришел Бируля. С гордым видом он передал доктору второе гнездо с яйцами кулика краснозобика и с парой взрослых птиц. Затем он показал мне результаты драгирования илистого дна замерзшего озера. Это были личинки комара красивого коралло-красного цвета, которые служили единственной пищей для водяных птиц. В спирту они теряли, к сожалению, свою окраску. В каком огромном количестве встречаются здесь эти личинки и насколько богатое питание они обеспечивают, доказывает толстый подкожный жировой слой у птиц. Но в чем причина, что до настоящего времени эти личинки являются единственными найденными нами обитателями тундровых вод? Быть может, причина в том, что все водоемы промерзают до дна, и находившиеся в иле зимние яйца ракообразных и червей (планарий и т. д.), которые я находил в это время года в огромном количестве на острове Котельном в 1886 г., не успели еще развиться? Или же фауна здесь вообще бедна и с этим, быть может, связано небольшое количество птиц?

Перед обедом, когда мы работали в лаборатории, с острова Боневи пришел Железняков и принес двух гусей. Он нашел там гусиное гнездо и отметил его местонахождение, также видел четырех оленей, когда они перебирались с острова Таймыр.

Матисен, наш ярый охотник, уходя сегодня к озеру, заявил, что принесет гнездо краснозобика с 10 яйцами и за это тоже потребует клюквенного варенья. Доктор охотно обещал ему десять банок, так как краснозобик не кладет никогда больше четырех яиц!

Сегодня у машинистов радостный день — из трубы снова поднимается дым. В виде опыта в первый раз развели пары. Надежда на скорое отплытие воодушевляет команду. Однако если мы сможем покинуть через два месяца эту зимнюю гавань, я буду чрезвычайно благодарен судьбе. Все с наслаж-

дением воспользовались горячей водой, чтобы вымыться и выстирать белье.

Накануне Фома ходил на охоту и, к удовольствию доктора, принес редко встречающуюся белоклювую гагару (*Colymbus Adamsi*), самую крупную из полярных гагар. Это был великолепный экземпляр. Бируля только что принес первые цветы с острова Боневи — альпийскую весеннюю крупку (*Draba alpina*?) длиной в 2,5 см, пятисантиметровый лютик (*Ranunculus sulfureus*?), одно крестоцветное и еще один совершенно незнакомый мне вид.

Сегодня утром Фома сообщил, что он слышал вой волков; вероятнее всего он принял за него крики гагар.

*Пятница 5 июля*⁵⁶. Сижу весь день за письменным столом.

Воскресенье 7 июля. Как доехал Коломейцев? И когда наконец придет почта?

Вчера после утреннего кофе я отправился к геологическому разрезу, обнаруженному Бирулей на северном берегу залива его имени. Он находится в 13 км отсюда по прямой. Ходьба по льду была легче, чем в прошлый раз. Пуночки почти совсем перестали петь, они заняты домашними заботами. Кулики производят сейчас больше всех птиц шума в тундре. Несколько малых веретенников (*Limosa*) и одна крачка были последними из встреченных мною перелетных птиц. Кроме них, я не видел и не слышал других птиц. Стреляя по крачке и по гусю, я промахнулся. После этого, желая проверить могу ли вообще еще стрелять, я застрелил двух чаек. Это было легко сделать, так как они пролетели низко над моей головой. Я старался успокоить себя, будто спас несколько выводков куликов, застрелив двух хищников, и этим был готов извинить свою мальчишескую шалость. По пути к намеченному обнажению мне встретилась очень интересная геологическая находка. Я нашел выход необычайно красивого пегматита с письменной структурой, крупными кристаллами полевого шпата, кварца и т. д. Я шел обходным путем и поэтому сильно запоздал, у обнажения был только в 9 часов вечера и, бегом осмотрев его, повернул обратно. Для изучения этого обнажения решил перекусить к заливу Бирули на один-два дня. Пройдя не менее 30 км, тяжело нагруженный каменными образцами, я добрался в два часа ночи до «Зари». Вальтер и Бируля сидели еще за чайным столом. Они вернулись около часу назад со своей экскурсии и принесли с собой прекрасную орнитологическую коллекцию: одного клеста (*Subarquata*), гнездо исландского песочника и еще кое-каких птиц. Я принес растения. Это были лютики, мелкие экземпляры альпийской крупки, не пре-
вышавшие 15 см, красивые, светло-фиолетовые цветы камнеломки (*Saxifraga opposifolia*), цветущая ива. Листья этой ивы несколько уже, чем у полярной ивы. Она росла в тундре

на высоте 4—6 м над морем и напоминала дерн. Кроме перечисленных, было еще одно, незнакомое ни мне, ни Бируле растение. Остальные растения я собрал на северном берегу залива Бирули на высоте около 20 м над морем на каменистой почве обращенного на юг обрыва. Там я встретил интересные валуны, которые особо отметил в своем геологическом дневнике. Хотя я не мог захватить всех образцов, все же остался доволен результатом своей экскурсии.

Понедельник 8 июля. Встал рано, в 7 часов. До полудня убирал свою каюту, лабораторию, вычистил отсыревшие, покрытые плесенью книги и приборы; микроскоп, к счастью, не пострадал. За это время были сшиты спальные мешки, приготовлены сани, также легкие треножки, багор и т. д.

Железняков отправился на остров Боневе за оставленным там гусиным гнездом. В 6 часов, когда мы сидели за столом и когда нам был подан отличный гусиный суп и овсяный пудинг с киселем (гусей мы ели теперь почти ежедневно), вернулся Железняков. Он рассказал, что, подползая к гусям, заметил следовавшего за ним в 400 шагах медведя. После неудачного выстрела, когда пуля пролетела мимо, медведь рассвирепел и бросился на него. Выстрел в упор с расстояния шести шагов опалил медведю морду, и он бросился бежать через залив к южному берегу.

Когда я пришел в кают-компанию к чаю, Матисен и Колчак сидели у фонографа. Я услышал, как нежный женский голос пропел несколько песен и романсов Мендельсона. Как это необычайно — слышать здесь женский голос!

Сегодня доктор принес редкие гнезда песчанки с яйцами и гнезда двух хищных чаек, которые отчаянно защищали свой выводок и готовы были выклевать доктору глаза. Ему пришлось обороняться палкой, а одну из яростно нападавших чаек он был вынужден застрелить.

Вторник 9 июля. Думаю завтра предпринять со Стрижевым пробную поездку к обнажению в заливе Бирули. На обратном пути хотел бы обогнуть западный мыс и затем вернуться через пролив Фрама, но на это потребуется лишний день, а я должен спешить; поэтому мой план едва ли удастся.

Гидрограф измерил сегодня ледяной покров и установил, что под 20-сантиметровым слоем снега, смешанного с водой, находится разъеденный мягкий лед толщиной в 30 см, под ним крепкий лед мощностью в 182 см, а на его нижней поверхности кристаллическая кашица пресноводного льда 40-сантиметровой толщины. Под ней на границе с морской водой находится крепкий пресный лед толщиной в 4 см. Следовательно, на нижней поверхности морского льда нарастает пресноводный лед из проникающей сверху талой пресной воды. Две недели назад мощность крепкого льда равнялась 184 см.

Суббота 13 июля. Вернулся вчера, в пятницу. В среду 10 июля, когда я отправился в экскурсию, был великолепный летний день: ясное небо, безветрено, $+4^{\circ}$ в тени и $+6^{\circ}$ на солнце. В два часа дня мы отправились со Стрижевым в путь в сопровождении Безбородова и Носова. К заливу Актиния одновременно с нами пошли Вальтер, Колчак и Бируля. От острова Наблюдений мы через залив Арчера вышли по снежному откосу в тундру. Вчетвером было легко тащить сани по мокрой моховой тундре. Чтобы не испортить полозьев из нейзильбера, осторожно объезжали каждый камень. Достигнув берега залива Бирули, перенесли на плечах нагруженные сани через прибрежный гравий на лед залива. Здесь я расстался с матросами. На высоком берегу несколько дней назад мной были оставлены на большом валуне прекрасные образцы пегматитов. Уложив пегматиты в рюкзаки, мы перенесли их на лед и погрузили на сани. В 8 часов 15 минут разбили лагерь у обнажения. Легкую перкалевую палатку датского образца установили быстро, забив колышки в мягкую поверхность тундры. В палатке было тепло и уютно. Вскоре после ужина я залез во вновь сшитый из просмоленного холста летний спальный мешок. Спалось великолепно на подстилке из оленьей шкуры под одеялом из верблюжьей шерсти со свертком белья и запасной одеждой под головой. Летом на каждом переходе можно промокнуть, а путешественникам не рекомендуется залезать в сырой одежде в спальный мешок. За ночь вывешенная мокрая одежда совершенно высохла.

После утреннего чая я послал Стрижева на охоту, а сам принялся за геологическую работу. Поднявшись на вершину полуострова, я нашел типичные формы своеобразного выветривания, а также наблюдал возникновение могильной тундры. Эти наблюдения занес в свой геологический дневник. После этого заснял самые интересные в научном отношении скалы.

Возвращаясь обратно по каменистой тундре, я увидел необыкновенно маленькое существо, шевелившееся у самой земли. Это была наседка с распростертыми крыльями, распущенным хвостом и взъерошенными перьями. Озабоченная мать старалась отвлечь мое внимание от своей единственной радости — своих птенцов. Я остановился, наблюдая за этой самочкой зуйка. Пока я налаживал аппарат для моментального снимка с находившейся в беспрестанном движении маленькой птички, она неожиданно повернула обратно к тому месту, где я ее впервые заметил, и наивно села на свое гнездо в трех шагах от меня. Наведя аппарат, я снял наседку, затем согнал ее с места и сфотографировал гнездо. Оно представляло собой маленькое углубление в тундре среди ягельного моха и травы. В гнезде находились три красивых

яйца. За этим последовало неизбежное зло — я выстрелил из ружья и жизнь невинного маленького существа оборвалась. Сентиментальная жалость кажется неуместной, но должен сознаться, что мне было бы приятнее вспоминать эту трогательную сцену, если бы я не был вынужден убить это полное героизма создание. Конечно, для орнитологии это гнездо представляет большой интерес, но гнездо без наседки не имеет, как известно, научной ценности. Сколько этих беззащитных существ является жертвой хищных чаек и песцов!

Воскресенье 14 июля. Сегодня привел окончательно в порядок свою последнюю геологическую коллекцию, кстати сказать, довольно интересную. В этой коллекции имеются прекрасные образцы письменного гранита. Интересна повторяемость псевдоморфоза кварца по слюде, закономерно встречающаяся в этом пегматите.

До обеда некоторые из матросов пошли на охоту. Весь день я был занят обработкой обнажения. Получил ясное представление о единой гнейсовой формации с ее характерными пегматитовыми жилами, письменным гранитом, настолько прекрасно выраженным, что подобного ему я нигде и никогда до сих пор не встречал, — будто имеешь перед глазами прекрасное клинообразное письмо, которое природа предлагает разгадать нам смертным. Здесь имеются самые разнообразные крупные и мелкие письмена, начертанные твердой и легкой рукой. Материалом, в который вписаны громадные буквы, является прекрасный полевой шпат. Его кристаллы принимают гигантские размеры — один обломок достигал по плоскости спайности 29×24 см. Основная масса письменного гранита — ортоклаз различной окраски: иногда светло-желтый до светло-горохово-зеленой, красновато-желтой, иногда розовой, на этом фоне резко выделяется прорастание темного кварца. В жилах, пересекающих гнейс в различных направлениях, выступают кристаллы слюды, часто в виде крупных шестигранных пластинок; они нередко пронизаны кварцем, который после разрушения и растворения слюды повторяет ее форму, образуя такие же шестигранные чешуйчатые пластинки. Большею частью кварц при этом темно окрашен, подобно так называемому дымчатому топазу, т. е. дымчато-серому кварцу. Часто его прозрачные кристаллы дают желтый отблеск (авантурин?) или же кажутся бесцветно-прозрачными. Иногда породу украшают прекрасные благородные гранаты. Такие гранаты проникают нередко в ослепительно белый полевой шпат, как бы окрашивая его мелкими сверкающими кровавыми брызгами, или же блестят на фоне включающего их кварца.

Не встретив дичи, Стрижев обследовал то место, на котором Коломейцев оставил много консервов и другой груз, чтобы облегчить нарту перед поездкой по берегу пролива Фра-

ма. Оказалось, что кто-то другой воспользовался складом: на месте не оказалось 75 банок гороховых консервов, бутылки спирта, патронов, сапог, меховой шапки, носок и ягдташа. Оставались только небольшой разбитый ящик, наполовину изгрызенный носок, кусок меховой шапки и кусок кожаного ремня! Как вещественное доказательство он принес чулок и ремень. В самом деле, они были сильно изгрызены и на ремне оставались ясные следы зубов. Медведь мастерски справился с вещами. Его следы, значительно размытые талой водой, были заметны на снегу. Ясно, что медведь был очень голоден, если обглодал ягдташ и оставил только небольшую часть ремня, а на второй чулок у него не хватило, очевидно, аппетита. Но мог ли медведь выпить бутылку спирта и закусить его 75 банками консервов и патронами? Медвежьи следы шли прямо на юг от склада, однако по этим следам не было заметно, что медведь был пьян. Стрижев думал, что недостающие вещи, находившиеся рядом с разбитым ящиком, были смыты водой и струя воды унесла остатки упаковки. Эту медвежью проделку я разгадал на следующий день. Ночью я часто просыпался от шума дождя — как и предсказывал барометр, прекрасный летний день сменился ненастьем. Утром, сложив палатку, мы нагрузили на сани собранные на обнажении около 30 образцов горных пород и в 10 часов тронулись в путь. Дождь согнал снежное месиво, в котором мы накануне проваливались до колен, и размытый дождем снег сбегал вместе с водой в параллельные берегу трещины. Два часа спустя мы были у склада. Там лежал разбитый ящик, на нем был ясно виден след сильного удара по боковой стенке. Этот удар был нанесен вооруженной острыми когтями медвежьей лапой. Рядом валялись остатки меховой шапки, также часть укупорочного материала. Во льду у основания тороса находилось отверстие, прикрытое ледяной глыбой. Очевидно, зимой у этого тороса находилось лежбище, вернее место выплода тюленьей самки. Странствуя от одной тюленьей лунки к другой и не находя ожидаемой пищи, медведь набросился в голодной ярости на наши запасы. Разбив ящик и не найдя в нем ничего съедобного, медведь раскидал его содержимое, а потоки талой воды унесли через тюленью отдушину консервы, спирт и все остальное на дно моря.

К 4 часам дня, веселые и бодрые, мы добрались со своим грузом камней до «Зари». Вечером с острова Таймыр вернулось трое наших. Они сильно промокли и не раз попадали в воду, проваливаясь выше сапог. В тот же день, совершая охотничью вылазку, Вальтер застрелил в трех километрах у озера 12 гусей и притащил их на себе к палатке, а Бируля и Колчак ходили на гору Негри. Талая вода стекала с нее каскадами, и им пришлось пробираться вброд через снежное месиво и часто перелезать через большие валуны. Вечером

оба вернулись усталые и голодные. Бируля принес мне образцы горных пород с горы Негри и с залива Актиния и зарисовал топографическую панораму с вершины горы, а гидрограф произвел оттуда ряд пеленгований.

Кроме того, Бируля неустомимо собирал растения и то многое, что можно было здесь найти из мира низших животных. Я передал ему свою небольшую зоологическую находку последних дней. Это было несколько комаров, крупных и мелких, червяк, которого я нашел под камнем, и один из лумбрицид. Бируля находил таких червей на береговом льду, куда они были занесены с тундры течением рек. Животный мир на острове был не богаче, чем вокруг гавани «Зари». У моей лагерной стоянки пернатый мир тоже отличался бедностью.

Вторник 16 июля. В воскресенье Зееберг закончил свои вычисления. Через 1—2 дня, необходимых для обработки результатов моих апрельских и майских санных поездок, я должен выехать. Привел уже в порядок геологические сборы и проявил фотографии.

Бируля, несмотря на обострение ревматических болей после поездки на Актинию, отправился сегодня вечером с Колчаком провести в ледовой трещине гидрологические работы и драгирование. В двух километрах к востоку отсюда на них напали два медведя, и сопровождавшие их матросы побежали за ружьями. Что за легкомыслие выходить невооруженными! Медведи шли со стороны Таймырского пролива на расстоянии километра от той трещины, где производилась работа. Почувяв их приближение, Грозный бросился навстречу медведице с медвежонком. Своим непрерывным лаем и яростным визгом собака напугала медведей, и они скрылись в трещине под воду. Отчаянная защита доставила медведице много труда; она так сильно разгорячилась, что, невзирая на низкую температуру, беспрестанно откусывала куски льда, утоляя жажду. Более получаса Грозный не выпускал обоих медведей из воды. Медведица неожиданно выныривала над трещиной, подобно всплывающему над поверхностью воды стволу дерева, и сгоряча поднималась так высоко, что не раз опрокидывалась назад, при этом она далеко выбрасывала переднюю лапу, чтобы ударить нападавшую собаку или старалась схватить ее, но Грозный ловко отскакивал назад. Тем временем вернулись матросы. Когда молодой зверь яростно набросился на людей, Носов выстрелил. Пуля попала медвежонку в ухо и мгновенно повалила его. Старая медведица, получившая от Бегичева пулю в бок, свалилась обратно в трещину, но все еще держалась в воде. При виде крови Грозный еще яростнее набросился на медведицу, забыв всякую осторожность во вновь разгоревшейся борьбе. В этот момент медведица протянула лапу, схватила Грозного свои-

ми необыкновенно длинными когтями и стащила в воду, где он исчез. Собака быстро вынырнула, и Бируле удалось ее вытащить из воды. Тем временем медведица получила еще две пули в грудь, которые прикончили ее. После купания ревние Грозного заметно охладело и вогнало его в страх. Завывая и жалобно визжа, он потащился к ближайшему береговому камню, чтобы стряхнуть холодную воду со своей шерсти, после этого вернулся к нам медленным шагом. Безусловно, храбрость Грозного и его охотничий инстинкт превышают достоинства всех остальных ненецких собак, вместе взятых. Хотя Грозный и на этот раз вышел из боя героем, но он не скоро забудет оставленные на шее и ушах почетные рубцы.

Доктор отправился с тремя матросами в тундру за оленями. Теперь будет достаточно мяса для нас и корма собакам. Последнее особенно важно, так как многие из них сильно исхудали. Между тем щенята прекрасно развиваются. Они неприятно визжат и лают, или жалобно скулят и воют, когда их дрессируют, приучая к привязи, чего они не выносят. Некоторые из них, особенно воспитанные Фомой, настолько обнаглели, что нападают на больших собак и боятся только Грозного. Он остается непревзойденным властелином над всей собачьей сворой.

Вместе с оленьими тушами доктор привез для орнитологической коллекции по одному гнезду с яйцами гаги-гребенушки и песчанки. Гага-гребенушка никак не хотела покидать гнезда, она давала даже себя гладить, оставаясь неподвижной. Бируля принес интересные результаты драгирования. С глубины 18—21 м были подняты марганцевые конкреции, образование илистой руды, подобной той, которую Норденшельд неоднократно находил в Карском море севернее устья Енисея. Сегодня была настолько оживленная и удачная охота, что не хватало людей. Трое пошли с доктором, двое на драгирование и несколько человек за убитыми медведями. Толстов оставался на берегу поохотиться за линяющими гусями и принес четырех.

Измеряя толщину льда у края трещины, гидрограф определил в 18 местах различную его мощность, что, очевидно, зависело от толщины лежащего сверху снега. Средняя толщина льда достигала 180 см при колебаниях до 30 см в ту и другую сторону. Не встречалось больше новообразовавшегося пресноводного льда, следовательно, данное число (16.VII) можно рассматривать как время начала таяния льда.

Среда 17 июля. Сегодня мы с Зеебергом упаковали все вещи и уложили их в каяк. Ориентировочно общий вес каяка с санями достигал 130 кг. По Пайеру, максимально допускаемый вес 100 кг на человека, следовательно, наш груз не слишком завышен.

Прекрасная, теплая, тихая летняя погода. Полночь! Сегодня весь день я находился в радостном возбуждении в связи с предстоящим путешествием, хотя хозяйственные заботы омрачали временами настроение.

Подготовив все к отъезду, я спокойно спал эту последнюю ночь. Утром отправляемся в путь. За завтраком мы ели медвежатину, которая показалась сегодня особенно вкусной — жаркое было приготовлено из нежирного мяса молодого медвежонка.

Бируля и Вальтер отправляются через два дня. Остаются только оба вахтенных начальника. Матисен занят судовыми работами, а Колчак займется гидрологией и одновременно будет драгировать в полыньях.

К УСТЬЮ ТАЙМЫРЫ⁵⁷

18 июля. В 3 часа дня мы покинули борт «Зари» и в 5 часов уже были у юго-восточного мыса острова Боневы.

Над Таймырским проливом светилась радуга, шел мелкий дождь. Пролетела небольшая стайка куликов в сторону острова Боневы. В тундре были слышны голоса песочника и пуночек. И это было все. Ни одной чайки, ни гуся, ни белого медведя, только изредка попадались старые медвежьи следы. На пространстве между островом Боневы и островом Таймыр лед стал неровным и пористым. Сани опрокинулись на краю лужи, и все привязанные сверху вещи — ружье, геологическая сумка, зюйдвестка — упали в воду. Через 6½ часов после 16-километрового перехода мы добрались до острова Таймыра, где разбили свой первый лагерь. Это была неплохая скорость, учитывая скверную дорогу по неровному льду и вес нашего груза в 130 кг.

Интереснее других была наша стоянка с 21 на 22 июля. Маленькая бухта на песчаном острове, на берегу которой мы раскинули свою палатку, образует здесь песчаную отмель. В море против берега этой бухты стоят две бастионоподобные скалы. За скалами возвышаются своеобразной формы утесы, похожие на огромную пушку с лафетом. С большого расстояния эти утесы напоминают бегущую рысью медведицу в сопровождении медвежонка. Эти скалы и утесы сложены из крупнокристаллического гнейса, подобно скалам фиорда Миддендорфа.

Вступив на берег, я сразу же отправился в глубь острова для его обозрения. Едва дойдя до первого гребня тундры, увидел молодого оленя, пасшегося со своей матерью. Я прополз полкилометра на четвереньках, чтобы приблизиться к животному. Когда оставалось всего 150—200 шагов, меня заметил теленок. Я выстрелил и сильно ранил мать, но она осталась на ногах. Выстрелил второй и третий раз; последней пулей стре-

лял с большого расстояния, так как раненое животное продолжало медленно удаляться. Теленок, не покидавший свою мать, выказывал сострадание к ней, прижимаясь мордочкой к ее голове. Пройдя шагов 100, важенка легла на траву, а теленок остановился рядом. Я побежал обратно в лагерь за патронами и, вернувшись, увидел, что животное лежало на том же месте и, повернув голову, смотрело на меня. Я подполз шагов на 75. Олень лежал вытянувшись, как мертвый. Когда я приблизился, теленок подскочил к своей матери, и умирающее животное собрало последние силы, чтобы подняться и убежать. Я был настолько изумлен, что выстрелил после того, как животное галопом ускакало далеко и конечно промахнулся! У меня не оставалось времени преследовать свою жертву, так как прежде всего я должен был определить, находимся ли мы на острове или полуострове, для чего поднялся на возвышенность. Передо мною открылась вторая бухта, в устье речки там плавали две морянки, шумели гагары. Морские ласточки сопровождали меня на всем пути, пока я шел по тундре. Вокруг летало много куликов и два песочника. Это было самое оживленное место в тундре из встреченных мной до сих пор. Растительный мир был также богаче — тундру украшали маки, ниянки, лапчатки.

По ту сторону бухты я нашел на одиноко стоявшей возвышенности среди валунов, характерных для тундры и окрестностей залива Миддендорфа и гавани «Зари», одну настолько своеобразной формы гнейсовую глыбу, что принял ее за знак, установленный офицерами Великой Северной экспедиции. Этот выветрившийся серый гнейс можно было легко раскрошить рукой, а также придать ему молотком или топором форму стола. Поперечник плиты достигал 1 м, а высота основания равнялась 60 см. Вокруг этого стола лежала рыхлая насыпь из гнейсовых обломков, как бы сложенная человеческой рукой. Однако в ближайшей окрестности не было видно никакого следа каменной породы, похожей на этот гнейс. Здесь находились только крепкие гранитные плиты, стоящие большей частью вертикально, и валуны. Позднее, при обследовании «пушки» у лагерной стоянки, я убедился, что оба образования возникли в результате одной и той же причины — вымывания (эрозии) или же, быть может, выдувания (дефляции). Было 3 часа утра, когда я вернулся в лагерь. За это время Зееберга снова посетили медведи; медведица и медвежонок с любопытством подошли на 120 шагов, пока Зееберг неподвижно стоял на месте с ружьем в руках, но когда он сделал неосторожное движение, медведи обратились в бегство. Очевидно, они были сыты, и медведица стала более осторожна перед непонятным для нее явлением.

Зееберг определил широту лагеря — $76^{\circ}20'$. Погода все еще прекрасная. Солнце сильно согревает палатку.

В 4 часа дня 22 июля мы выступили в пятый маршрут. Вначале шли по прекрасному льду со скоростью 4 км/час.

Этот гладкий лед образовался, по-видимому, в прошлом году, когда здесь была открыта вода. Стало душно, как в летнее время перед грозой.

В 3 часа утра, когда Зееберг производил определение нашего местонахождения, я пошел в тундру и вернулся в 6 часов. Солнце скрылось за облаками, и над тундрой стояла тишина, как будто все было объято сном. Теперь, когда солнце показалось из-за облаков, проснулись птицы, послышался голос кулика и тундра мгновенно ожила. Издали я услышал громкий крик стаи хищных чаек и вскоре увидел, как они яростно преследовали песка. Над тундрой как бы разнесся клич: «Приближается песец!» Передо мной в страшном волнении бежал, время от времени взлетая, краснозобик, кулик спрятался, также и другие певчие птицы, в смятении кричали веретенники. По тундре галопом промчался песец, преследуемый чайками. Оглушенный их криком, он исчез за холмами, и в тундре снова наступили мир и тишина. Кулик вернулся к камню выслеживать свою добычу, но это место было тем временем занято куликом-краснозобиком. Я лежал на камне, согревая спину на солнце, и прислушивался к пению птиц, любясь раскинувшейся перед моими глазами картиной. Над ухом пищал комар. Казалось так жарко, как у нас в летние дни, и все же в 2 часа дня температура воздуха не превышала $+0,8^{\circ}$.

В 9 часов вечера мы отправились в шестой маршрут. Шли к полуострову Челюскина по ровному льду. Погода была великолепная и настроение прекрасное. Ориентиром нам служил проход среди низких торосов. Подойдя ближе, мы увидели, что это была трещина во льду шириной в 6 м, на оба края которой надвинулся лед. Я не рискнул перебираться через эту трещину, так как каяк был не исправен, и можно было замочить груз. На поиски узкого места для перехода у нас ушло 2 часа. Пройдя 16 км, разбили на льду свой VI лагерь. Нам удалось хорошо укрепить палатку. Каяк и нагруженные сани мы использовали как опору с подветренной стороны, колышки для укрепления палатки забили косо в лед.

На восьмой день подошли к устью реки. Лед все сильнее разъедало. Края льдины были подмыты, и мы неожиданно выкупались, провалившись сквозь лед. Каналы разветвлялись во льду, подобно рукавам в дельте реки; барахтание в них не доставило нам удовольствия. Увидя крепкий лед, мы изменили свой извилистый курс и направились прямо на берег. Сквозь туман поблескивала на склоне горы снежная стена, до которой дошли через 2 часа. Промокшие и окоченевшие, мы разбили здесь свой VIII лагерь.

Таким образом, были пройдены без отдыха восемь утомительных маршрутов. Теперь мы могли предоставить себе день

отдыха. Для разбивки лагеря остановились в топкой тундре в непосредственной близости от скалистого берега. К югу от палатки находился моренообразный холм, у подножия которого протекал ручеек. Налево был другой холм. Характер ландшафта существенно отличался от ландшафта острова Таймыра, что бросалось в глаза даже неискушенному в геологии Зеебергу. На прибрежной глине были видны следы оленя, а за ними следы преследовавшего его крупного волка.

Поужинав, мы забрались в спальные мешки и отдыхали до полуночи. Когда Зееберг вылез из палатки, чтобы подготовиться к определению широты, солнце, к сожалению, снова скрылось. Подкрепившись двумя дневными рационами, мы принялись за хозяйственные дела: просушку патронов, чистку ружей и смазку сапог. 27 июля погода была довольно скверная, 0,5° ниже нуля, со снегопадом, мы решили спокойно насладиться отдыхом, прежде чем взяться за исправление каяка. В 6 часов утра показалось солнце, Зееберг произвел определение долготы, а я отправился установить местонахождение нашего лагеря, чтобы принять дальнейший план действий. Обзорение окрестностей дало больше, чем я ожидал. Здесь я впервые нашел неопровержимое доказательство следов ледникового периода... Я сфотографировал обособленно стоящий валун около 120 см в диаметре, который со всех сторон был сильно исчерчен и покрыт валунной глиной; остальные валуны также несли следы ледниковой штриховки. Обнаруженный мною валун является, следовательно, «свидетелем» денудации. На краю высоко расположенной плоской поверхности, образующей водораздел между морем и ближайшей бухтой на востоке, находился ряд как бы могильных холмиков вымывания верхней морены, состоящих из перегноя и песка. Такая могилообразная форма поверхности, часто встречающаяся в тундре, заметно отличается от остроконечной формы байджарахов, состоящих большей частью из лёссовой глины.

Наверху на тундре, где ветер быстро осушил мою намокшую одежду, растительность была иная, чем на скате со стороны моря. Здесь росло много цветов в отличие от бедной флоры залива «Зари». Если нагнуться и смотреть на тундру горизонтально, то видно сплошное море маков, крупных желтых каменоломок, светло-розовых шелудивников с маленькими кустиками незабудок между ними. Местами зеленел настоящий ковер мягкого дерна. Когда я остановился, над цветами проносился веретенник с однотонным свистом снегирия, у которого было здесь, очевидно, гнездо, так как он прибегал к различным ухищрениям, чтобы отвлечь мое внимание. Стайки краснозобиков опускались в лужи, где они купались, играли и дрались. Кулики кричали, поморники кружились у нас над головой. На этом прекрасном пастбище было довольно много оленьих следов, но в настоящее время животные искали, по всей вероятно-

сти, защиты от ветра за горами «К»⁵⁸. Так как я не мог рассчитывать на крупную дичь, то застрелил на суп попавшихся мне на пути 7 куликов, из них 3 уложил одним выстрелом, несмотря на калибр 20. Хотя температура воздуха была +5°, я сильно продрог и был рад укрыться от ветра под защитой южного берега бухты. Судя по шагомеру, я прошел 5 км и вскоре очутился у цели — у широко открытой бухты «Х»⁵⁹.

В 2 часа дня, когда я вернулся к лагерю, Зееберг уже закончил определение широты — 76°14': утром он определил долготу 98°43'. В течение 6 часов, проведенных мной в экскурсии по тундре, на море расширились свободные от льда полыньи. Вместо льда, по которому мы намечали свой путь, была видна чистая вода вплоть до самого горизонта. Начиналось вскрытие этой части Ледовитого океана и приближалось время нашего освобождения из зимней гавани!

Воскресенье 28 июля. В полдень улеглись в мешки и проспали до 9 часов 30 минут вечера. Подкрепившись паштетом и какао, подготовили каяк для пересечения тундры — проконопатили его и заделали щели в носовой части ватой, намоченной в чае. Чтобы сберечь время, решили с лежащей в 5 км отсюда точки (судя по показаниям шагомера) добраться на каяке до предполагаемого острова Бэра. Сначала испытали водонепроницаемость каяка, затем испробовали, возможно ли будет его тащить с грузом и взятой на три дня провизией. Когда проверка была закончена, тронулись в путь к острову Бэра. Это было в понедельник 29 июля в 4 часа 50 минут утра. Тащить каяк в гору по подсохшей тундре оказалось очень трудно и потребовало много сил. Мы были вынуждены останавливаться каждые 60—100 шагов, чтобы передохнуть и отдышаться. Дойдя до берега, мы сели при сильном ветре в каяк и, проплыв до неизвестного полуострова, высадились на скалистый берег, чтобы взять пеленги на острова, составлявшие нашу цель. Затем пересекли тундру. Она была усеяна множеством валунов, между которыми выделялись единичные конусообразные (подобные байджараху) остатки денудированной морены. У восточного берега этого полуострова слюдястый сланец был отполирован и покрыт ледниковыми шрамами, направленными по азимуту 270—290°. Наверху на тундре росли поразительно крупные ивы со стволами высотой до 45—50 см и с узкими крупными листьями. Было 2 часа 30 минут дня, когда мы, борясь с ветром и волнами, обогнули поворотный мыс этого полуострова и прошли мимо какого-то островка. Восточнее показался второй остров, который я принял за остров Бэра, а ближний — за остров Челюскина. В местах, незащищенных от ветра, была сильная волна, и мы беспрестанно принимали мутный душ. На юго-западном берегу этого острова была видна на довольно далеком расстоянии приметная скала, напоминавшая вершиной морской знак. Этот «морской знак» служил нам ориентиром,

пока мы требли в течение 3½ часов от берега материка к острову, до которого добрались к 6 часам вечера. Поднялся снежный вихрь. Пришлось сойти на покрытый галькой берег в нескольких стах шагах северо-западнее мыса «Морского знака», так как из-за отвесных скал к нему нельзя было пристать. Кругом лежал плавник, если и не в таком большом количестве, как на Ново-сибирских островах, то все же его было достаточно, чтобы быстро развести огонь. Укрывшись от ветра за прибрежной скалой слюдястого сланца, мы подкрепились холодными консервами и немного обогрелись. Для питья у нас ничего с собой не было. Когда сошли на берег, заметили оленью самку с телятком, но оба оленя убежали, увидя нас. Погода была морозная, неприветливая. Снежные вихри сменяли друг друга, но тем не менее мною овладело своеобразно приятное чувство, как будто я находился ближе к своей родине, когда видел перед собой в открытом море волны, разбивавшиеся о живописные крутые прибрежные скалы. Обходя остров, я прежде всего направился к его юго-западному мысу, где возвышался напминавший морской знак утес. Скала представляла собой огромную глыбу кварца — обломок кварцевой жилы в слюдястом сланце. Слюдистый сланец и кварцевая жила простираются здесь в меридиональном направлении прямо к морю. Часть этой кварцевой жилы, отторгнутая под воздействием льда и волн, была вновь надвинута льдом на слюдястый сланец. Эта глыба достигает два шага в длину, два шага в ширину и 3 м в высоту; два отколовшихся от нее куски лежат недалеко на берегу. Не подлежит никакому сомнению, что этот слюдястый сланец является тем же самым, который Миддендорф видел на острове Бэра, и что это и есть упоминавшийся им валун. Если мы находимся на острове Бэра, то здесь должен быть дом Фомы! Несколько дальше я увидел в бинокль в восточном направлении что-то похожее на остатки хижины. Я поспешил в ту сторону и действительно увидел перед собой небольшой разрушенный домик, сложенный из бревен и каменных глыб. От него остались лишь нижние венцы, остальные обвалились вовнутрь; двери лежали также внутри дома. Рядом с хижинкой находилось корыто для кормежки ездовых собак. Как известно, при помощи собачьих упряжек Фомы был осуществлен первый объезд северной оконечности Азии и было произведено картирование⁶⁰. Я сел на бревно и почувствовал себя счастливым, найдя самые северные следы пребывания Миддендорфа. Заполнив своим маршрутом оставшиеся географические пробелы, я был рад выразить этим благодарность своему учителю. Как здесь прекрасно при этом ясном свете полуденного солнца, как рокошет море, напоминая мою родину, как величественна здесь природа и как ничтожны мы, люди, по сравнению с ней!

Отсюда я пошел дальше, по южному берегу острова, и на всех его крутых мысах находил тот же слюдистый сланец. Высота острова не превышала 30 м. Здесь я встретил пуночек, крачек, чаек и зуйков. Около полуночи мы с Зеебергом встретились у каяка.

В ночь на вторник 30 июля после 24-часовой работы мы отправились с мешками и аппаратами к дому Фомы, чтобы там переночевать и затем утром провести в этой точке астрономические наблюдения. Дом Фомы не защитил нас от ветра, так что мы плохо спали из-за холода и сырости и через 4—5 часов вылезли из спальных мешков с тем же чувством усталости. В 7 часов утра при температуре $-1,5^{\circ}$ началась легкая снежная метель, подул юго-западный ветер 8 м/сек, и поднялись волны более высокие, чем накануне. Я воспользовался минутным прояснением, чтобы сфотографировать избу Фомы и «камень Миддендорфа», Зееберг воспользовался им для пеленгования. Изба Фомы, имеющая в длину около четырех шагов, стоит точно на юго-восточном берегу, откуда открывается вид на вход в устье реки Таймыры.

Ветер становился все сильнее. Мы предприняли еще раз круговой обход острова. Остров разделялся посередине длинной косой на северную и южную половины. По краю отмели видны следы морены. Южный склон был покрыт довольно пышной растительностью — прекрасной цветочной подушкой из маков, незабудок и т. д. Было далеко за полдень, когда мы вдвоем подходили к каяку. Ощущалась потребность подкрепить свои силы перед тем, как пуститься в обратный путь. На этот раз мы попробовали отдохнуть в самом каяке, но гостеприимство этого замечательного судна подкрепило наши силы не больше, чем разрушенная изба Фомы; через несколько часов мы вылезли из каяка с негнушейся одеревенелой шеей, в 9 часов 30 минут вечера отчалили от острова Бэра навстречу ветру и волнам, которые перехлестывали через покрывку каяка и создавали уже привычную влажность и холод. Миновав остров Челюскина, направились на материк. В местах, незащищенных от ветра, продвижение вперед становилось почти непосильным. Мы придерживались по возможности берега, пробираясь вдоль бухты, прошли мимо глыбы льда высотой в 1,8—2,5 м и мимо обнаженных слюдистых сланцев, пронизанных, как и на острове Бэра, кварцевыми жилами. В одном месте против острова Челюскина нас увидел песец. Это была, вероятно, самка, заботливо соорудившая себе нору. Она залаяла на нас своим предостерегающим лаем, а может быть взывала о помощи к опекавшему ее самцу.

Каждый час нам пришлось останавливаться в защищенном от ветра месте, чтобы отдохнуть и выкурить трубку. Таким образом, до мыса Поворотного мы добирались в течение $10\frac{1}{2}$ часов, затем шли еще 2 часа от острова Бэра до матери-

ка. Около 8 часов утра 31 июля ветер возрос до шторма 18—20 м/сек. Наши силы иссякали в борьбе с бурей, тем более что свыше двух суток мы не пользовались освежающим сном. Поэтому решили перенести каяк вместе с вещами через узкую отмель в 100 шагах за мысом Поворотным, где были оставлены сани. Буря неистовствовала так сильно, что в тундре было трудно устоять на ногах. Насколько больше физических сил потребовалось бы нам, чтобы править каяком! Вдобавок ветер больно хлестал по лицу. В 8 часов утра потеплело — температура воздуха поднялась до $+4^{\circ}$, а поверхности воды до $+5^{\circ}$.

Когда мы подошли к берегу, встретилось новое затруднение: отлив и буря согнали воду из бухты, и стало невозможно плыть даже на мелкосидящем каяке. Полагаясь на более острое зрение Зееберга, я предложил ему избрать путь через бухту, чтобы перетащить каяк до более глубокой воды. Но предложенное Зеебергом место переправы оказалось крайне неудачным из-за глинистого грунта. Вытаскивать ноги из вязкой глины стоило огромного труда. Мы шли вброд по пояс, брызги воды хлестали нам в лицо, ноги подкашивались от усталости и холода. Я окончательно терял силы, и последние 10 шагов Зеебергу пришлось без моей помощи тащить каяк до берега ближайшей бухточки. Только после кратковременного отдыха мы отнесли каяк, перевернув его вверх дном, укрыли от дождя мешки и инструменты под его надежной защитой. Захватив только ружья прошли 20 км до палатки.

В пятницу 2 августа в 4 часа утра отправились за каяком и саними. Накануне вечером, подойдя к палатке, мы пережили одно из редких мгновений, которое примиряет со всеми резкими переменами здешнего климата. Было безветренно и солнечно. Зеркальная гладь моря сверкала между торосистым льдом и ледяными полями. Против нашей палатки медленно проплыла ледяная глыба. Я растянул свой спальный мешок рядом с каяком, и он быстро высох на солнце, поэтому я спал великолепно, но вскоре был разбужен завыванием бури, рокотом прибоя и шумом дождя, стучавшего о стенки палатки. Ветер повернул на юго-запад и нагнал много льда к берегу. Не было надежды ни грести, ни тащить каяк. Весь день мы заполняли свои дневники.

Воскресенье 4 августа. После бури неожиданно наступила прекрасная ясная погода. Я вынес все вещи на солнце для просушки. В палатке образовалась ужасающая топь. Закончив работу, мы перенесли пустой каяк к берегу. После неудачной попытки перетащить вещи на санях по глинистому грунту мы были вынуждены перенести все поодиночке на своих собственных плечах.

Эта тяжелая работа заняла 9 часов. Истощив последние силы, мы разбили IX лагерь, не добравшись до близлежащего мыса, который выдавался в море узким хребтом. Нас не уте-

шло даже сознание, что возвращаемся к «Заре», и большая часть пути уже пройдена. Палатку разбили у подножия скалы по соседству с журчащим ручейком. Здесь было значительно лучше, чем на болоте VIII лагеря, и мы крепко уснули. За ночь бухта освободилась от льда. Прежде чем перейти на весла, мы испробовали, как удастся грести с привязанными сзади санями. Зеебергу мешали во время гребли полозья и часть их пришлось отпилить. Вещи надо было нагрузить таким образом, чтобы можно было вытянуть ноги. Каяк сидел довольно глубоко, его верхний край выступал на 8—10 см над водой, так что волна перекачивалась через каяк и попадала под защитный фартук. Мы промазали каяк сапожной ваксой, которая сильно пачкала нашу одежду.

Пройдя 15 км, мы остановились в 3 часа 30 минут ночи 6 августа для разбивки X лагеря. Грести при попутном ветре было легко. Встретили много тюленей и несколько чаек. При тусклом свете побережье производило мрачное впечатление. Скалы, сложенные из сланцев, со стороны моря были окаймлены обледенелым снегом, некоторые из них имели сглаженную поверхность. У лагеря выступает черный глинистый сланец, на нем ясно заметна полировка и ледниковые шрамы. Недалеко находятся коренные выходы слюдястого сланца. В глубине залива видна плоская размытая основная морена, по всему берегу раскинуты большие валуны, которые придают пустынному побережью дикий и унылый вид. В маленьких бухточках не оставалось больше снега на берегах. Устья впадающих в них речек отделены, очевидно, барами от моря. Из птиц я вчера видел только одну гагару, несколько куликов и двух уток.

Среда 7 августа. XI лагерь. В 6 часов 30 минут вечера сели в каяк, но через полчаса должны были его покинуть. Дальше пришлось тащить каяк по пересеченному множеством трещин льду, что, впрочем, было легче, чем тащить его по тундре. Поскользнувшись, я попал в трещину и промок насквозь. Как раз, когда мы пристали к кромке льда, на воду опустилась утка и была так предупредительно мила, что оставалось ждать на воде, пока я достал ружье, зарядил его и выстрелил. Получился превосходный суп.

Погода ужасная — дождь, снег и туман. Приходилось внимательно вглядываться, чтобы не пройти мимо склада. В 7 км от склада остановились, чтобы отремонтировать сани, и, выпавшись в мешках, спешно принялись за их починку. Зееберг воспользовался минутами ясной погоды для пеленгования, а я занялся геологией. У северного мыса у входа в бухту Депо ясно видно падение пластов слюдястых сланцев, перемежающихся с метаморфическими глинистыми (?) сланцами — север 50° и запад 50°. Выветрившиеся поверхности трещин в сланцах образуют веретенообразные отдельности. Из животных, кроме тюленей, я видел немного чаек, одного поморника,

пуночку, веретенника и слышал в отдалении трескотню куропатки. В тундре росли на высоте около 15 м довольно высокие ивы с узкими, длинными листьями, очевидно Таймырской разновидности.

Четверг 8 августа. XII лагерь у Депо. Во льду образовалось много трещин, крупных и мелких разводий, так что неисчислимое число раз мы пользовались каяком в качестве моста, переползая по нему верхом. Вокруг нас плавали тюлени. Перед скалой, где был склад, прибрежная полоса воды настолько расширилась, что пришлось грести. Чтобы не перегружать всю кладь, мы оставили сани внизу под килем и гребли лопатой и багром. Лыжная палка и кайла, воткнутые на нашем складе, частично оттаяли и были видны издали. Зееберг полон рвения вскрыть склад по возможности сегодня. Он определил долготу и проверил хронометры. Таким образом, получены данные для определения координат острова Бэра. Сегодня благодаря юго-западному ветру у нас $+7,0^{\circ}$! Сильно тает; лед из бухты выносит ветром в море.

Работаем по откапыванию склада посменно, по $1\frac{1}{4}$ часа. Это тяжелая работа. Пока мы спали, опознавательная палка совершенно оттаяла из-под снега. Сегодня с 6 до 10 часов откопали 0,45 м в глубину. Чтобы быть ближе к месту работы, палатку поставили на снегу над ямой, над самым обрывом, как ласточкино гнездо. Вокруг нас все подтаяло, и мы оказались как бы на глетчере столообразной формы. Мой сон очень тревожен, так как ночью сползает моя подстилка — последний кусок оленьей шкуры, и, просыпаясь, я должен разыскивать место, по которому можно вползти наверх.

Пятница 9 августа. У склада. Растительность на этой юго-западной скале очень красива. Все цветы уже отцвели. Листья у полярной ивы пожелтели. Наступает осень. Сегодня идет снег, температура воздуха $-0,1^{\circ}$. Мы проложили канал, чтобы дать сток воде от стаявшего над складом снега. В 11 часов 15 минут, когда я пришел сменить Зееберга, он откопал жестяные банки и рыбу, а я за свое рабочее время освободил от снега деревянный ящик и снова углубил канал. К обеду мы могли себе позволить двойную порцию, так как доступ к складу был заведомо найден! Настолько сильно тает, что во время сна наша палатка может соскользнуть вместе с нами в яму. При вскрытии ящика, наполненного чечевицей с салом, обнаружилось, что все его содержание обледенело. Сквозь снег просочилась сверху талая вода, снова замерзла и все крепко сцементировала. Рядом лежащий мешок с консервными банками также полон льда. Каждую банку пришлось отпрепарировать зубилом и молотком, подобно окаменелости; к сожалению, не обошлось без повреждения нескольких банок. После непривычной работы с кайлой наши руки одеревенели и с трудом сгибались. Закончив свой трудовой день, подкрепились чечеви-

цей с салом, которая хотя и прокисла, но тем не менее показала нам очень вкусной, и в заключение вознаградили себя пудингом.

Суббота 10 августа. 2 часа ночи. Выбил зубилом и молотком последние банки консервов, которые было решено взять с собой; мы зарыли яму. Лед снова уплотняется в бухте. Спустился густой туман. Одним словом, перед нами обычная картина полярного лета. Потепление было связано с проникновением теплого воздуха с юга.

Зееберг с большим трудом притащил бревно плавника длиной 4,5 м, которое мы хотим укрепить в качестве опознавательного знака на месте склада. Его нижний конец мы зарыли в яму на глубину 1,20 м, к верхнему концу привязали лыжную палку, а на ней прикрепили бамбуковую палку, так что общая длина знака составила 6,88 м. Для большей прочности набросали в яму гранитные валуны вокруг бревна.

Воскресенье 11 августа. 5 часов утра. Со складом покончили. Древесный ствол, лыжная и бамбуковая палки осели; сверху мы укрепили еще кайлу и лопату. Мечтаем хорошо выспаться перед дорогой. Погода как будто идет на улучшение.

Скала у Депо сложена гранитом со включением гнейса, слюдяного сланца, роговообманкового гнейса и крупного полевого шпата.

Понедельник 12 августа. Разбили XII лагерь близ мыса Инклинатора. На всем протяжении от южного Выходного мыса бухты Депо до лагеря обнажается «инклинаторный» сланец с кристаллами пирита, далее простирается усеянная валунами плоская тундра.

В 10 часов вечера мы отправились в путь вдоль снежного склона параллельно трещине во льду. Здесь снег был ярко окрашен снежной водорослью в красный цвет. Я пристально вглядывался в окрестности, высматривая треногу инклинатора, которую надеялся найти вместе со сложенными вещами у снежного откоса. Вещи мы нашли у края снежного ската, отторгнутого трещиной параллельно берегу. Они лежали разбросанными у самой воды. Ящик сломался, чехол треножника был разорван во многих местах, а инклинатор оставался нетронутым в своем футляре, недоставало зюйдвестки, пары сапог и моих брюк. Следов посещения медведя не было заметно. Очевидно, огромный деревянный ящик обнажился из-под снега и, соскользнув вниз, сломался, а содержимое рассыпалось, и часть вещей свалилась сквозь трещину в море. На бухте лед между мысами Инклинаторным и Колчака взломался, пришел в движение, образовалось множество торосов и полыней. Это означало, что дальше придется идти вдоль берега, через пролив Расторгуева к Таймырскому проливу. Все — холод, сырость и голод — можно перенести, но меня гнетет мысль, что мы слишком поздно вернемся на «Зарю». Остается еще

70 км, следовательно 7 дней пути. Если рейд вскрыется до моего возвращения, то немало переживаний будет на борту яхты!

Нам удалось идти на веслах 7 часов сряду до самого XVI лагеря, ни разу не высаживаясь. Гребли в тумане и, к счастью, не попали в замкнутую юго-западную бухту, выбираться из которой пришлось бы не менее четырех дней. Плавающий лед преградил путь. Необходимо было собрать силы для предстоящей тяжелой работы: пред нами был вход в Таймырский пролив. Лед бухты на всем протяжении до противоположного мыса на материке превратился в торосистую массу. Идти напрямик ко входу в пролив означало бы переоценить свои силы, поэтому я взял направление на ближайший мыс у входа в бухту Вальтера.

Понедельник 19 августа. XVIII лагерь, около 1 км к югу от мыса Гелленорм у входа в Таймырский пролив. Мы проделали 12-часовой путь по усеянному торосами льду бухты Вальтера! Между поясами торосов встречались ровные льдины в виде островков, окруженных каналами, и майны, через которые мы проходили по колено вброд. В лагерь пришли промокшие, усталые и голодные.

Сжатие льда произошло, вероятно, несколько дней назад и, очевидно, шло с северо-востока. Меня занимал вопрос — крепкий ли и ровный ли лед на Таймырском проливе и будет ли легче наш дальнейший путь? Было приятно видеть здешние гнейсы, предвещавшие близость «Зари».

Вторник 20 августа. Тундра опустела и производит унылое впечатление, как зимой. Сегодня мы высушили намокшие вещи на солнце, но оно уже мало греет.

В 2 часа 45 минут дня добрались до XIX лагеря у места сужения Таймырского пролива. Мы шли по береговому льду. Попутно измерили глубины бухт. Здесь был «дыроватый лед», как обычно у устьев маленьких речек, или надледная вода. Пересечение от мыса к мысу проходило по такому же «дыроватому» или ноздреватому льду. Каяк снова дает течь, все вещи промокли, за исключением фотоаппарата. Полозья из нейзильбера повреждены. Здесь, на узком месте, от берега до берега сплошь открытая вода благодаря впадению многих речушек и их более быстрому течению. Великолепная погода. Доносятся крики сотен гусей с острова Таймыр, на большом расстоянии похожие на жужжание сибирских комаров и мошкары.

Среда 21 августа. Мы проспали до 6 часов вечера. Ружья сильно ржавеют, их необходимо чистить два раза в день. Починка полозьев из нейзильбера и конопатка каяка заняли много времени. Зеeberg надеялся добраться сегодня до «Зари», мои мечты были более скромны. Еще до полуночи увидели «Зарю». Она была окружена сплошным льдом. Истощенные и усталые, мы не имели сил дойти до судна. Стаи линяющих морянок, за которыми мы с успехом поохотились, нас несколько

подкрепили. Увлечшись охотой, Зееберг зашел в лабиринт каналов, и мне пришлось поехать за ним на каяке. Восточную бухту надеялись пройти на веслах. Час от часу слабость так нарастала, что я решил ввиду медленного продвижения каяка выйти на берег, но он оказался недостижимым.

Четверг 22 августа. 2 часа 50 минут ночи. Расположились XX лагерем на том месте, куда зимой легко добирались на собаках или же пешком. Здесь развели костер из плавника, так как керосина больше не оставалось, и съели по две утки каждый! Прекрасно выспавшись, сварили еще по две утки на брата и с половины первого ночи тронулись в путь. К «Заре» подошли в 7 часов утра 23 августа 1901 г.

Часть третья

**ПЛАВАНИЕ „ЗАРИ“ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ ПЕРВОЙ
ЗИМНЕЙ ГАВАНИ 25 АВГУСТА 1901 г. ДО ВМЕРЗАНИЯ
В НЕРПИЧЬЕМ ЗАЛИВЕ 25 СЕНТЯБРЯ 1901 г.**

СНОВА ПОД ПАРУСАМИ!

Воскресенье 25 августа. 1 час ночи. Сегодня пишу совсем кратко. Вчера мы вернулись с Зеебергом из Таймырской экскурсии и как раз вовремя. Какое счастье! Сегодня в 2 часа дня вокруг «Зари» началась подвижка льда. Лед выносил «Зарю» по дуге мимо острова Наблюдений к проливу Фрама в открытое море. В продолжение 4 часов «Заря» прошла без единого толчка 6 морских миль до южного Выходного мыса и ни разу не села на камень. В 2 часа дня был отдан приказ поднять пары, и около 9 часов 30 минут вечера они были подняты. Тем временем окружавший нас лед, который мы отпилили от носовой части судна и взорвали динамитом, снова нагнал и окружил нас. Освободиться от ледяного затора нам удалось только при помощи пара и буксирного якоря после упорной работы в течение часа. Прислушиваюсь к давно желанной музыке — мерному движению машины. Идем вперед вдоль берега острова Нансена. Внезапное освобождение из ледяной гавани произошло быстро и благополучно, хотя и было небезопасно. В течение дня я проявлял фотоснимки своего путеше-

ствия и начал приводить в порядок коллекции. Зееберг еще не оправился от переутомления.

Понедельник 26 августа. На якоре под защитой острова Каторжного. Как и следовало ожидать, плавание длилось недолго. Вчера с 4 до 8 часов утра мы тщетно старались обойти остров Каторжный. Между ним и островом Нансена стоял, как и в прошлом году, ледяной барьер. Восточный ветер гнал навстречу плотные массы льда. Продвигаться вперед стало невозможно. Мне казалось благоразумнее переждать подвижку льда и встать на якорь под защитой Каторжного острова, оставаясь за его ледовым молом, пока пролив полностью очистится. Чтобы в любую минуту быть наготове, я распорядился не гасить огня, а только приглушить, что обойдется нам в 0,7 т угля в сутки. Тем не менее я не боюсь этого неизбежного расходования нашего крайне скудного запаса угля, так как в субботу во время вскрытия рейда «Зари» мы едва не оказались жестоко наказанными из-за своей бережливости. Когда рано утром на рейде образовались большие трещины и полыньи, которые стали на глазах увеличиваться, я дал приказ разводить пары только после того, как лед пришел в движение. Пары были подняты через шесть часов, а за это время нагнавшие нас льды снова окружили яхту, и мы не успели выйти на чистую воду.

Вторник 27 августа. Вчера ветер повернул на северо-восток и гонит лед вдоль пролива. Появились отдельные льдины; одну из них, зацепившуюся за нос нашей яхты, пришлось взорвать динамитом, чтобы она не тормозила ход. Этого превосходного средства для борьбы со льдами у нас осталось еще 90 зарядов. Сегодня лед барьера стал плотнее, что заставило нас перенести якорную стоянку. В 3 часа дня пошли на остров Нансена и стали в маленькой бухте, севернее входа в пролив Фрама, под защиту мыса. Только что Матисен сообщил, что между островами Нансена и Боневи ледяной барьер разбит полыньями. Все же было рано покидать бухту, поэтому я счел своевременным проголосовать после обеда, идти ли нам вперед или же примириться с наступлением момента «томительного ожидания». По общему решению вскрыли жестяную банку, переданную нам на родине с надписью «вскрыть в первый день томительной скуки». В ней были запаяны всевозможные подарки и среди прочего бутылка перцовки! Пожалев открыть ее в этот день, мы вместо нее опорожнили за кофе бутылку померанцевки, чем подняли общее настроение.

Недоедание и истощение физических сил во время последних маршрутов сильно отозвалось на здоровье участников похода: у многих из нас появились боли в желудке и рвота. Помимо того, у меня, как и в мае месяце, распухли ноги до самых колен, что, однако, не удерживает меня от работы. Зееберг производит довольно плачевное впечатление с его сердечной слабостью и отеками ног. В ближайшее время он принимается

за хронометрический журнал, а Бируля, Вальтер и я будем замещать его в метеорологических работах и обеспечим наблюдения каждые четыре часа. Я сам не могу похвалиться желанием работать, признаюсь, что с большим удовольствием лежал бы весь день на спине.

Привязанные на борту 47 собак не могут освоиться с лишением свободы и непрерывно воют, особенно молодняк. Это мешает мне во время работы и нарушает сон.

Среда 28 августа. Ночью проносило льдины, не задевая яхту. Этот плавающий лед не дает нам спустить пар. Прохода не видно, и я решил еще один день не сниматься с якоря и переждать сутки с перекрытым паром.

Ежедневно я радуюсь тому миру и спокойствию, которые царят у нас: никаких неприятностей, никакого недовольства среди команды, никаких недоразумений! Все охотно и старательно выполняют свои обязанности и с юмором переносят мелкие капризы Фомы. Команда сохраняет здоровый и бодрый вид. Ее безукоризненным поведением был доволен даже Колчак. За это время он сам округлился и растолстел. Все хорошо работали, и «Заря» была подготовлена к выходу в море в любое время. Матисен подытожил на прекрасно составленной им карте все топографические работы и привел в порядок данные по метеорологии; Колчак закончил карту мензульной съемки рейда «Зари», заснял остров Бонев и часть острова Нансена, выполнял гидрологические работы и проводил драгирование вместо Бирули. В настоящее время Бируля ежедневно занят драгированием и изготавливает с натуры цветные рисунки гидрочей, червей и других экспонатов из своих редкостных уловов.

Вальтер вернулся с разведки и сообщил, что лед взломался вдоль северного берега острова Нансена вплоть до его северо-восточной оконечности, но все же в сплошной ледяной массе образовались лишь отдельные разводья. Следовательно, приходится выжидать! Мы вошли обратно в пролив Фрама, чтобы, спустив пары, выждать, пока буря откроет дорогу. С острова Нансена наблюдательный пост будет ежедневно обследовать состояние льдов. Итак, терпение!

Четверг 29 августа. Моя работа была прервана доктором, который предложил поохотиться на медведя, прогуливавшегося по берегу острова Нансена. Я не мог идти, так как колени у меня сильно опухли, и предложил взять двух матросов. Пошли Толстов и Фома. Пока шлюпка приближалась к береговому припаю, медведь прохаживался большими мягкими шагами, затем сел, высоко поднялся на задних лапах и стал с любопытством смотреть и на пароход, с которого раздавался громкий собачий лай, и на приставших к берегу охотников. Он не выказывал страха, так что было возможно подойти к нему со стороны берега, прячась за камни. Фома, наш более честолюбивый, нежели разумный кулинар, вместо того чтобы незаметно при-

близиться к медведю, пустился бежать ему навстречу. С расстояния в 500 шагов он выстрелил и, естественно, положил этим конец нашим чаяниям на успех. Медведь обратился в бегство. Одновременно с окончанием этого представления опустился и занавес: все заволочло густым туманом. Я вернулся в каюту.

Сегодня прекрасная солнечная погода, $+2^{\circ}$ и восточно-юго-восточный ветер. Доктор отправился на остров Нансена за убитым им 25-м по счету оленем; попутно он произведет разведку льда. Худшее, что может причинить «Заре» крупная плавающая льдина, это выкинуть судно на берег, порвав якорную цепь. Тем не менее оставаться беспрестанно под парами из одного только страха перед этой маловероятной случайностью обошлось бы нам слишком дорого, поэтому огонь в котлах больше не поддерживается.

День прошел интереснее, чем можно было думать в этом состоянии ожидания. Вернувшись из тундры с пятью оленями, доктор сообщил, что состояние льдов улучшается. Чтобы осмотреть окрестности с более благоприятного пункта, Матисен и Вальтер отправились на веслах к острову Нансена и установили, что между островами Нансена, Боневи и Таймыр образовались большие полыньи, но состояние льдов по ту сторону острова Боневи не удалось определить. Доктор принес множество хорошо сохранившихся четвертичных моллюсков с возвышенностей тундры острова Нансена (*Astarte* и *Saxicava*). Я не мог пойти сегодня в экскурсию из-за своих отекавших ног, и вместо меня отправился Бируля. Местонахождение ископаемой фауны он определил на 35—37 м выше уровня моря и обнаружил там, кроме вышеназванных раковин, еще *Mya truncata*, *Pecten islandicus* и гастропод. Под глиной с раковинами залегают песчаные морские литоральные отложения с валунами. Как замечательно, что через десять часов пребывания в этом месте мы сделали столь важное открытие! Около 9 часов пришел гидрограф с радостной вестью, что ледяной барьер между островами Нансена и Боневи взламывается все дальше. Лед выносится через рейд «Зари» и через пролив Фрама мимо нас. Только что огромная ледяная глыба ударила о борт яхты.

Пятница 30 августа. С 3 часов 30 минут опять под парами, полным ходом вперед! Пролив Каторжный свободен — продвижение плавающего льда закончилось в этом зловещем проливе! Немедленно были подняты пары и, так как вода в котлах оставалась еще горячей, через два часа мы шли полным ходом. Если бы только нас вторично не постигло разочарование! Ледяной барьер между островами Нансена и Боневи не вскрылся. Для этого был бы необходим северо-восточный ветер. Через несколько часов выяснится наша судьба. Дальше море должно быть свободным или по меньшей мере судоходным.

Воскресенье 1 сентября. По ту сторону мыса Челюскина. 30-го в 6 часов прошли остров Каторжный и вышли в открытое море. Вчера между тремя и пятью часами произвели первую в этом году станцию на глубине 28 м, при этом впервые использовали трал Петерсона. Он достиг дна и поднял интересный, до настоящего времени неизвестный зоологический материал — моллюсков (Pecten) и червей, из рыб была только мелкая треска. Глубина Таймырского залива очень незначительна. Посреди него находился низкий островок, соединенный с песчаной банкой. Дальше виднелось еще несколько островов, а в 6 часов показались горы совсем другого типа, чем гнейсовые горные цепи, которые мы видели до сих пор. Здесь были характерные крутые скаты, на которых задерживались огромные снежные валы.

В 5 часов утра Матисен, который нес вахту, сообщил, что мы пересекаем долготу мыса Челюскина! Я быстро соскочил с койки и поднялся на мостик.

Итак, наша ближайшая цель достигнута — мыс Челюскина показался перед нашими глазами! В течение 36 часов неожиданно легко и беспрепятственно дошли сюда из пролива Фрама! «Заря» спокойно покачивалась на волнах, подобно черному лебедю. В волнении я потряс руку обоим офицерам и пожелал им от души счастья. Сейчас у них нелегкая служба, и они сильно устали. Над нами простиралось тусклое небо, но воздух был прозрачен. Между судном и берегом находился ледяной пояс, который пришлось обойти. Я спешил высадиться на берег, чтобы ознакомиться с этим мысом и произвести с нашими специалистами комплексные наблюдения: астрономическое наблюдение пункта, магнитные, зоологические, ботанические и геологические наблюдения и сборы. Колчак сошел на берег с дефлектором¹ и кругом Пистора², а Зееберг определял магнитным теодолитом деклинацию³ и инклинацию⁴ и при помощи большого универсала — астрономический пункт. Пока я заряжал фотоаппарат, остальные четыре сотрудника и часть команды были уже на берегу. С борта яхты было видно, как они усердно работали по сооружению гурья. Я отправился вместе с Шервинским на двухместной байдарке на берег. В момент посадки мы заметили моржа, плывшего около самого берега против гурья. Едва мы прошли несколько кабельтовых, как морж быстро поплыл к нам навстречу, направляясь прямо на нашу байдарку. Я едва успел зарядить ружье, как он вынырнул в 15—20 шагах перед нами. Это было великолепное животное: когда оно подымало из воды свою бородастую голову и шею до самой груди, его клыки свисали до поверхности воды. Я прицелился ему в грудь и выстрелил, пока он не успел перевернуть байдарку. Один из нас двоих, морж или я, должен был уступить место при неизбежном столкновении. Ни я, ни мой спутник не обладали изумительной ловкостью эскимосов быстро поворачивать перевернутую байдарку обратно на киль.

Пуля попала в цель! Морж, сделав отчаянный прыжок, нырнул под воду, чтобы больше не появляться. Байдарку мы подтащили сквозь плавающие льды к берегу. Мыс, на котором сооружался гурий, простирается к северу меньше, чем расположенный западнее. Он сложен из метаморфических пород, перемежающихся с тонкими вдавленными или включенными в виде линз фиолетовыми сланцами. Его простираение — меридиональное, соответственно кливажу; слоистость не поддавалась определению. Сланцеватость падает на запад под углом 80°. Породу пересекает множество поперечных кварцевых жил, подобно слюдыстым сланцам на сланцевом мысе острова Таймыра и на острове Бэра.

Тем временем небо совершенно прояснилось, солнце ярко светило, освещая пустынный ландшафт. Я произвел ряд фотоснимков и собрал образцы каменных пород. По направлению в глубь страны и в глубине залива находились четвертичные отложения, частью мореноподобные, частью конусообразной формы вымывания (байджарахи). До них оставалось по меньшей мере десять километров, и я был вынужден отказаться от исследования, так как в настоящее время наш единственный лозунг «идти вперед». От драгирования придется также отказаться. Бируля только к утру сможет закончить разбор своего вчерашнего гидробиологического материала.

В час дня все были на борту «Зари», украшенной флагами на носовой части и вымпелом на грот-мачте. При отплытии я распорядился дать салют в честь Челюскина. К завтраку я поставил на стол бутылку перцовки, которую «в первый день томительного ожидания» мы приберегли до следующего торжественного случая. Я помянул героя, именем которого назван этот мыс, и пожелал всем участникам экспедиции счастья в связи с достижением этого пункта, а офицерам — бодрости и сил повести «Зарю» дальше к цели. Когда после вахты Матисен спустился к нам, веселый, как всегда, я чокнулся с ним за здоровье первого капитана русского корабля, обогнувшего под русским флагом северную оконечность Азии.

Матисен доложил, что машина должна быть на час остановлена для небольшой, но безотлагательной чистки. Эту остановку гидрограф и зоолог не хотели оставить неиспользованной, особенно потому, что мы пришли наконец в места более значительных глубин. Опустив лот на 200 м, гидрограф обнаружил на дне температуру $-0,9^{\circ}$, и притом океанскую воду с высокой соленостью. До настоящего времени температура была постоянно $-1,5^{\circ}$. На поверхности была тоже более теплая вода с температурой $-1,0^{\circ}$. Гидрограф необычайно рад, что не пропустил этого интересного наблюдения, также зоолог, который поймал морской сетью интересные морские амфиподы и пр. Мы находимся на границе новой фаунистической и гидрологической области моря, которая обещает даль-

ше быть еще интереснее. Навис туман, появились льды; все же Вальтеру удалось рассмотреть с вершины горы, что льды образовали лишь узкий, легкопроходимый ледяной пояс, за которым была видна открытая вода. В тундре доктор видел чайку, морских ласточек, плавунчиков. На голых бесплодных сланцах Бируля нашел десять цветущих растений.

Во время сооружения гурья, который казался издали, со стороны моря и с востока, довольно внушительным, команда проявила большое мастерство, ловкость и хороший вкус. Мне особенно понравилось, как был использован имевшийся на месте материал: цоколь построили в виде правильного круга из вертикально поставленных плит сланца, а столб сложили из горизонтально наложенных плит и сверху водрузили кварцевый валун ослепительного белого цвета, который красиво контрастирует с темно-серым сланцем.

Понедельник 2 сентября. Вскоре за мысом Челюскина пришлось обойти несколько широких льдин. Во время остановки машины мы спокойно дрейфовали в течение часа по открытой воде, да и за весь сегодняшний день не встретили льда. Поверхностная температура воды в 4 часа утра, когда мы огидали мыс Фаддея, была равна $-0,6^{\circ}$. Затем прошли залив Фаддея, миновали острова Самуила⁵ и еще два, не отмеченных на карте. В 8 часов утра измерили температуру воды — она была равна $+1,7^{\circ}$ и свидетельствовала о наличии большой реки, впадающей в эту бухту. Измеренная глубина составляла только 69 м. Вчера во время вахты от 7 часов до 12 часов ночи гидрограф вычислил определения у мыса Челюскина и пришел к следующему выводу.

Мыс, у которого мы сошли на берег, лежит под $77^{\circ}34'30''$. Следующий западный мыс отстоит от него, по его пеленгованию, на $2'$ к северу, что соответствует определению Норденшельдом мыса Вега — $77^{\circ}36'49''$. Длина залива, разделяющего оба мыса, не превышает 8 морских миль. Основываясь на том, что Челюскин охарактеризовал названный позднее его именем мыс как отвесный и скалистый, а в противоположность этому мысу Вега, насколько мы могли видеть, полого спускается к морю, гидрограф решил, что мы были на берегу на подлинном мысе Челюскина. Сегодня ночью температура воздуха была $-0,2^{\circ}$, дул устойчивый восточно-северо-восточный ветер 8—11 м.

Одновременно с гидрографом широту определил Зееберг. Его данные $77^{\circ}40'$. В первом подсчете гидрографа оказалась математическая ошибка, но теперь у обоих получен одинаковый результат. Долгота у обоих тоже одинакова и составляет 104° . Этому точно соответствует долгота и широта, установленные Норденшельдом. Оказывается, что его «мыс Вега» ($77^{\circ}36'49''$ с. ш., $103^{\circ}14'1''$ в. д.) лежит западнее, а наш «мыс Зари» восточнее подлинного мыса Челюскина, который, как

выяснилось, мы прошли до того, как высадились на берег, и который, согласно нашему пеленгованию, лежит приблизительно на 2' севернее «мыса Зари».

Оба офицера нуждаются в восстановлении своих сил не менее, чем котел нашей «Зари» в ремонте. Я с большой охотой сошел бы на берег, как только мы окажемся в области хатангских вод, но никак не раньше. Идем все еще как по Средиземному морю, не встречая ни одной льдины, но при такой зыби, что, по словам Вальтера, у него в голове образуется «икра». Сегодня при курсе юго-восток 40° в 9 часов вечера мы оказались в районе незначительной глубины — 32 м, хотя по вычислениям наше местонахождение 77° с. ш. и 110° в. д. Незадолго перед тем в 6 часов вечера увидели остров. Это был, по всей вероятности, остров Св. Павла, так как он отличался своей высотой и крутизной, как об этом имеется указание Челюскина. Вскоре остров скрылся в тумане. С тех пор не видим суши, и только с появлением 30-метровой глубины возникла угроза близости песчаных отмелей. Здесь поистине мертвое море и... ни одного тюленя, ни дельфина, ни моржа. Видели сегодня только нескольких чаек и плавунчиков. Пролетали ли они с более северной земли или же прибыли сюда в «увеселительный полет»?

Сегодня я проявил снимки мыса Челюскина. Они вышли удачно; было ясно видно, как мыс Челюскина ограничивает западный залив. Я постарался запечатлеть на снимке прекрасную картину, какую представляла при ярком солнечном освещении «Заря» с дымящимися трубами. Ожидая нас, она была так спокойна в своих движениях и так гармоничны были ее линии. А вместе с тем сколько нетерпения скрывалось в душе каждого члена экспедиции и сколько трудностей стояло еще на пути к достижению цели!

Вторник 3 сентября. Согласно наблюдениям сегодняшнего дня, мы находимся под $77^{\circ}2'$ с. ш. и по счислению курса на основе долготы, определенной у мыса Челюскина, — под 114° в. д.; курс В.

Первая станция этого года с применением трала Петтерсона дала много интересного и нового: десять различных морских звезд, первые морские лилии (*Antedon Eschrichtii*), которые были, к сожалению, сильно повреждены большим количеством глины, поднятой этим тралом. Среди прочего оказался рак (*Decapoda*), который до сих пор был известен только в Мурманском море и ни разу не попадался в Карском.

Матисен представил мне сегодня свой расчет по расходу угля. При скорости 5 узлов и 70 оборотах машины в минуту мы делаем 120 морских миль в сутки и расходует 4,2 т угля. При 4 узлах и 56 оборотах делаем только 96 морских миль за сутки при затрате 2,9 т угля. Следовательно, расходуя одну тонну, делаем в первом случае 28,6 мили, во втором —

33,11 морской мили. Из этого вытекает, как я узнал от опытных советчиков при покупке китобойного судна «Гаральд Гарфагер», что более выгоден медленный ход. Начиная с сегодняшнего дня будем его выдерживать. В прошлом году я стремился к этому же, но не мог добиться. До Котельного остается около 450 морских миль. Следовательно, мы могли бы быть там в конце недели, учитывая задержку на один день у восточного побережья и один день на дорогу туда.

Несколько минут назад пересекли 114° долготы. При имеющейся здесь глубине в 66 м можем спокойно идти вдоль берега, не опасаясь банок. Сейчас 8 часов вечера. Уже $2\frac{1}{2}$ часа следуем южным курсом, не встречая льдов. Придерживаясь этого курса в течение суток, мы сможем найти у западного побережья удобную якорную стоянку под $75-76^{\circ}$. Если солнце будет нам и впредь благоволить, как это было у мыса Челюскина, то нашей экспедиции удастся астрономически определить восточное побережье Таймырского полуострова.

Достижения по зоологии сегодняшней станции очень богаты: впервые подняли цефалопода (*Cephalopoda Rossia*), кроме того, астерид и голотурий, морских звезд, молодых морских лилий, из червей прекрасную немертину, пигногонид, раков и, что наиболее ценно, пять моллюсков пронеомений, также многое другое.

Среда 4 сентября. 7 часов вечера. Приближаемся к восточному побережью Таймырского полуострова, в той области, где я в прошлом году надеялся стать на зимовку. Помимо широты ($76^{\circ}30'$ согласно счислению курса) и долготы (около 114°), за близость реки Хатанги говорит поверхностная температура воды — в 12 часов дня было $+2,7^{\circ}$. К борту яхты приблизился морж и с фырканием снова исчез. В южном направлении можно различить гору, за которой находится, по-видимому, Хатангский залив, и возвышенный берег с кажущимися издали крутыми обрывами и мысами. Встречу ли я, наконец, сланцы, охарактеризованные окаменелостями? Готовлюсь к высадке на берег, хотя она крайне сомнительна при густом тумане.

Третьего дня сбор планктона Бирули принес представляющую большую редкость сифонофору, впервые найденную в Сибирском Полярном море. Только что в 4 часа произвели четвертую станцию. Из богатого улова Бируля законсервировал для монографической обработки многих представителей морской фауны, например пронеомений, гидроцей, червей, морскую крапиву. Он сейчас же зарисовал все акварелью и принялся за изучение.

Из-за непроницаемого тумана мы вынуждены покинуть это интересное место и идти дальше на Котельный. Мир пернатых отличается здесь также новизной: сегодня видели трехпалую чайку-моевку, а вчера кайр, которые обычно гнездятся на кру-

тых берегах или «птичьих горах»⁶. На этих берегах надеюсь собрать геологический материал, отличающийся от мною собранного в Таймырской области.

Хотелось бы в будущем году на обратном пути сойти на этот берег.

10 часов 30 минут вечера. Каждый из нас работает в своей теплой лаборатории! Бируля доволен драгой сегодняшнего дня, доставившей новую фацию фауны моря Норденшельда⁷ — фацию гидроцей⁸. Зееберг определяет по поручению Колчака соленость водных проб, а я работаю в своей уютной лаборатории и одновременно наслаждаюсь звуками ритмичного стука машины, как прекраснейшей из мелодий. «Заря» спокойно покачивается на зыби. Сейчас темно, как в осенний вечер у нас на родине, но, не встречая ни одного парусника, ни одного парохода и нигде не видя навигационного знака, нельзя предаться мечте, будто находишься в Балтийском море, а не у берегов Восточной Сибири. Льда нет, но как долго это еще будет? Завтра берем курс прямо на восток, как только достигнем 75°.

Четверг 5 сентября. Сегодня в два часа ночи наш «подводный часовой» (саморегистрирующий глубиномер) показал банку на глубине 20 м. В остальном фарватер глубок и до настоящего времени совершенно свободен от льда. Поэтому придерживаемся курса почти на 2° севернее «Веги» и «Фрама» и идем прямо на Котельный, все еще при значительной зыби. Хотя ход и замедляется встречным ветром, надеюсь оставшиеся 300 морских миль пройти за три дня и высадиться на острове Бельковском, в случае если Нерпичья бухта окажется недостижимой.

Мы хорошо обжились, каждый спокойно и целеустремленно выполняет свою работу и никто не портит друг другу настроения. Хорошее настроение Фомы выразилось в том, что он по собственному побуждению принес сегодня в 6 часов 30 минут Матисену на мостик стакан кофе, сваренного «по-турецки». Зееберг совершенно бодр, несмотря на то что его ноги еще сильно опухли; у меня отеки почти прошли.

Воспользовавшись восточно-юго-восточным ветром, подняли паруса, что дало нам дополнительно около 1/2 узла. Идем по совершенно свободному морю под 75° с. ш. Последний раз я видел лед близ мыса Челюскина; это был легкий бухтовый лед. Огибая под 77° оконечность Таймырского полуострова, мы видели в отдалении ледяные поля.

Пятница 6 сентября. Под парами и на всех парусах! Благодаря парусам выигрываем от 1/2 до 1 узла, так что делаем теперь почти 5 узлов. Сегодня утром пересекли долготу Болкала⁹. Нас окружает густой туман, возможно из-за близости льдов, однако их не видно; мы все еще наслаждаемся спокойной качкой.

Сегодня от 2 до 4 часов была произведена станция (49-я). Глубина 51 м, глина. Нашли большую люцернарию, новую голотурию, новую цефалоподу, одного астрофитона и много другого интересного, например гигантский экземпляр пронеомении. Сегодня ненадолго показалось солнце, и Матисену удалось, определив секстаном его высоту, уточнить наше положение, которое в течение трех дней только считалось. Оказывается, мы находились почти под 76° (точнее $75^{\circ}45'$), вместо $75^{\circ}15'$, как считали. Эта ошибка возникла из-за изменившегося склонения, которое, по наблюдениям сегодняшнего дня, равно 12° . На мысе Челюскина оно было равно, по Зеебергу, 28° , а не 31° , как принималось ранее (по Челюскину?). Чрезвычайно интересно, что нам не повстречалось льдов на этой высокой широте. Граница льдов проходит здесь немного севернее, как об этом свидетельствует полоса тумана на горизонте. Точно установив свое местонахождение, мы взяли курс прямо на Нерпичий залив — $75^{\circ}30'$. Наша долгота была сегодня в 9 часов вечера 126° , следовательно, находимся в 150 морских милях от Котельного. Можем прийти туда за полтора дня и через несколько дней направимся к конечной цели. Какая ждет нас судьба?

Суббота 7 сентября. Резкий 12-метровый юго-восточный ветер. В открытом море продолжается сильное волнение. Так как нас отнесло на север почти до 76° , мы должны были, чтобы не терять курса к Нерпичьему заливу¹⁰, держаться юго-востока, а из-за этого встречный ветер замедлил наш ход на $1/2$ узла. Фактически едва двигаемся с места, а до Котельного остается еще 120 морских миль. Если ветер удержится, то остается не менее трех дней ходу. Поэтому я считаю правильное всего повернуть на северо-восток и, воспользовавшись попутным ветром, пойти напрямик к конечной цели, которую мы сможем достигнуть за то же самое время, как и остров Котельный, если вообще ее достигнем!

Большая волна препятствует провести сегодня станцию; это нельзя считать большим пробелом, так как мы удалились от предыдущей станции всего лишь на 30 морских миль. Надо надеяться, что следующую станцию сделаем в более высоких широтах и ближе к Земле Санникова! Итак, вперед!

С часу дня взяли курс влево 30° , а именно север 53° к востоку и благодаря этому идем под парусами со скоростью 4 узла. Появилось много плавника с тех пор, как вошли в полосу ленских вод. В 4 часа дня ветер повернул с восточного румба на северный, значит будет снова встречным! Поднялся штормовой северо-восточный ветер (18 м/сек). Машина недостаточно мощная, чтобы идти против ветра. Пришлось лавировать на юго-восток. Возможно, мы и делаем $1 1/2$ узла благодаря поднятому кливеру, но нас относит все же на юго-запад. Одновременно течение ленских вод несет нас на север,

так что мы стоим фактически на одном месте. Расходуем по 3,5 т угля ежедневно, по расчетам его остается около 68 т на 20 дней.

Воскресенье 8 сентября. Ветер снова повернул на юго-восток и несколько стих. В 9 часов утра удалось вычислить высоту стояния солнца. Определить наше местонахождение будет чрезвычайно интересно. Дрейф принял постоянное направление, и мы, хотя и медленно, продвигаемся теперь вперед. Во время качки в нижнем трюме образовалась из угольной пыли и воды густая каша, засорившая насосы. Работает только большой старый насос, приводимый в действие паром, но и он должен время от времени подвергаться чистке. За одну вахту вода подымается на 60—70 см.

С полуночи юго-восточный ветер (17 м/сек) быстро гонит нас вперед. Делаем 6 узлов, следовательно, один градус долготы проходим за $2\frac{1}{4}$ часа. Прошли $76^{\circ}30'$ с. ш. и 135° в. д. и взяли теперь курс прямо на Землю Санникова. Благодаря ленским водам море свободно от льда. Сегодня присутствие леденской воды ясно заметно по буроватому цвету и незначительной солености. В полночь температура упала с 3 до 1° . Ввиду ли близости льда или же потому, что мы пересекли течение? Глубина возросла с 31 до 35 м.

Качка доставляет молодым собакам много неприятностей. Каждые четверть часа, если не чаще, их обдаёт крутая волна, заливаются шканцы, и они жалобно взвизгивают. В кают-компании посуда падает со стола, в лаборатории разбилось много стеклянной посуды. Если пойдем таким же быстрым ходом и дальше, то сможем достигнуть широты и долготы нашей цели за 14—16 часов.

Понедельник 9 сентября. Шторм продолжается — все еще дует юго-восточный ветер 17 м/сек. В 7 часов утра, когда я нес метеорологическую службу, показался лед. С мостика были видны перебрасываемые высокими волнами небольшие зеленовато-синие разъеденные льдины, частью грязные обломки. Море приобрело снова темно-синий цвет океана. Температура поверхностной воды в 8 часов утра была равна — $0,5^{\circ}$. По подсчету, час назад мы находились под $76^{\circ}45'$ с. ш. и 139° в. д., следовательно на 2° восточнее Нансена; шли, не касаясь кромки льда. Глубины крайне малы: в 8 часов утра было 23 м, ночью от 16 м до 25 м!

Мы прошли килем «Зари» по девственному фарватеру и легко могли бы ознакомиться с его каменным ложем, что при таком шторме оказалось бы роковым! Да хранит нас судьба!

Несмотря на малую глубину, было бы желательно произвести сегодня станцию, но, к сожалению, в настоящих условиях этого сделать никак нельзя.

Курс Нансена в этих местах, где он был в 1893 г., десятью днями позже нас, приведен в его таблице:

Дата	Часы	С. ш.	В. д.	Примечания
Сентябрь 19	Полдень 4 час. дня	76°4' 76°19'	134°38' 135°9'	очень маленькие осколки льда
	8 час. вечера	—	—	нет льда
20	полдень 4 ч. 30 м. дня	77°46'5'' 77°51'	— 137°15'	вдоль края пакового льда
21	полдень	—	—	очень разбитый лед
	8 час. вечера	78°40'	133°8'	вблизи полосы льда
22	4 час. утра	—	—	на границе пакового льда
	8 час. утра	78°49'	132°52'	
	12 ч. 30 м. дня	78°51'	—	очень разбитый лед
	5 ч. 30 м. дня	78°42'	133°35'	отдельные льдины
24	0 ч. 30 м.	78°51'	—	полностью окружены льдом
	полночь	—	132°22'	

«Фрам» несло по кривой линии на север, затем снова на юг. 22 ноября он оказался отнесенным на восток до 139°24' под 78°26' с. ш. Оттуда «Фрам» шел, не меняя направления, на северо-запад.

Ввиду того что я видел Землю Санникова с острова Котельного на север 14° к востоку, т. е. астрономически север 29° к востоку в удалении на 1° широты, то она не может лежать западнее 140° в. д. Такой долготы «Фрам» ни разу не достигал; под 76°19'—77°51' с. ш. он находился на долготах 135°9' — 137°15' в. д.

Во всяком случае мы должны придерживаться своего курса до тех пор, пока граница льдов или же резкая перемена ветра не принудят нас изменить его. Незначительные глубины требуют крайней осторожности, поэтому Матисен приказал опустить большие паруса, и мы потеряли скорость.

Длительный шторм отзывается на нашем самочувствии и лишает спокойствия не только бедных щенят, которым нелегко при температуре в 1,0° переносить беспрестанные души, но тяготит и нас при работе в каютах и лабораториях. Стол к обеду невозможно накрывать. Всю посуду держим в двух ящиках на полу, каждый берет отсюда свою кружку и крепко держит ее в руках. Вода в цистерне взбаламутилась, и употреблять ее в сыром виде рискованно.

За исключением нескольких незначительных неприятностей, которые причинил нам шторм, мы должны быть благодарны ветрам этого лета. По сравнению с плаванием Нансена (1893 г.) нынешний год несоизмеримо благоприятнее, чего нельзя сказать о прошлогодних ледовых условиях.

Малые глубины говорят о близости земли, но до настоящего времени ее не видно. К тому же при таком шторме нам не удалось бы высадиться!

Высота солнца, которую сегодня до обеда удалось вычислить, определяет наше положение: $77^{\circ}9'$ с. ш. и $140^{\circ}23'$ в. д. Из-за этого отвратительного шторма невозможно что-либо делать. Мы лавируем, стараясь придерживаться определенного направления, но течение заносит нас далеко на север. В полдень на севере был виден паковый лед, приближаться к которому во время шторма было небезопасно. Этот лед, как сообщил матрос из «вороньего гнезда», образовал на горизонте подковообразный пояс, а за ним виднелась чистая вода. Отдельные льдины проносились на волнах. К полудню юго-восточный ветер усилился до 20 м, затем повернул на юг.

Вторник 10 сентября. Сегодня утром шторм улегся. Накануне вечером, когда отдельные порывы ветра доходили до 28 м/сек, корабль ложился на правый борт и волна покрывала шканцы, так что собаки плавали в воде. Волны перекачивались через мостик. В каютах все перемешалось. Сейчас же после ужина на меня напала сонливость, вследствие боковой качки. Я лег головой к наветренной стороне, т. е. на высокую сторону, и не изменял своего положения ни при грохоте падавших с полок и со стола в моей каюте книг и вещей, ни при адском шуме опрокинувшегося в кают-компанию стола. Я знал, что наши моряки делали все, что было необходимо во время шторма. После часу ночи, когда я вышел в кают-компанию, Матисен сообщил с мостика, что волнение стало меньше. На стол, который был снова установлен, ничего нельзя было еще ставить, не удерживая крепко обеими руками. Вскипятить чай, который был очень необходим страдавшему морской болезнью доктору, только что закончившему метеорологические наблюдения и промерзшему во время вахты гидрографу, а также мне, изнывавшему от жажды, было невозможно. Керосинка и чайник находились в беспрестанной пляске, а хаос лежавших вперемежку на полу книг, посуды, патронов доктора и прочего был опасен в отношении пожара. Я достал банку с апельсиновым соком; мы приготовили лимонад, которым освежился и Бируля, выползший из своей каюты. Вальтер сидел на корточках на ящике с продовольствием и со стеной крепко держался за стол; при всем том он охотно доставал из этого ящика все, о чем его просили. Таким образом, мы подкрепились сухарями, маслом, паштетом и шоколадом, пока Колчак докладывал о своей вахте. В 7 часов вечера машина была остановлена, руль прочно укреплен и яхта легла в дрейф. Шторм переждали с тремя поднятыми на фок-мачте парусами.

Благодаря парусам мы все же продвигаемся вперед и, возможно, будем не очень сильно отнесены на северо-запад. По мнению Матисена, нас отнесло всего на 30 морских миль. К великой досаде, сегодня в полдень все кругом заволочло туманом, и наше местоположение не могло быть определено.

Мимо плыли разрозненные льдины. Одна из них чуть не сорвала трап, привязанный с правого берега, и едва не разбила подвешенный там же вельбот.

О том, что нас отнесло на северо-запад или запад, свидетельствует увеличивающаяся глубина. В 10 часов утра было 43 м и температура поверхности воды равнялась $+1,3^{\circ}$. Уголь в бункерах израсходован. С 10 до 12 часов до обеда провели станцию. Это 50-я станция. С нетерпением жду результатов, так как мы драгируем на совершенно нетронутом дне, а в последние дни шторм препятствовал, к сожалению, проведению этих работ.

Ввиду того, что нас отнесло далеко на север, я распорядился взять курс на юго-восток и идти севернее островов Котельного и Фаддеевского, по направлению к острову Беннета. Сейчас нам особенно необходима ясная погода. Приближается решающий момент.

Во время шторма ни один насос не действовал. Вычистить большую помпу оказалось вчера невозможным и, когда в конце концов были вычищены ручные насосы, всех матросов поставили на откачку. Бедные собаки, у которых едва хватало сил скулить, могут теперь отдохнуть. Они сильно изнурены и все еще похожи на «мокрых кошек».

Но что же будет с Землей Санникова? Находится ли она за ледовым поясом? При таком тумане, как сегодня, невозможно ничего выяснить. Нам необходима также ясная погода для определения местонахождения. Хочу пройти к острову Беннета и, воспользовавшись открытой водой, попытаюсь продвинуться вдоль его западного берега на северо-восток, чтобы там высадиться, пока западно-юго-западный ветер не нагнал снова лед. Если это удастся или если удастся найти зимнюю гавань у острова Генриетты, то оттуда можно будет отправиться на санях и каяке для исследования Земли Санникова. Однако у меня закрадываются тяжелые предчувствия... но довольно об этом!

Следующая станция была на 137 м. В полдень показалось солнце, проявив к нам внимание, и благодаря этому удалось точно определить наше положение — $76^{\circ}20'$ с. ш. и 138° в. д.; таким образом, нас отнесло на 28 морских миль.

Шторм сыграл злую шутку в кладовой с продовольствием. Мешок с сахаром, который несколько раньше намок от пара, лопнул. Его кидало из стороны в сторону и вконец порвало. Другой мешок с крупной после дикой пляски упал на мешок с сахаром. Соединившееся вместе содержимое обоих мешков разлилось широким потоком по помещению. К счастью, продовольствие было защищено хранившимися здесь запасными парусами от менее сладкого просачивания с палубы, где лежали собаки и находилось туалетное помещение.

Утром видели кайру (*Uria Brünnichii*) и пуночку. В час дня впереди показался в тумане плавающий лед. За короткое время мы спокойно прошли эти льды. В 9—10 часов вечера снова прошли через пояс крупнобитого льда. Вечерами становится уже довольно темно; в течение суток остается немного светлого времени, особенно в туманную погоду. Около 9 часов горизонт на севере прояснился, и показалась свободная вода, насколько мог видеть глаз. Я сообщил команде, что первый, кто заметит землю, будет премирован.

Как и прежде, пища команды, которую я ежедневно пробую, вполне доброкачественна. Вчера, например, был отличный суп из оленины с перловой крупой, сегодня суп из оленины с сушеной кислой капустой к обеду, а вечером щи и рыбные котлеты с картофелем. После аврала во время шторма и после перегрузки угля команде было дополнительно подано какао, которого хватит еще на несколько дней. Все матросы здоровы и бодрь. Фома тоже здоров, хотя при вопросе о его самочувствии он из кокетства принимает страдающий вид.

Шесть градусов долготы (т. е. 6×14 морских миль) отделяют нас от острова Беннета. При скорости в $4\frac{1}{2}$ — 5 узлов, с которой мы идем сегодня под парусами на фок- и бизань-мачтах, на это плавание потребовалось бы 20 часов. Благодаря незначительным морским глубинам сегодня быстро улеглась высокая морская волна, и «Заря» продолжала путь своим обычным мерным ходом. Насколько это отличается от больших глубин океана, где зыбь продолжается много дней после шторма! Сегодня видели четырех моржей, к радости доктора и гидрографа, которые в восторге от этих животных.

Среда 11 сентября. Счисление нашего положения показало сегодня в 8 часов утра $76^{\circ}47'$ с. ш. и 146° в. д. От острова Беннета мы теперь в двух градусах долготы, другими словами, в 28 морских милях. Глубина 33 м. Ночью дважды прошли сквозь пояс разреженного льда. Во время «собачьей» вахты, между 12 и 4 часами ночи, гидрограф видел проплывшую близ судна льдину округлой формы высотой 4,5 м. Вероятно, это был глетчерный лед. Между 9—10 часами появилась шуга, которая не таяла. Между блинчатым льдом температура воды в 9 часов утра была равна $-1,3^{\circ}$.

В 7 часов утра Евстифеев увидел из «вороньего гнезда» впереди землю — очевидно остров Беннета. Вчера определено склонение 11° .

В мою программу входит:

1. Высадка на остров Беннета на один-два дня. За это время ремонтируется котел, на берегу производятся астрономические и магнитные определения, топографическая съемка, геологические, ботанические и зоологические исследования, устраивается склад продовольствия.

2. Предпринимается дальнейшее плавание вдоль западного берега на северо-восток к Земле Санникова насколько позволят льды и обстоятельства. При этом вдоль побережья производятся поиски подходящей зимней гавани.

3. В случае, если севернее не будет открыта новая земля с удобной зимней гаванью, возвращаемся к острову Беннета.

С утра до 4 часов пополудни ярко светило солнце, и Матисен точно определил наше положение. За это время мы приблизились к сплошным массам льда, которые отклонили наш курс на юго-восток. Я занялся в лаборатории упаковкой геологических коллекций, чтобы освободить место для новых сборов. Настроен я был мрачно, так как именно теперь на нашем пути встали льды и туман. Матисен вызвал меня в штурманскую рубку и ознакомил с данными счисления курса и определением положения на карте, что он делал ежедневно. В связи с тем что сплошные массы льда преграждали путь к западному побережью острова Беннета, мы держались кромки льда, рассчитывая добраться за мысом Эммы до восточного берега. Полагая, что шторм, повернувший с юго-востока на запад и юг, нагнал льды к западному берегу, а не к восточному, мы надеялись найти там чистую воду. Определение нашего положения показало, что мы находимся юго-западнее мыса Эммы. Если бы не густой туман над паковым льдом, это можно было бы заметить и раньше. В тот момент, когда при мысли о досадной потере времени и лишнем расходе угля я произносил унылым голосом: «Все же надеюсь, что благоприятный оборот наступит раньше», доктор воскликнул:

— Посмотрите, не земля ли это?

Мы поспешили с биноклем на левый борт и увидели, как на наших глазах опустилась пелена тумана и над ней показалась высокая, величественная стена скалистого мыса Эммы.

— Земля, земля! Остров Беннета! — воскликнул Матисен.

Команда, перегружавшая уголь, прокричала «Ура!». Бируля и Зееберг бросились наверх; из всех уст послышались возгласы изумления. Мыс Эммы, как нам казалось издали, состоял из скалистых уступов и достигал двух-трех тысяч футов высоты (600—900 м)¹¹. Над ним возвышался купол вечных снегов.

— Как это прекрасно, здесь могли обитать и мускусные быки!

— И берег так близко, будто можно рукой достать.

— А на деле до берега не менее 10 морских миль!

Теперь совершенно ясно, что можно было десять раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив ее. Не подозревая близости острова Беннета, мы ведь только сейчас обнаружили эти чудесные скалы. Снежный купол, подобно храму, поднимался прекрасным, симметричной формы сводом над плато, спускавшимся ступенями вниз.

Вскоре снова пал туман, будто злой полярный волшебник задался целью пленить нас и раздражить этой картиной. Стоял сплошной паковый лед, и нельзя было различить прохода. Справа, на расстоянии одной морской мили к востоку, был заметен свободный доступ. Затем туман сгустился и наступила темнота. В 8 часов спустили пары. Между тем льды движутся на север, а мы медленно продвигаемся на северо-запад. Терпение, терпение! В случае если удастся здесь перезимовать, то поездки можно совершать санными маршрутами. Какая великолепная область для исследований лежит перед нами, но когда же мы до нее дойдем? В любой день могут наступить сильные морозы. Долго ждать невозможно, в крайнем случае будем пробиваться сквозь ледовый пояс.

Четверг 12 сентября. Вчера в полночь, когда я шел из лаборатории к своей койке, увидел на северо-востоке первое северное сияние этой осени. Были видны неясно выраженные разорванные полосы, частью поднимавшиеся до половины небосвода, частью протянувшиеся низко над линией горизонта. В некоторых местах были заметны легкие желтовато-красные вспышки, а в других — более длительное матовое сияние. Это был первый предвестник полярной ночи! Гидрограф доложил, что температура воздуха — $3,0^{\circ}$. Все заволочено густым туманом. Сегодня утром поверхность воды в тех местах, где она оставалась неподвижной, покрылась льдом. Температура воды — $1,4^{\circ}$. Все это говорило о наступлении зимы! Придется переждать, пока рассеется туман, чтобы приложить все усилия к достижению западного берега и зимней гавани на острове Беннета.

Вчера Бируля показал мне в лаборатории флуоресценцию морских звезд в момент их опускания в спирт. Удивительно красивое зрелище представляют светящиеся звезды с их длинными изогнутыми лучами. Вероятно, крепко приставший к ним планктон дает такое сильное свечение в результате раздражения.

Материал вчерашнего драгирования еще не разобран. Глубина равнялась 38 м, температура до самого дна была ниже 0° , а на дне — $1,2^{\circ}$ (?). Позавчерашняя станция дала очень много зоологического материала: одну совершенно новую для арктических вод форму — гефирею стернасис, множество гидроцеи, крупные пикногониды, четвертый экземпляр россии, мягкой коралл алционий и т. д. Течение связано здесь с приливами и отливами — вчера оно было на северо-запад, сегодня на юго-восток.

Туман упорно держится, но мое упорство ему не уступает. Раньше чем туман не рассеется, мы не сможем ничего предпринять, а здесь на открытой воде с нами ничего не приключится.

В 2 часа дня немного прояснилось, и под линией облаков показалась нижняя часть мыса Эммы, также вершина горы, северо-восточный берег и небольшая часть снежного хребта. Позже показались две выемки долин или бухт. Туман стлался еще над льдом. В 3 часа Матисен сообщил из «вороньего гнезда», что льды простираются к востоку и сплошной массой тянутся к югу, а на северо-западе горизонт скрыт в тумане. Нам оставалось только повернуть на северо-запад и пойти вдоль кромки льда. Мы были приблизительно в том месте, где и вчера, возможно на несколько миль юго-восточнее (?). В течение двух часов шли битым льдом и среди кристаллической массы молодого льда. Снова заволакивает туман.

Пока было ясно, видели шесть розовых чаек (*Rhodostetia rosea*) и позже еще трех таких же чаек. Показалось несколько кайр, стая уток морянок, моевка (*Rissa tridactyla*), а также несколько моржей — одним словом, настоящий рай, который, как видно, не хочет нас принять! Что же нам остается, кроме спокойствия и терпения? В 5 часов 45 минут вечера мы опять остановились из-за тумана.

Пятница 13 сентября. Положение без перемен. Туман не проходит, хотя со вчерашнего вечера подул юго-восточный ветер силою 6 м/сек. Ночью температура была — 5,3°. Находимся близ кромки льда, несколько льдин прошло мимо нас, из них одна достигала 4,5 м высоты, но вреда нам не причинила — она только повернула яхту, и мы разошлись. На одной из льдин боцман заметил свежий медвежий след.

В 8 часов утра, невзирая на туман, я предпринял попытку обойти остров с северо-запада вдоль кромки льда. Вскоре лед оказался не только справа, но и впереди. Некоторые глыбы достигали 3 м (10 футов) в подводной части, в чем мы убедились, пришвартовавшись к одной из мощных льдин. Это был полярный лед, резко отличающийся от льда прошлого года. Матисен и Колчак стояли за то, чтобы остановить машину и переждать туман. Они считали, что мы не сможем в тумане вести счисления курса и легко потеряем свое местоположение, сверх того, без пользы израсходуем уголь. Но вот вопрос: как долго ждать и что же делать дальше?

Весь день я мучительно колебался, прежде чем принять решение. В 6 часов сообщил Матисену, а в полдень остальным, что мысль о достижении острова Беннета должна быть оставлена: на северо-северо-западе и востоке были сплошные льды, и только на западе и на юге видна открытая вода. Форсировать 3-метровый лед и еще более мощный пак на нашей яхте было невозможно. Несомненно, при сжатии льдов возникла бы угроза лишиться судна. Таким образом, ничего другого не остается, как повернуть на запад и северо-запад, чтобы возвратиться прежним курсом к положению 9 сентября, т. е. под 77°9' с. ш. и 140°23' в. д. Там «Заря» была ближе к тому ле-

дяному полю, за которым в тумане, возможно, скрывалась Земля Санникова. Когда мы там приблизились к кромке льда, шторм и туман воспрепятствовали нам продолжить дальнейшие исследования. Когда же шторм улегся, поднялся юго-западный ветер, благоприятный для подхода к берегам острова Беннета. Вскоре мы достигли широты мыса Эммы, но, без сомнения, прошли бы мимо, не обнаружив его, если бы завеса тумана, скрывавшая его от наших взоров, неожиданно не поднялась на короткое время. Два дня прождали здесь, пока разойдется туман и лед, которые неразлучны у края этого высокого острова и могут помешать «Заре» подойти к берегу. В случае если нам не удастся найти Землю Санникова, чтобы высадиться там на зимовку, хочу повернуть на юг и искать гавань на одном из Новосибирских островов, ибо помещать себя в список ледовых пленников считаю преждевременным.

Суббота 14 сентября. В 11 часов 15 минут пришлось остановиться, так как впереди в тумане находился лед. Повернув немного на юг, нам удалось обойти лед и всю ночь выдерживать курс, несмотря на туман. В 10 часов повернули на север, чтобы возможно севернее пересечь линию пеленга Земли Санникова. В 11 часов вечера были под 143° в. д. и 77° с. ш. Если придется перезимовать на Новосибирских островах, то это будет бесполезно, так как во время зимовки санными поездками можно будет предварительно ознакомиться с этими местами, чтобы подготовить плавание «Зари» в следующую навигацию. В худшем случае я сам перезимуя с одним-двумя матросами на одном из новых островов, а «Зарю» отправлю в 1902 г. обратно домой. Зимовка на Новосибирских островах имеет то преимущество, что я могу отправлять оттуда почту, могу получить новых собак и добавочное снаряжение и наконец у меня будет надежда хорошо устроить станцию, которая даст не меньше интересного материала, чем расположенная на 1° севернее на острове Беннета.

Идем в густом тумане, как в мешке. Снасти оледенели уже несколько дней назад. Сегодня температура выше, и ледяные сосульки беспрестанно падают на палубу. Котел требует чистки и небольшого ремонта в связи с утечкой пара, из-за чего расходует больше угля. Однако ремонт придется отложить на несколько дней, до стоянки, так как, если, загасив огонь, идти в тумане под парусами, легко натолкнуться на льды.

Вчерашняя станция, 51-я, дала с 38 м (глина) интересный зоологический материал и между прочим доставила нового в арктических водах представителя гастропод. Камни я взял себе для исследования. Они с острова Беннета, так как мы драгируем в 11—12 морских милях от мыса Эммы. Частично это трапховые породы (базальты и долериты) и лава, частично сланцы, которые напоминают своей фиолетовой окраской и общим видом триасовые породы острова Котельного и Верхо-

янского хребта. На отдельных сланцевых глыбах имеются следы шрамов. Помимо того, все образцы сглажены и окатаны. Такая галька чрезвычайно характерна и заметно отличается от валунов, подвергшихся воздействию ледника без обработки морем. Наконец здесь встречаются и марганцевые конкреции в начальных стадиях своего развития.

Мое здоровье восстановилось, но Зееберга все еще беспокоит одышка, и он жалуется на левую ногу. Сомневаюсь, чтобы он смог принять участие в утомительных экскурсиях на острове Беннета; хотя работы без астронома были бы там неполноценными, взять сейчас с корабля одного из двух офицеров для замены его никак нельзя. В будущем году думаю взять с собой доктора, гидрографа и зоолога. Вчетвером, без матросов, мы сможем превосходно справиться с работой, если «Заря» доставит нам предстоящим летом заготовленный из плавника дом и инструмент, также книги, продовольствие и одежду. Выгрузить все это пришлось бы на кромку льда, а затем команда поднесла бы весь груз на берег.

Вальтер, которого мне хотелось бы иметь около себя не только как врача и охотника, но и как прекрасного товарища, тоже жалуется на одышку. Беспокоюсь за его здоровье, особенно потому, что он перенес прошлой зимой суставный ревматизм.

Сегодня пересекаем широту, под которой затонула «Жаннетта» 13.VI. 1881 г., $77^{\circ}15'$ с. ш.

Наивысшая широта, достигнутая Нансеном в открытом море 22 сентября 1893 г. перед вмерзанием, была $78^{\circ}51'$. В полдень прошли битый плавучий лед, среди которого находились интенсивно-синего цвета льдины, похожие на глетчерный лед, как и против мыса Эммы. Глубина здесь очень небольшая — 35 м, на дне глина и песок. Видимо, близко берег. Приведенные Нансеном глубины (Норв. Пол. эксп., вып. 9, стр. 110) следующие¹²:

Дата	Часы	С. ш.	В. д.	Глубина в м	Температура
1893 г.					
Октябрь 4	$78^{\circ}38'$	$135^{\circ}10'$	1370	$0,4^{\circ}$
9, полдень		$78^{\circ}20'$	$136^{\circ}0'$	1465	$-1,26^{\circ}$
12, 0 ч. 40 м. после полудня		$78^{\circ}13'$	$135^{\circ}55'$	90	$-1,4^{\circ}$
Ноябрь 9	$77^{\circ}55'$	$137^{\circ}50'$	53	$-1,57^{\circ}$
Декабрь 21	$79^{\circ}7'$	$137^{\circ}20'$	1500	$-0,64^{\circ}$

Де-Лонг начал свое санное путешествие после гибели «Жаннетты» под $77^{\circ}18'$ с. ш. и недель позже, 25 июня, был

под $77^{\circ}46'$ с. ш., следовательно, его снесло за неделю на 28 морских миль к северу. Здесь он определил 46 м глубины. Таким образом, если мы хотим дойти до нансеновской глубины в 1500 м, необходимо пройти по меньшей мере до 79° . Охотно прошел бы еще на $1-2^{\circ}$ дальше, чтобы исследовать глубины морского дна!

Сегодня отправили вторую бутылочную почту¹³. Трал доставил нам только что самый богатый улов морских лилий, представляющих прекрасное зрелище в драге. Кроме того, было много раковин *Pecten* и медуз. Затем начали появляться тихоокеанские формы моллюсков, особенно гастроподы.

Между 6 и 7 часами прошли зону дрейфующего льда. Туман настолько непроницаем, что рассмотреть что-либо невозможно. Здесь за льдом может лежать земля, тем более что он находится на той же широте, что и 27 августа. На льдинах, мимо которых мы прошли, перед нашим взором предстали два крупных моржа, из которых один растянулся во всю длину, а другой поднял свою огромную голову с крепкими клыками и спокойно созерцал окружавший его привольный мир. Перед полуднем у самого судна показались еще два моржа. С громким ревом один из них преследовал другого. Была ли это мирная игра, или же, наоборот, жестокая борьба, осталось загадкой для зрителей. Температура воды у дна равнялась сегодня на 52-й станции — $0,4^{\circ}$! Такую же самую температуру Нансен наблюдал на больших глубинах. Соленость была притом очень высокой, и все это при глубине в 35 м.

Воскресенье 15 сентября. Темно. Стоим на месте. Будем ждать рассвета. В 4 часа 30 минут Матисен сообщил, что повсюду лед. Открытая вода только на юго-западе. Земли нигде не видно, над льдами сплошной туман.

Котел настоятельно требует чистки, так как соль образовала слой накипи толщиной в несколько дюймов. Машина, которая была повреждена качкой во время шторма, также нуждается в ремонте. Учитывая все это, я решил идти на Котельный. Мысли о будущем гнетут меня! Третий год плавания кажется мне предрешенным. В связи в этом вспоминается старая истина, прочитанная мною в «Известиях Петермана» за 1882 г.: «Исследование полярных областей продвигается очень медленно. Незначительный период времени, когда воды в высоких широтах доступны для плавания, изменчивость ледовых условий, при которых судну удастся только случайно приблизиться к цели, и вытекающая отсюда невозможность выполнить принятый план экспедиционных работ приводят к тому, что добиться успеха возможно только после многократных повторных попыток. По этой причине изучение географии нигде не требует столько времени и таких материальных за-

трат, как в полярных областях. В итоге надежды осуществляются в крайне скромных размерах».

Сегодняшнее определение положения показало, что нас сильно отнесло, как и вчера, на северо-запад. Накануне высшая широта, достигнутая яхтой в неизведанных водных пространствах, составляла 77°35'.

Сегодня идем хорошо, при благоприятном ветре и относительно ясной погоде. При помощи парусов делали большей частью 5,5 узлов. На малых глубинах при замедленной скорости проходили около 4 узлов. Таким образом, завтра должен показаться Котельный. Температура воздуха днем — 0,5° и воды — 0,1°.

День прошел в подавленном и мрачном настроении. Все были задумчивы и молчаливы. Один только Матисен пребывал, как и всегда, в веселом расположении духа.

Сегодня видели моржа и стаю плавунчиков, направлявшихся с северо-запада на юго-восток.

Если высадка на берег удастся в ближайшую зиму, то могу рассчитывать обойтись без третьей зимовки. Но все же я должен быть готов покинуть в будущем году судно на длительное время.

Понедельник 16 сентября. В 9 часов утра показалось побережье Котельного. Идем вдоль берега на юг к Нерпичьей бухте, глубина здесь 22—24 м. Как отличается этот плоский берег от незабываемого мыса Эммы! Вчера и сегодня температура воды и воздуха постепенно повышалась. Ночью шел дождь, который смыл ледяную корку и ледяные сосульки со снастей; подтаявший лед градом падает на палубу. Сегодня в 8 часов утра температура воды снизилась на полградуса, что свидетельствует о скоплении льдов у побережья. Часом позже это подтвердилось. В то же время шел мокрый снег и после кратковременного прояснения снова появился узаконенный туман.

8 часов вечера. Стоим на якоре в Нерпичьей бухте — великолепная погода, прекрасный закат! Здесь люди! Вот человек приближается к борту! Есть ли для меня письма с родины?!

Я сделал дальнейший шаг и обеспечил себе еще одного товарища на третий год для острова Беннета. Простишь ли ты это мне?!

Вторник 17 сентября. События быстро следуют одно за другим. Начну с последнего, самого неприятного. В глубине Нерпичьей бухты имеется гавань, защищенная отмелью от любого натиска льдов. Через отмель тянется канал 23 м шириной. Когда мы проходили по каналу, яхта была отброшена ветром и течением к берегу. Это произошло в 3 часа. До 5 часов 30 минут продолжались тщетные попытки доставить вельботом на отмель заvoyной якорь и манильский канат. На вельботе находились четыре матроса под командой гидрографа. Шли

против ветра (11 м ЗСЗ) при приливном течении и сильном прибое. Попытки оттянуть яхту остались безрезультатными. Вскоре ветер резко усилился, и вельбот оказался среди плавающих льдов. Только благодаря своевременному распоряжению гидрографа перерубить канат и выбросить за борт тяжелый якорь вельбот был спасен. Мы были бессильны бороться с ветром и течением среди льдов. Пришлось пережить отлив. Такое критическое положение могло расстроить составленный мною ночью прекрасный план, возникший в связи с неожиданной встречей с Воллосовичем, который рассказал о своих замечательных достижениях! Покидая Европу, я просил Воллосовича позаботиться о том, чтобы в августе месяце этого года в Нерпичьей бухте нас ждал промышленник, с которым я мог бы отправить сообщения и получить почту. При этом я упомянул, что был бы несказанно рад встретиться там лично с самим Воллосовичем, хотя на это я не мог рассчитывать, так как полем его деятельности был остров Новая Сибирь. Согласно моему письму Воллосович составил свой маршрут с таким расчетом, чтобы сперва объездить Новую Сибирь, а затем провести лето на Котельном. В течение нескольких недель он поджидал прибытия «Зари» и наконец вчера, возвращаясь от устья реки Решетниковой, заметил нашу яхту. С предельной скоростью, с какой собаки могли везти нарту по едва прикрытой снегом тундре, он поспешил нам навстречу и почти одновременно с нами прибыл к северо-западному берегу Нерпичьей бухты.

Тем временем стемнело — было уже 8 часов 30 минут вечера. Ветер завывал все сильнее и сильнее. Льдины беспрерывно ударялись о борта судна. Матросы и офицеры вконец изнурены. Жаль моего веселого капитана, он совершенно подавлен, и мое подбадривание мало ему помогает.

Прибыв к Нерпичьей бухте, Воллосович видел, как мы маневрировали, спустили вельбот и бросили якорь. Он пытался привлечь наше внимание ружейными выстрелами и пламенем костра. Когда немного стихло, я направил гидрографа на вельботе за находившимися на берегу людьми. Ко всеобщей радости, это оказался именно Воллосович. За торжественно накрытым столом он рассказал в освещенной в его честь электричеством кают-компания о своих работах и переживаниях.

Неожиданно мы ощутили сильный толчок, но это была не льдина; киль нашего судна наткнулся на камень и сел на него форштевнем. В 9 часов во время прилива удалось освободить переднюю часть судна и сойти с мели, дав задний ход, но несколькими минутами позже мы снова сели на банку ахтерштевнем.

На этот раз виной всему была темнота и одновременно течение, которое отличалось такой силой, что при полном заднем ходе наша слабая машина не могла с ним справиться.

Воллосович не только отлично устроил склады, он получил также интересные геологические данные во время своих исследований. Какая счастливая встреча здесь на Котельном! И вот появился новый план: выстроенный здесь Воллосовичем дом может быть в течение одного или двух дней разобран и погружен на «Зарю»; далее, Воллосович в избытке обеспечен собаками, так что 30 из них сможет уступить нам; наконец среди его промышленников имеются два, которые, возможно, согласятся принять участие в моей экспедиции на остров Беннета. После крайне необходимого всему экипажу отдыха и после чистки котла мы должны идти так или иначе к мысу Эммы и там высадиться. «Заря» возвратится обратно на остров Котельный, а в будущем году придет за нами.

Среда 18 сентября. На якоре в Нерпичьей бухте. Пока сидели кормой на банке, толчки были менее резки. Не будучи в силах что-либо предпринять, мы улеглись на койки. Матисен был вконец изнурен, так что заснул за разговором у меня в лаборатории. В 3 часа ночи он вбежал на мостик, что было своевременно: в бухту нагнало ветром и приливной волной много воды, и ее уровень заметно поднялся. Матисен немедленно распорядился дать ход, и мы благополучно снялись с банки, при этом прочный киль нашего судна и обшивка не были повреждены. Освободившись, «Заря» прошла каналом в залив, где 20 минут спустя мы бросили якорь.

Сегодня тихая погода. Наладилось сообщение с островом. Воллосович, получив за вчерашний день представление о превратностях тревожной жизни моряков, перебрался сегодня на берег, чтобы завербовать обоих каюров. Стрижев будет его поддерживать в переговорах.

В 5 часов Воллосович прибыл с пятью спутниками: Степаном, Ламаном, Кононом и двумя завербованными для моей поездки на остров Беннета каюрами Егором Чикачевым и Василием Гороховым. Первый из них — житель Русского Устья, второй — якут из Муксуновки; будучи еще мальчиком, он сопровождал Бунге в его поездке 1886 г. Их посещение «Зари» было настолько своеобразно и прошло так весело, что оно заслуживает подробного описания.

На палубе я приветствовал всех рукопожатием и повел на капитанский мостик. Разумеется, на судне все вызывало у них живейший интерес и изумление, которое они выражали неподражаемым «х-оадкеси». Особенно занятой им показалась труба, соединяющая мостик с машинным отделением. Я предложил Матисену вызвать вахтенного в машинном отделении и распорядиться крикнуть «добрый день» в тот момент, когда Степан будет подведен к трубе. Это произвело большое впечатление. Каждый прикладывался по очереди ухом и каждый слышал из машинного отделения приветствие с обращением по имени. Затем я приказал зарядить пушку и дать огонь, что

произвело неописуемый эффект. С величайшим почтением были осмотрены судовые компасы; особенно поразили наших гостей их размеры, так как они видели только карманный компас Воллосовича. Когда Матисен подарил всем по фотографии «Зари», такой честью гости были особенно польщены. Затем я повел все общество в каюту, которую осматривали с большим интересом. Ознакомил с картинами и показал маузер с дальномером. Была потеха, когда с борта они увидели находившиеся на берегу предметы, совсем близко, словно на самой мушке ружья. Было уже 6 часов.Guestы накормили вместе с командой и подали на этот раз водку, без которой, на их взгляд, не бывает угощения.

После обеда Огрин показал гостям машину. К сожалению, оставалось слишком мало пара, чтобы дать полное электрическое освещение, но сила тока была достаточна для шуток Огринана. Он предложил опустить пальцы в сосуд, наполненный водой, а затем включил ток. С полными ужаса возгласами все выдернули пальцы из внезапно «вскипевшей воды» к удовольствию нашей машинной команды.

После обеда я пригласил все общество в кают-компанию к чаю. Гости послушали концерт на фонографе, что было новостью только для двух из них, так как трое слышали уже в Усть-Янске фонограф Воллосовича. Теперь началось самое интересное: я попросил спеть якутскую песню. Степан начал петь в столь знакомой мне монотонной якутской манере, гортанным, тягучим голосом с поразительно длинным дыханием, подолгу не забирая воздуха. Свою импровизированную песню он посвятил впечатлениям этого дня. Затем Матисен пристроил по моей просьбе аппарат для записи на валик и я попросил Степана еще раз пропеть нам громко и ясно свою песню. Без жеманства он исполнил мою просьбу. Когда песня была пропета, она была повторена фонографом. У Степана не хватало междометий, чтобы выразить свое изумление. Держа руку перед открытым ртом, он слышал не только свой голос, свое пение, но также все погрешности. Так, в одном месте красивой протяжной песни он откашлялся, в другом он издал, после гостеприимного угощения, совсем неподобающий звук. «Итте бар», — вырвалось с ужасом из его груди. Еще более усилилось забавное смущение Степана, когда я его поблагодарил и объяснил, что его пение является ценным научным материалом и что его будет слушать президент Академии наук. Побледнев, Степан заявил, что если бы только он это знал, он спел бы гораздо лучше!

В качестве подарка промышленники принесли с собой оленью тушу, такую жирную и вкусную, какую я в последний раз ел здесь в 1886 г. Конечно, я не упустил случая сделать им ответный подарок и преподнес лучшее по их вкусу лакомство из наших консервов — целый ящик чечевицы с салом, кроме

того, понемногу продуктов из тех, которые пришли у них к концу. Самым крупным подарком были берданки с патронами.

Воллосович принял мое предложение работать до августа в качестве сотрудника экспедиции на полном ее содержании. В случае если я останусь на острове Беннета, он со своим каюром Николаем Куртахом перезимует на Котельном.

Четверг 19 сентября. Сегодня Колчаку удалось благополучно достать со дна завозной якорь. Матисен обеспокоен — ему не совсем нравится мой план. Он предпочел бы стать на зимнюю квартиру. Сегодня он доложил мне о состоянии корабля: 1. Ось винта ослабла во время шторма 9 сентября. 2. К чистке котла приступили сегодня. 3. Размеры течи, усилившейся примерно в три раза, уточняются в настоящий момент. 4. Имеющиеся на судне насосы не в состоянии откачать воду во время шторма, так как большой насос и паровая помпа не действуют. Годны только оба ручных насоса. 5. Ремонт машины и чистка котла потребуют четыре дня, восстановление насосов — еще два дня. Эти шесть дней задержки могут сорвать весь план работ.

Пятница 20 сентября. Вот уже пятый раз, как я провожу день основания студенческого общества «Эстония» в высоких широтах. Озираясь назад, вижу, насколько мало я подошел к осуществлению идеалов молодости, которые зародили во мне неутоимое стремление идти вперед и только вперед.

Воллосович представил мне обзор своей деятельности. В состав вспомогательной экспедиции вместе с ним входит 11 человек, двенадцатого он отправил весной с Котельного обратно на материк ввиду его ненадлежащего поведения. Среди спутников Воллосовича два политических ссыльных из Верхоянска: И. Ф. Ционглинский (брат известного живописца), студент естественных наук, который производит зоологические и ботанические сборы, и технолог М. И. Бруснев. Они попеременно ведут наблюдения на метеорологической станции в новом Михайловском стане в нескольких километрах к северо-западу от Медвежьего мыса¹⁴. Там живет также больной чахоткой промышленник, который не в состоянии делать длительных поездок. Два других промышленника и часть ездовых оленей находятся юго-восточнее мыса Медвежьего у Елисеевского стана. Это эвен Николай Куртах, отличный охотник и каюр, рекомендованный Воллосовичу всем улусом, и Николай Голымов. Пять остальных спутников, посещение которых доставило нам столько удовольствия, находятся здесь.

Воллосович покинул Петербург в конце октября 1900 г. вместе с межевым инженером Орловым, имевшим задание организовать метеорологические станции в Верхоянске, Усть-Янске и Русском Устье. Чтобы своевременно закончить в Усть-Янске все приготовления к путешествию на острова, Воллосович, невзирая на крепчайшие морозы, поспешил пересечь зимою

небезопасный горный проход Тукалан при температуре — 62° и при резком ветре, совершая этот путь, едва не погиб. В Усть-Янске его ждали неблагоприятные вести: вследствие голодовки в результате неудачной рыбной ловли в предшествовавшем году там, также как и в Русском Устье, пало много собак. Благодаря содействию жителей улуса Воллосовичу удалось приобрести необходимое количество собак и соответствующее количество корма. Однако среди промышленников не нашлось ни одного, кто бы согласился участвовать в работах экспедиции на Новосибирских островах до замерзания моря и наступления полярной ночи. Таким образом, этот план рухнул. Поэтому Воллосович избрал остров Котельный для летнего пребывания, предвидя единственную возможность встретиться здесь в Нерпичьей бухте с нашей экспедицией. Своими ограниченными транспортными средствами он доставил на острова не только свой собственный груз, но и 40 ящиков, которые были мною высланы почтой из Петербурга в Якутск и дальше в Усть-Янск. Со своим отличным штатом он заложил на островах с большой предусмотрительностью семь складов в тех местах, которые были мною указаны в Петербурге, за исключением южного побережья острова Новой Сибири у Деревянных гор¹⁵, вместо которого он устроил склад на юго-западном побережье острова Фаддеевского. В середине мая, когда наступила оттепель, Воллосовичу пришлось во время переправы с Новой Сибири бороться со многими трудностями: с наледной водой, с трещинами во льду и тяжелым намокшим снегом.

На Малом Ляховском острове и на южном берегу Большого Ляховского острова в Малом Зимовье находится два склада, рассчитанные на несколько недель. Через них ведет путь на материк. На западном побережье острова Котельного расположены склады на случай возвращения с севера этим путем: у устья реки Решетниковой, затем вновь устроенный склад у стана Дурново (где мною был организован в 1893 г. склад для Нансена), далее следует склад, который я устроил в 1886 г. в своей поварне в Урассалахе. Наконец в Михайловском стане было сложено еще много неиспользованного экспедицией Воллосовича продовольствия, оставшегося благодаря богатой охоте его сотрудников на оленей. Там же оставлены до будущей весны все собранные коллекции. И. Санников берется доставить коллекции до Усть-Янска из расчета 3 рубля за пуд и до Булуна на Лене по 1 рублю за пуд, откуда с открытием навигации груз будет отправлен дальше по Лене.

Геологические результаты поездок Воллосовича по Новосибирским островам, как и следовало ожидать, имеют исключительное значение для расширения наших знаний о морских четвертичных отложениях. В разрезах северо-западной оконечности Новой Сибири Воллосович различил слои с *Joldia arctica* и с соответствующей богатой фауной. Уже ранее я со-

ветовал ему обратить особое внимание на эту морскую фауну, так как в 1886 г. я обнаружил там морские четвертичные отложения.

На острове Котельном в долине Балыктаха Воллосович открыл основную морену, лежащую под горизонтом ископаемого каменного льда. Флора на ряде террас свидетельствует о постепенном переходе от прежнего более теплого к современному более холодному климату. Воллосовичем были найдены и на Котельном следы морской трансгрессии в глинистых сланцах, не содержащих раковин, но обнаруживающих свое происхождение благодаря содержанию соли.

На основе изучения прекрасных обнажений Ляховских островов, Воллосович подтверждает мои наблюдения о постоянстве нижнего горизонта ископаемого льда, под которым на Котельном выходит на дневную поверхность основная морена. Он считает этот горизонт, как и я, за остатки ледников. В вышележащих слоях он обнаружил висячем боку каменного льда растительность, свидетельствующую о переходе от теплого к современному климату. Мамонтов и его современников он относит к межледниковому времени. Отчет Воллосовича должен представлять большой интерес. Ввиду краткости времени и разносторонности поставленных перед ним задач Воллосович не мог в одинаковой мере уделять внимания более древним отложениям. Тем не менее им были сделаны открытия большой значимости. Во время пересечения острова Котельного от долины Балыктах к Нерпичьей губе Воллосович обнаружил в южной части, этой долины, помимо силура, примыкающего к уже найденным мною известнякам у реки Драгоценной, также известные с 1886 г. фонолиты¹⁶. В обнажениях он нашел прекрасные образцы пород, которые продемонстрировал мне сегодня. Я тотчас узнал в них триасовые сланцы, аналогичные таковым с Верхоянского хребта, и раковины группы *Pseudomonotis*. Эти темные сланцы перемежаются со светлыми песчаниками, среди которых находится хорошо сохранившаяся флора. Далее, вверх по течению реки, Воллосович нашел в глинах окаменелость, которая говорит мне определенно о том, что здесь следует ждать богатую фауну аммоней. Им была найдена часть воздушной камеры головоногих в 5 см в диаметре с хорошо сохранившейся раковиной. К сожалению, обломок не поддается определению. Открытие триаса представляет значительный интерес. В случае если не смогу высадиться на остров Беннета, через две недели пойду сам на Балыктах, чтобы собрать в этом месте ископаемую фауну. Далее, здесь у Нерпичьей бухты, Воллосович обнаружил в песках и глинах, частью в твердых сланцах, кроме девона, третичные отложения с растительными остатками. Если мне не удастся перезимовать на острове Беннета, я буду здесь вознагражден изу-

чением этих прекрасных обнажений, которые манят к себе. Но все же мне мерещится в тумане мыс Эммы...

Итак, Русской Полярной экспедицией произведены уже довольно значительные работы. Сюда относится и деятельность хорошо оборудованных метеорологических станций, организованных Орловым в Верхоянске, Усть-Янске и Русском Устье. Одновременно он производил магнитные наблюдения и определения пунктов по пути от Усть-Янска до устья Индигирки и вдоль этой реки на обратном пути в Верхоянск.

Только что вернулся Матисен с частью команды, которая была на берегу у Воллосовича. Все благожелательно отзывались о моих новых друзьях — промышленниках.

Суббота 21 сентября. Нас ждут значительные трудности, но мы должны их преодолеть. После неоднократно произведенного подсчета груза и сокращения количества багажа и продовольствия я пришел к минимальному рациону провизии, которую мы сможем переправить через неровный и, вероятно, подвижный лед. Это минимальное количество рассчитано таким образом, что в течение зимних месяцев, а именно с октября по апрель, в случае если нам не удастся подкормиться охотой, мы будем все же ежедневно обеспечены однократным, правда не очень обильным питанием (гороховое пюре и пеммикан, рис или овсяный кисель с пеммиканом или салом), кроме того, будет утренний и вечерний чай со 100 г сухарей, немного масла или шоколада. При подсчете такого голодного пайка получается груз весом 480 кг для четырех человек на 200 дней, или другими словами, около 0,5 кг продуктов питания в день на одного человека. Большее количество продовольствия усложнит нам высадку на берег. Едва ли возможно рассчитывать при нагрузке саней свыше 240—320 кг добраться за 12 часов быстро убывающего дня до земли, если путь лежит по подвижному льду на протяжении 10—12 морских миль. Наступление темноты или вынужденный ночлег на льду могут привести к нежелательной развязке. Само собой разумеется, что осуществление этого плана обещает успех только при условии ясной и по возможности тихой погоды. Вес собачьего корма из расчета для трех собак на 200 дней составляет 240 кг. Самый необходимый багаж (инструменты, снаряжение, огнестрельные припасы, палатки, байдарки и т. п.) будет весить тоже не менее 240 кг. Следовательно, нужно нагрузить четверо саней по возможности по 240 кг каждые. Нельзя забывать, что у нас будет крайне ограниченный рацион, особенно если в течение шести зимних месяцев охота окажется безуспешной. Однако надеюсь, что можно рассчитывать на некоторое количество белых медведей; ими будем кормить собак, а также сами питаться до появления перелетных птиц. Как только будут заселены птичьи горы, у нас окажется такой большой и неиссякаемый запас мяса, что мы в случае второй

вынужденной зимовки сможем заранее обеспечить себя питанием. Указания Де-Лонга и Мельвиля подтверждают это предположение. Надеюсь также, согласно упоминаниям американцев, найти там столько плавника, что с помощью обоих искусных промышленников удастся построить хотя бы маленькую поварню.

Сегодня в присутствии Вальтера я представил Бируле свой подсчет. К моей большой радости, наш зоолог выразил готовность меня сопровождать.

Условия высадки на остров Беннета будут, очевидно, тяжелые. Поэтому необходимо использовать настоящий момент для накопления опыта. Может статься, что как раз теперь благодаря северо-северо-восточным и восточным ветрам ледовый пояс на одной из сторон острова сузился и благодаря меньшей разности температур воды и охладившейся земли туман будет реже появляться, чем летом, хотя Де-Лонг, находясь у мыса Эммы, наблюдал его постоянно.

От удачной охоты будет зависеть жизнь большинства собак, а от этого будут зависеть в свою очередь меньшие или большие географические результаты и возможность благополучного возвращения с собранными коллекциями. В случае если «Заря» не сможет прийти будущим летом за нами, мы там перезимуем и, сложив оставшиеся коллекции, отправимся на юг в марте 1903 г.

Когда мы стояли на якоре против мыса Эммы, я не мог сойти на берег, не имея транспортных средств, а теперь у меня благодаря неожиданной встрече с Воллосовичем имеется необходимое количество собак. Из общего числа наших 47 собак (считая в том числе щенят) у нас только 16 годных для упряжки; Воллосович добавляет к ним 24, так что можно будет в каждые сани запрячь по 10 собак. Отсутствие на «Заре» ездовых собак не связано с риском, так как плавание к острову Беннета будет предпринято только по чистой воде; если яхта окажется затертой льдами, спасение команды будет обеспечено помощью с острова Котельного. Ясно, всех 40 собак я не смогу прокормить в течение всего времени. Буду рад, если 24 или даже 12 из них удастся кормить тюленями, моржами или белыми медведями. Остальные увеличат запасы мяса и пойдут на пользу пережившим их собакам или же нам самим.

Считаю еще не окончательно решенным вопрос об участии в моем предприятии обоих промышленников — моих будущих спутников. Я должен их детально ознакомить с положением дела, подготовить ко всем случайностям, чтобы они не шли слепо навстречу опасностям. В силу того что разговор с якутами, как известно из опыта, должен вестись не спеша и осторожно, нередко в продолжение многих часов, я не мог начать переговоров с Василием и Егором здесь же на борту «Зари», так как они сопровождают сегодня Воллосовича и Колчака в

поездке по берегу залива. Без помощи промышленников мы с Бирулей потеряем много времени на физической работе и, что еще важнее, не будем в состоянии справиться вдвоем с собаками и четырьмя саними при неблагоприятных ледовых условиях.

Сегодня Стрижеву и Носову поручено заняться печальной должностью палача. Они должны были выяснить при участии опытных каюров Воллосовича, которые из ненецких собак и щенят не заслуживают того, чтобы их кормили и дальше. В 6 часов вечера вернулся Стрижев и доложил о результатах. 10 щенят и 12 взрослых собак надо было убить. Бедному Стрижеву пришлось самому выполнять эту тягостную обязанность, так как все остальные отказались. Он был еще бледен и взволнован после своей подневольной работы с ружьем и дубиной в руках. Оставлены в живых десять щенят; из них Кочегар был в свое время самым безнадежным и тщедушным среди остальных щенят, воспитанных в лаборатории. Я вытащил его тогда из дальнего угла ящика, куда он пугливо прятался, и передал зимой Фоме на воспитание. Благодаря заботам кока, теплому камбузу и обильным кухонным отбросам он стал теперь одной из самых сильных собак. Из взрослых ненецких собак остался, конечно, Грозный и еще четыре; кроме того, девять великолепных устьянских. Если я высажусь на остров Беннета, то еще нескольким собакам это будет стоить жизни. Сколько собак из общего числа 39 останется через несколько дней или недель в живых? Не ужасно ли это?

Воскресенье 22 сентября. Погода мягкая, — 1,5° при юго-восточном ветре. Температура воды вчера — 0,9°, сегодня — 1,0°. Работа по ремонту машины продвигается вперед. Осталось еще исправить насосы. Течь меньше, чем в прошлом году, когда мы шли перегруженные из Екатерининской гавани. Мне причиняет заботу здоровье нашего милого доктора. Когда он себя плохо чувствовал во время последнего плавания, то приписывал это морской болезни. Теперь появились сильные ревматические боли и с некоторого времени присоединилась еще одышка, нарастающая слабость и отеки ног — скверные признаки болезни сердца. Сегодня его лихорадит. Расставаться с ним при таких обстоятельствах мне очень тяжело. Я не в силах ничем помочь. От этого можно прийти в отчаяние!

Понедельник 23 сентября. Вопрос о поездке на остров Беннета разрешился сам собой с наступлением морозов. Сегодня утром — 5,0° при северо-восточном ветре. На воде шуга. Все говорит о близости зимы. Промышленники тоже думают, что в этом году море рано замерзнет. Имею ли я право вывести «Зарю» из безопасной гавани? Если бы даже завтра я вышел в море, что маловероятно, так как еще не исправлены насосы и шесть собак не прибыли с Медвежьего мыса, даже тогда я едва ли достиг бы мыса Эммы ранее трех суток, учитывая ко-

роткие дни и встречный ветер. Немало времени уйдет на обратный путь до Нерпичьей губы, куда «Заря» могла бы вернуться не ранее 4 октября. Если гавань к тому времени замерзнет, судну пришлось бы зимовать в открытом море; другими словами, оно вмерзло бы в паковый лед. В этом случае сорвется весь план работ зимнего периода. А с другой стороны, оставшись здесь, я смогу в ближайшее время совершить полезное пересечение острова и посетить обнажения силурийской и триасовой фауны. Затем займусь геологией и пройду до Балыктаха и дальше до Ексею вместе с Бирулей, который изучит на Балыктахе рыбную фауну. Короче говоря, я закончил бы год с хорошими показателями. Станция здесь удобно расположена. При обилии плавника можно будет провести зиму без больших трудностей и забот. Все это имеет огромное значение, если принять во внимание состояние здоровья Вальтера и Зееберга, а также заболевания цингой команды в прошлую зиму. Итак, постараюсь отныне побороть в себе все сомнения и душевные терзания, так как в силу приведенных обстоятельств я не в праве ставить «Зарю» и всех членов экспедиции в опасное положение. Нельзя отрицать, что время года слишком позднее!

Часть четвертая

ЗИМНЯЯ ГАВАНЬ В НЕРПИЧЬЕЙ ГУБЕ
ОСТРОВА КОТЕЛЬНОГО С 24 СЕНТЯБРЯ 1901 г. ДО 3 ИЮНЯ 1902 г.

НА ВТОРОЙ ЗИМНЕЙ СТОЯНКЕ

Вторник 24 сентября. Всю ночь дул резкий северо-северо-восточный ветер. Температура воздуха — $6,5^{\circ}$, температура воды — 1° . Около судна появилась шуга, а бухта покрылась толстым слоем сала, которое на глазах смерзается в молодой лед. Я довел до всеобщего сведения о своем решении зимовать здесь и поздравил Матисена с успешным окончанием кампании. Он распорядился вызвать всех матросов на палубу и объявил в краткой речи о моем решении. Я велел Фоме приготовить завтра торжественный обед и решил устроить отдых по случаю завершения плавания и открытия первой гавани в этой части полярного моря. Одновременно хочу выразить команде благодарность.

Шуга так быстро нарастает, что двухвесельный бот утром с трудом пробился, и мне пришлось отказаться от своего намерения предпринять поездку к третичному обнажению в глубине бухты. Теперь в час дня мимо «Зари» медленно проплывают сплошные массы 4—5-сантиметрового льда. Через несколько дней бухта будет скована льдом.

После завтрака я вызвал Егора и Василия к себе в лабораторию и начал с ними переговоры по поводу поездки на остров Беннета. Отнюдь не в розовых красках нарисовав перед ними картину всего, что ожидает нас, я ознакомил их не только с трудностями высадки, но и со всеми лишениями, которые предстоят зимой в случае безуспешной охоты. Я подготовил их к тому, что мы можем оказаться вынужденными питаться собачьим мясом и рыбой. Такая перспектива показалась им, разумеется, не очень заманчивой, но тем не менее они ни минуты не колебались в своем решении идти со мной. Я просил Стрижева, исполняющего роль переводчика, описать характер плавника, какой мы имели на Таймыре, и объяснил, что мы не можем рассчитывать там на большие скопления плавучего леса. Они считали, что этого будет вполне достаточно для топлива, а также для постройки поварни. В этом они совершенно правы.

Вчера в 3 часа дня в сопровождении Стрижева и Матисена и обоих промышленников я сошел на берег, впервые после мыса Челюскина. На берегу без какого-либо присмотра оставалась собачья упряжка, ожидавшая нас. Вступаю в третий раз на остров Котельный! Дважды я с ним прощался, не подозревая, что это не в последний раз. Во всех ложбинах выше колен лежит снег. Камни и кочки выступают из-под снега, а в остальном повсюду белая пелена. Мощные снежные сугробы видны у отвесных берегов, у подножия которых пенится прибой. Насколько может видеть глаз, море все еще свободно от льда. Солнце стоит низко над горизонтом, скрытое наполовину облаками и туманом. Его матово-золотистое отражение колеблется на перебегающих волнах. Свежий медвежий след ведет вдоль отмели к морю в сторону «Зари», вчера вечером властелин острова намеревался, видимо, посетить ее. В связи с тем что здесь мало льда, медведи держатся берегов и ощущают недостаток в пище. Промышленники нашли в желудках убитых медведей много травы. Голодные медведи будут, вероятно, нападать на человека.

Быстро проехав по хорошо знакомой тундре, пересеченной ложбинами и украшенной байджарахами, мы приблизились к поварне. На ее крыше развевался флаг. Поварня отлично выстроена, она просторная, светлая и теплая. В камельке, потрескивая, пылали ярким пламенем дрова и излучали непривычное для нас тепло. Разумеется, нас тотчас принялись угощать. Были поданы любимые мной лакомства: копченый олений язык и отлично приготовленные Егором мозги.

Осмотрев ближайшие, уже покрытые, к сожалению, снегом разрезы третичных и четвертичных отложений, мы пустились в обратный путь.

Из сравнения относящихся к 1886 г. заметок Бунге с моими записями видно, что в настоящем году зима наступила даже позже, чем в тот год.

Наблюдения на «Заре»:

- 10 сентября — замерз эстуарий¹
- 12 " — старый береговой лед окружен молодым льдом
- 14 " — полынья на горизонте сужается
- 15 " — на эстуарии утром лед, вечером наледная вода
- 19 " — в эстуарии вода значительно поднялась и далеко выступила у берега
- 25 " — полынья широко открыта
- 30 " — полынья уменьшилась
- 1 октября — полынья сомкнулась
- 2 " — открыта
- 3 " — сомкнулась
- 4—6 " — открыта
- 10 " — сомкнулась
- 13 " — образует узкую полосу
- 14 " — наледная вода в эстуарии и у берега
- 20 " — полынья открыта

По Бунге:

- 10 сентября — у берегов реки (Ванькин Урьях) образуется лед. На лужах лед выдерживает человека
- 11 " — река полностью покрыта льдом, который выдерживает человека. На море начинается образование льда.
- 12 " — море покрыто на протяжении около 500 шагов льдом, образовавшимся за ночь. Старый лед, как и прежде, на значительном отдалении.
- 16 " — все расстояние между старым льдом и морским берегом заполнено вновь образовавшимся льдом. В отдельных местах этот лед выдерживает человека. Лед крепкий, пропитан солевым рассолом.
- 18 " — вода сильно поднялась на море. Вновь образовавшийся лед в движении, старый стоит крепко.
- 20 " — вновь образовавшийся лед в сильной подвижке, образует в отдельных местах небольшие торосы.
ночью с 14 на 15 октября — сильное сжатие льда.

Пятница 27 сентября. Вчера утром Воллосович приехал за нами для того, чтобы показать открытые им третичные обнажения. Экскурсия к ним была чрезвычайно интересна. Это те же Деревянные горы², но более сглаженные, рыхлые пески и глины, охарактеризованные той же самой (?) флорой (*Taxodium*, *Sequoia*, *Populus*)³, кроме того, ледниковые отложения (морены), каменный лед, триас и т. д. Ночь провели под брезентом, где для пятерых было довольно тесно. Погода была прекрасная, и поездка на двух нартах, запряженных 14 хорошими собаками, прошла весело. Между западным побережьем Котельного и островом Бельковским море покрыто льдом, а здесь в районе наисильнейшего течения находится полынья. В 3 часа дня мы вернулись обратно.

В среду Фома приготовил в ознаменование окончания плаванья этого года необычайно изысканный обед: суп с отличными пирожками, оленьи филе с овощами и великолепный песочный торт. Выпили померанцевки и две бутылки шампанского. До обеда мы с Матисеном выпили с матросами за их здоровье рюмку водки и я поблагодарил команду за работу в

течение всей кампании. Фома подал матросам праздничное угощение: сосиски с капустой и «бабу» с фруктовой начинкой. Обед был настолько хорош, что мы охотно согласились бы его повторить.

Воскресенье 29 сентября. У нас были гости — Воллосович и Ционглинский. Это посещение заняло почти весь вчерашний день. Ционглинский рассказывал десятимесячной давности новости внешнего мира. Мы уютно провели время, беседуя до глубокой ночи. Гости остались ночевать. Как и вчера, погода сегодня превосходная. Команда охотится в округе. Были застрелены две гаги-гребенушки, встречено стадо оленей.

Понедельник 30 сентября. И сегодня великолепная погода! Температура держится довольно постоянно между — 4° и — 6°. Утром я прошел к разрезам от южного Выходного мыса залива до стана Воллосовича. Переговорил с ними о ближайших поездках и планах. В общей сложности у нас теперь 73 собаки, кроме щенят. В конце декабря на материк отправятся 9 человек, которым будут нужны для перехода три нарты, тогда для моей поездки останется всего три упряжки. Однако невозможно ждать середины февраля, когда из Усть-Янска прибудет партия новых собак. Помимо собак, здесь имеются олени, но они настолько слабы, что эвены решили их убить. Я предложил подкормить оленей сушеной рыбой и икрой, которой осталось около 160 кг, используя свой опыт 1886 г., когда я благодаря этому сохранил ездовых оленей и смог переправиться на материк. Для этой цели я добавочно посылаю с яхты 100 кг трески. Эвены согласились с моим предложением, и, действительно, олени с удовольствием ели рыбу. Таким путем у меня будет четвертая нарта.

На обратном пути погода была еще лучше. Ветер повернул с северо-северо-запада на запад. На закате золотистый диск солнца отражался в море широкой золотой полосой. С востока протянулась фиолетово-дымчатая полоса, обрамленная белыми облаками; над этой полосой светилась полная луна. Со взморья доносилась своеобразная нежная мелодия: молодой лед, поднявшийся во время прилива, надвигался со звенящим и дребезжающим звуком на край берегового льда и на старые, вынесенные на берег льдины. Эти льдины лежали широким поясом, образуя причудливой формы столы и ворота вдоль морского берега.

Через четыре дня думаю отправиться с Воллосовичем к Балыктаху. Поездка обещает быть интересной. Я предложил Воллосовичу использовать март и апрель на исследование островов Фаддеевского и Новой Сибири, а май — Большого Ляховского и после этого отправиться со Святого Носа на оленях к реке Лене, как я это проделал в 1893 г.

Наш милый Вальтер причиняет мне много забот. Его пульс ускорен до 120. Сердечная слабость настолько возросла, что

при малейшем напряжении он выбивается из сил. Он устает после нескольких шагов, даже взобраться на свою койку ему трудно, и при всем том говорит, что ему становится легче. Если бы это было в самом деле так!

Вторник 1 октября. Вчера начата постройка бревенчатого станционного домика. Через четыре дня он должен быть готов. Больше всех работали Егор и Василий. Они теперь у меня на службе, как и Николай Куртах, который проведет здесь зиму. Он получает 200 рублей в год, а Егор и Василий как проводники на остров Беннета по 300 рублей в год. Новые члены нашего коллектива вносят разнообразие в нашу будничную жизнь и благодаря новизне впечатлений доставляют команде развлечение.

После завтрака иду собирать образцы каменных пород. Доктор выразил желание меня сопровождать. Сегодня он себя плохо чувствует и мрачно настроен.

Толщина ледяного покрова составляет около 11 см. На нижней поверхности лед совершенно ровный в противоположность прошлогоднему, когда ледяные кристаллы пучкообразно нарастали в спокойной воде. Гидрограф объясняет это сильным течением в здешних местах. Температура воды постоянна до самого дна на глубине 18 м и равна — 1,0°. В течение октября месяца на Котельном в двух пунктах будут одновременно проводиться наблюдения — здесь и у южной оконечности.

Скоро наступит полярная ночь. Она пройдет для меня быстро за напряженной работой в лаборатории. Как только придет первая почта из Казачьего, что будет, надо надеяться, не позже 15 февраля, думаю отправиться в поездку на остров Беннета, причем хочу пересечь острова к мысу Высокому на Новой Сибири.

Четверг 3 октября. Прекрасная погода все еще удерживается: ясное небо, слабый ветер. Вчера было — 10°, сегодня — 9°. Лед ежедневно утолщается на 1 см.

Пятница 4 октября. Вчера в полдень доктор вернулся в полном изнеможении. 8-километровое расстояние было для него утомительным. Между байджарахами он видел оленье стадо в 26 голов. Среди них был огромный олень невиданного роста. Не имея сил подползти, Вальтер выстрелил с расстояния в 300 шагов и видел, как раненый олень пошел к стаду, где его стали бодать другие олени. Выслушав рассказ доктора, я послал наших эвенских охотников заготовить запас мяса на зиму. С сегодняшнего дня научные работники снова включаются в судовую вахту.

Суббота 5 октября. Охотники принесли пять убитых оленей. Вчера в приятной беседе с доктором мы составляли планы своего обратного путешествия домой через Нагасаки, Коломбо, Бриндизи, Мюнхен, Берлин.

Воскресенье 6 октября. Великолепная погода. Отправляюсь в экскурсию с Воллосовичем после завтрака. Нас сопровождает Стрижев, Чикачев и Николай Куртах.

Пятница 18 октября. Вчера в штормовую погоду вернулся с десятидневной геологической экскурсии. Меня радует коллекция окаменелостей. Здесь, на «Заре», я нашел все в полном порядке. За мое отсутствие на берегу возник целый поселок.

Суббота 19 октября. Должен уделить внимание одному событию, которое я болезненно пережил вместе со всеми в день своего отъезда на геологическую экскурсию. Это было в воскресенье 6-го. Мы завтракали, когда вошел Стрижев с донесением Конона о том, что два лучших оленя, на которых он только что хотел отправиться к Михайловскому стану, лежат на месте мертвыми. Они были застрелены почти в упор. След был совершенно свежий. Это происшествие меня сильно взволновало. Потеря двух ездовых оленей могла расстроить выполнение намеченных мной планов. Но кто же мог застрелить этих ручных оленей, тем более что их ноги были связаны? Колчак тотчас назвал четырех человек, среди которых можно было заподозрить виновника. Это были, по его мнению, наши четыре страстных охотника: Матисен, Вальтер, Железняков и Фома. Полагаю, что Матисена нельзя считать способным на это; также не могло прийти в голову ни одному разумному человеку, чтобы такой опытный охотник, как доктор, мог убить стреноженных оленей. Железняков вырос среди оленьих стад, от него этого тоже нельзя было ожидать. Это мог сделать только Фома. Два дня назад он просил его отпустить поохотиться. Он вскоре вернулся и сказал, что не дошел даже до берега, но он был уже нам известен по своей прошлой годней истории с волками! Подозрение на него было большое. Уезжая, я опасался, что новая история Фомы послужит поводом для раздора и матросы будут снова преследовать его язвительными насмешками и издевательством. Вернувшись, я узнал, что Фома публично признался в своей преступной глупости и тем самым предотвратил возможность насмешек. Ко мне он тоже явился со смиренным признанием своей вины и рассказал, что после того как он выстрелил в оленей и к своему ужасу убедился, что оба ручных животных убиты наповал, к нему подошли оставшиеся четыре оленя и стали искать хлеб в его руках.

Вальтер связывает начало своего сердечного недуга с днем 15 августа, когда он застрелил пять оленей на острове Нансена и с места охоты притащил на спине годовалого оленя. Однако он надеется, что это обострение может легко пройти. Зееберг тоже не в состоянии сделать никакого усилия — тотчас появляется одышка и отекают ноги.

Воскресенье 20 октября. Для меня ясно, что доктор тяжело болен. Чем это кончится?

Вторник 22 октября. Тревога за доктора и мое вялое самочувствие тормозят составление планов и отражаются на работе.

План действий будущего года определился у меня следующим образом: пойти вместе с Матисеном на север 10° к востоку от устья реки Решетниковой, где уже заложен склад, к которому остается заблаговременно завезти корм собакам. Примерно за пять дней я рассчитываю дойти от северной оконечности Котельного до $77^{\circ}30'$ или 78° с. ш. Смотря по обстоятельствам, постараюсь выйти на 140° в. д.—на один градус правее курса «Фрама». Этот путь туда и обратно надо пройти за один месяц. Вернувшись к исходной точке, я направлюсь на восток, пройду вдоль полуострова Анжу к мысу Высокому острова Новой Сибири, куда к тому времени прибудут с юга Бируля и Егор, обогнув Медвежий мыс и южный берег Фаддеевского острова. Здесь мы объединимся для совместной поездки на остров Беннета.

За время моего отсутствия Матисен закончил свой отчет и карту морского плаванья за текущий год. Вальтер передал мне вчера интересно составленный орнитологический отчет.

Но что же мне предпринять с доктором? Сложить руки и ждать, пока помощь окажется запоздалой? Или же предпринять немедленно все что в моих силах, чтобы обеспечить врачебную помощь для него и в худшем случае замену на обратное плавание?

Пятница 25 октября, 10 часов 30 минут утра. Из окна моей теплой лаборатории видно, как от правого борта две собачьи нарты отправились в путь. Это уезжал Колчак с Василием и Егором на Балыктах за оставленными там коллекциями — 225 кг камней и двумя мешками костей и рыб, собранными Воллосовичем. Попутно гидрограф заснимет маршрут и определит местонахождение пунктов. Через неделю он должен быть снова здесь. Из окна на левом борту видно, как Зееберг тащит ручные сани с ящиком инструментов к станции, которая начнет работать через неделю. Уже готов ряд строений: вахтенный домик, перевезенная поварня Воллосовича, домик с унифиляром, астрономическая палатка из парусов, метеорологическая будка и несколько правее баня.

Вторник 29 октября. Вчера Воллосович пришел из Михайловского стана с Брусневым, Стрижевым и Петром, сыном Осипа, моего давнего знакомого, нашедшего мамонта. Они заблудились и вместо двух дней были в пути пять.

Когда я видел Петра в последний раз, он был бодр и крепок; в последнее время он хворал и теперь надеялся получить от доктора лекарство от кашля и боли в груди. Вальтер исследовал его и нашел признаки заболевания раком. Бедняга, доктор предсказал ему не более двух лет жизни. Вальтеру все еще не лучше! Сегодня он сообщил, что у него старческая дрожь, руки и голова трясутся беспричинно и в стоячем поло-

жении дрожат ноги. Он несколько оживляется при составлении планов обратного плавания на родину будущим летом, а вчера у него вызвала интерес коллекция птиц Бруснева. В этой коллекции лучшим экземпляром была красивая чайка (*Larus sabini*) с тремя птенцами. Гербарий составлен не менее интересно.

Пятница 1 ноября. Сегодня начались ежечасные наблюдения на станции с двенадцатичасовой сменой вахты.

Парная баня готова, вчера вымылись восемь человек команды и сегодня трое из нас.

После нескольких дней шторма наступила прекрасная погода, — 22°, ясное небо, легкая поземка и великолепное освещение.

В воскресенье гидрограф вернулся из своей поездки в прекрасном настроении. Пурга задержала его на один день. Он заснял триасовые обнажения, проваливаясь по пояс в снег. Пойманная рыба за это время испортилась, и большая ее часть пошла на корм собакам. Немного свежей рыбы он привез с собой. Наблюдения гидрографа на Балыктахе могут отчасти послужить для уяснения природы ископаемого льда. По его наблюдениям, река состоит из отдельных водоемов, разделенных порогами. В этих водоемах вода сохраняется дольше, но большею частью промерзает до самого дна. Во время сильных морозов возникают трещины, сквозь которые выступает вода, образуя поверхностные наледи (возможно, тарыны возникли на материке таким же путем). Если к тому же принять во внимание снежники, которые я видел, то можно думать, что ископаемый лед образовался на речных террасах.

Спешная подготовка почты к отправке стоит большого нервного напряжения. Я почти потерял способность излагать свои мысли на бумаге. Отчет уже запечатан. Остается закончить несколько писем и переписать телеграммы.

Вторник 12 ноября. С сегодняшнего дня после отъезда Бруснева и Стрижева с почтой для меня начинается тихая спокойная полярная ночь. Могу вздохнуть с облегчением. Впрочем, как при завершении каждой работы, у меня остается ощущение, будто я сделал ее неудовлетворительно. Рапорт президенту Академии наук получился довольно объемистым. Кроме моего общего отчета, в него вошел составленный Матисеном обзор плавания «Зари» в течение истекшего лета с приложением двух карт. На одной из них указан курс нашего плавания, а на другой, более крупного масштаба, дана съемка таймырского побережья. Затем посланы отчеты доктора Вальтера об орнитологических наблюдениях, несколько заметок Зееберга о магнитных и астрономических работах, Колчака — о гидрологических и топографических работах, Бирули — о зоологических и ботанических исследованиях и его наблюдения над полярным сиянием, наконец — геологический и общий отчет Воллосовича.

Сегодня Матисен отправился с Василием Чикачевым к складу на реке Решетниковой, чтобы сложить там для февральской поездки 145 кг рыбы. На будущий год составлен следующий перспективный план.

1. 1 февраля Матисен на двух нартах с каюрами Егором и Николаем Куртахом, которого я вызываю с Михайлова стана, отправляется на поиски Земли Санникова без меня, так как я должен сберечь силы для путешествия на остров Беннета или же на открытую Матисеном землю, если ему удастся ее найти.

2. 15 февраля ожидается с материка почта на двух нартах.

3. К 1-марта на Елисеевскую поварню прибывают два каюра с 36 купленными собаками и юколой. Оттуда они направятся на Новую Сибирь.

4. Одновременно к 1 марта две нарты отвезут в склад на остров Фаддеевский или Новую Сибирь вторую половину запасов юколы для обеспечения поездки Воллосовича. К этому времени будет построена поварня на Высоком мысе⁴.

5. В июне двумя эвенами будет сюда доставлена на 20 оленях вторая почта.

6. Бруснев предпримет на материке исследование западного побережья бухты Борхая⁵, чтобы подготовить нам высадку. Он выберет подходящую гавань, измерит фарватер и поставит знаки. Кроме того, он берется вести наблюдения над птицами, произведет сборы растений и шкурок и сделает характерные фотографические снимки. На том берегу Бруснев останется с июня по сентябрь. За это время он организует отправку собачьих нартов и произведет закупки в Усть-Янске. В помощники ему назначили Стрижева. Участие Бруснева в работах неосценимо благодаря его исключительной добросовестности и находчивости. Кроме того, он хорошо ознакомился с местными условиями за время своего четырехлетнего пребывания в Верхоянске в качестве ссыльного поселенца. По моему поручению он соберет сведения о благоприятных сроках плавания «Зари» в устье Лены, для этого наведет справки у Торгерсена в Булуне и через Ционглинского у капитана парохода «Лена» в Якутске, а также через Громова в Иркутске. Завершение экспедиции, как я окончательно решил, должно иметь место на ближайшем материковом побережье в конце следующей навигации.

С оставшимся запасом угля возможно будет подойти в будущем году только к острову Беннета, чтобы взять на борт меня и Бирулю. Однако буду стремиться сделать все что в моих силах для исследования неизученной области к северу от Новосибирских островов, хотя бы для этого пришлось израсходовать последнюю тонну угля. Но прежде всего надо осуществить обе запланированные санные поездки: одну — Матисена на север и, если он не обнаружит Земли Санникова, то

другую — нас с Бирулей на остров Беннета, где останемся с апреля по август, до прихода за нами «Зари».

Осадка «Зари» может быть уменьшена примерно до 14 футов (4,27 м). Если же попытка проникнуть в устье Лены окажется безнадежной, то нам не останется ничего другого, как скрыться в одной из найденных Брусневым гаваней в районе устья Хараулаха, на месте зимовки несчастного Ласиниуса⁶. Тогда участникам экспедиции придется, покинув «Зарю», пробираться через Верхоянский хребет в Якутск.

Четверг 14 ноября. Со вторника на среду я проводил свои первые наблюдения на станции. Предварительно хорошо выспался и вымылся в построенной Матисеном прекрасной бане. Введенная мною 12-часовая служба наблюдений по сравнению с 24-часовой доставляет нам теперь удовольствие. У матросов еще много работы. Между наблюдательной станцией и поварней Воллосовича надо устроить еще избушку для приготовления собачьего корма; она должна служить в то же время сушилкой.

Понедельник 18 ноября. С 13 ноября наступила полярная ночь. В полдень ярко алеет небосклон; если небо ясное, то достаточно светло, чтобы работать на открытом воздухе. Мне хотелось предоставить команде маленькое развлечение, и я устроил состязание в лыжном беге с раздачей призов. Первым призом была водка, а второму победителю я назначил шоколад.

В последнее время я часто отдыхаю от внутренней «борьбы». Люблю ложиться на медвежью шкуру и мечтать. Мечтать о далеком! Зима, которая, как я ожидал, пробудит во мне интерес к работе, наступила, но большого желания работать у меня нет! Естественное ли это следствие второй полярной ночи? Вполне возможно, что так! Довольно! Я должен взять себя в руки, чтобы следовать к намеченной мной цели, которую надо во что бы то ни стало достигнуть. Я должен внести свой небольшой вклад в науку — хотя бы несколько букв и знаков для разгадки огромной и сложной задачи в трудночитаемой книге о законах природы. По меньшей мере должен собрать материал для его дальнейшего изучения лучшими учеными в области естествознания. А пока обязан не забывать о своем долге проявлять заботу о благополучии нашей маленькой общины, которая частью сознательно, а частью бессознательно тоже служит науке. Могу быть доволен условиями, способствующими физическому здоровью сотрудников экспедиции: о питании проявляется забота в пределах возможного, движение для команды достаточно благодаря работам на открытом воздухе, а когда работы будут закончены, можно изобрести другой повод для этого. Но в отношении поднятия культурных интересов и сохранения бодрости духа нужно для команды сделать больше — надо теснее с нею связаться. Поэтому я счи-

таю желательным прочесть команде цикл лекций, а не только отдельные и разрозненные доклады, как это было в прошлом году. Для театральной постановки команде недостает настроения. Что касается нас, семи руководителей, то надеюсь, что мы проведем эту зиму дружной семьей, ибо нас связывает общий научный интерес и стремление выполнить задачи экспедиции. Полагаю, что за этот год каждый из нас научился многому жизненно важному, хотя позднее каждый пойдет своим собственным путем.

При рассмотрении моей главной задачи встает первый и самый важный вопрос: найдем ли севернее Новосибирских островов (или же найдет ли Матисен севернее Котельного) полынью Геденстрома-Анжу и не воспрепятствует ли она нам высадиться на острове Беннета? Если взвесить имеющиеся данные об образовании открытой воды в Ледовитом океане, то существование постоянной полыни мне кажется трудно объяснимым и маловероятным явлением. Быть может, полынья была лишь временной и возникла вследствие сжатия льдов при большом волнении и низком барометрическом давлении и расширилась после шторма? Нансен в своем письме адмиралу Макарову сообщает, что он наблюдал большие пространства открытого моря во время зимовки на Земле Франца-Иосифа. По его мнению, полыньи образуются у северного края какой-либо земли при длительных южных ветрах. Нансен также связывал появление их с фазами луны, когда при отливах, сопровождающихся сильными ветрами, происходит сжатие льдов с образованием трещин и развоидов большой протяженности.

Так или иначе, а я должен иметь в виду, что со мной может произойти то же самое, что было с Анжу, Врангелем, Геденстромом и Санниковым!?

Среда 20 ноября. Вчера Железняков прикончил и принес подстреленного им в воскресенье оленя. Это одиннадцатое животное, убитое в окрестностях гавани. Остается неясным, зимуют ли эти олени здесь, или же они переправились с острова Бельковского или Земли Санникова.

Обсудив вопрос, как наилучше организовать этой весной санные поездки, я пришел к следующим изменениям своего первоначального плана.

1. Воллосович отправляется отсюда прямо на Большой Ляховский остров, чтобы исключительно там сосредоточить свои работы. Он сможет тогда сделать неизмеримо больше, чем после предварительного объезда Новосибирских островов, для чего двухмесячный срок недостаточен.

2. На Новую Сибирь вместо Воллосовича отправляется Бируля с Колчаком. Последний вернется сюда через Ляховский остров по окончании своих астрономических и магнитных наблюдений. Бируля останется весь май, июнь и июль на острове Новая Сибирь в том месте, которое он сочтет наиболее

удобным для подхода «Зари», согласно совместному с гидрографом обследованию. Таким образом, Новая Сибирь будет хорошо исследована и с Деревянных гор будут собраны образцы ископаемой флоры.

3. После возвращения Матисена с поисков Земли Санникова в течение февраля и марта месяцев я отправлюсь вместе с Зеебергом на Землю Санникова или же на остров Беннета. Зееберг выразил вчера готовность ехать со мной, так как он чувствует себя вполне здоровым. Кроме определения астрономических пунктов, он будет производить магнитные наблюдения.

Пятница 22 ноября. В ночь со среды на четверг я вел на станции наблюдения. Температура держалась около -27° , ветер был южный со скоростью 2—6 м/сек. Слабо выраженное полярное сияние походило на наблюдавшееся на Таймыре. Дуга, которая простиралась с северо-северо-востока на северо-восток, разделялась на несколько мелких дуг и переходила через зенит на южный небосклон. В полночь корона была так слабо выражена, что я ее не регистрировал. Магнитная стрелка стояла довольно спокойно, причем наибольшая ее подвижность была определена точно в полночь. Время от времени ленты вырастали в отдельные лучистые пучки со слабым свечением. Вся картина производила впечатление, будто сияние взбурено ветром или же его рисунок подчищается огромной растущей.

Для чтения на дежурстве я взял с собой Мегедэ. В этой книге захватывает трагедия одной любви, которая приводит к преступлению. Да, Монте-Карло все еще уживается с европейской цивилизацией! Приближенные принца Монакского должны бы попытаться убедить его в важности изучения географии и в необходимости преобразовать этот «ад»⁸ в «храм науки», может быть даже организовать в Монте-Карло гидробиологическую станцию⁹.

Вообще говоря, этой зимой я не ощущаю такого желания работать, как в прошлую. Хотя 12-часовые ночные наблюдения не очень изнурительны, я не способен к работе на следующий день.

Сегодня вернулись одновременно из поездки Матисен и Фома. Матисен отвез на хранение в склад у устья реки Решетниковой запасы рыбы, по дороге определил четыре астрономических пункта у каждого места ночлега и вернулся на «Зарю» радостным и довольным. Море свободно от льда к северу от устья реки Решетниковой, также между островами Котельным и Бельковским. Поразительно позднее заморозание моря в этом году! То же самое говорится в письме Бруснева, привезенном Фомой, относительно пролива между островами Котельным и Ляховским. 2 ноября видели стадо оленей, возвращавшихся со стороны моря; очевидно, олени повернули,

встретив открытую воду. Я все более и более убеждаюсь в том, что нам не миновать третьей зимовки! Матисен сообщил, что ширина берегового припая у устья реки Решетниковой не превышала 0,75 км и лед образовал три пояса, разделенные торосами. Наружный пояс состоял из ледяной каши, внутренние из тонкого и дальше из более толстого льда. Следовательно, лед взламывался три раза.

Суббота 23 ноября. Сегодня решил серьезно переговорить с Вальтером, чтобы он перебрался временно в поварню Воллосовича, где много лучше, чем в сырой кают-компании. Если он поправится за лето, то это укрепит мое решение ехать вместе с ним и Зеебергом на остров Беннета, чтобы там провести зимовку. Кроме Егора и Василия Чикачева, для сопровождения возьму Стрижева. На западном побережье острова мы должны найти достаточно плавника для постройки дома. Если нас высадят в августе месяце и год спустя придут за нами снова, то ни от Вальтера, ни от Зееберга не потребуются слишком большого напряжения. Собранные коллекции будут полностью сохранены, и результаты работ обеспечены согласно программе. «Заря» перезимует близ Хараулаха, светлые дни будут использованы для топографической съемки горного хребта, а позже — для более точных измерений и съемки судоходной протоки в устье Лены. Для руководства этой частью работ на «Заре» остается Бируля. Одновременно с главной станцией близ гавани должна работать горная станция. Чрезвычайно важно было бы организовать работу горной станции и на Верхоянском хребте. Одновременно проводимые систематические наблюдения имели бы большую ценность. Бируля соберет в горах геологический материал и займется сбором биологических коллекций. Наблюдения над северным сиянием будут проводиться одновременно и там и на острове Беннета.

Ценой третьей зимовки, если нас не покинет счастье, экспедиция сможет выполнить в полном объеме свой план.

Егор и Николай, вернувшись из поездки, доложили, что, по их мнению, к югу от Медвежьего мыса нет больше полыней; они видели необычайно высокие торосы.

Вторник 26 ноября. Вчера, в понедельник, я нес дежурство на наблюдательной станции. Была теплая (-24°) ясная погода. Зима здесь пока умереннее прошлогодней: температура выше, бури значительно реже и поземка много слабее. Господствуют юго-восточные и юго-юго-восточные ветры.

Николай Куртах, которого я послал в день приезда в баню, пришел затем к Воллосовичу и сказал, что чувствует себя совсем «тойоном» (господином). Правда, во время мытья в бане он боялся, что «испустит дух». Это была первая баня в его жизни, притом он был выскоблен фуками боцмана Бегичева. Когда я высказал пожелание, чтобы он сжег свои старые вещи, Егор перевел мне, что такой поступок считается у якутов боль-

шим грехом, а разрешается только выбрасывать вещи далеко в тундре.

Суббота 30 ноября, 4 часа утра. В помещении наблюдательной станции, где я нес дежурство, приятно тепло. Шторм ослабел до 6 м. Прекрасное двойное гало и добавочный диск луны. Северное сияние едва заметно. Передо мной Эгмонт для чтения, а в мыслях моя родина!..

Со вчерашнего дня доктор спит в поварне Воллосовича. Последние дни он чувствует себя бодрее и увлечен планированием работ будущего года.

8 часов вечера. Доктору плохо, у него частит пульс и сильный кашель. Опыт с ночевкой у Воллосовича не принес улучшения. Я глубоко сомневаюсь, что он сможет принять участие в третьей зимовке на острове Беннета, как он на это рассчитывает. Этот человек так мало бережет себя и так мало о себе думает, что я должен особенно внимательно отнестись к нему!

Воскресенье вечером 1 декабря. Приятные минуты доставляет мне чтение труда Эйкена: «Мировоззрение великих мыслителей». Многие мысли Канта соответствуют моему жизненному идеалу: «Жизнь не может идти путем постепенного, спокойного развития вперед, она полна напряжения неотступной борьбы».

...«Добродетели, которые не борются со злом в самом его корне, являются сплошным убожеством».

...«Призывать решимость и мужество значит уже наполовину себе внушить. В противоположность этому малодушный и праздный образ мыслей, уповающий на помощь извне, ослабляет все силы человека и делает его недостойным этой помощи...»

Добродетелями, которые Кант считает важнейшими у человека, являются: правдивость и справедливость; «...первая направлена преимущественно к самому действующему лицу, последняя к своему ближнему. Правдивость означает полную откровенность перед самим собой, означает поступки, основанные на личном убеждении и самостоятельных решениях, но не на чужом авторитете!»

Понедельник 2 декабря. Буря! Пытаюсь вдуматься в труд, который я пишу по истории экспедиции. Временно опускаю 3-ю и 4-ю главы «Снаряжение» и «Научное оборудование» и приступаю к 5-й главе «На море». Прочитываю вахтенный журнал. Большое значение имеет запись Коломейцева в Христиании. Осадка «Зари» до погрузки угля составляла 12 футов 3 дюйма, после погрузки 85 т угля — 12 футов 10,5 дюйма. Это дает надежду, что мы пройдем через устье Лены.

Доктор чувствует себя опять хуже. К общему неприятному самочувствию с дрожью во всем теле присоединились боли в правом плече. При таких плохих видах на будущее не может быть и речи о его участии в третьей зимовке. В помещениях

команды очень тихо; лишь изредка до меня доносится оттуда музыка. Я поговорил по душам с Матисеном и поручил ему позаботиться о том, чтобы поднять настроение команды и заняться для этого театральной постановкой. Вчера я распорядился выдать команде какао и водку, что хочу делать каждое воскресенье. В кают-компании я тоже велел подать бутылку вина, нашу последнюю бутылку хереса.

Вторник 3 декабря. Доктору плохо. Он молчалив и мрачно настроен. Его болезнь обязывает меня организовать работы так, чтобы они ни в коем случае не задержали «Зарю» и позволили своевременно доставить участников экспедиции на материк. Поэтому я думаю наладить поездку Бирули на Новую Сибирь с таким расчетом, чтобы после трехмесячного пребывания (в течение апреля, мая и июня) он мог самостоятельно возвратиться, волоча байдарку вдоль берега острова Фаддеевского и вдоль песчаной отмели. С Медвежьего мыса он вернется на оленях; для этого я оставлю там десять оленей, которые будут его ждать. 1 июня мы с Зеебергом пойдем с северной оконечности Котельного до $77^{\circ}30'$ с. ш. и 141° в. д., что составит 80 морских миль по льду. Если существование Земли Санникова не подтвердится, мы повернем и дойдем до 77° с. ш. и 148° в. д. Таким образом, сделаем 94,5 морской мили до острова Беннета, оттуда до Новой Сибири 90 морских миль. В общей сложности нам предстоит пройти 264,5 морской мили.

Четверг 5 декабря. Вчера был мой день наблюдений. В понедельник началась буря с сильным северо-западным ветром, минимальное давление барометра составляло 725 мм при температуре -16° . Со вчерашнего дня наступила подлинная зима при полном безветрии. Ртуть замерзла. Мой день наблюдений закончился в 9 часов вечера. Термометр показал $-36, -40^{\circ}$. Для чтения взял с собой «Настольную книгу мореплавателя», подарок одного из моих друзей.

Понедельник 9 декабря. Ночью я вел службу наблюдений. Море открыто на северо-западе и северо-северо-западе. Ветры приносят оттуда быстрые подъемы температуры.

Сегодня Матисен устроил генеральную репетицию состязаний в бегах на собаках. При этом Носов и Толстов побили рекорд на наших молодых собаках, к огорчению прославленных каюров Николая и Егора.

Подготовка к театральной постановке, к моему удовольствию, успешно продвигается. Вчера мне об этом рассказывал Огрин.

Четверг 12 декабря. Вчера у нас была своеобразная погода. Температура в течение часа поднялась при северном ветре приблизительно на 10° , с -21 до -11° ! Сегодня при северо-восточном ветре снова -31° .

В кают-компании часто разгораются оживленные споры на философские темы, когда сталкиваются самые различные взгля-

ды. В это время я сажусь обычно с доктором за партию шахмат.

Работаю над астрономическими материалами и вычисляю географические координаты для составления карты, но мысли беспрестанно витают в мечтах о далеком...

Четверг 19 декабря. Сегодня я выстроил команду и опросил, нет ли у кого жалоб и претензий. На мой вопрос все ответили отрицательно. Только Фома был в плохом настроении и дал нам это почувствовать, приготовив скверный обед. Вечером состоялся спектакль. Представление прошло интересно и изобиловало многими неожиданными сюрпризами, не указанными в программе.

Понедельник 23 декабря.

Здравствуй, месяц серебристый!
Вновь ты кажешь лик прекрасный,
Здравствуй, солнце золотое!
Снова всходишь ты, сияя.

Из скалы ушел ты, месяц,
Ты ушло из камня, солнце.
Как кукушка золотая,
Как серебряный голубчик,
На своих местах вы снова.
Прежний путь свой отыскали.

По утрам вставай ты, солнце,
С нынешнего дня вовеки,
Каждый день приветствуй счастьем,
Чтоб росло богатство наше,
Чтоб к нам в руки шла добыча,
К нашим удочкам улов шел!

Ты ходи благополучно,
На пути своем блаженствуй.
В красоте кончай дорогу,
Отдыхай с отрадой ночью!¹⁰

Находясь под свежим впечатлением, хочу сказать, что явление природы, которое мы вчера приветствовали — поворот солнца на лето, не могло быть лучше представлено в поэтической форме, чем в стихах Калевалы. Хотели ли авторы рун Калевалы действительно изобразить это событие равносильно тому, как древнегреческие легенды олицетворяли определенные географические явления, я не могу утверждать, а также не решаюсь считать достоверным, что первые описания полярной ночи принадлежат древним финским поэтам. Меня глубоко удовлетворяет в этой песне такое прекрасное выражение того, что в настоящее время мы все здесь переживаем. Да, это великолепные тихие, светлые лунные ночи, но мы наслаждаемся ими не с таким радостным и бодрым чувством, как в прошлом году. Болезнь доктора тревожит всех, но больше всего гнетет меня и его самого.

Моя работа плохо подвигается. Тревожные думы не покидают меня ни днем, ни ночью. Через два месяца и несколько дней придет ответ на все мои письма. Какие это будут известия?

Четверг 26 декабря. 3 часа утра. Я на наблюдательной станции. Торжественная тихая ночь!

Пятница 27 декабря. Я предложил нашим «философам» из кают-компаний — гидрографу и зоологу — проехаться по свежему зимнему воздуху на Елисейскую поварню для пополнения наших запасов мяса. Тихие светлые дни, озаренные ярким лунным сиянием, также подбивали промышленников предпринять поездку, особенно Василия Чикачева, который не выносит спокойного сидения на месте.

Чем больше я общаюсь с матросами, тем больше ценю природные способности русского народа — матросы располагают к себе своей приветливостью, тактичностью, скромностью, кроме того, они сметливы и отважны.

Четверг 2 января 1902 г. Гидрограф вернулся к полудню свежим и бодрым. Он привез с собой пять с половиной оленьих туш. Великолепная погода благоприятствовала его поездке. Собаки хорошо везли по прекрасной дороге. Сани на ледяных полозьях скользили много легче, чем на обычных железных. Только в одном месте, южнее Урассалаха, пришлось проложить дорогу через торосы, надвинувшиеся на скалистый берег. Лед был испещрен трещинами, перпендикулярно расположенными к берегу. Из звериных следов был только след песка.

Пятница 3 января 1902 г. Сегодня между 10 часами 30 минутами и 11 часами утра умер мой милый доктор Герман Вальтер.

Воскресенье 5 января. В 11 часов утра во время полуденных сумерек полярной ночи мы похоронили доктора на вершине холма над западным мысом гавани в том месте, где летом был водружен для нас знак высадки.

Когда я предложил доктору Вальтеру сопровождать меня в полярную экспедицию, я никак не мог ожидать такого трагического конца. Ответственность за это должен нести только я, хотя не раз просил доктора совершенно оставить дежурства на наблюдательной станции, но он настаивал на том, что дежурства его не утомляют, а, наоборот, вносят приятное разнообразие и на его здоровье не отражаются. В утро последнего дежурства доктору стало плохо во время снятия показаний барометра. Дежуривший в этот день Шервинский, которому было ясно, что каждое движение доктора сопровождается мучительными болями, приложил все старания, чтобы уговорить доктора покинуть наблюдательную станцию и вернуться с его помощью на «Зарю». Но доктор не хотел об этом слышать, а попросил только снять показания термометра и унифиляра на открытом воздухе и занес сам в журнал данные наблюдений. Смерть

наступила, по-видимому, вскоре после ухода Шервинского, так как запись наблюдений прервалась в 11 часов утра.

Четверг 9 января. И вот этот день позади. Ради доверенной мне команды я должен был позаботиться о том, чтобы поднять общее настроение. Вся команда оказывала внимание умершему доктору и все переживали искреннюю печаль. О праздничной елке не могло быть и речи. Я вынул из ящика отложенные в прошлом году подарки, кроме того, две пары домино, шашки и дорожные шахматы. Среди подарков были карамель в больших жестяных банках и другие сладости разного рода, туалетное мыло, одеколон и многое другое. У Матисена оказалось много полезных вещей, например шерстяные ночные колпаки, перчатки, куртки и тому подобное. Кроме того, он подал мне хорошую мысль — в качестве главного лотерейного выигрыша положить на стол двустолку.

Вся команда, включая Егора, Николая и Василия, одетая в свежие матросские рубашки, собралась в кубрике вокруг елки. Главный выигрыш, ружье, достался Шервинскому, чему я был очень рад.

Читая «Вильгельма Мейстера» Гёте, я нашел места, относящиеся к характеру Вальтера: ...«У него был спокойный нрав, в обращении он был прост, был хорошим товарищем, снисходительным, скромным и заботливым. Он мог простить и забыть обиду, но никогда не мог примириться с тем, что переходит границы честности, добра, порядочности...»

В первый день рождественских праздников я нес службу наблюдений. В печальном настроении я отправился на станцию через четыре дня после постигшего нас несчастья. На наблюдательной станции в течение дня у меня было много гостей. Приходил Воллосович, затем явилась депутация матросов под предводительством Железнякова, которые, согласно старинному народному русскому обычаю ходить из дома в дом и петь коляды, спели мне рождественские песни и поздравили с праздником. Затем пришла с праздничным приветом более многочисленная группа, к которой примкнули машинисты во главе с Толстовым. После них ко мне пришли Огрин и Шервинский. Последний передал мне в подарок выкованный им зимой охотничий нож с острым стальным клинком и красивой точеной рукояткой из мамонтовой кости. Наконечник и верхняя часть ножен были сделаны из металла, а боковые стороны — из шкуры оленьих ног. Я догадался, что он выковал клинок для милого доктора и теперь передал его мне на память о моем близком друге.

Подарок Огрин был другого рода: передавая свой рисунок надгробного памятника доктору, он спросил мое мнение об этом наброске; я ответил Огрину, что доктор любил все простое и стройное и выбрал бы себе для надгробного памятника только валун с краткой надписью.

Суббота 11 января в ночь на 12-е. Ночное дежурство на наблюдательной станции. Я несказанно устал! Как охотно я передал бы все свои обязанности в другие руки и отошел от этой работы. Но мой долг довести экспедицию до конца.

Понедельник 13 января. Сегодня я сообщил Матисену о своем скором отъезде.

Воллосович, много переживший в течение своей жизни, так потрясен тревожными последними днями, что у него появились признаки неврастения, и он не в состоянии продолжать свою работу. Я вынужден разрешить ему уехать. Счастливый!

Среда 15 января. План моих действий таков: не позднее как через две недели при благоприятной погоде я отправляюсь вместе с Воллосовичем навстречу почте, но не дальше первого жилища на побережье¹¹. Оттуда я вернусь на Ляховский¹² остров, обследую его западный полуостров, насколько возможно в это время года, переберусь на Столбовой и потом на Бельковский остров, а затем вернусь обратно сюда.

После того как 4 января я запер в ящик стола все дневники доктора и остальные рукописи, лежавшие на его письменном столе, я передал ключ командиру судна, а себе взял папку продовольственных записей и принялся приводить в порядок оставшиеся после него бумаги. В связи с тем что, как теперь выяснилось, у доктора было кровохарканье и не исключена возможность туберкулеза как причины смерти, я сам уложил в ящик его вещи и велел все сжечь.

Из «Вильгельма Мейстера»: ...«Быть деятельным первое назначение человека и все часы досуга, когда он отдыхает, он должен использовать для ясного познания внешнего мира, того понимания, которое ему облегчит впоследствии его деятельность...»

Воллосовичу сегодня лучше. Его больше не лихорадит, кашель стал легче. Я хотел вчера ночью дежурить у его постели, но больной попросил вместо меня прийти матроса. Сегодня я буду спать около него.

Становится заметно светлее. Во время наблюдений 16 января я смог без помощи фонаря снять в час дня показания наружного термометра. Когда небо безоблачно, настолько светло, что в 8 часов утра ясно видны заструги. Как только Воллосович почувствует себя достаточно окрепшим после болезни, могу отправиться в путь. У меня все еще нет особого желания работать, но я должен без промедлений приняться за подготовку к своему путешествию.

Понедельник 20 января. Приготовления к поездке начались. Сегодня температура —45°. Продовольственный отчет я составил вместе с Воллосовичем и написал инструкции для трех отъезжающих в путь: Матисена, Бирули и Колчака, которые передам им завтра. Сейчас же после прибытия с материка собачьей упряжки первым выступает Матисен на северо-восток.

Он пройдет возможно дальше, пока его не задержит какая-нибудь полынья. Затем, повернув обратно, он объедет северное побережье острова Котельного и заснимет его до бухты Драгоценной. Гидрограф вместе с Бирулей должен выступить на Новую Сибирь тотчас после возвращения Матисена и отсюда предпринять поездку на север, чтобы изучить вопрос образования полыньи. На обратном пути он должен закончить съемку вдоль восточного берега по мелководью острова Котельного. В случае если Матисеном этот берег будет уже заснят, гидрограф должен уточнить границы Земли Бунге и, смотря по обстоятельствам, выяснить связь ее с островом Фаддеевским.

Наконец, Бируле я поручил произвести исследование Новой Сибири в течение лета до прихода «Зари». На случай если «Заря» не сможет подойти к берегу, я предупредил Бирулю, что он должен быть готов перебраться в декабре месяце по льду на материк.

Вторник 21 января. Меня и Воллосовича в работе на наблюдательной станции заменят Железняков и Толстов. Это самые грамотные матросы, у них хороший почерк, а последний из них даже пишет стихи.

День ото дня становится светлее. Сегодня, несмотря на облачное небо, ясно видны строения станций.

Почему доктор не мог дожить до появления солнца? Как угнетала доктора полярная ночь и как он тосковал по солнцу! За два дня до своей смерти он рассказывал, что точно подсчитал потребность в снаряжении и продовольствии для достижения Северного полюса с острова Беннета. «Это получается так дешево,— сказал он,— что я мог бы предпринять это путешествие на свои собственные средства».

Для меня полярная ночь закончится через несколько дней в моей поездке на материк, так как я направляюсь на юг — навстречу солнцу.

Айджергайдах, 5 марта. До сегодняшнего дня я вел записи в маленькой тетради, начиная с 28 января. Сюда, в дневник, должны быть занесены важные документы и телеграммы, полученные мною 21 февраля с первой почтой вместе с телеграммами из дому. Писем не было!.. Надеюсь получить ожидаемые с нетерпением письма через неделю со следующей почтой.

ПОСЕЩЕНИЕ МАТЕРИКА

Это было 28 января, за шесть дней до ожидаемого с таким нетерпением первого появления солнца после длинной полярной ночи. Барометр стоял высоко, небо было почти безоблачно при тихой погоде. В 8 часов утра, за час до нашего отъезда, температура воздуха равнялась —35,5°. В 10 часов утра наш маленький отряд тронулся в путь. Прощаясь, Матисен сказал, что мы теперь настолько привыкли к санным поездкам на со-

баках, что провожаем отъезжающих с таким же чувством, как это происходит в Петербурге на Николаевском вокзале. На борту все были здоровы вплоть до гидрографа, страдавшего перед тем периоститом¹³ верхней челюсти с повышенной температурой. Его болезнь была, по всей вероятности, следствием привычки выходить из паровой бани не одетым на мороз и валяться в снегу. Я строго приказал команде воздержаться от этой излюбленной ими привычки до возвращения на родину, так как климатические условия острова Котельного могут при этом послужить причиной смерти.

Воллосович сел на сани к Николаю Куртаху, я к Чикачеву. В каждые сани было запряжено по 14 собак. Сибирские сани с ледяными полозьями были довольно легкие, груз не превышал 320 кг. После того как мы проехали несколько километров, нас нагнала собака с «Зари». Мы не могли отогнать ее назад, и она охотно далась запрячь себя в нарту. Собаки везли плохо; мы подолгу шли пешком. В 2 часа 35 минут пополудни остановились у устья реки Чукотской, хотя сделали за 4½ часа не более 25 км. Начало уже темнеть. Около 3 км севернее реки Чукотской прошли хорошо знакомый мне западный мыс, против которого в мае 1893 г. мы пережидали шторм в течение трех дней. В этом месте нам встретились тогда первые чайки, как предвестники раннего наступления лета.

Каково будет грядущее лето, раннее или позднее?

Здесь на берегу, где лежало много плавника, как и у всех устьевых участков рек и на барах, наши якуты разбили палатку. В маленькой жестяной печурке вскоре запылал огонь и затрещали дрова. К сожалению, труба оказалась слишком короткой — пламя выбивалось из трубы. Так как палатка могла загореться, то мы в дальнейшем не пользовались печуркой, за исключением тех случаев, когда ночевали на льду. На берегу немало камня, который может служить материалом для хорошего очага. Наши якуты большие мастера складывать такие очаги и умеют быстро разводить огонь.

Насколько легче была эта поездка благодаря присутствию столь ловких работников, как Николай и Василий, а также благодаря хорошим собакам и хорошей «дороге»! Обилие древесного топлива, вместо бережливого пользования керосиновой кухней, также облегчало условия путешествия. Это был большой контраст с прошлогодней поездкой, когда всю подсобную работу мы должны были выполнять сами. Я наслаждался теперь возможностью быть хорошо обслуженным. Сразу после того как палатка была устроена, мы вползали в нее, закуривали папиросы и беседовали, пока закипал чай и готовился ужин.

На другой день, 29 января, сделали около 37 км. Собаки везли плохо. У некоторых мысов нам пришлось пробираться по торосам. За мысом Шилейко, у устья маленькой речушки

разбили второй лагерь. При виде этой своеобразной скалы у меня ожили воспоминания о прежнем путешествии. В то время мы брели, обливаясь потом, по грязному талому снегу при свете полуденного солнца. По дороге застрелили тогда нескольких сидевших на скалах чистиков. Позже Шилейко застрелил медведя, мясо которого вывело нас из затруднения. Теперь я видел перед собой этот своеобразный мыс в сумерках убывающей полярной ночи. Он был покрыт глубокой снежной пеленой. Не было видно следов какого-либо живого существа. Температура в 9 часов вечера была $-42,8^{\circ}$, поэтому неудивительно, что медведи не покидали своих берлог, где проводили зимнюю спячку.

Большая роскошь, проснувшись ранним утром после освежающего сна, остаться лежать в теплом спальном мешке, пока рабочие разведут огонь, вскипятят чай и поставят чашку чаю у спального мешка. Тогда только я поднимаюсь, прихлебываю горячий чай, закуриваю папиросу и запиваю ее второй и третьей чашкой. К тому времени яркое пламя потрескивающих дров настолько согревает палатку, что выползти из спального мешка и даже переодеть ночное белье на дневное отнюдь не является геройством. Часы показывают уже 7 часов утра. Выпрямившись, попадаю в едкий дым, который собирается вверху палатки. Выйдя наружу, перевожу дух на тихом прозрачном воздухе.

Термометр показывает $42,3^{\circ}$ мороза, ветер восточный силой 1 м, лишь десятая часть неба покрыта облаками. Два часа спустя, тепло одетые и сытые, мы снова в пути. Чувствуем себя в поездке «тойонами», так как она совершается по-барски. Собаки весело бегут сегодня по ровной дороге, и мы почти весь день сидим на санях.

В полдень, проехав 21 км, подъезжаем к моей старой поварне у Урассалаха. Две трети ее, сооруженные из горизонтально положенных бревен, стоят в целости, но «балагана», т. е. пристройки, сделанной из вертикально поставленных жердей, больше нет. Чтобы напрасно не обнадеживать какого-либо путника, который в будущем, возможно, здесь проедет, я должен сказать, что поварня производит впечатление жилья только снаружи, но совершенно непригодна для ночлега, так как внутри забита снегом и нуждается в большом ремонте. По соседству с ней возвышается устроенный Воллосовичем склад. В этот день мы сделали около 48 км и незадолго до наступления темноты в 2 часа 40 минут дня прибыли в Егоров стан. Наш третий лагерь у речки Егорова стана находится в том месте, где в 1886 г. я оставил построенный мною бот. Я прошел тогда на веслах от Урассалаха досюда частью по открытому морю, частью лавируя меж плавающих льдов. Остатки этого славного судна — киль и штевень — торчали на берегу из-под снега, а шпангоуты и планки послужили топливом позднейшим посетителям острова.

На другой день, 31 января, в 3 часа 30 минут дня, мы добрались в сумерках до хижины Михайлова стана на южной оконечности острова. С 9 часов 15 минут утра сделали по ровной дороге 48 км. В конце пути, сидя на нарте в теплой шубе—совике, я мучительно боролся с охватившей меня сонливостью.

Михайлов стан представляет сооруженный несколько лет назад довольно благоустроенный бревенчатый дом. В нем жили с июля месяца по ноябрь Бруснев и Ционглинский и вели наблюдения на организованной ими стационарной метеорологической станции.

Не доезжая 10 км до стана, Василий заметил своим зорким глазом между байджарахами оленя с олененком. Это было для нас приятным открытием. Следовательно, не все олени ушли на зимний период на юг, и можно надеяться, что после появления солнца наши охотники с «Зари» пополнят запасы свежего мяса.

Мы вовремя очутились под крышей, так как в 9 часов вечера при $-35,3^{\circ}$ началась пурга с восточно-северо-восточным ветром силой 10 м/сек. Мороз резко ощущался при таком ветре; я едва не отморозил себе пальцы, пока держал против ветра анемометр. На другой день, когда ветер повернул на северо-северо-восток, температура поднялась до $-23,5^{\circ}$, а 2 февраля, хотя ветер и дул снова с востоко-северо-востока, термометр показывал $-17,8^{\circ}$. Затем ветер повернул, постепенно ослабевая, через юг, запад и север на восток. С новым падением температуры ветер усилился до 12 м/сек, 5 февраля было $-26,3^{\circ}$ при северо-восточном ветре силой 12 м/сек и 6 февраля $-29,8^{\circ}$ при северо-северо-восточном 4 м/сек. Лишь с наступлением затишья, во время нашего привала на льду между островами Котельным и Малым Ляховским, температура снова опустилась ниже -30° . Связаны ли эти повышения температуры при северо-восточном ветре с наличием полыньи?

В скором времени мы устроились с удобством в этой хижине¹⁴. Пламя, пылавшее в открытом камельке якутского типа, согревало нас в течение всего дня. Ночью выспались в теплых спальных мешках. Недостатка в продовольствии не ощущалось, так что мы без забот пережидали здесь снежную пургу, мороз и темень, чтобы в благоприятный момент отправиться по льду на материк. Для Воллосовича, которого нельзя было еще признать здоровым, а только выздоравливающим и который нуждался поэтому в покое, эти несколько дней шторма оказались вполне кстати. Под кровом хижины мы наслаждались отдыхом до 6 февраля. Я послал Василия за 20 км к Елисеевской поварне, которая находится по ту сторону Медвежьего мыса на восточном берегу острова. Несколько часов спустя он привез пять оленьих голов из остававшихся там с прошлого года запасов. Теперь у нас оказалось лакомое блюдо из жареных оленьих

Мозгов, отлично приготовленных Николаем, которого Воллосович обучил прошлым летом поварскому искусству.

Вести переговоры с якутами я поручил Воллосовичу, который хорошо объяснялся с ними на своеобразном языке, добавляя к русским словам и оборотам речи якутское «бу» или «дсхе». Многократно повторяя это «бу» и «дсхе», он сопровождал свои слова выразительной интонацией, жестами и мимикой. Непостижимо, каким образом оба якута понимали Воллосовича и обычно еще до окончания его длинной речи догадывались о том, что от них требовалось. Чрезвычайно забавно было слышать из уст якутов произношение имен участников нашей экспедиции. Николай обладал хорошей памятью и часто перечислял все имена. Воллосовича он называл «Моллосович». Такая замена «В» звуком «М» встречается здесь довольно часто. Теперь мне понятно название самой высокой горы на Котельном — Малакитин, это искажение русской фамилии Воловнина. Река под этим названием берет начало у подножия этой горы и впадает в море к северо-востоку от Медвежьего мыса. Имена и отчества легко запоминаются якутами, но Николай превратил мое имя в удобное для него название месяца января, в который мы с ним выехали, и называл меня «Январи Васильевич». Зееберга он именует «Север-тойон». Имя Бялыницкого-Бирули якуты не могли произнести, и сообразно его специальности за ним установилось прозвище «Черви-тойон» (господин червей). Николая за каждое подаваемое им блюдо мы хвалили, объявляя, что он приготовил его лучше «Аскика», как он называл Фома¹⁵, и он старался изо всех сил выступать в роли профессионального «Аскика».

В пути мы спокойно доверялись Николаю, лучшему из каюров, к тому же умевшему ориентироваться по компасу, и величали его капитаном. Однако, чтобы не задевать самолюбия Василия, нам пришлось обоих называть на их языке «капитан-дерами». В этой поездке мы чувствовали себя настолько уверенно, словно ехали по городу на извозничьих дрожках.

10 км за Медвежьим мысом мы очутились среди торосов¹⁶; путь пришлось прокладывать себе топором. Мои сани дважды ломались, но якуты с необычайным проворством их чинили. За шесть часов проехали едва 25 км от Медвежьего мыса и в глубоких сумерках сделали привал.

На следующий день, 7 февраля, повстречали снова полосу торосов небывалой 6-метровой высоты. Нам удалось ее обойти, так как длина не превышала нескольких сот шагов. Якуты высказали предположение, что в этих торосах залег медведь на зимнюю спячку¹⁷. Дальше был ровный лед, но мы прошли, как накануне, не более 35 км.

В этот день впервые показалось над горизонтом солнце и в 2 часа пополудни снова скрылось. В сумраке надо мной неожиданно показалась белая птица. Задержавшись, чтобы зарядить

ружье, я увидел, как она опустилась между торосами недалеко от наших саней. Я был немало поражен, как и оба якута, увидев водоплавающую птицу вместо белой куропатки или полярной совы. Узкий черный клюв, красные лапчатые ноги, ослепительно белое зимнее оперение, за исключением нескольких черных пятен на крыльях и коротком хвосте, определяли ее как полярного чистика (*Serphus mandti*), птицу, которую мои промышленники никогда еще не видели на островах, так же как и я не встречал в 1888 и 1893 г. Откуда она прилетела и куда направлялась? Несколько представителей того же семейства я застрелил в мае 1893 г. на мысе Шилейко. Они не гнездились на Котельном, но встречались тысячами на острове Беннета, как пишет Де-Лонг в своем дневнике. Вероятнее всего только то, что застреленная птица зимовала у полыньи и прилетела сюда после того, как полынья закрылась. Очевидно, чистик летел навстречу солнцу, чтобы найти при солнечном свете открытую воду среди льдов.

О том что чистик и кайры живут зимой на открытых местах у сибирского побережья, имеются указания у Норденшельда в описании его путешествия на Вега. Об этом же рассказывали чукчи.

Разбив вторично лагерь на льду, мы получили удовольствие согреться у разведенного из плавника костра. На сани был погружен достаточный запас плавника, так что примусом можно было не пользоваться. На обратном пути Николай также не трогал «машинку» — он ощущал особый страх при виде керосинового пламени. Поразительно, что эти выросшие близ полюса мирового холода люди страшились холодного ночлега больше, чем мы, изнеженные европейцы. 8 февраля прошли последний перегон по льду к Малому Ляховскому острову. Он был около 35—40 км. Торосы были здесь незначительной величины. У побережья они образовали низкие валы, окружавшие большие ледяные поля и отдельные глыбы льда. Поверхность ледяных полей, не покрытая снегом, была настолько ровной и гладкой, что здесь можно было бы кататься на коньках.

На всем протяжении от Медвежьего мыса до мыса Хвойнова встречались льды только этого года, точнее — последней осени. Очевидно, море долго не замерзало и, как мы узнали позднее, полынья существовала здесь еще в ноябре. В этот день сделали в течение пяти часов около 35 км, пять последних из них проехали вдоль западного берега Малого Ляховского острова, где разбили лагерь в 5 км юго-восточнее мыса Хвойнова.

На всем протяжении от Медвежьего мыса до Малого Ляховского острова пролежала как бы проселочная дорога по льду, проложенная перебиравшимися на юг оленьими стадами.

На следующий день, 9 февраля, после быстрой пятичасовой езды при резком юго-юго-западном ветре и при 32,5° мороза,

мы покрыли расстояние в 50 км и теперь находились у цели. После трех ночлегов в палатке нас ждала теплая квартира, была даже возможность выбора между двумя «гостиницами». Наш выбор пал на ближнюю маленькую поварню площадью 13 кв. м и 1,5 м высотой. Она привела нас в величайший восторг. Камелек был в хорошем состоянии и возвышался над полом сантиметров на 15, так что пылающие дрова прогревали нас с ног до головы.

В этой поварне М. Санников провел в уединении прошлое лето. Его охота была, очевидно, не очень удачной, так как, кроме немногих оленьих шкур, здесь находился лишь один ма-монтовый бивень толщиной 22 см и около 65 кг весом.

На Малом Ляховском острове мы обнаружили сегодня следы зимнего пребывания оленей, а в 15 км к северо-западу от поварни в тундре близ берега оба якута видели пять оленей.

В теплой поварне спалось крепко, а потому и дольше, чем в палатке; на другое утро, 10 февраля, мы встали не между четырьмя и пятью часами, как обычно, а в 6 часов утра и к выезду подготовились лишь к 10 часам. Было совершенно безветренно при ясном безоблачном небе, в 8 часов утра температура была равна $-39,5^{\circ}$, в 8 часов вечера было так же тихо и ясно при $-43,4^{\circ}$. На юго-востоке белые контуры гранитного массива горы Коврижка¹⁸ отделялись от белесоватой поверхности тундры, а на юге виднелся купол Кигиляха¹⁹. Нам нужно было сделать 50 км до «урасы» на юго-западном берегу Большого Ляховского острова, т. е. до крепкого шалаша из вертикально поставленных плавниковых бревен с отверстием в крыше, под которым был устроен очаг. Эта ураса носит гордое название «Большое Зимовье», которое является анахронизмом, поскольку стоявшая здесь в прежнее время «большая лачуга» исчезла еще задолго до путешествия Бунге и до моей первой поездки, и только недавно была устроена вышеназванная ураса.

Во время переезда по молодому льду, большею частью гладкому, как зеркало, с вмержшими кое-где старыми ледяными глыбами, встречались отдельные торосы. Преодолевать их не стоило большого труда, но об острые края торосов стерся лед с полозьев, и собакам стало значительно тяжелее тащить сани, что замедляло их бег. Когда сумерки сгустились, мы добрались до района «Большого Зимовья». Урасу занесло снегом, и она едва выступала над поверхностью заснеженной тундры. Было 5 часов 30 минут вечера. На ночлег устроились в собственной палатке, отказавшись от этой роскошной «гостиницы». Большое количество плавника обеспечивало нам уют и тепло. Привлекло наше внимание множество свежих волчьих следов, обнаруженных у западного берега Большого Ляховского острова.

На другой день, 11 февраля, ранним утром мы тронулись в путь. Первые 30 км ехали по тундре до южного берега острова, а затем проехали 10 км на восток вдоль побережья до «Малого Зимовья», куда добрались в 4 часа дня. В тундре видели трех оленей, а потом стадо из 10 голов. Густой туман не мешал каюрам выдерживать нужное направление. В последние годы промышленники выстроили у устья ручья маленькую урасу, отсюда оставалось 10 км по льду на восток до «Малого Зимовья». На берегу оказались свежие следы волчьей стаи, среди них необычайно крупные.

Пока мы шли вперед пешком, якуты собрали немного плавника, не жалея при этом расставленных песцовых ловушек, так как им было известно, что у «Малого Зимовья» нельзя рассчитывать найти плавник.

На всем протяжении до «Малого Зимовья» и далее на восток простираются классические разрезы четвертичных отложений. Правда, было слишком много снега, чтобы подробнее ознакомиться с этими недостаточно изученными разрезами. Я мог убедиться лишь в одном интересном факте: каменный лед, образующий сплошной горизонт под слоями с остатками мамонта, в новых разрезах вышел на дневную поверхность в точно таких же формах и соотношениях, как в вышележащих пластах. Эти разрезы возникли от оттаивания и подмыва отложений в течение последних девяти лет. Разрушение берега произошло на протяжении нескольких сот метров в глубь острова. На обратном пути я намереваюсь изучить подробнее это обнажение в надежде, что за это время солнце освободит, хотя бы частично, ледяные стены от снежного покрова.

Перед «Малым Зимовьем» лежали сложенные в три штабеля мамонтовые бивни, добытые промышленниками за два последних летних сезона. Общий вес этих 30 бивней, по расчету якутов, не превышал 480 кг. Следовательно, это был капитал в 600 рублей. Такая незначительная добыча объяснялась тем, что в предшествовавшем году большинство промышленников мамонтовой кости получало жалование от экспедиции и было занято на «больших» островах.

«Малое Зимовье», главная квартира Бунге в 1886 г., представляет собою низенькую, обветшалую грязную поварню. По-видимому, со времен Бунге она не подвергалась ремонту, что объясняется недостатком плавника в этом месте. Несмотря на непрерывный огонь в камельке, температура в этой низенькой постройке, где невозможно было даже выпрямиться, мало отличалась от наружной. На следующий день стало несколько теплее, после того как поварня была тщательно обложена снегом. 12 февраля, когда решили предоставить отдых собакам, мы отпраздновали день рождения Василия Чикачева несколькими глотками коньяка и праздничным обедом из овсяной каши и компота. Это торжество совпало с памятным днем рож-

дения Чарльза Дарвина. Подарки Василию состояли из 400 г шоколада и пары сапог. Василий был чрезвычайно рад, не менее доволен был и Николай.

13 февраля тронулись в путь в 7 часов утра. Было 40,2° мороза при северо-восточном ветре 4 м/сек. Отсюда я взял пеленги на Святой Нос, видимый со стороны Ляховского острова. Чай-поварня лежит у основания Хаптагай-тас²⁰, самой восточной из четырех гор. Эта гора своими плоскими очертаниями отличается от Сюрах-тас и его маленького соседа, имеющего форму усеченного конуса.

Эти 70 км мы сделали за 10 часов, включая полтора часа, затраченные на остановки, в том числе на получасовую остановку, чтобы наново покрыть слоем льда санные полозья.

Я был поражен ловкостью и проворством обоих якутов, с которыми они разводили огонь и восстанавливали ледяные полозья. Полагаю, что из них получились бы отличные матросы. Научившись пользоваться компасом, они прекрасно ориентировались на необозримых снежных пространствах.

Чай-поварня у подножия Святого Носа представляет собою рубленый дом со сложенным посреди помещения камельком и с отверстием в крыше для выхода дыма. Однако дым, пренебрегая этим отверстием, стелется густым слоем по помещению, оспаривая свое право у пара из кипящего чайника и котла с супом. От этого терпеть больше всего пришлось нам, так как дым ест глаза и щиплет горло. В этом адовом пару и дыму едва видно огромное, ярко пылающее пламя, которое не в состоянии обогреть помещение. Таким образом, кров этой поварни никак нельзя было признать гостеприимным. Собственно говоря, удобство заключалось только в том, что не надо было собирать и грузить палатку, хотя рабочее время, не затраченное на разбивку палатки, ушло на выгребание снега, наполнявшего поварню до высоты человеческого роста. Рядом с Чай-поварней лежал штабель довольно больших мамонтовых бивней, собранных прошлым летом на Большом Ляховском острове; здесь было около 200 кг.

На другое утро, 14 февраля, в 8 часов мы отправились дальше. Дорога проходила через массив Святого Носа мимо западного склона горы Хаптагай-тах по удобному горному проходу. От Чай-поварни дорога пролегла на протяжении 1 км по плоской прибрежной тундре до устья долины, повторяя все ее изгибы и поднимаясь вверх до гребня горного кряжа. Затем начался трудный подъем и мы все трое впряглись в нарту, чтобы облегчить собакам работу, а Воллосович шел впереди с рыбой в руке, что поощряло их к большему рвению. Снег был очень глубокий, мы шли обливаясь потом, долина была защищена от ветра, и температура в 40° мороза не ощущалась. У горного прохода нас настиг восточно-северо-восточный ветер силой около 12 м/сек. Пока тащили сани, мы сняли с себя все

шубы, здесь же в одно мгновение я почувствовал, что начинаю замерзать. На голову быстро натянули «кухлянки», которые защитили лицо от ледяного ветра. При спуске за перевалом не требовалось физического напряжения, а только ловкость и сноровка; лыжная палка была воткнута между копыльями сани, тем не менее сани катились с неимоверной быстротой по южному склону горы между выступавшими из-под снега скалами. Собаки мчались быстрым бегом. Благодаря моему любимцу, лучшему вожажу упряжки Туркану, мы не разбились, только один раз пронеслись со скрежетом через острые края скрытых под снегом камней. Через 10 км достигли обветшалых остатков «Горохова стана» в Эбеляхской бухте. Но и здесь, в низине, бушевала буря. Чтобы не пропустить в темноте «Малую поварню», было решено переночевать в урасе, которая находилась в 10 км в Портнягином стане, между тем как до Айджергайдаха оставалось еще 40 км. На этот раз добрались до «крова» очень рано — в 1 час 15 минут дня. Пока якуты приводили урасу в жилой вид и выгребали из нее снег, мы шагали взад и вперед, чтобы согреться, повернувшись спиной к ветру. На расстоянии километра от урасы видели трех оленей. Это были не первые олени, встреченные в тот день. Очевидно, животные проводят здесь зиму.

После того как мы обогрелись у пламени костра, нами было сделано открытие, обрадовавшее якутов: в углу урасы нашлась замороженная рыба, из нее они приготовили свое любимое блюдо, которого были давно лишены. В возмещение за рыбу ее неведомому хозяину был повешен бумажный мешочек с сухарями и оставлена банка консервов из кислой капусты. Во время чаепития Николай неожиданно вскрикнул, уронив из рук свою чайную чашку. Причиной его страшного испуга был невинный лемминг (*Myodes olensis*), приблизившийся к нему, чтобы тоже погреться у очага. Такой пугливости я никак не ожидал от нашего бывшего путешественника, и мы над ним долго подшучивали.

На следующий день, 15 февраля, нам оставалось проехать до конечной цели — Айджергайдаха 35 км. В этом месте в 1885 г. Бунге велел соорудить поварню. Отсюда мы начали свое первое путешествие на Новосибирские острова и отсюда же выступила моя вторая экспедиция в 1893 г. Следующий населенный пункт — Муксуновка — лежит на 90 км южнее.

На берегу Эбеляхской бухты и в тундре южнее Святого Носа во множестве расставлены капканы для песцов, которые периодически проверяются их хозяевами. Вид этих ловушек вызывал представление о близости человеческого жилья!

За пять часов мы пересекли Эбеляхскую бухту протяжением 35 км. На дороге лежал замерзший труп молодой оленьей самки. На ее теле не было следов волчьего нападения или ран, нанесенных рукой человека. Животное было сильно исто-

щено, и якуты высказали предположение, что оно пало от голода. Тушу разрубили топором и погрузили на сани для корма собакам.

До устья речки Айджергайдах ехали по гладкому пресному льду. В июне 1893 г. я восторгался здесь восхитительной картиной полета стаек всевозможных представителей пернатого царства. Налево от устья у самого берега высились низкие земляные холмы «айджергай»²¹, благодаря которым эта местность получила свое название. Промышленники отличают эти низкие конусы, образовавшиеся путем эрозии, от высоких конусов четвертичных отложений — байджарахов, в которых обычно встречаются части скелета и бивни мамонта.

Через несколько минут посреди тундры, усеянной плавником, предстала перед глазами хорошо-знакомая поварня. Около поварни было заметно движение, а перед амбаром лежали впряженные в нарты олени. Сердце забилося до острой боли! Быть может, это прибыла почта?

Пока Василий Чикачев привязывал собак, чтобы они не набросились и не разорвали оленей, я поспешил навстречу людям. На мой первый вопрос — «Нет ли почты?», последовал ответ — «Почта сох!», т. е. почты нет.

Затем начались приветствия и рукопожатия. Здесь были два якута, Егорчан и Алексей, которые только что доставили из Казачьего корм для собак и уложили 1500 штук сушеной рыбы в амбар. Восемь проворных рук начали откапывать снег от входа в поварню, и вскоре в камельке ярким пламенем запылала дрова. Когда наполненный льдом чайник был повешен над огнем и задымились трубки, наступил момент ознакомиться с устной почтой, прибывшей вместе с якутами. Егорчан объявил, согласно установленным правилам приличия: «сох, тохто сох; юче гой!», что означает: «ничего, ничего нового. Все хорошо!» Такого рода беседа продолжалась бы и дальше, пока кипел чайник и пока после четвертой чашки окоченевшие на морозе языки не стали бы более гибкими, однако мы, европейцы, выросшие вне строгих местных обычаев, сломали преграды этикета. Начались перекрестные вопросы, на которые должен был отвечать Егорчан. Прежде всего было сообщено, что все участники вспомогательной экспедиции благополучно прибыли в ноябре месяце в Казачье и что все знакомые и родные живы. Затем последовало сообщение, что у Николая родился первенец, который здоров, как и его мать. Радость была велика. Разговор коснулся условий жизни в Казачьем: какова рыбная ловля, много ли песцов, задирает ли волк оленей? По словам прибывших, прошлое лето отличалось богатым уловом рыбы, но рыба была очень сухая, нежирная. А на Индигирке была голодовка вследствие плохого улова. Песцов попадало в капканы мало, а волков было больше, чем хотелось бы. Они причинили много вреда в соседней Муксуновке. Стои-

мость кирпичного чая повысилась, а песок и мамонтовая кость, напротив, оплачивались ниже, чем прежде. Отвечая на вопрос, было ли это следствием войны с Китаем или другой, более крупной войны, Егорчан проявил осведомленность и в области политики, сообщив, что война с Китаем закончена, заключен мир. В остальном на свете все благополучно, сказал он.

После чая и угощения «тонг-балыком» (мороженой рыбой) Егорчан счел своевременным выложить печальные новости: умер Портнягин, брат проводника Бунге, и ждали скорой смерти тяжелобольного Гаврилы Санникова, всеми уважаемого якута, которого я тоже хорошо знал. Выслушав сообщения о смерти, наши якуты перекрестились и раздался знакомый чмокающий звук, выражающий иногда величайшее изумление, иногда сильнейшее возмущение или скорбь. Затем было сообщено, что Егорчан провел лето на Большом Ляховском острове, где он добыл с немногими товарищами 320 кг бивней, следовательно, две трети того штабеля, который вызвал наше удивление. Он не спешил вывезти мамонтовую кость, так как купцы заявили, что в торговле мамонтовой костью с прошлого лета наступил застой. Во время разговора вошел еще один якут, это был Николай, сын только что оплакиваемого Портнягина. Он объезжал свои капканы и заехал в поварню переночевать.

Тем временем наши каюры Николай и Василий как бы случайно сняли с себя якутскую одежду, чтобы щегольнуть нарядными матросскими куртками из черного сукна с блестящими, украшенными якорями медными пуговицами, подаренными нашими матросами в обмен на мамонтовую кость. С выражением достоинства на лице оба якута уселись у огня, закурили трубки и предоставили теперь Егорчану возможность задавать вопросы, пока оба жителя материка не насладились вдоволь лицемерием их европейского обличия. После этого наши каюры перешли к многоречивому рассказу о всех чудесах «порхода» («Зари»). Последовало описание того, как «порход» подошел к острову Котельному, похожий на покрытый лесом остров, описание множества «жилищ» на судне, огня, освещавшего все помещения без его разжигания и диковинной слышимости каждого слова из машинного отделения; особенно их поразило приветствие «с добрым днем», которое через трубу было обращено по имени к каждому в отдельности. В ответ на это раздалось протяжное: «ху-чё!» слушателей. Затем была подробно описана наблюдательная станция со всеми ее постройками, как и инструменты, при помощи которых длинный «Сивер-тойон» придвигал близко к себе звезды и т. д. Рассказали также о судовом персонале и особенно подробно об «Аскике», застрелившем двух привязанных ручных оленей, в ответ на что раздалось такое протяжное «ху-чё», какого ни разу не приходилось слышать.

Тем для разговоров хватило бы у якутов на много дней, а наши мысли были заняты одним вопросом: Когда придет почта? Доставит ли она нам известия с родины?

По нашему расчету, почта уже прибыла в Казачье, и, чтобы ускорить ее доставку сюда, лучшим средством было сообщить нарочным в Казачье, что мы ждем ее на материке. Самыми быстрыми гонцами были бы, конечно, наши проводники, которые с радостью свиделись бы со своими семьями, проживавшими в Мохнатке, в 250 км отсюда, по дороге в Казачье. Быстрейшим транспортным средством могла служить нарта, запряженная 16 собаками с одним каюром. Но кого же из двух наших каюров предпочесть и кому дать возможность навестить семью и первому рассказать о чудесах «порхода». Не желая обижать никого из них, я решил положиться на судьбу. С большим волнением оба каюра тянули узелки моего носового платка; счастье выпало на долю Василия Чикачева.

17-го утром появились два гостя, Никита и Уйбан, которые обследовали свои капканы близ поварни. Первый из них занимал пост «кандидата», т. е. избранного улусом заместителя «головы» своей округи. Из числа трех таких заместителей по истечении трехлетия обычно избирается следующий «голова». Мы их угостили как могли лучше и подарили кирпичный чай и табак, специально взятый мною для подарков. Вскоре при морозе в 43,7° и легкой метели Василий Чикачев уехал, радостно настроенный. Он надеялся добраться до первого населенного пункта Муксуновки еще до наступления ночи, следовательно, предполагал сделать 90 км за 12 часов, если не будет пурги. Остальное расстояние — 160 км — он рассчитывал проехать за полтора дня и на третий день к полудню прибыть домой в Мохнатку. Оттуда оставалось еще 115 км до Казачьего, которые должны были быть покрыты нарочным на оленьих нартах за 12 часов.

Добродушный и всегда веселый Николай Куртах, которому пришлось по жеребьевке отложить на несколько дней радость поддержать на руках своего новорожденного первенца, не выказывал огорчения. Он бодро выполнял свои работы то в качестве повара, то техника. Здесь оба его призвания были тесно связаны: чтобы приготовить кушанье, надо было во избежание пожара сначала отремонтировать камелек. Учитывая, что за время работы температура поварни сравнивается с наружной, Николай посоветовал нам забраться в спальные мешки. Сам он, однако, разделся вплоть до матроски, засучил рукава и весело принялся за работу. После того как огонь потух, Николай натер снегом горячую глиняную стенку для ее охлаждения и приготовил раствор из оленьей шерсти, размешанной с глиной, затем набрал из чайника полный рот воды, так что его щеки приобрели округлость амура, опрыснул стенку сильной струей, набросал на нее горячую глину и равномерно затер.

Время от времени он выбегал из поварни за снегом на сорокоградусный мороз, не надевая одежды. Через 45 минут все было готово, и в камельке запылало яркое пламя. Николай заботливо смыл с рук мельчайшие следы глины, пользуясь сильной струей воды из своего «баллона» с той же достойной удивления ловкостью. В заключение он вымыл лицо и вытерся некогда белым, а теперь уже давно черным полотенцем, крепко протирая кожу до ее полного блеска. После этого Николай принялся за работу кока. Выбор сегодняшнего меню был не так прост, так как ассортимент продовольствия оказался на этот раз необычайно разнообразным. Была свежая мороженная рыба — омуль (*Salmo autumnalis*) и чир (*Salmo pasus*), преподнесенные нам «кандидатом» в качестве ответного подарка, затем было 50 застреленных прошлым летом гусей, подарок Джергели²², сохранившего их в складе в благодарность за посланные ему мной через Воллосовича патроны. Наконец «кандидатом» была привезена из Муксуновки половина оленьей туши. Благодаря естественному леднику в мерзлоте, куда гуси были сложены после охоты, они хорошо сохранились. Обилие продовольственных запасов было кстати, я получил возможность снабжать кочевавших якутов продуктами питания. Пять гусей, помимо чая и табака, я тут же передал Алексею, который медленно, пробираясь день за днем, объезжал на четырех оленях одно жилье за другим. Ему нужно было доставить в Казаچه из 20 пунктов мамонтовую кость для продажи. Следующая поездка предполагалась по необитаемой тундре для проверки капканов.

Среди новостей, переданных нашими гостями, наибольший интерес вызвал один «роман». Конон, красивый эвен, самый молодой из промышленников, имел прошлым летом невесту. Мы спросили, женился ли он за это время или же свадьба еще ожидается? Оказывается, вскоре после своего возвращения с промысла Конон послал своей невесте отказ и объяснил, что выбрал себе другую, более молодую невесту, четырнадцатилетнюю девочку. Через два года должна состояться свадьба. Конон с большим хладнокровием перенес последствия нарушения договора о помолвке, а именно утрату восьми живых оленей, 35 рублей наличными деньгами, четырех бутылок водки и нескольких мисок с жиром — это была цена выкупа — «курум» за невесту, который он уже полностью внес. Кому же теперь перепадет этот солидный «капитал», который вернулся бы к нему обратно в виде приданого, если бы свадьба состоялась? Ни в коей мере он не предназначался оскорбленной невесте в «утешение» и вознаграждение за пережитые огорчения. «Курум» — залог верности Конона и доказательство его способности прокормить свою будущую семью, должен был быть передан ее старшему брату, якуту Егорчану, так как отца невесты не было в живых.

Вторая невеста — Анна, дочь эвена Микантая, живет в Мохнатке. По контракту, предложенному отцом невесты, за Кононом значится 15 живых оленей, восемь жирных оленей для свадебного пира и 120 рублей деньгами. Этот вдвое больший, чем прошлый калым, или, вернее сказать, «курум», следовало вносить в течение двух лет.

Когда я заинтересовался мотивами такого поступка Конона, Николай сказал, что он действовал правильно, так как первая невеста очень некрасива, а вторая красивее и добрее сердцем. Воздорожание стоимости невесты могло объясняться недоверием к жениху, который уже раз нарушил обет верности. С другой стороны, можно думать, что высокая оплата работы Конона в экспедиции стала известна на материке, и это могло обусловить высокую цену невесты.

Путешественниками и этнографами «калым», или «курум», толковался как выкуп невесты или уплата за жену. Этот взгляд не совсем верен. Я много раз слышал от якутов и эвенов, что чрезвычайно редко можно встретить отца, который не отдает обрученным обратно большую часть курума сверх приданого, а лучшие из отцов гордятся возможностью подарить больше приданого, чем уплатил жених.

21 февраля прибыл наконец Стрижев. Он доставил почту. Для меня были только телеграммы! Это была капля воды на пересохших губах жаждущего. День спустя прибыл Бруснев, с ним вместе «голова» — якут Алексей Томский, которого я знал с 1893 г. В поварне собралось 13 человек. Некоторые из прибывших страдали тяжелым надрывным кашлем. Тотчас после получения почты я должен был сделать распоряжения, составить телеграфный ответ и написать письма. От президента Академии наук поступила благожелательная телеграмма. Прибыли также газеты, но текущие заботы оттеснили пока на второй план все мысли о мировых событиях. К вечеру 24 февраля обратная почта была мной закончена, и на следующее утро Воллосович отправился в путь. Бруснев проводит его до Качачьего и оттуда, не задерживаясь, поедет по моему поручению в Булун на Лене. Там живет несколько лет норвежец И. Торгерсен, бывший штурвальный парохода «Лена», прибывший вместе с «Вегой» к устью Лены. В то время это было первое судно, поднявшееся по реке Лене. В 1893 г. Торгерсен прошел вместе со мной на боте по западным протокам дельты Лены до Олененка. Позже он участвовал в плавании по восточной протоке Лены и дальше до Яны. Мне было чрезвычайно важно получить от Торгерсена более точные сведения о судоходности восточного Быковского протока, так как я решил будущим летом пройти с оставшимся углем к устью Лены и войти в этот проток или же встать на якорь в одной из защищенных гаваней северного побережья. Через две недели Бруснев мог бы привезти мне ответ в Айджергайдах. Стрижев

тоже уехал в Казачье с моими поручениями и чтобы немедленно выслать собак из Мохнатки. Ему предстояло сопровождать на Котельный первую партию промышленников на трех нартах, из которых одна упряжка поступала в распоряжение Матисена и две предназначались Бируле.

Мои нервы сильно взвинчены сумятицей последних дней. Теперь мне предстояло попрактиковаться в якутском языке, поддерживая разговор без Воллосовича. Впрочем, при помощи нескольких русских слов, принятых в словаре якутского языка, и при помощи жестикүляции удавалось установить деловой контакт с наиболее смышленными якутами.

До прибытия собак я мог посвятить свой досуг чтению привезенных Брусневым газет. Это были «Неделя» и «Восточное обозрение». Первая из них уже запрещена цензурой, вторая выходит, как и прежде, в Иркутске. Газеты охватывали период времени с января по ноябрь 1901 г.

Не первый раз я получаю в сжатой форме обзор мировых событий сразу за целый год, так как провожу в высоких широтах дальнего севера уже пятую зиму. При просмотре газет у меня создается впечатление, будто я с птичьего полета обзреваю суету Вселенной. Впервые я получил такое ощущение в конце 1885 г. и снова теперь, 17 лет спустя.

Пока я читал газеты, за мной не отрывая глаз следили оба наших якута. Какое впечатление произвели бы на моих гостей, якутов и эвенов сообщения о событиях, разыгравшихся за последнее время,—убийства многих государственных сановников, выступление христиан против китайцев, англичан против буров и т. д.!

2 марта большую радость мне доставил приезд моих друзей — Оммунджа и Максима. Мои старые друзья вошли в парню, одетые в свои лучшие праздничные меховые шубы с приколотыми на груди медалями, полученными в результате моего ходатайства по представлению Академии наук. Торжественность этой минуты была прервана сердечными объятиями. За горячим чаем, которым их тотчас угостили, началась дружеская беседа, поскольку удавалось понять друг друга. Кроме них, прибыли еще двое — жених Конон и Егорчан, который был завербован Стрижевым для поездки на Котельный в качестве третьего каюра. Они прибыли с 36 собаками, запряженными в две нарты. Наконец прибыл мой старый друг Джергели, разумеется в праздничной меховой одежде, украшенной всеми регалиями: нагрудной медалью за участие в экспедиции 1886 г. и большой медалью 1893 г. на шее. Встреча с ним и взаимные приветствия были очень трогательны. Перешагнув через порог, он перекрестился и поблагодарил бога, что ему довелось снова меня увидеть. Глаза у него увлажнились. За ним вошел его сын «Истипан», гордость и радость жизни Джергели. Кривоногий, на редкость некрасивый мальчуган, ко-

того девять лет назад мать вела при мне за руку, превратился в красивого парня, хотя и низкорослого, как и его отец. Матери не было больше в живых. Оммунджа был также вдов и жил совсем одиноко. Только Максим имел, если я правильно понял, жену и двух дочерей.

Теперь началось торжество, посвященное общим воспоминаниям и радости новой встречи. Я велел подать на стол лучшее, что у нас имелось «на кухне и в погребе», а именно, помимо вышеперечисленных лакомых яств, еще три бутылки коньяку и рому, только что доставленные из Казачьего, которые были выпиты до последней капли.

Характер моих трех гостей ярко определялся теми воспоминаниями и разговорами, которые были ими в первую очередь начаты или больше всего их волновали. Максим вспомнил случай, имевший место во время возвращения с островов в 1893 г., и связанные с ним реплики. В противоположность этому Оммунджа вспомнил зрелище, которое произвело на него сильное впечатление на всю жизнь. Это была сцена, разыгравшаяся зимой 1886 г. в Урассалахе на острове Котельном: отправляясь в октябре месяце того года через Ляховские острова обратно на материк, я оставил в поварне немало сбереженного продовольствия, которое распорядился доставить следующей весной на материк. Кроме съестных припасов, у меня оставалось полбочки чистого спирта, предназначенного для зоологических коллекций. Мне не хотелось привозить эту отраву на материк, особенно в Казачье, где обычно спаивалось население; оставлять же спирт здесь в поварне было опасно для проезжающих промышленников и наших проводников, так как искушение полакомиться водкой могло привести к самым печальным последствиям. Исходя из этих соображений, я велел вылить в снег четверть тонны 90-градусного спирта к неопишущему ужасу моих друзей, особенно Оммунджа, который тотчас бросился животом на снег, стараясь слизать языком разлившуюся драгоценную жидкость. Изображая теперь эту сцену, Оммунджа удачно показал жестами и мимикой, как я ему в этом препятствовал, плотно утрамбовывая снег.

Джергели был задумчив и весь ушел в себя. Он рассказывал, как, узнав в ноябре месяце о том, что «Заря» зазимовала в Нерпичьей бухте, возымел сильнейшее желание приехать ко мне, но за недостатком собак и по своей физической слабости был вынужден отказаться от этого предприятия. Джергели поделился радостью, обуявшей его, когда до него дошла весть, что с острова Котельного я прибыл сюда на материк, и рассказал, как он немедленно собрался в путь. Дорога стоила ему больших сил, и он сомневался, сможет ли ехать дальше, но вот сейчас, прибыв сюда, почувствовал себя совершенно здоровым.

Когда была достигнута высшая точка довольства и радости, она нашла себе выражение в своеобразном пении. Это пение представляет собою импровизацию монотонной песни в однообразном ритме и с неуловимой мелодией. Для понимания текста этих песен требовалось, разумеется, знание языка большее, чем мое. По своему содержанию песни заключали выражение ощущений настоящего момента или же воспроизводили воскресшие в памяти настроения.

Таким образом, поварня была полна жизни. На ночь на покой ложилось не менее десяти человек. Кроме вышеперечисленных, прибыл еще старый знакомый, одул Егор. Его брат из Муксуновки тоже был моим гостем в течение недели. Оба старых джентльмена выделялись своим величавым видом, молчаливостью и прекрасным аппетитом. Они были, по-видимому, хорошими мужьями, так как каждый из них откладывал что-нибудь для своей жены: один спрятал большой сухарь, который был ему не по зубам, другой отложил табак; кроме того, оба попросили лекарств для своих жен. К сожалению, я не мог удовлетворить их просьбу, даже если бы имел при себе аптечку, так как мне не удалось выяснить, какой болезнью страдали их жены.

Радость этого дня омрачилась, однако, печальным происшествием. В тесноте во время приветствий я не успел принять мер предосторожности, и единственный термометр оказался разбитым. В связи с вынужденным окончанием метеорологических наблюдений придется за февраль дать приблизительные сведения. Различались более теплый и более холодный периоды. Первый продолжался с 1-го по 9 февраля со средней температурой $-27,1^{\circ}$. Второй период длился с 10-го по 28 февраля с температурой $-37,5^{\circ}$. Следовательно, температура была близка к точке замерзания ртути. Средняя температура за весь февраль месяц была $-34,6^{\circ}$. Абсолютный минимум пал на 9 часов вечера 16 февраля $-48,2^{\circ}$. Второй период длился до конца нашего месячного пребывания в Айджергайдах. Здесь господствовали восточные ветры. Наибольшей силы (13 м/сек) достиг юго-восточный ветер 19 февраля. В те дни, когда пурга продолжалась долго и отличалась особой силой, мои друзья говорили: «совсем как западный ветер». Западного ветра они более всего опасались ввиду его продолжительности, силы и резкости.

Все это время было мало полярных сияний, только изредка показывалась низкорасположенная бледная дуга, протягивавшаяся по темному сегменту от севера до востока. Лишь 21 февраля в 9 часов вечера я наблюдал над горизонтом невысокую завесу. Мои друзья утверждали, что прошлая зима отличалась обилием северных сияний.

Если бы я был одарен в лингвистике, то в настоящий момент прекрасно изучил бы якутский язык и остальные мест-

ные наречия. Я записал некоторые из моих разговорных опытов, свидетельствующих о том, насколько эвенское наречие отступает от остальных эвенских. Однако мои наблюдения не претендуют на научную ценность, так же как и приводимые здесь замечания по этнографии. Но полагаю, что труд их занесения в дневник будет не напрасен, если мои скромные строки смогут внушить читателям хотя бы небольшую долю той симпатии, которой должен обладать каждый по отношению к обездоленным обитателям тундры, кочующим по ту сторону полюса холода, каждый, кому представится случай узнать их при тех же обстоятельствах, как это довелось мне.

Пробуждение научного интереса, особенно к эвенам, тем желательнее, что эта народность идет по неизвестной нам причине навстречу своей верной гибели или же растворяется в другой народности.

Дарвин говорит: «В длительной истории земли нет иного столь трудно объяснимого факта, как постепенное истребление ее обитателей.» Когда буду касаться вопроса о мамонтах, вернусь еще раз к этой проблеме. Упомянув об уменьшении народонаселения в Новом Южном Уэльсе²³, Дарвин говорит: «Предполагают, что большое число детей погибает в раннем возрасте под влиянием кочевого образа жизни»... «Но, помимо различных явных причин вымирания,— продолжает Дарвин,— повсеместно действуют какие-то иные, еще не разгаданные влияния».

Аналогичным образом обстоятельства складывались и здесь. Мои друзья представили мне некоторые печальные сведения по вопросу детской смертности здесь, в тундре! У Омунджи, который второй раз овдовел, как и у Джергели, было по два ребенка, умерших в раннем возрасте. У Николая Омука, женатого пять лет, единственный ребенок тоже рано умер. Якут Василий Чикачев женат уже шесть лет, потерял двух детей и не имеет больше потомства²⁴. Высокая смертность детей, как и опустошающие эпидемии, помимо других причин, могут вести к вымиранию одулов.

Якутский «крестьянин», т. е. потомок русского поселенца времен Екатерины II Портнягин, обладающий несколькими каплями русской крови, следы которой едва заметны в чертах его лица, имел наибольшее число детей из всех известных мне обитателей этой тундры — у него три дочери и три сына, все живы и здоровы по сие время. Скрещивание с другой народностью и принятие ее языка служит также существенным фактором исчезновения малой народности с лица земли. Здесь, во время совместной жизни с моими друзьями, я нахожу этому подтверждение.

Эвенский язык совершенно непохож на якутский, так как эти народы не имеют родства. Якуты принадлежат к ураль-

ско-алтайской народности²⁵, от которой ответвляются также татары и турки, и якутский язык похож на языки обоих только что упомянутых народов. Числа от единицы до десяти произносятся в Константинополе и Якутске почти совершенно одинаково: бир, икки, юсс, без, алта, съетта, агхиз, томуз, он. На эвенском и эвенкском языках эти числа звучат иначе: уммон, дьюре, аллон, дигген, тонон, ньюнген, надон, дьяпкон, уйон, дханзе; их произношения на обоих языках не отличается одно от другого.

«Лам» означает по-эвенски на Нижней Тунгуске — море; отсюда население северных морских берегов Сибири, было русскими названо ламутами²⁶.

Эвенки рассматриваются этнографами как монголы, наиболее близко стоящие к маньчжурам. Это палеоазиатский народ как и одулы. В те времена, когда якуты продвигались с юго-запада на север, одулы составляли здесь господствующее население. Позже они почти совсем вымерли²⁷.

Оставшихся одулов называют «наслегом»²⁸, что можно было бы перевести словом «племя». Уцелевшие одулы не имеют самостоятельного языка и пользуются эвенским. Подобный «наслед» образуют также эвены. К наслегу «каменных» эвенов относятся наши три друга: Джергели, Оммунджа и Максим. Впрочем их полные имена по-русски звучат иначе: Василий Дьяконов или же Протодьяконов, Наум Горохов и Максим Санников.

В большей части Якутии наиболее распространен якутский язык. Каждый эвенк и эвен Янского, Ленского, Оленекского и Анабарского округов говорит по-якутски, а в Якутске каждый русский горожанин знает этот язык. В мою бытность в Верхоянске и Казачьем купцы и казаки говорили по-якутски лучше, чем на русском языке. Исключение представляло русское население в устье Индигирки. Браки между якутами и эвенами встречаются очень часто, смешение обеих народностей совершается настолько интенсивно, что трудно встретить чистокровного эвена.

На следующее утро Джергели высыпал к моим ногам в подарок груды прекрасных мороженных чиров. Максим вытащил пару красивых рукавиц из песцового меха, а Оммунджа, который тщетно озибался в поисках подарка, схватил свою меховую шапку и передал ее мне с поклоном. Она была сшита его покойной женой и составляла его единственный головной убор. Чтобы не обидеть его возвратом подарка и не вызвать насмешек присутствующих, я сделал вид, будто не знаю, что у него нет другой шапки и поблагодарил за подарок, но через два дня вернул, и он с радостью взял ее.

Затем все трое достали свои свидетельства на полученные медали и просили меня прочесть. Прочитав текст, я официально поздравил их с наградой. Они со своей стороны благо-

дарили меня за мой денежный подарок. Это был уплаченный мною взнос, который причитался с них при получении медалей: Джергели должен был внести за каждую медаль по 7 руб. 50 коп., столько же Максим за свою серебряную и Оммунджа 30 рублей за золотую. Оммунджа рассказал, как он был вызван в улусное управление²⁹ и отказался от медали, не имея денег. Немало радости доставил обоим старикам запас патронов к их берданкам, которые были мной посланы через Воллосовича и Бруснева.

Во время собеседований этого дня выяснилось, что все присутствующие оказались моими старыми знакомыми, но я не всех сразу узнал. Так, например, выяснилось, что Степана я встретил в 1885 г. в Кюсюре на Лене во время охоты за горными баранами. С тех пор горные бараны, по его словам, сильно размножились в Хараулахских горах, так как охотники эвены почти все вымерли во время эпидемии.

Хозяйственное положение моих друзей значительно улучшилось за последние годы. До экспедиции 1885—1886 гг. Оммунджа был беден и служил пастухом у купца, а теперь он владел 30 оленями. Его «балаган» (дом якутского типа) стоит на границе лесов на берегу озера Ухан. Летом он переселяется со своим стадом на морской берег к Меркушиной стрелке. Здесь, как и в тундре между Святым Носом и устьем реки Хромы, живет каждое лето около 40 человек. Они бьют гусей во время линьки, охотятся на оленей и собирают мамонтовую кость. Прошлым летом было собрано до 1500 кг бивней. Джергели кочует летом в ближайших окрестностях Святого Носа, южнее его, а зиму проводит в устьевом участке реки Яны у границы леса, переходя с места на место со своим чумом.

Сведения о состоянии морских льдов в течение этого лета, которые были сообщены приезжими, представляли большой интерес. Они существенно отличались от данных д-ра Бунге и полученных мной в 1886 г. Объясняется это, очевидно, тем, что в то время мы общались с промышленниками через переводчика, нашего казака, и я убедился теперь, как из-за неточного перевода возникают искаженные представления и какие неверные сведения добавляют сами от себя переводчики.

Здесьние кочевники настолько напуганы чиновниками, которых они видят, правда, очень редко, что на каждый вопрос неизменно отвечают: «я не знаю», или же стараются дать ответ, желательный, по их мнению, задающему вопрос начальнику. Лишь многократно повторяемые вопросы и длительные собеседования развязывают им язык, что бывает, впрочем, только в тех случаях, если «тойон» заслужит доверие.

Оммунджа сообщил, что в 1900 г. лед в проливе Лаптева исчез почти полностью, а в 1901 г. его вовсе не было. Столь

благоприятного лета он не помнит. В противоположность этому, летом 1899 г. лед отступил от берега всего на 4 км, и посреди пролива оставалась узкая полоса чистой воды. Несколькими днями позже проводник Бунге Портнягин сообщил, что у Святого Носа ледовые условия в лето плавания «Веги»³⁰ были, как и год назад, весьма благоприятны. Оммунджа и Джергели были в этом вопросе вполне единодушны, и со стороны остальных промышленников также не встречалось возражений. Согласно их наблюдениям, лед в проливе Лаптева вскрывался каждое лето, и небольшие ледяные поля и отдельные льдины перегонялись ветром по чистой воде, но в августе месяце фарватер оставался неизменно свободным. Столь благоприятные годы, как оба последние и особенно 1901 г., когда льда совершенно не было, составляли, конечно, исключение. 30 лет назад Джергели провел лето на Бельковском острове и вскоре после этого на острове Фаддеевском. Тогда к северу от острова море было свободнее от льда, чем на юге. С Ляховских островов, на которых Джергели провел 6 летних сезонов, было постоянно видно более или менее свободное от льда море. О полынье севернее островов Котельного и Новой Сибири Джергели знал по рассказам старого Санникова, «Неденстрона» и «Анса» (Геденстрона и Анжу).

Когда разговор коснулся наблюдений Анжу, который проследил олени следы на протяжении 20 км на северо-северо-запад от Фаддеевского острова, Джергели заявил, что там должна находиться земля, так как олень знает, куда идти, а объяснение Анжу, что олени шли в море, чтобы полакомиться «рассолом», он считал необоснованным. По его мнению, олени могли найти пропитанный солью лед и близко у берега. Джергели утвердился еще более в своем мнении, когда я рассказал, что американцы нашли олени рога на острове Беннета. Интерес к этому острову особенно возрос, когда я рассказал промышленникам о множестве птиц, виденных нами на мысе Эммы. Когда же я заговорил о найденных там зубах мускусных быков, которые встречаются на Новосибирских островах и на материке совместно с мамонтовой костью, то интерес к «Америкатер-ары» (острову Беннета) настолько возрос, что оба джентльмена стали проклинать свою старость, которая препятствовала им сопровождать меня, а Оммунджа сказал, что если я после поездки на остров сообщу, что на нем есть олени и мамонтовая кость, то он готов перебраться на него и остаться там.

8 марта Николай Омук, один из будущих моих проводников на остров Беннета, прибыл с собачьей упряжкой из Качаьего. Это расстояние в 370 км он проехал в 2½ дня, не останавливаясь ни днем ни ночью. Из разговоров о его зяте Василии Чичаге, с которым он жил в одном доме и который был завербован еще осенью для поездки со мной на остров

Беннета, стало ясно, что тот колеблется принять в ней участие. Я надеялся, что суждения стариков — самых уважаемых промышленников — окажет на молодежь решающее влияние. Однако Оммунджу с его критическим умом было не легко заставить отказаться от мысли, что мой план невыполним, и только когда Джергели ему разъяснил, что там, на острове, птичьи горы и настолько много птиц, выводящих своих птенцов, что их количество можно сравнить с роем комаров над тундрой в теплый летний день, Оммунджа сдался.

4 марта Степан, Конон и Егорчан выехали на трех собачьих нартах на Котельный. По расчетам Степана, они через 12 дней должны быть на «Заре», если их не задержит в пути шторм. Почта была доставлена на «Зарю» точно по расчету 16 марта, но письма получили немногие.

К «норветерам» (норвежцам) и в особенности к Нансену Джергели относился с чувством величайшей симпатии. Сколько бы я не рассказывал о «Фраме» и путешествиях Нансена и Иоганнсена, ему было все мало, хотя разговоры о чудесах на «Заре», или «порходе», велись в течение всей зимы, но материал на эту тему оставался неиссякаемым. Джергели от души смеялся, когда Николай Омук рассказал об охотничьих похождениях Аскика, и прибавил: «Этого молодца я должен видеть». Он твердо решил приехать к «порходу», когда узнал о моем плане окончания экспедиции в устье Лены.

Через несколько дней снова возникли возгласы удивления, когда появились новые слушатели рассказов Николая Омук. Это были Портнягин и якут Уйбан с сыном. Портнягин, широкоплечий, необычайно некрасивый якут, с жидкой бородкой, напоминавшей о его русском происхождении, закончил осмотр своих капканов и завернул теперь в Айджергайдах, чтобы приветствовать меня и справиться о состоянии здоровья своего бывшего «тойона Бунга». После того как он получил ответ на все свои вопросы и после выпитого с нескрываемым удовольствием горячего чая, он стал разговорчивее и рассказал не без юмора о медвежьей охоте доктора Бунге у Медвежьего мыса острова Котельного. Этот рассказ все слушатели знали уже наизусть, но тем не менее вознаграждали рассказчика полными удивления возгласами «хукси» и «ед-де-ден». Через несколько дней Портнягин снова отправился в путь, у него было достаточно оснований, чтобы не относиться нерадиво к добыванию песцов, так как надо было прокормить шестерых детей и, кроме того, приходилось вносить 25 рублей годового налога не только за себя, но и за умерших братьев своего поселения. Если не ошибаюсь, род Портнягиных является единственным из числа переселенных сюда около 250 лет назад крестьян. Однако все члены общины остались в полном составе в списках местного административного управления, и подушные подати, которые около

250 лет назад взимались в размере 1 рубля с каждой души, продолжают взиматься и теперь. Сюда, в область полюса холода, кроме политических, ссылались также уголовные по отбывании принудительных работ или после помилования по амнистии. Согласно положению, политические получают от казны субсидию, при помощи которой могут влачить жалкое существование, а уголовных преступников крестьяне должны кормить без какого-либо вознаграждения.

Распределение уголовников между поселениями производится администрацией губернии. Число опекаемых уголовников превышает в этом году число крестьян Жиганского улуса. В 1893 г. я узнал о трагическом случае, имевшем место в районе устьевого участка реки Оленек. От прежнего крестьянского поселения там остался лишь один представитель, обитатель тундры, в якутских жилах которого почти не оставалось русской крови. К этому якуту было прислано пять бывших уголовников на пожизненное попечение, против чего он возражал перед ближайшей правительственной инстанцией. После того как в течение долгих лет его заявления оставались без ответа, он решился на самоуправство и во время сна перерезал горло своим пяти опекаемым. Якут был арестован, отправлен в Якутск и осужден на каторжные работы. Как я теперь узнал из источников, заслуживающих доверия, этот случай был не единичным. Якуты прибегают к такому способу, чтобы освободиться от выполнения долга «верноподданных», и после осуждения на бессрочные каторжные работы довольствуются сознанием, что их семья оказалась таким образом избавлена от опеки над уголовными преступниками. По-видимому, подобное средство защиты оказалось запоздалым, так как болезни, главным образом сифилис, распространились в Верхоянском районе и Усть-Янском округе в необычайных размерах.

Для понимания нравов и быта населения севера Азии я должен поделиться в нескольких словах теми сведениями, которые мне стали известны по чистосердечным признаниям моих друзей, а также на основе собственных наблюдений во время путешествий в районах Яны, Лены, Оленека, Анабара, Хатанги и Енисея.

Три смертных греха, которые были известны Джергели, Оммунджа и Никите, по их понятиям, следующие: прелюбодеяние, воровство и клевета. Гостеприимство и взаимопомощь в борьбе с суровой природой обычны для обитателей тундры. Возможности убийства они даже не допускают. Отсюда понятно, что у них не возникало мысли о существовании такого греха. Насколько помнят старожилы, преступление 1893 г. было первым в этом округе прибрежной тундры. Один случай людоедства вследствие голода, разыгравшегося среди промышленников на острове Котельном приблизительно 25 лет

назад, является единственным в этом роде и не может быть отнесен к категории убийств.

Что касается религии якутов, то их представления чрезвычайно просты и наивны: существует бог-отец, богоматерь, бог-сын и святой Николай, который также могуществен, как все трое вышеназванных. У повелителя всей земли бога Тангара, как и у каждого властелина, имеются свои помощники, подобно тому, как у каждого купца есть для помощи приказчики. Если хочешь, чтобы удалась сделка с купцом, надо подарками расположить приказчиков в свою пользу. Точно таким же образом святому помощнику великого Тангары должен быть при случае преподнесен подарок, например свечка, чтобы он позаботился о хорошем месте в небесном царстве. Большие церковные праздники известны всем обитателям тундры, но Джергели выделялся среди остальных точным знанием всех праздников в году, которые он почти безошибочно перечислял по порядку. Для путешественника имело практическое значение знать главнейшие праздники и их якутские названия, так как обитатели высоких северных широт не знают названий месяцев, как и чисел, а определяют время по соответствующим праздникам. Представляют интерес праздники, связанные с наблюдениями над природой. Так, например, Иегорьеп — Егор — (6 мая н. ст.) соответствует самому раннему началу снеготаяния в Усть-Янске. Царь Костакин — Константин (3 июня н. ст.) — совпадает с временем прилета на острова птиц (гаги, гребенушки). Михайла (21 ноября н. ст.) — начало полярной ночи в устьанской тундре и т. д.

Однажды вечером (это было в воскресенье 9 марта), перед тем как ложиться спать, я увидел, что Джергели подошел к Оммунджа, подал ему руку, поцеловал и сказал «прости». Его примеру последовали остальные присутствующие, сказав друг другу «прости», причем некоторые из них трясли только руку. Истипан почтительно поцеловал руку своему отцу и его старому другу. Они подошли также ко мне, чтобы сказать мне «прости». Я не сразу понял значение этой сцены и спросил, не решили ли они сегодня разъехаться и не думают ли оставить меня одного или же хотят предварительно выпиться? Тогда мне объяснили, что они просили друг у друга и у меня прощение, так как сегодня большой церковный праздник. Теперь я понял, почему мои друзья стояли сегодня особенно долго перед своей иконой, крестились и отвешивали низкие поклоны. Икону носят на груди в кожаном мешочке и берут постоянно с собой в дорогу. В доме «тангару» вешают в углу против камелька, а в чуме привязывают к шесту против входа. Отправляясь на охоту, ковчегники оставляют его дома, как ничего не смыслящего в охоте. О ловле песцов, как и обо всем, касающемся природы, «тангара», по их мнению, также не имеет никакого представления. Специалистами в

Этих делах считаются «ичиты» различных областей: островной, морской, живущий на материке и т. д. Об этих «ичитах» мало что известно. Мои собеседники рассказали только, как в давние времена островной «ичита» явился однажды промышленнику. Это было зимой в тундре на материке. Промышленник осматривал свои капканы и, к своему большому огорчению, не нашел в них ни одного песца. В это время с севера с островов приехал на нарте седой человечек, одетый в белые меховые шкуры. В его нарту были запряжены белоснежные собаки. Человечек подсел к якуту и спросил, нет ли у него при себе колоды игральных карт? Якут, который, как и все промышленники, не мог отказать в просьбе игроку, достал в ближайшем жилье колоду карт, и тогда началась азартная игра. Седой человечек начал метать банк и проигрывал раз за разом, но не успел якут взыскать свой выигрыш, как человечек собрал карты и уехал с такой быстротой, что якут не смог крикнуть ему вдогонку даже бранного слова. В это мгновение его взгляд упал на песцовый капкан, там находился придавленный насмерть песец. Во втором капкане тоже был песец и так пошло дальше — во всех капканах оказались песцы. Промышленник стал за один день состоятельным человеком. Белый человечек оказался островным «ичитой», но с тех пор больше никто его не видел. Все сведения о нем ограничивались тем, что он был страстным картежником. Якуты говорят, что и все остальные «ичиты» собираются вместе, чтобы играть в карты. Когда проигрывает островной «ичита», а материковый в выигрыше, в тот год на материке много песцов, а на островах песцов почти не встречается. Таким же образом объясняется неравномерность появления стад диких оленей и их численности. Якуты полагают, что «ичиты» проигрывают не только песцов и оленей, но и мамонтовые бивни.

Утром Джергели и Оммунджа уехали на охоту. На ровной тундре, где нет байджарахов, под защитой которых охотник мог бы незаметно приблизиться к оленям, эвены пользуются оленьей упряжкой. Обнаружив диких оленей, охотник объезжает широким кругом стадо по низине под защитой какой-либо возвышенности, чтобы приблизиться с наветренной стороны. Когда он выходит из-под прикрытия, начинается бешеная охота, успех которой зависит от стремительности бега оленьей упряжки и ловкости самого каюра. Джергели вернулся вскоре после полудня с пустыми руками. Оммунджа оставался дольше, из чего мы заключили, что он вернется не без добычи. Наше предположение вскоре подтвердилось — Оммунджа привез двухлетнюю оленью самку. Старик сильно устал и все же сиял от удовольствия, что ему удалось при помощи подаренных мною ружья и патронов добыть для меня мясо. Рога этого оленя я сохранил на память. Меня тронуло прекрасное и вполне естественное разделение труда, имевшее

Отъезд вспомогательной партии из Михайлова стана

Доктор Вальтер в магнитно-метеорологическом домике

Байджарахи

Вдоль полыньи по тонкому льду

место у стариков: утомленный охотой Оммунджа, усевшись у огня, подкреплялся чаем и курением бесконечного числа трубок, а в это время его друг Джергели, который был на десять лет старше, свеживал оленью тушу, Истипан распрягал упряжку. После того как Джергели содрал шкуру с ног оленя, началось пиршество. Каждый хватал левой рукой кость, на одном конце которой были слегка подрезаны сухожилия, захватывал зубами конец жилы и отрезал его быстрым, ловким движением остро отточенного ножа, держа его в правой руке и проводя им снизу вверх вплотную мимо носа и рта. Кто не привык к этому зрелищу и не был знаком с ловкостью едоков, невольно смотрел на землю, ища там глазами отрезанный кончик носа участника пиршества и одновременно инстинктивно дотрагивался до своего собственного носа. Неподражаемая ловкость такой ухватки находила объяснение в том, что у моих друзей, за немногим исключением, нос устроен иначе, чем у нас — у них он более плоский, так что нож может скользить отвесно вверх от линии губ, не задевая его кончика. У тунгусов и якутов скуловые дуги настолько резко выступают вперед, что у некоторых нос полностью складывается по линии профиля, что благоприятно сказывается на его защите от ледящего бокового ветра.

Пир продолжался. Отрезанный кусок жилы проскальзывал в рот едока с таким же всасывающим вкусом, с которым мы, европейцы, даем устрице соскользнуть на язык. После того как все жилы, вплоть до последних волокон, съедены, наступает обычно момент самого большого наслаждения. Уверенной рукой наносятся удары спинкой ножа по трубчатым костям, чтобы их расколоть вдоль, по возможности одним ударом. После того как кость расколота, раздается снова всасывающий звук и поглощается венец всех вкусовых усад полярного человека — великолепный, отливающий розовым отблеском, сырой костный мозг.

Пока Истипан собирал пасущиеся олени стада, его порция была, разумеется, сохранена для него. Он вернулся с сообщением, которое взволновало всех присутствующих: две важности из стада Джергели и один самец Оммунджи убежали с дикими оленями. Эта потеря была для Джергели очень ощутительна, так как его стадо состояло в основном из молодняка и насчитывало только тринадцать голов. Оммунджа прибыл сюда с упряжкой из пяти оленей; потеря самого сильного из них не могла не осложнить его возвращения в свое жилище. Мне не хотелось видеть своих старых друзей опечаленными и, чтобы возместить утрату, я обещал купить им в Казачьем оленей взамен убежавших. В подтверждение своих слов я добавил, что не сомневаюсь в возможности найти в продаже оленей у купца Санникова или же у местного священника отца Фрументия, владельца большого стада. Мои

друзья поблагодарили меня, но мои слова не произвели, по-видимому, желанного впечатления. Через некоторое время Оммунджа встал и объяснил, что их убыток остается таким же, если они получают взамен убежавших оленей от «Перемента» (т. е. Фрументия). Священник даст, несомненно, самое плохое животное из своего стада, которое, будучи впряжено в нарту, тотчас, обессиленное, свалится. Олень от «Перемента» не может быть употреблен даже на убой, так как он продаст самое истощенное животное; мясо его будет жестким, и желудок Оммунджи не сможет принять такую пищу, а тотчас должен будет вернуть проглоченное обратно. Когда я заверил стариков, что возмещу их урон оленями Санникова, мои друзья успокоились.

На следующее утро, 11 марта, была очередь Джергели собирать оленье стадо. Он вернулся чрезвычайно довольный, так как обе важеньки возвратились, но третьего оленя не было. Потерю Оммунджа мне удалось возместить здесь, в Айджергайдахе.

Создалось бы превратное понятие о вкусах обитателей тундры, если бы я не упомянул, что наряду с лакомыми блюдами «аттак»³¹ и «тонг-балык» они получали огромное удовольствие от европейского стола. Я почти не встречал промышленника, которому не нравились бы наши консервы или суп, приготовленный с сушеными овощами и капустой, или же гречневая и овсяная каша. Правда, прибавка соли или перца не соответствовала их вкусу, но чем жирнее было кушанье, тем больший вызывало аппетит; все печеное и сладкое пользуется не меньшим успехом. Учитывая образ жизни своих гостей, я старался сделать их пребывание у меня насколько возможно приятнее. Больше всего их прельщала водка, но у меня не было ни одной капли спиртного, так как коньяк и ром были выпиты в день приезда моих старых друзей.

Здесь, на севере, водочная торговля, за исключением Верхоянска, запрещена законом, но каждое деловое посещение и каждая коммерческая сделка с купцами должна начинаться с «угощения». Чем любезнее угощает купец своих клиентов, тем популярнее он среди промышленников. После того как я отправил на «Зарю» часть доставленного из Казачьего продовольствия и, помимо того, обеспечил из своих запасов партию промышленников, через некоторое время в моей «продовольственной кладовой» не осталось ни сухаря, ни куска сахара, ни масла. В этот трудный момент Джергели порадовал меня почти двухфунтовым куском сахара, которым он сам не пользовался, чтобы сберечь для меня. Вместо сухарей Джергели варил «саламат» — жидкую кашу из ржаной муки, которая без масла была невкусна и малопитательна. Обитатель тундры ощущает большую потребность в этой еде, но цены на муку не всегда доступны.

В дни надвигавшегося у меня «голода» появился якут Уйбан со своим сыном Николаем. Это было 14 марта. Он привез прекрасный подарок: два больших мороженных чира, ковригу хлеба и небольшое количество юколы — сушеной рыбы высшего сорта. Качество юколы зависит от ее величины и содержания жира. Самая жирная юкола высоко ценится в виде закуски к чаю, а тощая и сухая употребляется для корма собакам. Юкола готовится обычно из муксуна, кроме того, из этой рыбы готовится «кочемас»; разница между ними в том, что из последней, в противоположность юколе, не удален хребет. Оба сорта рыбного продукта высушиваются на воздухе, а юкола подвергается еще после этого легкому копчению.

Я оказался в затруднительном положении, не зная, какой ответный подарок сделать своим гостям, чтобы не ограничиться простой словесной благодарностью за их дары.

Одновременно со второй почтой я ждал из Казачьего новый запас продовольствия. Прожить несколько недель без сахара и сухарей было для меня привычным делом, но самое неприятное заключалось в том, что я не мог действовать соответственно званию «олохон-тойона», т. е. не мог одарить своих друзей щедрой рукой, как я это обычно делал.

Сегодня 15 марта. Расторгуев может привезти почту сегодня вечером, так как Бруснев назначил ему крайний срок приезда в Казачье 10 марта. Я считал Расторгуева надежным человеком, и было почти невероятно предполагать, что он запоздает. Но когда точно произведенный мною расчет не подтвердился и мое терпение иссякло, я послал 17 марта нарочного с письмом в Казачье, чтобы восстановить нарушившуюся где-то связь. Одновременно послал якута Кирилла за «фуражом», и он привез из Казачьего 5000 сельдей для корма собакам. Кроме того, я поручил ему купить в Муксуновке в кредит жирного оленя. Тем временем был разделен последний хлеб, подарок Уйбана. Джергели, заметив это, тотчас исчез и, порывшись в своих вещах, вернулся с двумя большими пряниками и со словами: «Ты не должен ни в чем нуждаться, я могу тебя выручить», с торжественным видом положил их передо мною на стол.

На следующий день Кирилл вернулся на запаренных оленях из Муксуновки. Он отсутствовал всего 32 часа, и за это время, не меняя оленей, проехал расстояние в 180 км, считая туда и обратно. Привезенную им тушу жирного оленя отнесли в поварню. Мои друзья получили лакомые куски. Сверх ожидания Кирилл блестяще выполнил все мои поручения. Он достал из мешка еще следующие сокровища: бутылку топленого масла, 800 г сахару, в отдельном чистеньком ситцевом мешочке, 12 кг ржаных сухарей, точно такой же второй мешочек с баранками из гречневой муки и особый дар хозяйки

дома из Муксуновки — красивую фунтовую жестяную коробку с бисквитами московской фирмы Эйнем. Я обнаружил на дне коробки нацарапанную цену в 5 рублей. Для представления об этой цене необходимо указать, что купленный мной олень стоит 8 рублей. Благодаря доставке грузов по Сибирской железной дороге торговля в последнее время оживилась, но, хотя расстояние от Москвы до Святого Носа и очень велико, я не думаю все же, чтобы непомерно высокая цена многих товаров зависела только от путевых тарифов.

Уйбан, например, уплатил за свое ружье, которое бьет оленей только с близкого расстояния, 50 рублей. Эвен, как правило, не тратит ни одного выстрела на птицу, он бережет дорогостоящие патроны или порох и свинец для охоты на оленей и старается по возможности застрелить одним выстрелом сразу двух животных, стоящих боком друг за другом. Линяющих гусей эвены бьют дубинками, а гагар, гаг и лебедей убивают стрелой. На морянок и более мелких птиц они вообще не охотятся, но с удовольствием лакомятся яйцами водоплавающих и голенастых птиц. Яйца зуйков, как мне помнится, самые вкусные из всех, которые я когда-либо ел. Белок после варки остается стекловидно белым, а по вкусу яйцо напоминает сладкий миндаль.

В разговоре с Джергели я нашел путь, чтобы освободиться от двух орнитологических грехов. Вопрос касается крачки с красноватой грудкой, застреленной мною в 1893 г. в тундре близ Селяха, где она гнездилась. Вечером в лагере я хотел снять с птицы шкурку, но за целый день хождения в теплую погоду ее тело разложилось и птицу пришлось выбросить. У меня сохранилась в памяти красноватая грудка птицы, и меня мучила мысль, что вместо крачки по своей небрежности я лишился, возможно, розовой чайки. Джергели убедил меня теперь, что птица была «кирелкой», т. е. крачкой. Второй мой грех касается голенастой птицы, которую мне так и не удалось словить в Айджергайдахе в июне месяце 1893 г. В то время в многоголосом хоре пернатых я услышал странный звук, похожий на звук трубы; он отдаленно напоминал крик нашей выпи. Мне, однако, не удалось точно установить, какой маленький музыкант производил эту странную музыку. Вернувшись с севера обратно на родину, я нашел в орнитологической библиотеке Миддендорфа описание северо-американского вида кулика и его токования, которое живо вызвало у меня в памяти звук трубы в птичьем оркестре Айджергайдаха. «Ут-ут-ут» звучала труба, производя этот звук при раздувании могучей, как меха, гортани.

Джергели и Истипан сразу догадались, о какой птице я говорил, и обещали мне достать «утути», как они называли эту птицу. «Утути» встречается также между Леной и Яной; поэтому я надеялся, что этим летом Бруснев достанет ее для

пополнения моей коллекции, тем более что Джергели и Истипан собирались поступить к нему на службу, чтобы присутствовать при прибытии «Зари» на стоянку. Я решил, что Истипан поступит на службу к Брусневу с вознаграждением 50 рублей за лето, а Джергели остается советником. Джергели был чрезвычайно доволен — ему предстояло провести лето без забот и, помимо этого, он надеялся получить подарки. Больше всего его привлекали запасы патронов на «Заре» и, быть может, берданка для Истипана. А Истипан покраснел от гордости и пробудившегося чувства мужского достоинства, так как эти 50 рублей — его первый личный заработок — должны были послужить обеспечением для его будущей семьи. Истипану 15 лет, но он уже жених в течение нескольких лет. Его невеста, по имени Ульяна, дочь эвена, зимнее жилье которого находится близ Хромы. Джергели уже уплатил курум: 15 оленей и 40 рублей серебром. Помимо этого, он должен обеспечить для свадебного пира выпивку и угощение. Первое обойдется немало, так как бутылка водки стоит не менее 3 рублей. «Первая» свадьба праздновалась год назад, «вторая» будет справляться через год и «третья» еще годом позже. Первая свадьба соответствует нашему обручению, вторая считается торжественным возобновлением контракта, а третья является настоящей свадьбой, после которой невеста покидает своих родителей и переезжает в чум или «балаган» своего мужа. На третью свадьбу приглашается «Перементай» для венчания по церковному обряду. За совершение венчального обряда Джергели должен ему уплатить 15 рублей. Эта сумма соответствует стоимости двух оленей. По словам Джергели, богачи платят вдвое больше, а у бедных, которые не могут уплатить наличными деньгами, «Перементай» берет, если нет ничего другого, последнюю шапку с головы. Свадьбы справляются только зимой, так как летом для этого нет свободного времени.

Я никогда не имел случая присутствовать в тундре на свадьбе и выразил большое сожаление, что вторая свадьба состоится не скоро. Откровенно говоря, вместо ожидания почты в Айджергайдахе я охотно поехал бы в Хрому ознакомиться с таким редким торжеством. Однажды вечером, когда разговор снова коснулся этой темы, Джергели сообщил о своей готовности немедленно выехать вместе со мной на Хрому и уговорить отца Ульяны справить вторую свадьбу теперь, вместо будущего года. О выпивке и угощении я хотел позаботиться сам и решил послать за ними нарочного в Казаچه. Омуджа поднялся тогда и сказал мне: «Из этого ничего не может получиться, так как не достает самого главного, а именно — свадебного оленя. Если в начале пира при отве-
дывании оленя пальцы съехавшихся гостей не погру-
зятся в его жир, а натолкнутся на жесткое мясо, то все гости

разъедутся обратно по домам. Свадебного оленя необходимо долго откармливать заранее. Собирать гостей на тощего оленя не полагается».

Это было так твердо сказано, что я отказался от мысли участвовать в свадебном торжестве.

Чтобы занять себя и своих друзей, я предложил гостям сделать модели оленьих и собачьих нарт, урас и «балаганов», капканов и т. д. Наибольшую ловкость проявил в этом деле Николай Омук. Однажды утром он сделал мне также лук и стрелу. Лук делают обычно величиною соразмерно сорту стрелка; длина лука соответствует размаху его рук. На конце стрелы находится наконечник из оленьей кости различной формы, в зависимости от назначения (конусообразной или в виде вилки и т. д.). Истипан вырезал из расщепленного дерева мишени в виде оленьих фигур. Этим деревянным фигурам и особенно оленьим рогам он сумел придать исключительно характерную форму.

Максим покинул меня прежде всех. Его призывал домой долг выполнения почетных обязанностей «старшины». Но мои старые друзья решили терпеливо ждать моего отъезда. Омунджа освободил свое спальное место у меня в ногах к приезду Бруснева и перебрался ближе к огню. Моими соседями у головного конца были Джергели и Истипан, но для прочих гостей не оставалось места на нарах. Когда с прибытием Бруснева и второй почты число приезжих увеличится до 20 человек, весь пол ночью будет устлан спящими. Эта поварня не больше якутского чума; площадь ее около 4,5 кв. м, высота 1,85 м, причем немало места занимает открытый камелек. Днем стены, подверженные действию лучистого тепла камелька, оттаивают, но за камельком можно устроить ледник, а к ночи во всем помещении становится также холодно, как в леднике. Маленькие прозрачные пластинки льда, вставленные в два небольших оконных просвета, достаточно освещают помещение. Якутский «балаган» значительно теплее, чем поварня, так как он обычно обмазан глиной.

Последние дни я заметил таяние снега на солнце.

Так уходили медленно дни за днями. Если ветер был не очень резкий, я выходил в тундру на прогулку и сожалел при этом, что не привез с собою лыж. Обитатели тундры не пользуются лыжами главным образом по той причине, что для их изготовления нет подходящего крепкого дерева, а лыжи из лиственницы ломки.

19 марта после обеда я, как обычно, гулял по тундре. Неожиданно со стороны Муксуновки-гас показалась вереница оленьих упряжек. Это была почта! Я просил выслать письма вперед с нарочным, чтобы на досуге прочесть первые строки с родины и пережить наедине впечатления от долгожданных писем, но это мне не удалось — одновременно с почтой появи-

лись все промышленники; приехал также из Булуна Бруснев. До отъезда оставалось много деловой работы. Расторгуева не было. Как мне сказали, он уехал к чукчам с французской экспедицией. Не получив об этом письменного извещения и твердо полагаясь на его обещание вернуться, я отправил собачью нарту обратно за Расторгуевым и за врачом, которого я просил прикомандировать к нашей экспедиции. Одновременно надо было доставить обратную почту на материк. Собаки были в довольно плачевном состоянии, что следовало отнести за счет низкого качества рыбы в этом году. К сожалению, в Казачьем не пришлось подкрепить наших собак теплой пищей. Собачьего корма для поездки на Новосибирские острова и на остров Беннета не удалось раздобыть в достаточном количестве: вместо 1300 кг рыбы имелось только около 1000 кг. Собаки, которым предстояло доставить эту юколу на Новосибирские острова, нуждались в поправке и отдыхе, прежде чем пускаться в путь.

Мирный покой повари был нарушен, она превратилась в шумный заезжий двор. 22 марта Петр Стрижев, Николай Куртах, Василий Чичаг и Алексей были готовы к отъезду на Новую Сибирь. Этой партии промышленников надлежало устроить там склад юколы на Высоком мысе. Затем Стрижев и Алексей должны были вернуться на материк за врачом и попутно отвезти почту. За два дня, оставшиеся до отъезда, кроме всех остальных дел, мне надо было уладить возникшие споры.

Старый знакомый экспедиции якут Алексей Горохов, отец Василия Чичага, приехал со своим младшим сыном Микентаем (Иннокентием). Микентай был полным очарования мальчуганом 12 лет. Его лицо сохраняло всегда серьезное и важное выражение. Микентаю было не легко смутить и вывести из равновесия. Он вышел из себя только один раз, когда его старшие соплеменники, 15-летний жених Николай и сын Уйбана, хотели отнять у него объявления из Петербургской газеты. Эти вырезанные мною рисунки доставляли ему много удовольствия. Чтобы восстановить мир, я должен был распределить поровну между двумя женихами и Микентаем заинтересовавшие их рекламные картинки (дамы в корсетах, велосипедисты и т. п.). Уже в течение пяти лет Микентай проводил летние месяцы на Большом Ляховском острове вместе с отцом; благодаря этому он приобрел известный опыт и выполнял не хуже взрослого обязанности каюра.

Благодаря приезду Бруснева и доставке нового продовольствия и чая я получил возможность отблагодарить своих гостей за подарки и обеспечить их продуктами на обратный путь. Желания моих друзей получить на память некоторые предметы, находившиеся на «Заре», я надеялся удовлетворить,

когда судно придет к устью Лены, и обещал передать их Джергели для раздачи остальным.

Бруснев привез из Булуна сообщение, что пароход «Лена», имеющий осадку 7 футов (2,13 м), прошел по Быковской протоке, не сев на банку. Бухта Тикси является хорошей гаванью, в которой «Лена» могла бы нас ожидать, не подвергаясь опасности. Бруснев передал мне письмо от Торгерсена, который предлагал свои услуги, если бы я захотел зайти в эту гавань. Решено, что Бруснев будет нас ждать у мыса Караульного. Он обследует побережье и по возможности фарватер, расставит знаки и произведет, кроме того, ботаническое, зоологические и другие сборы.

Вечером 23 марта все дела были закончены. Письма и телеграммы написаны. Все мои вещи, за исключением спального мешка, были погружены с вечера на нарты Николаем Омукон, моим единственным проводником.

Утром 24 марта я был готов к отъезду в обратный путь. Сейчас же после меня Бруснев уезжал в Казачье и вслед за нами хотели ехать мои друзья, так что Айджергайдах останется снова пустынным, каким был до нашего приезда.

Когда я закурил с друзьями трубку на прощанье, наша беседа коснулась «Америкатер-ары» (острова Беннета).

— Веришь ли ты, Джергели, что на Америкатер-ари существует тоже ичита? — спросил я.

— Ханна барей? (где же ему оставаться?) — ответил он. Это соответствовало по смыслу «само собой разумеется».

— Как ты думаешь? — спросил я дальше, — надо ли мне что-нибудь предпринять, чтобы расположить в свою пользу ичиту Америкатер-ары?

Джергели взволнованно ответил:

— Для этого существует два способа: во-первых, построй маленький стол из каменной плиты на четырех каменных ножках, на каждый угол стола положи маленькую серебряную монетку, больших денег для этого не надо. Во-вторых, кинь в тундру колоду карт, лучше совершенно новую, и тогда ичита получит все, что он хочет. Он будет тебе благодарен, и ты можешь быть уверен, что оттуда благополучно вернешься домой.

Джергели провожал меня еще некоторое расстояние, стоя на полозьях нарты. Затем мы обнялись в последний раз и крикнули друг другу «прости, прости, прости!» Я долго еще видел его маленькую ловкую и гибкую фигуру, видел, как он махал своей шапкой, обнажив седую восьмидесятилетнюю голову, этот необычайно круглый череп, в котором были скрыты поразительная память, острый ум и верная, детски чистая душа. Этот милый эвен излучает такое очарование, которое я не могу определить иначе, как словом «шарм»³². Его образ возбуждает в памяти столько воспоминаний, что мне хотелось

бы посвятить ему целую главу, но не хватает для этого у меня ни времени, ни места! Теперь вперед к «Заре»!

Через 9½ часов мы добрались до Чай-поварни. Была восхитительная погода. Даже на самом перевале Хаптагай-тас было совершенно безветренно и воздух абсолютно прозрачен. На следующее утро, 25 марта в 10 часов начался наш переход по льду с материка к Большому Ляховскому острову. Мы придерживались следов недавно проехавших здесь нарт, которые довольно точно направлялись на северо-восток 3°, отклонившись всего лишь на 8° от моих довольно приближенных пеленгов.

В 8 часов 10 минут вечера после десятичасового пути мы добрались в темноте до Малого Зимовья, где застали Стрижева и его трех спутников. Я испытал огромное удовольствие, оказавшись в натопленном помещении. Промышленники жаловались на усталость своих собак и хотели дать им еще день отдыха. Теперь мне представлялся случай обсудить со Стрижевым некоторые свои распоряжения и узнать от него ряд новостей. Мне было интересно услышать о путешествии Коломейцева. Как писал Расторгуев, 14 мая они прибыли с Коломейцевым в гавань Диксон. Там повстречали медведей, из них уложили двух. В тот же день натолкнулись на первую полынью. Во время дальнейшего перехода в Гольчиху, до которой доехали 30 мая, был убит олень и застрелено шесть белых куропаток, поэтому ни они сами, ни собаки не терпели недостатка в питании. Все восемь собак, которых Расторгуев необычайно расхваливал, пришли в Гольчиху в хорошем состоянии. Оттуда путешествие продолжалось на оленях, затем на лодке до Енисейска.

В Янской области, по словам Стрижева, распространилась проказа, вероятно занесенная из Колымского округа, где она встречалась раньше в улусе Эльге на Аби. Эта зима отличалась от предыдущей необычайной мягкостью. В Казачьем температура не опускалась ниже —51°, тогда как год назад термометр показывал зимою —60°. Зима 1900/01 г. завершилась сильными снегопадами, в отличие от прошлого года. В этом году атмосферные осадки пока незначительны.

Стрижев благодарил за полученный отпуск, великолепно им проведенный. Разумеется, он оказался в центре внимания и каждый вечер вокруг него собиралось все население Казачьего. Слушатели не могли вдоволь насладиться рассказами о переживаниях Стрижева во время его путешествия через всю Сибирь и далее по Европейской России и наконец во время плавания на «Заре».

Николай Куртах и Василий Чичаг успешно поохотились: после отъезда из Айджергайдаха был застрелен олень у поварни Портнягина — нашей первой лагерной стоянки, и второй олень здесь, у Малого Зимовья. Стадо, встреченное близ

Айджергайдаха, состояло исключительно из важенок и годовалых оленей. Вчера здесь был застрелен двухгодовалый олень; у него уже сброшен один рог. Очевидно, этот молодой олень только что перебрался сюда. Старые олени давно сбросили свои рога, а важенки сбрасывают рога лишь после отела. В этот день, 26 марта, я слышал первую белую куропатку.

27 марта утром Стрижев отправился со своими тремя спутниками дальше. Все были бодры и веселы. Стрижев был очень красив в своем новом чукотском костюме, приобретенном в Казачьем. Его одежда состояла из тесно прилегающих меховых штанов и теплой легкой «парки».

Этот и следующие два дня я использовал на изучение обнажения льда³³ западнее и восточнее Малого Зимовья.

Ничего существенного к своим прежним наблюдениям не могу добавить. Интересно видеть, как ископаемый лед тает не только летом, но уже и теперь, даже при столь низких температурах, какие преобладали здесь в мое отсутствие. Частицы глины и песка во льду, как и принесенная ветром на поверхность льда пыль, нагреваются на солнце так сильно, что вокруг них оттаивает лед. И теперь уже были видны сосульки на ледяных скалах, правда, менее крупные, чем те, которые меня поразили в конце апреля и начале мая 1886 г.

Другой вид разрушения ледяных скал можно было ясно видеть как раз теперь. У подножия скалы лежала груда ледяных обломков величиной с человеческий рост, даже больших размеров, сорвавшихся зимой с ледяной стены. Мороз образовал в них такие же трещины и разрывы, как в каменных породах.

Образование байджарахов, этих характерных для мамонтовых тундр и мамонтовых побережий земляных холмов, объясняется, очевидно, следующим образом. Байджарахи представляют собою остатки глинистых и песчаных масс, задержавшихся среди ископаемого льда. Причиной возникновения этих конусообразных холмов служат два момента: во-первых, их лёссовидное сложение. Эта лишенная извести смесь песка и глины обладает своеобразной тенденцией раскалываться по вертикальным плоскостям с образованием разрывов, как это встречается в лёссовых ландшафтах Китая. Вторая причина кроется в особенностях их оттаивания. Летом оттаивают лишь верхушки конусов и их поверхность, причем наружный слой холмов сползает вниз в виде глинистой массы, а внутренняя часть байджараха остается в мерзлом состоянии. Таким образом, байджарахи приобретают своеобразную форму, отличающуюся своими крутыми склонами от обычных песчаных и глинистых холмов.

Основание байджарахов лежит на ископаемом льду подобно глетчерному столу своеобразной формы. Вместо единичных валунов верхней и боковой морены полые пространства в ископаемом льду заполнены песком и глиной. Глетчерные столы другого рода встречаются там, где каменный лед покрыт горизонтальными слоями глины или торфа и оглаженными валунами.

После того как в 1893 г. на побережье близ Анабарского залива я нашел морену под каменным льдом, я не сомневался в том, что, согласно открытиям Воллосовича на острове Котельном, ископаемый лед Ляховского острова является остатком четвертичного оледенения. Если этот остров находился когда-то под сплошным покровом глетчерного и фирнового льда, который покрывал его четыре гранитных массива, то вполне понятно, что поверхность этого ледяного покрова не может быть совершенно ровной. Кроме возникших под действием мороза и движения глетчера трещин, в которых в летнее время журчали талые воды, образовались, помимо криоконитных³⁴ ямок, еще более или менее значительные возвышенности и углубления. Соответственно с этим отложившиеся песчано-глинистые массы, принесенные ветром и текучей водой, образовали более или менее мощные напластования на льду. Мы видели, что в береговых обнажениях западнее Малого Зимовья лед имеет мощность в 15—20 м, а восточнее его едва выходит на дневную поверхность. В первом обнажении перекрывающие слои имеют малую мощность, хотя они и не так незначительны, как кажется на первый взгляд, ибо они денудированы, правда несравненно меньше, чем во втором обнажении.

Последнее достигает 10 м высоты и состоит, если не считать тундрового слоя, из нескольких пластов торфа и слоя с остатками древней кустарниковой растительности. Верхний слой торфа состоит из мха, а нижний содержит богатый растительный покров. В слое с остатками кустарников находится часто упоминаемая ольха (*Alnus fruticosa*), достигающая высоты 6 м.

В эти дни я обнаружил наряду с большими стволами и корнями ольхи ее удивительно хорошо сохранившиеся ветки и свежие листья. Благодаря этим открытиям на крутых берегах Большого Ляховского острова получил новое освещение один из «чудеснейших фактов геологии», как называл его Дарвин.

Твердое убеждение в существовании растительности, такой же пышной по своему характеру, как и тропическая, необходимой для пропитания таких огромных животных, как мамонт и др., и невозможность связать ее произрастание с близостью вечной мерзлоты были одной из главнейших причин возникновения различных теорий внезапного изменения

климата и грандиозных катастроф. Такие теории возникли для объяснения захоронения мамонтов и др.

Так высказывался Дарвин — ученик Лайеля, человека, который низвергнул искусственное здание теории катастроф Кювье. Получается, будто мамонтовый вопрос остается в упомянутой теории катастроф как бы в виде уцелевшей руины. Поэтому вполне уместно составить здесь, у самых источников этих загадочных явлений, краткий обзор современного положения наших знаний.

Для разгадки этих «чудеснейших фактов геологии» будет полезно поставить следующие шесть вопросов:

1. По какой причине сохранились в Сибири целые трупы мамонтов и носорогов вместе с кожным покровом и мускулами?

2. Обитали ли эти животные в тех местах, где найдены их трупы?

3. Могли ли такие гигантские животные находить растительность в достаточном количестве для своего пропитания там, где были обнаружены их остатки?

4. Чем объясняется массовое скопление остатков мамонтов в отдельных местах севера Сибири?

5. Что послужило причиной их смерти?

6. Что было причиной их вымирания?

Ответы на вопросы от 1-го до 5-го содержатся в моей прежней работе³⁵. Сейчас у меня есть время для краткого ответа только на 6-й вопрос.

Чтобы ответить на сложнейший вопрос о вымирании, который вызывает всеобщий интерес и относится к одному из самых загадочных явлений в истории всей органической жизни земли, надо, помимо изменений климата и перераспределения пространств суши и океанов, принять еще во внимание следующий момент, пришедший мне на мысль при чтении труда Уоллеса³⁶.

Из всей фауны мамонтового времени на сегодняшний день сохранился только мускусный бык на североамериканском архипелаге и в Гренландии. Вероятно, он дольше всего жил также на сибирских островах. Затем начался олений период, продолжающийся до настоящего времени. За оленем следует его сильнейший враг — волк. Независимо от этих крупных млекопитающих существует лемминг; им питается песец, который случайно лакомится и остатками со стола медведей.

С переселением новой группы животных, например оленей, по мере увеличения их числа могли обосноваться и размножиться насекомые, сопровождавшие их при продвижении на север. С изменением климата могли сложиться благоприятные условия для распространения комаров. Олени, стараясь избежать их мучительных укусов, направляются в далекие странствования, но со своим мучителем оводом им пришлось

свыкнуться. Летняя шкура оленя протачивается их личинками наподобие сита, что, однако, не ведет к гибели животных. Правда, многие олени пытаются избежать этих мучений, переправляясь летом на Новосибирские острова. Возможно, что, кроме комаров и оводов, олень был носителем каких-то бактерий, которых мог переносить именно он, но не мускусные быки и не мамонты. Если допустим такое предположение, то мы встанем на путь к разрешению этой тайны. Мы знаем аналогичное отношение нескольких видов животных к мухе цеце в Африке. Существует предположение, что муха цеце является переносчиком болезнетворных бактерий. Исходя из этого, можно допустить, что осел, зебра и антилопа или невосприимчивы по отношению к этому заразному началу, или же обладают каким-то свойством, возможно запахом своих испарений, препятствующим приближению мухи цеце. На основе наблюдений за условиями совместной жизни различных видов животных, как мускусного быка с его современниками, так и потомков мамонта — слонов с их соотечественниками, можно прийти к дальнейшим выводам.

Как бы то ни было, нет необходимости связывать эти события с крупными катастрофами. Сокращение на севере огромных пространств суши в связи с трансгрессией моря и раздроблением материка на архипелаги островов привело к утрате мамонтом обширных жизненных пространств для кочевков, что наряду с вторжением с юга конкурентов, среди которых возможно находились носители болезнетворных начал, могло быть причиной вымирания мамонтов и их современников. От воздействия резких изменений климата они были защищены своей толстой шкурой. Не могло быть недостатка и в пище, как об этом свидетельствуют ископаемые растения Ляховских островов.

Эта картина далекого прошлого приводит к сравнению с сегодняшним днем. В мире животных у нас нет подобного примера. Однако имеются близкостоящие примеры вымирания человеческих племен, как, например, одулов, за которыми, по всей вероятности, последуют эвены. Переселившиеся с далекого юго-запада, вероятнее всего из Алтайской области, якуты, которые были оттуда, очевидно, вытеснены, показали большую приспособляемость. В северной части Якутской области они являются не только скотоводами, но, следуя примеру высланных сюда сектантов (скопцов), занимались и земледелием, особенно на Лене и на Алдане. Дальше на север в долинах рек Лены, Яны с ее притоками Адычем, Дулгалахом, Бытынтаем они занимаются разведением рогатого скота и лошадей.

В остальной части Верхоянского округа, до Ледовитого океана, среди якутов развито оленеводство и рыболовство.

В тех местах, где олени не находят зимой питания, как у дельты Лены, якуты занимаются собаководством.

Возможно, что якутами были занесены на север некоторые болезни, против которых у них существовал известный иммунитет; однако для одулов и эвенов эти болезни оказались губительными. Крайне неблагоприятное влияние на состояние здоровья уроженцев этих мест оказал также завоз большого количества водки, табака и чая, которые поставлялись завоевавшими север Сибири казаками и позже русскими купцами. Не приходится сомневаться в том, что никотин, алкоголь и теин погубили здоровье коренного населения высоких широт азиатского материка.

Имеется известная доля вероятности в том, что иммигрировавшие сюда якуты были или менее восприимчивы к этим ядам благодаря привычному употреблению легкого алкоголя в приготавливаемом ими кумысе, либо они были более умерены в употреблении этих ядов, чем эвены. Во всяком случае вполне возможно, что неумеренное употребление этих наркотиков, особенно никотина, может оказывать пагубное влияние на рождаемость тем более, что здесь все женщины и даже маленькие дети курят трубку. Обычай длительного кормления детей грудью может также служить причиной падения рождаемости. В моей памяти запечатлелась незабываемая картина, которую я наблюдал в 1893 г.: мать, кормившая на моих глазах грудью своего пятилетнего сына, разожгла трубку и после нескольких затяжек передала своему сынишке, который докурил ее до конца.

Подобные обычаи, сокращавшие рождаемость, должны были наряду с высокой детской смертностью ускорить вымирание коренного населения³⁷. Причиной вымирания мамонтов могли послужить, согласно нашим предположениям, некоторые гипотетические насекомые.

Поскольку Капланд³⁸ и полюс холода разделены огромными пространствами, казалось бы, условия здесь слишком различны, чтобы их можно было сравнивать, но в действительности это не так. В давние времена в Капланде паслись слоны и огромные стада носорогов (см. у Уоллеса и Дарвина), и если там почва состояла тоже из каменного льда и температура соответствовала здешней, то там должны были сохраниться остатки этих животных в таком же большом количестве, как мы находим их здесь. Но я должен на этом прервать свои рассуждения, так как у меня недостает первоисточников, чтобы уяснить себе этот вопрос и чтобы провести дальнейшую аналогию.

В воскресенье 30 марта мы тронулись в путь. До ночного лагеря в Большом Зимовье ехали по следам четырех нарт новосибирцев. Благодаря наступлению светлых дней это зимовье мы могли бы найти и без проложенных следов. За 6 ча-

сов 20 минут проехали расстояние в 42 км. Не доезжая 10 км до Большого Зимовья, на берегу озера видели издали оленей, здесь же была белая куропатка; но первую в этом году куропатку я встретил двумя днями раньше у Малого Зимовья. Восточный ветер поднял в воздух мелкую снежную пыль. Над тундрой нависла мгла из мелких кристаллов снега, и снежная пелена закрыла гору Кигилях.

На следующий день в 3 часа 30 минут пополудни мы добрались до поварни Степана на Малом Ляховском острове. В пути у Николая появились боли в коленном суставе, вероятно от растяжения сухожилия при резком движении. На пути к острову Столбовому было много торосов и, принимая во внимание, что нога Николая сильно болит, я счел необходимым остаться на один день в этой уютной поварне.

Воспользовавшись днем отдыха, я попросил Николая Омук рассказать мне о Малом Ляховском острове, на котором он провел восемь летних сезонов. По его словам, минимальное количество добытой здесь мамонтовой кости составляло 20 пудов, а наибольшее 70 пудов за лето. В зависимости от качества мамонтовой кости цены на нее колебались между 12 и 20 рублями за пуд. Летом здесь встречаются довольно большие стада оленей, в сто и двести голов. У небольших озер происходит линька огромного количества гусей. Кроме гусей, в тундре гнездится много других плавающих и голенастых птиц. Благодаря многочисленным представителям животного мира, промышленники летом вполне обеспечены свежим мясом. Изредка встречаются белые медведи.

Бивни мамонтов залегают здесь при тех же условиях, как на Большом Ляховском острове. Они вымываются весенними водами из байджарахов или же вытаивают из замерзших земляных конусов. Бивни встречаются также посреди тундры, на берегах рек и озер, или на морском побережье. По непонятной мне причине на этом острове отсутствует нижний горизонт мамонтового слоя — ископаемый лед, который находится в огромных количествах на соседнем Большом Ляховском острове. Этот остров отличается от Большого Ляховского еще тем, что на нем нет возвышенностей. Только посреди острова имеется один низкий горный хребет Тас-сис, состоящий из нагромождений щебня и скоплений валунов. Кроме того, на крутых берегах встречаются местами отложения валунной глины.

Из приведенных Николаем Омук наблюдений видно, насколько желательно изучение геологами Малого Ляховского острова в летнее время. Повышение рельефа (Тас-сис) может быть или выходом на дневную поверхность выветренной породы или же мореной.

2 апреля. Нога у Николая поправилась, и я рискнул продолжить путешествие. Ночью меня мучил судорожный ка-

шель Я отнес его за счет дешевого табака, выписанного из Казачьего. Во избежание соблазна курить это зелье я подарил весь его запас Николаю. Вечером, когда мы раскинули на льду свой первый лагерь на пути к острову Столбовому, я просил Николая Омука дать мне заимообразно подаренный ему табак, так как у меня не хватало больше выдержки отказываться от курения. Сознание быть заимодавцем, а не должником, доставило Николаю большое удовольствие. Воспользовавшись этим случаем, я поднял разговор о долгах. Среди промышленников долги по 200 и 300 рублей довольно обычны, но долговая сумма в 800 рублей, которую задолжал купцам эвен Степан, является все же исключением. Этот бедный оленевод менее остальных промышленников способен противостоять соблазну употреблять алкоголь.

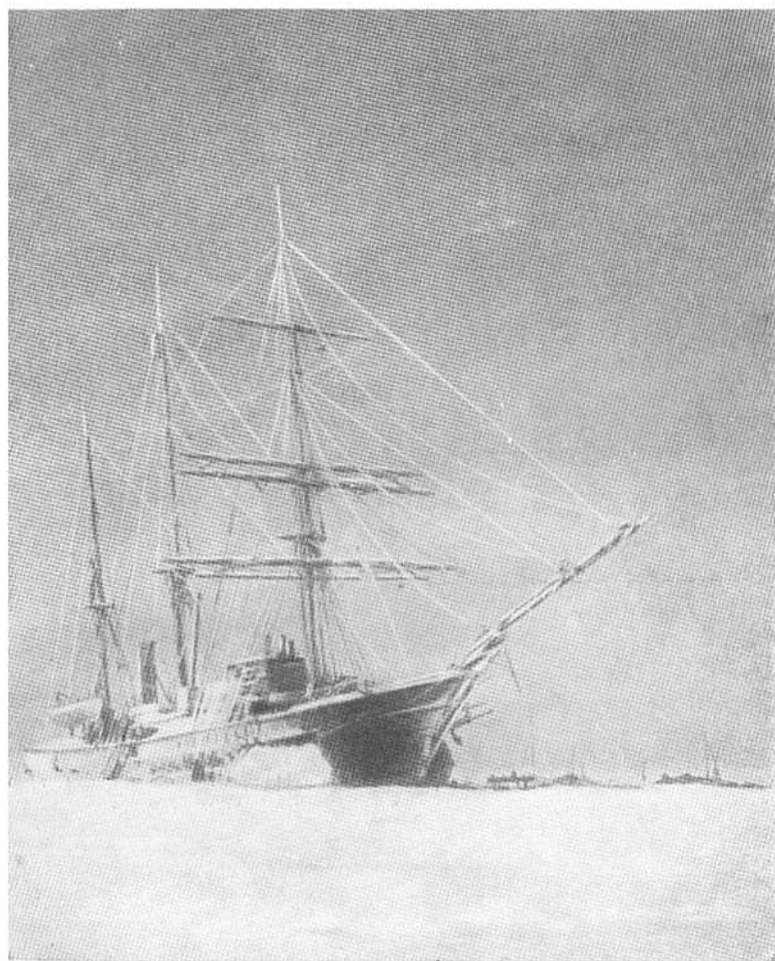
Сегодня с 9 часов утра до 5 часов вечера мы были в пути. Лед, за исключением одной полосы торосов, которая стояла нам целого часа тяжелой работы, был ровным и гладким. Благодаря этому мы проехали за 8 часов расстояние в 55 км.

На следующий день, 3 апреля, за такое же время проехали около 60 км. Ясная погода способствовала выбору лучшей дороги между торосами. Лед был большею частью ровный, большие ледяные поля были окаймлены низкими поясами торосов. В 4 часа дня с высокого тороса, почти точно в намеченном нами направлении, показался остров Столбовой. Николай был изумлен работой моего компаса.

Незадолго до лагерной стоянки мы заметили первые в этом году медвежьи следы. Они принадлежали медведице и маленькому медвежонку, по-видимому в возрасте нескольких недель. По мнению Николая, давность следов не превышала двух-трех дней. На Столбовом, к удовольствию Николая, мы нашли много великолепного плавника. Вскоре в нашей палатке запылал яркий огонь. Сегодня мы тоже провели 8 часов в пути, покрыв расстояние свыше 50 км.

Покидая Малое Зимовье, я взял собачьего корма всего дней на 10, поэтому более длительное пребывание на Столбовом или поездку на остров Бельковский можно было бы осуществить только в том случае, если бы нам повстречался медведь. Но ни один из них не соблаговолил явиться; поэтому я не мог оставаться здесь более двух дней. За это короткое время не могло быть и речи о серьезных геологических исследованиях, особенно если принять во внимание, что крутые скалистые берега острова были покрыты мощным слоем снега.

Мы находились на восточном побережье у устья маленькой речушки, впадающей в мелкую бухту шириною около 5 км, ограниченную двумя выдающимися мысами. Оба мыса сложены из серых кварцитов и темных метаморфических сланцев, в которых не удалось обнаружить окаменелостей.

„Заря“ на второй зимовке

Фридрих Зееберг

Эвен Николай Протодъяконов, по прозвищу „Омук“

Якут Василий Горохов, по прозвищу „Василей Чичаг“

Эти породы, вероятно, аналогичны тем, которые слагают большую часть Верхоянского хребта и относятся к осадочным породам мезозойской эры (от триаса до волжского яруса). Скалистые обрывы мыса имеют от 15 до 20 м вышины. Поверхность острова от берега постепенно поднимается и вскоре образует первый уступ высотой в 30 м. Снег, навешанный ветром на отвесные скалы, оттаивает со стороны, обращенной к их неровной растрескавшейся поверхности, и затем снова замерзает, образуя ледяную корку. Благодаря этому вся снежная масса крепко пристает к скалам берегового обрыва. Нависающие снежные массы обламываются в силу своей тяжести и, падая вниз, увлекают за собой мелкие и более крупные глыбы расщепленных морозом горных пород. Так природа работает здесь над разрушением скал не только при помощи морских волн и талых вод, но и путем механического разрушения при обвалах обледенелого снега, подобно действию высокогорных лавин. В 6 км к западу от нашей лагерной стоянки возвышается столообразная гора, которая послужила, вероятно, поводом для наименования этого острова, хотя было бы точнее назвать его Столовым, а не Столбовым. Это плато образует пятый, наивысший уступ столообразного ландшафта и лежит на высоте приблизительно 170 м над морем. Каждый из уступов соответствует выходу пластов коренных пород (кварцитов и сланцев). Уступы простираются на северо-запад, снижаясь к юго-западу. В долине Лагерного ручья и в его устье находятся байджарахи. Они достигают 31 м высоты над уровнем моря. Это все же не типичные пирамиды ледяных котлов, а притупленные конусы лёссовидных верхнечетвертичных отложений.

Байджарахи на левом берегу устьевом участка Лагерного ручья содержат окатанные валуны, включенные в серую песчанистую глину. Этот пласт с валунами лежит на 10 м выше уровня моря и перекрывается пластом торфяника (сфагнума?).

Хотя у Николая нога еще болела, он все же не мог воздержаться, чтобы не отправиться на поиски оленей. Не встретив ни одного живого существа, кроме белых куропаток, он вернулся весьма разочарованным и заявил, что «Истолобой» совсем скверный остров. Он сомневался даже в том, что летом из байджарахов будут вымыты мамонтовые бивни. К сожалению, по этому поводу я не смог сказать ему ничего утешительного, так как не имел возможности разрешить в это время года данный вопрос. Однако вполне достоверно, что этот остров служит летом пристанищем для большого числа оленей, о чем свидетельствуют их многочисленные следы и помет. Тут для них нет недостатка в прекрасных пастбищах, если судить по пробивающимся через снег травам. Волчьих следов мы не видели. Возможно хищник не открыл еще этого острова, и олени здесь мирно наслаждаются летом, пока

промышленники не избрали его местом своей охоты. Надо полагать, что рассказы Николая вряд ли соблазнят кого-либо из его товарищей промышлять на этом острове, так как другие острова таят в себе, по-видимому, неиссякаемые сокровища. Только на одном острове Новая Сибирь 30 лет назад, когда там летовали последние промышленники, было добыто 1600 кг мамонтовой кости. Какое большое количество кости могло быть вымыто за это время!

У меня было меньше повода для недовольства «ичитой» этого острова, чем у Николая, так как оба дня нашего пребывания на острове Столбовом стояла великолепная погода, было безветренно и безоблачно. Накануне нашего отъезда появилось прекрасное гало вокруг солнца — предвестник близкого шторма. Одновременно стал падать барометр. 7 апреля, когда мы тронулись в путь, началась 8-метровая поземка с юго-юго-запада, и остров покрылся густым туманом снежной пыли. Чем больше мы отделялись от острова, тем прозрачнее становился воздух, но несколько часов спустя нас снова накрыла поднятая ветром снежная мгла.

Подобно тому как в норвежских фиордах спускающийся с прибрежных равнин ветер подымает с гребешков морской волны мельчайшие капельки воды и переносит их над поверхностью земли в виде мглистого облака, так и здесь ветер беспрепятственно поднимает тончайшие снежные кристаллы с ровной поверхности тундры и с покрытого снегом полярного моря. Эти снежные кристаллы перегоняются ветром дальше; задерживаясь над горами, они парят подобно сухому туману. Такие мглистые облака в Норвегии носят народное название морского дыма, что хорошо определяет их сущность. Промышленники называют это явление «булит», в то время как для определения тумана они употребляют русское слово «туман». По аналогии с норвежским обозначением мы могли бы назвать это арктическое явление тундровым дымом.

Лед был почти совсем ровный, туман не принес нашей поездке вреда — за 8-часовой переход мы проехали около 60 км. Разумеется, Николай взял с собой с «плохого» острова богатый запас топлива, и в палатке было бы очень приятно, если бы меня не беспокоил «якутский» кашель.

На следующий день, 8 апреля, переход оказался значительно утомительнее. Усилилась снежная буря, которая давала себя особенно резко чувствовать в пространствах между торосами. Тем не менее за то же самое время мы проехали около 40 км. За оба эти дня мы видели много свежих медвежьих следов, которые вели на север. Очевидно, звери направлялись к полынье.

Обращали на себя внимание многочисленные оленьи следы, направлявшиеся на запад. Я взял курс через лед, чтобы прийти кратчайшим путем к Нерпичьей бухте. Со своеобразной по

своей форме снежной дюны, навешанной западным ветром, я показал Николаю направление, которого ему надлежит придерживаться, и он хорошо выдерживал курс по гладкому ровному льду.

9 апреля в 6 часов, когда начало светать, Николай сообщил, что видна большая гора. Я быстро вышел из палатки. Казалось, гора находится довольно близко, на расстоянии не более 20 км. К ее подножию примыкал вытянутый берег острова. Это мог быть только остров Котельный. Приблизившись к горе, мы увидели, что это был Егоров-стан-тас. Теперь стало ясно, что вчера в тумане, объезжая торосы, мы уклонились от курса к востоку более чем на 10°. Когда мы ехали по прибрежному льду острова Котельного, создавалось впечатление, будто здесь проложена столбовая дорога, столько было следов от санных полозьев, собак и человеческих шагов. Чрезвычайно довольные, мы разбили свой лагерь в Урасса-лахе. Следующую ночь, последнюю перед возвращением на «Зарю», мы провели у устья реки Чукотской. Здесь собакам раздали последний корм, а именно по полной поварешке сухарей и юколу. 80 кг юколы могли прокормить наших 14 собак только в течение 10 дней. Сухари прекрасно заменяют сушеную рыбу, но их нельзя давать сухими без добавки сала, рыбы или мяса.

В последнем лагере мы спали не долго. Я поднялся в 2 часа ночи, отчасти из-за холода, отчасти из-за беспокойства. В 3 часа 30 минут утра мы снова сидели на нартах и за 2½ часа проехали расстояние в 25 км до губы Нерпичьей. На «Заре» я застал всех здоровыми. Матисен еще не вернулся.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА „ЗАРЮ“ И ОТЪЕЗД НА ОСТРОВ БЕННЕТА

Суббота 12 апреля. На борту «Зари». Прибыли вчера в 7 часов утра. Все в порядке. Зееберг имеет здоровый и довольный вид. Сегодня он объявил, что готов идти со мной на остров Беннета. Я предоставил ему еще несколько дней на размышление. Надеюсь, что он не изменит своего решения, чему я буду чрезвычайно рад. Тогда мы отправимся с Николаем Омуком и Василием Чичагом около 1 июня с Новой Сибири. Отсюда выйдем месяцем раньше.

Бируля занят приготовлениями для путешествия на Новую Сибирь. Он отправил уже Степана, Егора и Егорчана с припасами на Фаддеевский остров, откуда провиант будет доставлен на Новую Сибирь. Команда деятельна, бодра и здорова. За мое отсутствие застрелено 10 оленей и 1 медведь, когда он подошел к самой поварне.

Пятница 18 апреля. Время так быстро мчится, что я рискую не успеть закончить своих приготовлений перед отправкой в путь. Начал вести дорожный дневник, но вынужден ча-

сто его прерывать, отвлекаясь службой наблюдений, которую я с удовольствием продолжаю нести.

В течение нескольких дней не стихает буря — 24 м/сек. Вчера во время бури прибыли с острова Новой Сибири Николай Куртах и Василий Чичаг. Они привезли мне письма от Стрижева, покинувшего одновременно с ними шесть дней назад Фаддеевскую поварню.

Привожу текст письма Стрижева:

«25 марта мы благополучно доехали до Новой Сибири. 26-го заложили в трех верстах к югу от депо склад с 45 пудами юколы и 2 пудами сушеной икры. На своих собак израсходовали 11 пудов юколы и 6 пудов сушеной рыбы. Мне очень неприятно, что мы израсходовали больше, чем Вы разрешили. По мере своих сил мы берегли собачий корм, но, к сожалению, юколу нечем было заменить. Даже медвежьих следов ни разу не видели. От мыса Ванькина шли пять дней. Пришлось самим тащить сани, так как было много торосов. У мыса Ванькина нашли только 700 сельдей вместо 2000. Василий Чичаг застрелил у мыса Ванькина трех оленей и на Фаддеевском одного волка. Скелет и шкуру последнего я посылаю зоологу Бируле. К сожалению, выстрелом повреждена нижняя челюсть волка. Из-за недостатка корма пришлось умертвить несколько обессиленных собак. Некоторые собаки пали сами от истощения. В общем потеряли десять собак. Посылаю на «Зарю» 30 собак с двумя нартами. Не знаю, сколько из них прибудет, так как они сильно исхудали.

Отправляюсь дальше с 16 собаками, но, правда, не знаю, как удастся добраться до материка. На Фаддеевском острове и на Новой Сибири мы видели оленей, но, к моему огорчению, только издали. На Новой Сибири оленей, по всей вероятности, очень много, так как там было огромное количество оленьих следов.

Ваш покорный слуга, Петр Стрижев.

1902 г., остров Фаддеевский, 28 марта.»

Утрата собак и непредвиденное расходование третьей части юколы, на которую я рассчитывал, требуют прежде всего отмены поездки гидрографа на восток.

Скоро наступит полярный день; вернее, уже теперь все 24 часа в сутки светло, как днем. Показания приборов можно снимать без фонаря.

Неожиданно началась эпидемия кашля среди всей команды, а также среди остальных членов экспедиции. Кашлю предшествовала боль в горле. Этот горловой катар совпал с прибытием Степана и распаковкой привезенных им с материка вещей. Это был, очевидно, тот же самый якутский катар, которым я заразился в Айджергайдахе. Сюда я приехал

еще без голоса, но теперь горло не болит и я чувствую себя совершенно здоровым.

Суббота 19 апреля. Пурга продолжается. За правым бортом «Зари» снежные сугробы достигнут скоро прошлогодней высоты.

Воскресенье 20 апреля. Буря улеглась.

С тех пор как не стало доктора, здесь пусто и грустно.

Бируле я сообщил, что в интересах экспедиции Бруснев остается работать до мая месяца будущего года. На тот случай, если Бируля не вернется в феврале, а я не смогу возвратиться с острова Беннета, Брусневу мною даны соответствующие распоряжения.

Понедельник 21 апреля. Вчера в воздухе было много ледяных игл. Вечером показалось гало вокруг солнца; одновременно мы с Зеебергом видели в 8 часов вечера белое облако, один край которого сверкал красноватым светом, а другой был зеленоватого оттенка.

Вчера боцман Бегичев и Шервинский отправились на охоту, первый со своей берданкой, последний с дробовым ружьем. Боцману посчастливилось убить оленя на расстоянии 1500 шагов. Если бы не Шервинский, который уверял, что измерил это расстояние шагами, боцман, как автор «охотничьего рассказа», лишился бы своего доброго имени. Во всяком случае рекорд Матисена 920 шагов перекрыт.

2 часа дня. Собаки воют и совершенно правильно — вдали показались фаддеевские упряжки!

Среда 23 апреля. Со вчерашнего дня на сегодня я провел на наблюдательной станции суточное дежурство. Отдыхая после дежурства, читал Геккеля.

Четверг 24 апреля. Вопреки огромному гало, которое мы видели накануне рано утром, сегодня шторма нет, погода теплая, небо покрыто облаками. Я должен принудить себя жить сегодняшним днем, чтобы закончить текущую работу.

Возвращаюсь к вопросу вымирания крупных млекопитающих:

1. Влияние насекомых. «Известная в Африке муха цеце обитала в определенных округах южной Африки. Район ее распространения был резко ограничен. В местах, где встречается в больших количествах муха цеце, не могут существовать лошади, собаки и рогатый скот, но ослы, зебры и антилопы не поражаются ими» (А. Уоллес)³⁹.

2. Помимо влияния насекомых, вымирание животных могло зависеть от изменения климата, вызванного погружением суши и наступанием больших водных масс.

3. «Так как нам известно, что во время третичного периода произошло значительное поднятие Гималаев, то имеется некоторая доля вероятности, что большое плато Центральной Азии в миоценовую и плиоценовую эпохи имело значительно

меньшую высоту и было менее защищено от влияния ветров, несущих дождевые осадки. В те времена это плато могло быть много плодороднее и иметь более разнообразное и богатое население животного мира. Так, по настоящее время сохранились тибетские антилопы, яки и дикие лошади» (А. Уоллес)⁴⁰.

Остается изучить вопрос родства среднеазиатской фауны со здешними лошадьми, затем мамонта и мускусного быка с яком и т. д. Большое значение имеет выяснение возраста Верхоянского хребта. Началось ли переселение этих представителей животного мира с юга на север в позднее третичное время и в ту ли эпоху образовался барьер, или же переселение шло с севера на юг, а может быть с востока? (слоны, будто бы, могут хорошо лазить по горам).

4. «Присутствие тюленя (род *Callocephallus*) в центральной части материка в пресных водах озера Байкала на высоте 610 м над уровнем моря доказывает, что почти весь север Азии погрузился ниже уровня моря только в последнее время. Предположение Бельта, что в ледниковый период лед запрудил реки и в силу этого большая часть Сибири превратилась в огромное пресноводное море или озеро с опресненной водой, может служить наилучшим разрешением этого сложного вопроса» (А. Уоллес)⁴¹.

5. Влияние ледникового времени на современное распространение животных.

6. «Какое-то изменение должно было снова произойти или в климате, или в почве, или растительности севера Азии. Это изменение повело к уничтожению предшественников существующих ныне тропических видов. Мы никогда не должны забывать, что аналогичные изменения могли повлиять на другие виды, которые мы теперь встречаем на ограниченных пространствах, но которые могли когда-то распространяться по огромной и разнородной территории» (А. Уоллес)⁴².

7. Большой интерес представляет приводимое Уоллесом наблюдение, что на реке Амазонке видели на плывущих по течению деревьях, образующих как бы разрозненные острова, множество обезьян, диких кошек и белок. Отсюда можно думать, что антропоидная обезьяна могла быть вынесена таким путем из своей лесистой родины в безлесную или покрытую карликовым лесом страну.

Что касается вопроса о мамонтах, необходимо иметь в виду, что их остатки стали нам известны только благодаря тому, что бивни во множестве добываются промышленниками, являясь предметом промысла. Сначала должно быть твердо установлено, встречаются ли и в других местах, например на севере и юге Америки, остатки четвертичных млекопитающих в таких же огромных количествах и только ли здешним местам присуща их хорошая сохранность?

В отношении этого вопроса очень поучительна глава V описания путешествия на «Бигле». Между прочим, Дарвин там говорит: «Твердое убеждение в необходимости для поддержания жизни таких крупных животных (мамонтов и т. п.) пышной тропической растительности, при невозможности примирить это предположение с фактом близости вечной мерзлоты, было одной из главнейших причин появления нескольких теорий о внезапных и резких изменениях климата и сокрушительных катастрофах — теорий, придуманных для того, чтобы объяснить найденные остатки. Я далек от предположения, что климат не менялся с того самого времени, когда жили животные, которые ныне погребены во льдах. Здесь я хочу лишь показать, что если исходить из одного только количества пищи, то окажется, что древние носороги могли бы бродить по степям Средней Сибири (ее северные области, вероятно, находились под водой) даже в их нынешних условиях, так же как ныне живущие носороги и слоны по Карру⁴³ в Южной Африке»⁴⁴.

В 11-й главе на стр. 270 он говорит, касаясь «климата и естественных произведений природы» антарктических островов: «Полная сохранность трупов сибирских слонов и носорогов, безусловно, один из самых поразительных фактов в геологии, но, независимо от мнимой трудности, возникающей в связи с тем, что эти животные должны были якобы добывать себе пищу в соседних странах, весь вопрос в целом не кажется мне таким сложным, как то обыкновенно представляют. Равнины Сибири, подобно пампасам, образовались, по-видимому, на дне моря, куда реки заносили тела многих животных; от большинства из них уцелели только скелеты, но от некоторых полностью сохранились трупы. В настоящее время известно, что в мелких морях на северном побережье Америки промерзает самое дно, оттаивая весной позже поверхности земли; более того, на большой глубине, где морское дно не замерзает, ил на глубине нескольких футов под верхним слоем может даже летом сохранять температуру ниже нуля, как то происходит на суше с почвой на глубине нескольких футов. На еще больших глубинах температура ила и воды, вероятно, недостаточно низка, чтобы сохранять мягкие ткани тела от разложения, и потому от трупов, которые занесло дальше мелких мест около арктического побережья, должны были остаться одни только скелеты; действительно, в крайних северных областях Сибири кости встречаются в несметном количестве, так что, говорят, из них чуть ли не образуются целые островки, которые, кстати, лежат не менее чем на 10° севернее того места, где Паллас нашел замерзшего носорога. С другой стороны, труп, принесенный течением в мелководную часть Северного Полярного моря, может сохраняться неопределенно долгий срок, если вскоре

после того его занесет слоем ила, достаточно толстым, чтобы воспрепятствовать проникновению тепла летней воды; когда же морское дно поднимется и обратится в сушу, покров должен быть достаточно толст, чтобы воспрепятствовать теплу летнего воздуха и солнца прогреть и попортить труп»⁴⁵.

Может быть, в основе вымирания крупных млекопитающих лежит та же причина, что и у некоторых животных, определенные органы или части тела которых превзошли в своем развитии обычные размеры, например бивни у мамонтов, саблевидные зубы у махайродусов, рога у мегацеросов?

Интересно, что у Дарвина и Миддендорфа, независимо друг от друга, были одни и те же мысли в отношении причин сохранности трупов мамонтов. В одном из пунктов мнение Дарвина стоит также близко к толкованию Норденшельда.

Сегодня теплый день, около -10° . Небо покрыто тучами, шел снег звездочками правильной формы. Идти сегодня мне было очень тяжело. Долго ли еще выдержит мое сердце?

Возвращаясь, я встретил своего верного друга Зееберга; мы завели разговор об учении Геккеля. Он благополучно закончил маятниковые наблюдения, его достижениями я очень доволен.

Третьего дня боцман видел сову; других перелетных птиц еще нет.

Воскресенье 27 апреля. Пасхальную ночь праздновали, как и в прошлом году. Команда и промышленники оделись в свои праздничные одежды. Фома орудовал в камбузе всю страстную неделю и превзошел себя, в чем ему содействовал Конон. Наш пасхальный стол не уступал по обилию блюд пасхальным яствам целой России! Помимо бисквитов, на приготовление которых были использованы полученные мною в Айджергайдахе гусиные яйца, пирогов и куличей разного рода, он подал майонез из свежей рыбы и оленьих мозгов, оленье жаркое с гарниром из горошка, жареных куропаток со свежим ягодным салатом, в заключение сливочное мороженое с фруктами и шоколадные яйца. Все было подано на стол в украшенных корзиночках и было снабжено надписями, в которых Фома выставил напоказ свои познания в области французских и других ресторанных наименований блюд. Из вин я выдал вчера три бутылки коньяку и рому, сегодня еще три бутылки водки. Сверх этого Николай Куртах выпросил себе одну бутылку для угощения своих друзей в поварне. «Заря» разукрашена флагами. Сейчас в 11 часов будет дан пушечный салют, а для удовольствия якутов будет пущена ракета.

Сожалею об отсутствии Матисена и Железнякова. Вся команда, и в особенности промышленники, чрезвычайно довольны праздником. Из обоих кубриков доносится пение. Наибольшее веселье с плясками господствует, разумеется, среди

промышленников, которые впервые за свою жизнь принимали участие в таком торжестве. Особенно счастлив Егорчан, которому я сообщил, что он может оставить у себя берданку, хотя и не состоит на службе экспедиции. Он сравнивал ружье с сыном, кормильцем на старости лет.

Понедельник 28 апреля. Сегодня после полудня уезжают Николай Куртах и Егорчан. Они увозят на материк три ящика геологических коллекций Воллосовича.

Сегодня я обнаружил, что Огрин изучает «Происхождение видов» Дарвина. Хочу ему дать для чтения описание жизни Дарвина и его письма, а также сочинения Гёте. Томик стихов Гёте я упакую, чтобы взять с собой в поездку на остров Беннета.

Еще мало распространено убеждение Дарвина, которое должно бы служить для многих примером: «Никто не должен опубликовывать свои суждения по какому-либо вопросу, если он не посвятил ему длительного размышления».

Он, между прочим, говорит: «Я до некоторой степени уклонился от публичных высказываний о религиозных вопросах, так как не считаю, что достаточно их обдумал для предания гласности».

Эти слова Дарвина должны быть приняты к сведению особенно теми, чьи речи тотчас печатаются и распространяются по всему миру, хотя и нуждаются еще в продумывании.

Вторник 29 апреля. Со словами Гёте, которые он вкладывает в уста Герману, совпадает следующее высказывание Дарвина в его «Происхождении человека»: «Племя, объединяющее много членов, которые обладают в большой степени духом патриотизма, верности, повиновения, смелости и симпатии и поэтому всегда готовы помочь друг другу и пожертвовать собою для общего блага, одержит победу над большинством других племен: это было бы естественным подспорьем».

Устойчивое мировоззрение и определенно установившаяся программа для воспитания молодежи являются средством борьбы со злым началом. Существенным моментом будет, я думаю, воспитание женщины. Элемент женственности, когда он вовлечен в духовную борьбу, должен влиять облагораживающим образом на человечество. Народ, который чтит женщину, — выше остальных народов. Он будет победителем в борьбе народов.

Среда 30 апреля. Сегодня в 5 часов дня прибыли Матисен и Железняков. Оба веселы и довольны, собаки в хорошем состоянии. Матисен сообщил, что в 7 морских милях к северо-востоку от устья реки Решетниковой он натолкнулся на полынью, переночевал близ нее и на следующий день вернулся к северной оконечности острова Котельного. О ширине полыни он не мог судить, так как она была скрыта туманом. У края

полыньи тонкий лед находился в движении. Они ехали некоторое расстояние вдоль трещины, тянувшейся по эту сторону полыньи.

Повернув, отыскиали место для ночлега на крепком, покрытом торосами льду. Тихий безветренный день сменился на следующее утро штормом, поднявшимся с востока. Матисен направился от северной оконечности Котельного к мысу Максимовича, зарыл там часть запасов продовольствия и затем повернул снова на север. Через 40 км путь преградили труднопроходимые торосы и он вернулся на мыс Максимовича. Отсюда направился вдоль побережья к Земле Бунге и далее к полуострову Анжу, затем повернул от устья реки Драгоценной(?) на юг к Елисеевскому и Михайлову стану. Повсюду он видел оленей и много оленьих следов. На Земле Бунге Железняков застрелил оленя, а у стана Дурново был убит медведь. Матисен утверждает, что вчера и сегодня он слышал у устья реки Чукотской пуночек. Видел также полярную сову (в северной части Земли Бунге), а в последние дни наблюдал много белых куропаток.

Воскресенье 4 мая. Сегодня отправилось много охотников за дичью. Большинство из них скоро вернулось, так как охота оказалась неудачной. Боцман пошел, однако до бухты «Дурной» и застрелил там с расстояния 500 шагов оленью матку. Второе животное он только ранил. Кроме того, он видел двух полярных сов и стаю приблизительно из 70 птиц, перелетавших с юга на север. Он полагает, что это могли быть гуси, или утки, или же гаги-гребенушки. Вероятнее всего, это были гаги, которые направлялись к полынье. Если это действительно так, то этим подтвердилось бы мое предположение, что гаги-гребенушки направляются сначала к полыньям, а позже, когда здесь образуются «забереги», т. е. когда побережье освобождается от льда, появляются в этих местах.

Погода поразительная, сегодня только —17°, тихо и ясно. Мы с Зеебергом заняты научной работой, так что приготовления к нашему отъезду задерживаются. Бируля снаряжается очень старательно и не торопясь.

Вторник 6 мая. Начиная с 1 мая ввели, как и в прошлом году, ежечасные наблюдения. Ежедневные трехразовые наблюдения обеспечивает вахтенный, кроме того, каждый час дежурный регистрирует силу и направление ветра. Благодаря бесперебойной работе термографа и барографа у нас получился довольно хороший метеорологический материал. Вчера у Евстифеева на левой ноге появился багровый кровоподтек; он опасается, не проявление ли это цинги? С сегодняшнего дня ему выдается специальный рацион свежих ягод, соков, лука и свежего мяса.

Бируля намечает свой отъезд на воскресенье. В Усть-Янске, куда прибудет предположительно только в феврале, он

расплатится со своими проводниками и поедет дальше в Якутск.

Записки в своем дневнике я довел до острова Столбового, надеюсь закончить все к завтрашнему дню. Дальше следует геология, упаковка коллекций образцов, также остающихся здесь книг и инструментов. Остается упаковка снаряжения; кроме того, предстоят экскурсии. Наконец необходимо еще провести инструктаж и написать письма.

Среда 7 мая. Сегодня в 8 часов утра температура была $-15,4^{\circ}$ в тени и $-9,3^{\circ}$ на солнце (с затемненным шариком). Неделью назад наступил бессменный день. В полночь солнце стоит уже на несколько градусов выше горизонта. Я нахожу, что полярный день своим однообразием действует аналогично полярной ночи. Потребность в благотворно действующей смене дня и ночи является, очевидно, неизменным свойством каждого человека. Полярную ночь тяжело переносили даже обитатели высоких широт севера, а у Василия появились признаки неврастения.

Ослепительная белизна снега сказалась прежде всего на боцмане; он страдает со вчерашнего дня жестокой снежной слепотой.

Пятница 9 мая. В среду незадолго до полуночи Толстов, несший вахту, доложил, что на собачьей нарте подъезжает Стрижев. Ввиду того, что ехало три человека, я понял, что к нам прибыл новый врач. Быстро одевшись, я вышел приветствовать прибывших.

Наш новый врач Виктор Николаевич Катин-Ярцев производит благоприятное впечатление. Он высокого роста, крепкого телосложения, имеет здоровый вид. У него белокурые волосы, небольшая бородка, прекрасные зубы, которые поблескивают, когда он смеется. Нрав у него, по-видимому, веселый, характер доброжелательный. Он женат, имеет одного ребенка. Будучи студентом Медико-хирургической академии, во время сдачи выпускных экзаменов он был осужден и в 1897 г. сослан как политический ссыльный в Восточную Сибирь. Сначала его сослали в маленькую деревушку Иркутской губернии, а затем в Якутск. Когда 4 марта через Воллосовича поступил мой рапорт о прикомандировании врача к экспедиции и когда были закончены все формальности, он выехал 19 марта по получении телеграфного согласия министра внутренних дел из Якутска.

Катин-Ярцев привез с собою последнюю почту. Я получил 17 писем из дому. Всю ночь и следующий день я читал их... Как трогательны и милы письма моих малышей!

Суббота 10 мая. Погода великолепная — ясно, тихо и тепло. В связи с тем что в среду 7 мая я закончил свое «Посещение материка», моя текущая работа посвящена теперь регистрации и упаковке коллекций. Сегодня я порадовался сво-

им триасовым цератитам и другим окаменелостям. Около судна я только что видел первую пуночку.

Тосковать по родине у меня нет возможности, приходится слишком много работать. Как известно, работа помогает преодолевать тоску по близким, а для меня она еще является единственным средством и единственным путем для возвращения к семье. Дорога к дому лежит только через остров Беннета!

К сожалению, не всем сотрудникам экспедиции почта принесла хорошие вести. Бедный старый Евстифеев потерял своего очаровательного маленького сына. Когда ему писала жена, его любимая маленькая дочка тоже лежала тяжело больной. Носов потерял сестру и брата.

Воскресенье 11 мая. Сегодня в 2 часа дня благополучно выехала новосибирская группа. Это большой шаг вперед.

Катин-Ярцев освидетельствовал сегодня Зееберга и нашел, что его сердце здорово, но легко возбудимо и поэтому посоветовал для тренировки до начала путешествия совершать ежедневно прогулки.

Остается еще шесть месяцев до моего возвращения, когда мы будем снова вместе. О боже, дай мне вернуться домой!

Четверг 15 мая. Далеко на родине листва распустилась, деревья зазеленели с наступлением мая. Пусть остается дома тот, кто не хочет расстаться со своими каждодневными заботами! Меня одолевает сегодня путевая лихорадка. Я потратил целую неделю на записи и упаковку геологических коллекций. Сегодня я расколол кусок известняка (мрамора) из Балыктаха и обнаружил щиток трилобита. Эта находка меня обрадовала и побудила к дальнейшим палеозоологическим исследованиям. Вместо того чтобы идти на Бельковский остров, где, вероятно, залегает триас, я решил насколько возможно раньше отправиться на север, так как у устья реки Решетниковой надеюсь найти силур. У меня пробуждается охота к странствованиям, этому способствует погода: на солнце тает, снег расплавляется на черном грунте.

Завтра вечером Колчак со Стрижевым отправляются на объезд Бельковского острова. Я проинструктировал гидрографа и дал геологический молоток. Надеюсь, что собранные им образцы принесут некоторую пользу. Еще много снега, геологические исследования вести невозможно, приходится собирать только образцы. На днях я демонстрировал Катин-Ярцеву геологические коллекции и ознакомил его с геологией края. Кроме того, намереваюсь совершить вместе с ним несколько геологических экскурсий.

Пятница 16 мая. Сегодня в 7 часов вечера гидрограф и Стрижев уехали к острову Бельковскому. Вчера Железняков поймал живую гагу-гребенушку, которая послужила Катин-Ярцеву материалом для практики по сниманию птичьих шку-

рок. Перед тем как гага была убита, Матисен ее сфотографировал.

Во время подготовки к изучению глетчеров на острове Беннета у меня возникли следующие мысли:

1. Рихтер различает в Норвегии долины фиордов и долины фьельдов. Последние более плоские, трогообразны и не достигают моря. Если представить себе современную Норвегию погруженной в море вплоть до фьельдовых долин, то получим тип побережья, подобный Таймырскому. Последний тип можно было бы поэтому назвать, в отличие от фиордового, фьельдовым берегом.

2. В связи с вопросом об аналогии и различии причин образования этих двух типов я снова подхожу к проблеме о передвижении береговой полосы. Кроме приливов и отливов, которые, быть может, недостаточно принимались при этом в расчет, на передвижение береговой полосы влияли, вероятно, и послеледниковые погружения прилегающих частей моря. Возможно, что остров Беннета хранит в себе разрешение этой проблемы.

3. Между изоанабазами де Геера от 0 до 60 лет, возможно, граница эллиптического разлома.

Понедельник 19 мая. Приготовления к выезду на остров Беннета продвигаются. Спешки пока нет, так как температура все еще низкая. Сегодня ночью было около 11° мороза. С нетерпением жду того дня, когда смогу наконец плыть на веслах в байдарке или идти под парусами!

С последней почтой доставлены, помимо газет, также географические журналы. Не говоря об упорном стремлении к достижению полюсов, знаменующем нансеновский этап полярных исследований, имеется еще целый ряд других актуальных задач, которые определяют пути будущих работ и открытий в области географии.

К сложившейся у меня здесь точке зрения на полярные исследования имеет прямое отношение труд В. Беммелена «Вековое перемещение магнитных осей земли»⁴⁶. Беммелен устанавливает связь между прогрессирующим во времени перемещением северного магнитного полюса с полюсом полярных сияний Норденшельда. Он указывает на видимую связь между метеорологическими и магнитными явлениями и северными сияниями! Аналогичная картина отмечена Локьером в Индии!

В тетради «Северное сияние» я изложил свои мысли о взаимной связи между зонами северного сияния Норденшельда и возможными зонами разлома (зонами погружения) Арктики.

В обзоре литературы встречаются новые материалы по вопросу перемещения береговой линии «фьельдового побережья» под влиянием тектонических процессов, имевших ме-

сто в четвертичное время. Следовало бы изучить последнюю работу Рамзая о Финляндии.

Среда 21 мая. Небо заволокло тучами, ночью температура была около -10° . Толстов привез на собачьей нарте с реки Чукотской застреленных им двух оленей. На скале того побережья, недалеко от устья реки Чукотской и на всем пути сюда он видел вчера сотни чистиков и близ поварни Воллосовича трех белых чаек.

Остро ощущаю правоту слов Гёте: «Юг хранит много сокровищ! Но одно сокровище севера влечет непреодолимо к себе, словно сильный магнит».

Итак, бесповоротно решено — только через ту «неведомую гавань» на Беннете бежит мой путь на родину!

Покину «Зарю» спокойно. Только бы мне достигнуть цели! Если за нами придет «Заря», то наша яхта быстро помчится с попутным ветром обратно на юг, после того как на севере будут обретенны сокровища науки; если же «Заря» не придет и мы останемся зимовать, то приложим к Зеебергом все силы к тому, чтобы как можно лучше использовать этот год!

Завтра велю запасть дневники доктора и мои, как и все важные документы. Упаковал свои личные книги. Мои научные книги оставляю для пользования Катин-Ярцеву, который хорошо знает немецкий и английский языки.

Чтение научных книг пробуждает во мне с каждым днем все больше соблазна к исследованию острова Беннета.

Период восточных ветров как будто закончился. Возможно, что в связи с этим полынья плотнее сомкнется, но тогда при гребле нам будет дуть встречный ветер. Если же полынья станет шире, у нас будет попутный ветер, тоже хорошо!

Сегодня боцман Бегичев застрелил трех и Клух одну белую куропатку, также гагу-гребенушку и, кроме того, распевавшую в тундре пуночку. Появилось множество белых куропаток. Накануне вечером Матисен видел стада оленей, перебивавшихся по тундре с юга на север.

Суббота 24 мая. Вчера я предпринял вместе с Катин-Ярцевым геологическую экскурсию, чтобы ввести его в геологию. Мы отправились к Северному Выходному мысу. Там я обнаружил охарактеризованный окаменелостями горизонт девона. Экскурсия была очень поучительна. Сажусь за инструкции, за ними последуют письма к близким, письменные распоряжения на «всякий случай» и донесения президенту Академии наук.

В 9 часов вечера температура была -6° . Снег понемногу стаявал, однако снежный футшток отмечает толщину снежного покрова в 91 см, так как в последние дни был снегопад.

Воскресенье 25 мая. Сегодня в 7 часов утра вернулся Колчак очень довольный своей поездкой на остров Столбовой. Он объехал весь остров, произвел съемку, определил астро-

номически много пунктов и привез мне образцы горных пород. Крутой западный берег сложен из диабазов и палеозойских известняков. Полынья находится почти у самой северо-западной оконечности острова, приблизительно в двух километрах и на расстоянии 15 км от юго-западной оконечности. Благодаря открытой воде здесь много птиц. На скалах ютятся до 100 кайр. Было много чаек. Благодаря застреленному оленю не ощущалось недостатка в свежем мясе. По медведю оба охотника промахнулись. Команда рьяно охотится. Сегодня посылаю на охоту своих каюров, чтобы они освежились перед началом путешествия; в связи с приготовлениями к поездке они сидят безвыходно в поварне. В последнее время стало много оленей, и охотники мешают друг другу.

Я устал и бездеятелен. Работа подвигается медленно. Нудное составление инструкций мало подается вперед.

Понедельник 26 мая. Сегодня в 5 часов утра неожиданно прибыла еще одна почта! Милые, дорогие письма, как посланное небом благословение перед отъездом на север! В письмах опять много выражений уверенности в моих силах и в успехе дела, но напрасно все так думают — у меня нет больше сил! Остается только надеяться, что общее доверие и любовь должны подкрепить меня и влить новую энергию.

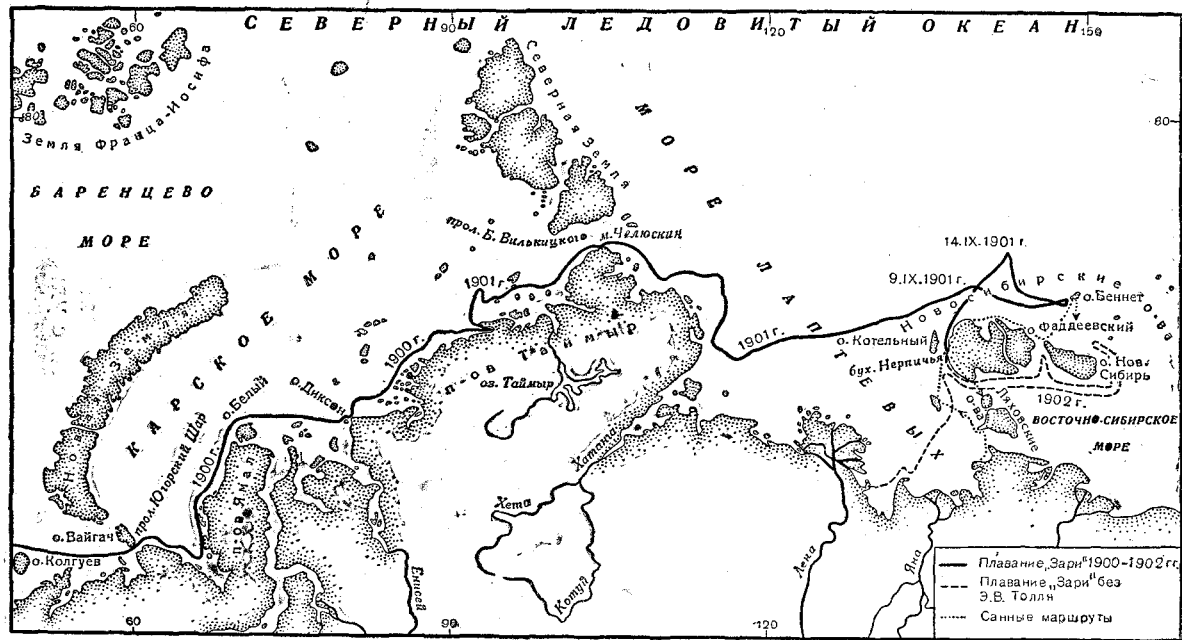
Для работы тоже очень важно, что почта подоспела до моего отъезда, так как доставлены часы, компасы и anerоиды, морские таблицы и т. д. Пришло также десять запасных термометров, в которых мы сильно нуждались.

Теперь я уже горю нетерпением прийти к цели, не только ради самой цели, но чтобы время быстро пролетело в напряженной деятельности. Сегодняшний день прошел за прочтением писем. Это был для меня большой праздник. Прибыла также посылка и портреты моих дорогих дочерей! Что совершается в моем сердце, когда думаю о своих любимых, этого я не в силах передать на бумаге. Не в моей власти облечь в слова свою тоску по родине. Как туго натянутые струны напряжены мои нервы перед этим прыжком через полыньи и горы, через торосы и моря для того, чтобы через шесть месяцев вернуться обратно на родину! Завтра надо приняться за приготовления с удвоенной силой, так как днем снег заметно тает. Не позже конца этой недели надо трогаться в путь.

«Что должно свершиться, то сбудется!»

Вторник 27 мая. С интересом прочел о следах оледенения в Олекминском крае.

Сегодня Зееберг принял продовольствие. Василий и Алексей вернулись с охоты с четырьмя убитыми оленями, причем Василий принес мне еще девонские окаменелости.

Маршруты Полярной экспедиции на яхте «Заря» 1900—1902 гг.

Четверг 29 мая. Все пишу и пишу! Письма и отношения к президенту Академии наук закончены. Составлено свидетельство о смерти нашего любимого Вальтера; набросаны инструкции для Матисена. Остается еще написать Брусневу, затем сделать экскурсии для обследования льда и окончательно упаковать вещи.

Воскресенье 1 июня. Сегодня заканчиваю писать свои распоряжения «на всякий случай».

Понедельник 2 июня. Все еще здесь. Бесконечно много дела перед отъездом.

Вчера Матисен снова застрелил трех оленей, в субботу Клух одного и боцман одного. Охота начинает становиться для меня нетерпимой, так как убивают почти одних только самок с телятами.

Сегодня день рождения Матисена. Передам ему инструкцию, копия которой остается на хранении вместе с документами. Заносить ее сюда, в дневник, нет времени. Завтра он получит в запечатанном конверте назначение стать моим преемником, в случае если «Заря» не сможет снять меня с острова Беннета. Только что закончил последние письма к тебе. Спокойной ночи!

3 июня. Передаю Матисену запечатанное письмо с надписью: «Вскрыть, если экспедиция лишится своего корабля и без меня начнет обратный путь на материк, или в случае моей смерти».

Командиру яхты «Заря» лейтенанту Федору Андреевичу Матисену.

Поручаю Вам весь личный состав Русской Полярной экспедиции, ученый персонал и судовую команду доставить на яхте «Заря» или другим, указанным мною в инструкции от 19 мая путем до сибирского берега и дальше на родину и передаю Вам на тот случай, если Вам не удастся снять меня с острова Беннета, или в случае моей смерти, все права начальника экспедиции.

Э. Толль.

«Заря», Нерпичья губа, 30 мая 1902 г.⁴⁸

Вчера он получил доверенность на пользование открытым на мое имя кредитом, чтобы иметь возможность доставить членов экспедиции домой на родину.

Конец дневника

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Участники экспедиции, вернувшиеся на родину, прибыли в С.-Петербург зимой 1903 г. и передали в Академию наук жестяной запаянный ящик с дневниками и документами, который временно хранился в Академии.

После того как твердая уверенность в возвращении моего мужа сменилась неопровержимыми данными о его гибели, ящик, согласно его распоряжению, был передан мне в личную собственность.

Дневник, который заботливо велся даже в периоды самой тяжелой физической работы и лишений и во время глубоких душевных переживаний, не содержит каких-либо пробелов в записях. Дневник представляет собой подробное описание путешествия наряду с обсуждением ряда научных проблем. В дневнике ясно сквозит полное гуманный стремление пробудить в руководящих кругах заботу и любовное участие к умирающим народностям, исчезновению которых способствует беззастенчивая эксплуатация корыстных людей.

Насколько было в моих силах, я приложила все свое старание, которого потребовал этот незаконченный дневник и прерванные в своем выполнении мысли и желания его автора, чтобы подготовить рукопись к печати. Я считаю своим горестным долгом довести эту рукопись до завершения.

К дневнику приложена карта, составленная А. Бялыницким-Бирулей, зоологом Академии наук в Петербурге. Основной текст дополнен несколькими вспомогательными главами. За просмотр рукописи я благодарю В. Штальберга, В. Бианки и К. А. Воллосовича.

Выражения и стиль дневника, который нередко принимает форму письма, сохранены мною без изменения. При просмотре материала все же выяснилось, что в нескольких местах необходимо было ввести сокращения, не нарушавшие основной

идеи и мысли автора. Все личное, касающееся семьи, мною изъято из публикуемого текста, если это не нарушало цельности содержания, за исключением тех случаев, когда было необходимо осветить положение и понять настроения автора. Затем я не упоминаю о незаслуживающих внимания мелочах совместной жизни членов экспедиции.

Хотя первоначально и не предназначались для опубликования некоторые суждения и воззрения, я решила их сохранить, так как они характеризуют внутренние переживания автора. Считаю, что они освящены смертью и доведены до такого круга понятий, который должен искренне волновать всех, кто понял всю глубину его внутренних переживаний. Он серьезно относился к жизни, не мог обходиться без работы и был весь без остатка поглощен ею. Для него было жизненной потребностью, даже в период величайшего трудового напряжения, отдавать себе отчет в своих действиях и мыслях, уяснять себе, откуда и куда ведет жизнь со своими трудными для разрешения задачами. Он верил в будущее народа и в развитие каждого человека в отдельности, невзирая на те существенные преграды, которые стоят на пути человека как покорителя природы.

Его душа принадлежала царству вечных стремлений и из этого царства он черпал свою нравственную силу.

Эмелина Толль.

Дерпт, октябрь 1908 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Покинув бухту Нерпичью, Э. В. Толль объехал на собаках северные берега островов Котельного и Фаддеевского. Через месяц, 4 июля, отряд достиг мыса Высокого на острове Новая Сибирь, а оттуда направился 13 июля к острову Беннета. Преодолевая трудности продвижения по битому льду и перетаскивая байдары волоком по плавающим льдинам, Э. В. Толль со своими спутниками прокладывал путь к острову Беннета.

Яхта «Заря» оставалась зажатой льдами в лагуне Нерпалах до 14 июля, когда смогла наконец выйти по свободной воде во внешнюю полынь и стать там на якорь. Свыше месяца она боролась со льдами и только 21 августа смогла совершить попытку обойти с севера остров Котельный и подойти к острову Новая Сибирь. 1 сентября встретились тяжелые льды, которые за недостатком угля не удалось форсировать. 5 сентября Матисену стало ясно, что придется отказаться от дальнейших попыток снять партию Э. В. Толля с острова Беннета и партию А. А. Бялыницкого-Бирули с Новой Сибири. Выполняя приказ начальника экспедиции — доставить ученый персонал и команду яхты «Заря» на сибирский берег для следования на родину, — Матисен взял курс к устью реки Лены в бухту Тикси. Здесь 7 сентября «Заря» бросила якорь. Отсутствие угольной базы в устье реки Лены, как и на острове Котельном, лишило Русскую Полярную экспедицию возможности провести третью зимовку, согласно указаниям Э. В. Толля.

Угольная база была организована лейтенантом Коломейцевым на острове Диксон: в организации второй базы на острове Котельном Академией наук было отказано на том основании, что стоимость доставки угля (около 75 000 руб.) превышала стоимость самой яхты «Заря».

В бухте Тикси команда «Зари» была встречена Брусневым и старым Джергели, который сильно огорчился, когда узнал, что на борту судна не было его друга. Старик высказал желание ехать за начальником экспедиции на оленях, как только замерзнет море.

13 октября на пароходе «Лена» участники экспедиции были доставлены в Якутск и в декабре 1902 г. вернулись в Петербург, пробыв два месяца в пути.

Вспомогательную экспедицию Матисен поручил организовать Брусневу.

По окончании полярной ночи, т. е. не ранее 1 февраля 1903 г., Бруснев намеревался выехать на север по морскому льду на собачьих упряжках с тем, чтобы объехать северные и северо-восточные берега Новосибирских островов, где он рассчитывал встретить Бялыницкого-Бирулю и Толля; в противном случае предполагал оставить последнему письмо у экспедиционного склада. По плану одна партия должна была остаться в ожидании Толля в Нерпалахе до весенней распутицы, а другая с двумя собачьими упряжками ожидать его на острове Новая Сибирь.

По прибытии в Петербург Ф. А. Матисен доложил Комиссии по снаряжению Русской Полярной экспедиции Академии наук о ходе работ экспедиции Э. В. Толля и сообщил о его последней поездке на остров Беннета. Матисен передал, что предпринятые меры к снятию партии Толля из-за тяжелых льдов и отсутствия угля оказались безрезультатными.

Рискованная поездка Толля чрезвычайно встревожила Академию наук. Комиссия постановила принять быстрые и решительные меры для оказания радикальной помощи. Воспользоваться для этого яхтой «Заря» не представлялось возможным, так как избитый ее корпус нуждался в капитальном ремонте и не было угля. Было решено направить спасательную экспедицию на остров Беннета на вельботах, во главе с гидрографом экспедиции А. Колчаком¹. 22 февраля 1903 г. экспедиция выехала из Петербурга в Иркутск и через Якутск дальше на север; в ее составе было 17 человек, в том числе восемь каюров. В день отъезда (из Петербурга) пришла телеграмма от Бялыницкого-Бирули, что он 5 декабря 1902 г. оставил Новую Сибирь и 28 декабря прибыл в Казачье, отсюда выехал в Петербург. В телеграмме сообщалось, что до ухода Бирули, т. е. до 5 декабря 1902 г., партия Толля не появлялась на острове Новая Сибирь. Это послужило основанием думать, что партия Толля зазимовала на острове Беннета.

На Новосибирские острова вельбот пришлось везти за 1000 км на двух нартах, запряженных 30 собаками. Во время перехода по морскому льду дорогу для вельбота приходилось

прорубать в торосах и общими силами перетаскивать 36-пудовую шлюпку через льды².

5 июня партия добралась до Михайлова стана на острове Котельном. Промышленники остались здесь летовать с собаками и оленями, так как в операции участвовала 161 собака и для их прокорма ежедневно требовалось пять с половиной оленей.

31 июля, как только тронулся лед, шесть участников экспедиции направились на вельботе через Благовещенский пролив к северо-западному берегу острова Новая Сибирь. Это был ближайший пункт, с которого следовало выйти в открытый океан на остров Беннета. На Новой Сибири спасательная партия встретилась с Брусневым. Он сообщил, что в марте месяце на мысе Высоком у крутого обрыва он обнаружил деревянный столб и близ него следы последней стоянки Толля перед отправлением на остров Беннета (пустые жестянки из-под консервов, остатки костра и изодранный спальный мешок). У столба находилась шведская банка с привязанной к ней дощечкой с надписью «для писем». Внутри банки была записка Толля следующего содержания:

«Склад (депо) находится в 30 верстах к юго-западу отсюда, около 4 верст дальше — амбар. В последнем уложены коллекции (четыре ящика), ящик с фотографическими пластинками, один ящик с барографом и тренога. Кроме того, две медвежьи шкуры. Коллекции мокры, если они здесь останутся, они потеряны. Мы пришли сюда 4 июля вечером. Отправляемся дальше 12 июля днем. Все благополучно. Толль. 11 июля 1902 г.».

Прочитав эту записку, Бруснев направился по морскому льду на северо-северо-восток.

В 30 км от берега путь Брусневу преградила гряда высоких торосов, а за ними была полынья шириной в 3—5 км, которая заставила его повернуть обратно на мыс Высокий.

После встречи с Брусневым спасательная экспедиция 15 августа взяла курс на остров Беннета. Двое суток шли на вельботе то греблей, то под парусами, встречая в открытом море редкие мощные льды. Под высоким берегом острова Беннета плавало множество мощных льдин. Кругом летали кайры и чистики со стайками плавунчиков; кое-где на льдинах чернели тела тюленей. Берег был полон жизни.

Подойдя ближе к берегу, обнаружили у уреза воды блестящий предмет, оказавшийся крышкой от алюминиевого котелка, принадлежавшего партии Толля.

На берегу находился небольшой гурей с лежащей под ним медвежьей шкурой, вблизи которого виднелись следы стоянки: обугленные куски плавника, оленьи и птичьи кости, пустые патроны, сломанные черенки охотничьих ножей, отрезанные бронзовые наконечники палаточных колышков и т. п.

Факт пребывания здесь Толля был, таким образом, установлен.

На другой день экспедиция отправилась на мыс Эммы, где, как было условлено, Толль хотел установить свой знак.

По пути к мысу Эммы были найдены в двух местах следы пребывания партии Толля: остатки костра, рубленое бревно плавника, оленьи рога со следами топора и обрывки медвежьей шкуры, вероятно съеденной другим медведем. На мысе Эммы, на россыпи, на высоте около 18 м над морем виднелся гурий с воткнутым однолопастным байдарочным веслом. У его подножия лежала бутылка с тремя записками:

Первая записка³:

«21 июля благополучно доплыли на байдарках. Отправимся сегодня по восточному берегу к северу.

Одна партия из нас постарается к 7 августа быть на этом месте.

25 июля 1902 г., остров Беннета, мыс Эммы.

Толль».

Вторая записка: «Для ищущих нас», содержала план острова Беннета с указанием, как найти жилище партии. Документ датирован 1/14 сентября 1902 г.

Третья записка:

«23 октября 1902 г., четверг.

Нам показалось более удобным выстроить дом на месте, указанном здесь на этом листке. Там находятся документы.

Зееберг».

Перебравшись через два ледника, участники экспедиции спустились к берегу острова, где лежало много плавника. Здесь нашли четыре ящика с геологическими коллекциями. За полуостровом, который был назван именем академика Чернышева, увидели небольшую поварню. Поварня оказалась до половины наполненной снегом, смерзшимся в твердую ледяную массу, из-под которой торчал кусок дерева и куча камней от полуразобранного камелька...

Под льдом и камнями были найдены испорченный фотоаппарат, коробка с нетронутыми фотопластинками и обшитый парусиной ящик, в котором лежала четвертая и последняя записка Толля:

«Прошу представить настоящий документ президенту Академии наук в С.-Петербурге.

В сопровождении астронома Ф. Г. Зееберга и двух промышленников — тунгуса⁴ Николая Дьяконова и якута Василия Горохова — я отправился 23.V/5.VI из зимней гавани «Заря» (губы Нерпичьей о. Котельного). Мы шли по северным берегам островов Котельного и Фаддеевского к мысу Высокому о-ва Новой Сибири. 31.VI/13.VII взяли курс на о-в Беннета. Лед был в довольно разрушенном состоянии.

12/25.VII. в расстоянии 3 миль от мыса Высокого лед был окончательно разломан ветром. Приготовляясь к плаванию на байдарках, мы убили здесь последних собак. Отсюда нас понесло на льдине нашего лагеря в течение $4\frac{1}{2}$ суток 48 миль по курсу. Заметив затем удаление нашей льдины на 10 миль к югу, оставили ее 18/31.VII. Проплыв благополучно на двух байдарках оставшиеся 23 мили до о-ва Беннета, 21.VII/3.VIII высадились у мыса Эммы.

По съемке астронома Зееберга, определившего, сверх того, здесь, как и по пути, магнитные элементы,— всего в 10 пунктах, о-в Беннета не более 200 квадратных верст. Остров Беннета представляет плоскогорье не выше 1500 футов. По геологическому строению о-в Беннета является продолжением Средне-Сибирского плоскогорья, сложенного и здесь из древнейших осадочных пород (кембрийских), прорезанных извержениями базальтов. Местами сохранились под потоками базальтов флещы бурого угля с остатками древней растительности, именно хвойных. В долинах о-ва изредка лежат вымытые кости мамонтов и других четвертичных животных (*Bos sp.*).

Ныне живущим обитателем о-ва Беннета, кроме белого медведя и временного гостя моржа, оказался олень; стадо в 30 голов водилось на скалистых пастбищах о-ва. Мы питались его мясом и шили себе необходимую для зимнего обратного пути обувь и одежду. Следующие птицы жили на этом острове: 2 вида гаг, один вид куликов, снегирь, 5 видов чаек и среди них розовая.

Пролетными птицами явились: орел, летевший с S на N, сокол — с N на S и гуси, пролетевшие стаями с N на S. Вследствие туманов, земли, откуда пролетали эти птицы, также не было видно, как и во время прошлой навигации Земли Санникова.

Мы оставили здесь следующие инструменты: круг Пистора с горизонтом, инклинометр Краузе, анемометр и фотогр. аппарат «Нора» и др.

Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы. $76^{\circ}38' \varphi$ $149^{\circ}42' \lambda$.

Губа Павла Кеппена о-ва Беннета 26.X/8.XI 1902 г.

Э. Толль».

Считая продолжение дальнейших поисков безнадежным, спасательная экспедиция Академии наук покинула остров. Перед уходом у места стоянки был сложен большой гурий с доской, на которой написаны даты посещения острова Э. В. Толлем.

22 августа, на десять дней ранее назначенного срока, спасательная партия Академии наук прибыла с острова Беннета на Новую Сибирь.

Спасательная экспедиция Академии наук покинула мыс Высокий 25 августа. Двое суток пришлось пробираться на вельботе через узкий Благовещенский пролив. С половины августа начались морозы. Свежий ветер со снегом и высокой волной усложнял плавание на вельботе. После сорокадневного отсутствия партия высадилась у поварни на Михайловом стане. По пути на вельбот была принята с острова Фаддеевского партия Толстова. Скоро вернулись и летовавшие партии на острове Котельном.

Во второй половине ноября температура упала до -46° . 8 декабря 1903 г. все прибыли в Айджергайдах, а 2 января 1904 г. спасательные партии, направленные на поиски Э. Толля и его спутников, вернулись в Якутск. Железняков был отправлен с отчетом и найденными на острове Беннета документами Э. В. Толля в Академию наук, а Колчак с Бегичевым отправились на театр военных действий на Дальний Восток⁵.

Комиссия по снаряжению Русской Полярной экспедиции пришла к убеждению, что партия погибла во время перехода во мраке арктической ночи. Вечно движущиеся, прерванные широкими полыньями и загроможденные высокими, труднопроходимыми торосами льды океана, отделяющие остров Беннета от Новосибирских островов, стали местом гибели Э. В. Толля и его трех спутников. Ввиду полного отсутствия каких бы то ни было указаний, где следует искать партию, дальнейшие поиски были оставлены. Комиссия Академии наук назначила премию за нахождение партии Э. В. Толля, или ее следов.

«Ввиду безуспешности подать помощь начальнику Русской Полярной экспедиции Э. В. Толлю и его спутникам: астроному Ф. Г. Зееберту и якутам Василию Горохову, по прозвищу Чичаг, и Николаю Diaконову, по прозвищу Омук, ушедшим с острова Беннета, лежащего к северу от Новой Сибири, 8 ноября 1902 г. по направлению к югу, но отнесенных, по-видимому, льдами, за отыскание всей партии или части ее назначается премия в размере 5000 рублей, а за первое указание несомненных следов ее — премия в размере 2500 рублей»⁶.

Разгадать тайну, которой покрыто трагическое завершение этого смелого предприятия, так и не удалось.

Покинуть остров Беннета в начале ноября, перед наступлением полярной ночи, Толль решил, очевидно, в связи с невозможностью осуществить зимовку на острове. Решающее значение имело, по-видимому, отсутствие пищи. Жильем партия была обеспечена. И можно было обойтись имевшимся количеством топлива. Отсутствие запасов было связано, по всей вероятности, с тем, что в ожидании прихода яхты «Заря» Толль и Зееберг спешили обойти весь остров, чтобы изучить

его природу и геологическое строение. Толль не допускал мысли вернуться из экспедиции, не осуществив всей программы научных работ.

Когда выяснилось, что яхта «Заря» не сможет пробиться сквозь льды, оказалось, что небольшое стадо оленей перебралось на юг. Птицы к тому времени улетели. Готовить запасы было поздно. Не оставалось иного выхода, как идти морем на Новосибирские острова, чтобы не ждать голодной смерти на острове Беннета.

Очевидно Толль полагал, исходя из того факта, что олени перебираются на остров Беннета, что в полынье имеются проходимые места — ледяные мосты, и это могло его заставить решиться на отчаянный шаг. Уже после наступления полярной ночи он решил попытаться пройти через полынью, когда температура понизилась до -40° , и море даже в открытых местах покрылось льдом. Но оказалось, что продвигаться было совершенно невозможно ни на шлюпках, ни пешком. Отсюда легко себе представить ту печальную участь, которая неизбежно должна была постигнуть отважных путешественников, когда они преодолевали «Великую Сибирскую полынью»...

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания, принадлежащие самому Э. Толлю, отмечены «Авт.»;
П. В. Виттенбургу — «П. В.»; Г. В. Яникову — «Г. Я.».

I часть

¹ В северной части Кольского залива на Мурмане; на ее берегу расположен город Полярный.— Г. Я.

² Ныне Полярный.— Г. Я.

³ Ныне Хабарово.— П. В.

⁴ Э. Толль всюду, естественно, применяет для малых народностей Севера названия, принятые в дореволюционной России. В настоящем издании даны современные названия, принятые в СССР.— Г. Я.

⁵ Более подробно о плавании П. П. Крузенштерна на шхуне «Ермак» см. В. Ю. Визе. «Моря Советской Арктики», М.—Л., 1948, стр. 142—143.— Г. Я.

⁶ Ф. Пайер и К. Вейпрехт — лейтенанты австро-венгерского флота, в 1873 г. открывшие Землю Франца-Иосифа. Их судно «Тегетгоф» плавало в Баренцевом море.— Г. Я.

⁷ Э. Толль под названием острова Кузькина подразумевает современный остров Диксона; это следует иметь в виду при чтении дальнейшего текста. Дело в том, что островом Кузькиным одновременно назывался так же современный остров Сибирикова. Названия островов Диксона и Сибирикова дал Э. Норденшельд в 1875 г. во время плавания к устью Енисея на судне «Прёвен».— Г. Я.

⁸ Траппы — мелкозернистые изверженные горные породы, основные по своему составу; под этим названием известны в Сибири так же базальты. Для траппов характерна отдельность в виде правильных столбчатых призматических тел. Широко распространены на Средне-Сибирском плоскогорье, где образуют целые пласты мощностью 10—250 м.— Г. Я.

⁹ Каяк — легкое гребное судно, крытое, подобное спортивной байдарке, управляемое двухлопастным веслом.— П. В.

¹⁰ Мыс Северо-Восточный ныне называется мысом Челюскина в память участника Великой Северной экспедиции штурмана Семена Челюскина, открывшего его 19.V.1742 г. и назвавшего его Северо-Восточным.— П. В.

¹¹ Э. Толль описывает явление скольжения почвы — солифлюкцию.— П. В.

¹² Очевидно, гольца (*Salvelinus alpinus*).— П. В.

¹³ Верп — малый якорь, который завозят на шлюпке для стягивания судна с мели и пр.— П. В.

¹⁴ Перлинь — морской пеньковый трос от 100 до 150 мм в окружности.— П. В.

¹⁵ Гора «Приметная». — П. В.

¹⁶ Нансен прошел острова Тилло на «Фраме» 26.VIII.1893 г.— П. В.

¹⁷ Миддендорф А. «Путешествие на север и восток Сибири», СПб., изд. Академии наук 1878 г., ч. II, стр. 666.— Авт.

¹⁸ И пясинцев в скором времени нельзя будет там найти, их зимовка находится в Лузино — в верхнем течении Дудинки (Кастрен. Северн. путешествия и исследования, СПб., 1856 г., стр. 245). — Авт.

Авамскими ненцами Э. Толль называет малую народность Таймыра — нганасан.— Г. Я.

¹⁹ Остров Ледолом.— П. В.

²⁰ Пятница приходится на 14 сентября, а на 15-е — соответственно суббота. В немецком издании допущена ошибка в дате или же в дне недели.— Г. Я.

²¹ Дж. Бове, гидрограф и астроном экспедиции Норденшельда на «Веге» в 1878—1879 гг.— П. В.

²² Проливы «Лена» и «Вега» находятся у острова Диксона, а здесь находятся проливы Свердруп и Паландера.— П. В.

²³ Кабельтов — $1/_{10}$ морской мили — 183 м.— Г. Я.

II часть

¹ «Димфна» — пароход датской экспедиции, участвовавшей в проведении I Международного полярного года (1882—1883). — Г. Я.

² Здесь в немецком издании явная ошибка в дате или же в дне недели. На 15 октября приходится понедельник; четверг — на 18 октября.— Г. Я.

³ Здесь в немецком издании такая же ошибка. На 20 октября приходится суббота; понедельник — на 22 октября.— Г. Я.

⁴ В настоящее время берегом Харитона Лаптева называется береговая полоса в западной части Таймырского полуострова между меридианами 86° и 95° в. д. Восточная часть побережья Таймырского полуострова от широты 76°30' до входа в Хатангский залив носит название берега Василия Прончищева.— Г. Я.

⁵ Универсальный инструмент, или универсал, — переносный угломерный инструмент, служащий для измерения углов, лежащих в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Применяется в астрономии и геодезии для определения географических координат места и т. п.— Г. Я.

⁶ Гипсотермометр — прибор, служащий для определения высот; основан на явлении понижения температуры кипения воды с уменьшением атмосферного давления, т. е. с увеличением высоты.— Г. Я.

⁷ Число банок, оставленных на складе, не соответствует их числу, приведенному в перечне взятого с собою продовольствия (см. 49). В немецком издании после числа 46 поставлен в скобках вопросительный знак.— Г. Я.

⁸ Число дней не соответствует расчету и перечню.— *Примечание издателя в немецком издании.*

⁹ Называю так этот мыс в память великого исследователя Александра Миддендорфа, прах которого покоится под гранитной плитой на его родине в Гелленорме.— Авт.

¹⁰ «Описание, содержащее от флота Лейтенанта Харитона Лаптева, в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, на них всех живущих промышленников состояние». Записки Гидрографического Департамента; ч. IX. СПб., 1851; стр. 13.— Авт.

¹¹ Там же, стр. 17—18.— Авт.

¹² Там же, стр. 18—19.— Авт.

¹³ И. Д. Черский в то время вел исследования в Сибири по поручению Академии наук.— П. В.

¹⁴ За 13 лет до открытия архипелага Северной Земли экспедицией Северного Ледовитого океана на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» Э. Толль на основании геологических предпосылок предвидел его существование!— П. В.

¹⁵ Т. е. эвенкскую меховую шапку.— Г. Я.

¹⁶ В немецком издании стоит «17/29—Х», т. е. допущена ошибка в датировке по новому стилю. В настоящем издании датировка исправлена.— Г. Я.

¹⁷ В немецком издании ошибка — вместо воскресенья напечатано «вторник».— Г. Я.

¹⁸ Три магнитных элемента, т. н. склонение и наклонение магнитной стрелки и горизонтальная составляющая; характеризуют состояние магнитного поля Земли и расположение его силовых линий.— Г. Я.

¹⁹ Унифиляр — магнитный теодолит, т. е. инструмент, служащий для определения магнитных элементов; см. предыдущее примечание.— Г. Я.

²⁰ Ненецкая обувь, надеваемая поверх пим наподобие галош, сшита из оленьей шкуры шерстью наружу.— П. В.

²¹ Эта глава не найдена среди посмертных материалов.— *Примечание издателя в немецком издании.*

²² В посмертных бумагах не найдена.— *Примечание издателя в немецком издании.*

²³ В немецком издании ошибочно поставлено «Суббота».— Г. Я.

²⁴ По старому стилю.— Г. Я.

²⁵ В немецком издании ошибочно поставлено «Вторник».— Г. Я.

²⁶ Пассажный инструмент — астрономический инструмент, служащий для определения момента прохождения светила через вертикал. Применяется для определений поправки часов и широты места наблюдения.— Г. Я.

²⁷ Э. Толль цитирует по одному из немецких изданий книги А. Норденшельда. Здесь дается цитата из русского издания: А. Е. Норденшельд. Плавание на «Веге», перевод со шведского А. Бонди под редакцией В. Ю. Визе, ч. I, М.— Л., 1936, стр. 388.— Г. Я.

²⁸ См. примечание 27. В том же русском издании этот текст находится на стр. 383.— Г. Я.

²⁹ Герцог Абрुццкий — руководитель итальянской экспедиции 1899—1900 гг., рассчитывавшей с Земли Франца-Иосифа достичь Северного полюса на собаках. Более подробно см. В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики, М.— Л., 1948, стр. 173—176.— Г. Я.

³⁰ Шмидт Ф. Б. (1832—1908) — академик, геолог-палеонтолог.— Г. Я.

³¹ Траубенберг — родственник Э. Толля.— П. В.

³² Игра слов: на немецком языке «воскресенье» (день недели) называется Sonntag, т. е. «солнечный день».— *Прим. перев.*

³³ После работы Великой Северной экспедиции на картах на месте острова Таймыр, архипелага Норденшельда и ряда островов, лежащих далее к северу, показывался длинный полуостров, оканчивавшийся мысом Северо-Западным. Описные работы здесь производили: геодезист Никифор Чекин (1740 г.) и лейтенант Харитон Лаптев (1741 г.); двигаясь по льду на собачьих упряжках, они из-за недостатка продовольствия и корма не могли тратить время на объезды каждого из островов и держали обычно направление с одного мыса на другой, пересекая проливы. При наложении их маршрутов на карту все отмеченные ими разрывы в береговых линиях были показаны в виде заливов, в результате чего и получилось изображение сплошного полуострова.— Г. Я.

³⁴ Э. Толль приводит даты по старому стилю, который в XVIII в. оставал от нового на 11 суток. По данным последних исследований по истории Великой Северной экспедиции, Х. Лаптев отправился из устья Таймыра на восток 10 мая ст. ст. и вернулся туда 17 мая. На запад, в

сторону Пясины, он отправился 19 мая ст. ст. и прибыл в ее устье 9 июня. В Туруханск он прибыл 29 августа ст. ст.—*Г. Я.*

³⁵ По данным последних исследований, С. Челюскин достиг мыса Северо-Восточного 8 мая ст. ст., или 19 мая н. ст., с Хорошевым встретился 15 мая.—*Г. Я.*

³⁶ Почти все материалы Великой Северной экспедиции в большом порядке хранятся в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота в Ленинграде.—*Г. Я.*

³⁷ В 1755 г. в связи с предположенным возобновлением съемок Северного побережья все подлинные карты и журналы Великой Северной экспедиции были отосланы в Тобольск; в Петербурге были оставлены копии. В середине XIX в., несмотря на самые тщательные поиски, в Тобольске эти материалы не обнаружены.—*Г. Я.*

³⁸ А. Миддендорф и А. Соколов на самом деле пользовались копиями журналов, оставленных в 1753—1754 гг. в Петербурге (см. предыдущее примечание).—*Г. Я.*

³⁹ Короля Оскара.—*П. В.*

⁴⁰ Гавань Арчера по Нансену 76°12' с. ш., 95° в. д., по Зеебергу 76°08' с. ш., 95°06'52" в. д.

Полуостров Оскара по Нансену 76°32' с. ш., 98°35' в. д.

Бухта Толля » 76°32' с. ш., 100°40' в. д.

Мыс Лаптева » 76°25' с. ш., 96°27' в. д.—*Авт.*

⁴¹ По определению и описанию О. О. Баклунда — анкеритовый филлит. Кристаллические породы Таймыра, 1939, стр. 89.—*П. В.*

⁴² Инклинатор — прибор, служащий для измерения наклона магнитной стрелки (см. примеч. 4 к III части).—*Г. Я.*

⁴³ В немецком издании ошибочно проставлено 9 мая.—*Г. Я.*

⁴⁴ Байджарах — возникающие при таянии ископаемого льда земляные конусы. Их внешний вид и причины образования Э. Толль подробно описывает на стр. 298.—*Г. Я.*

⁴⁵ Т. е. в субботу 11 мая.—*Г. Я.*

⁴⁶ Как известно, журавли и аисты во время перелета безжалостно заклеивают своего умирающего больного или подстреленного сотоварища.—*П. В.*

⁴⁷ Ныне залив Бирули.—*П. В.*

⁴⁸ В Гренландии.—*Г. Я.*

⁴⁹ Сложный ледник в Альпах.—*Г. Я.*

⁵⁰ Опознавательный знак в виде сложенной из камней пирамиды.—*П. В.*

⁵¹ По современной транскрипции Аджирхайдах; промысловое становище на материковом берегу моря Лаптевых к востоку от дельты реки Яны.—*Г. Я.*

⁵² Нитромонусы — нитрифицирующие бактерии из рода *Nitrosomonas*.—*Г. Я.*

⁵³ Гаммариды — семейство мелких рачков, так называемых бокоплавов; часть видов обитает в пресных водах, часть — в морских.—*Г. Я.*

⁵⁴ Остров Валенный.—*П. В.*

⁵⁵ Озеро Гусиное.—*П. В.*

⁵⁶ В немецком издании проставлено: «Пятница 22.VI/3.VII, последняя из дат ошибочна и исправлена.—*Г. Я.*

⁵⁷ Переведено (на немецкий язык) сокращенно.—*Примечание издателя в немецком издании.*

⁵⁸ Условное обозначение объекта, название которого в тот момент не было известно Э. Толлю.—*П. В.*

⁵⁹ То же самое.—*П. В.*

⁶⁰ Здесь в период работ Великой Северной экспедиции был поселен якут Никифор Фомин (по некоторым источникам — Фома). Его зимовье и было использовано в качестве базы отрядом Х. Лаптева во время санных походов от устья Таймыры.—*Г. Я.*

III часть

¹ Дефлектор — прибор для измерения горизонтальной и вертикальной составляющих магнитного поля, действующих на судовой компас.— Г. Я.

² Круг Пистора — инструмент, применяющийся по преимуществу в мореходной астрономии для измерений высоты светил над горизонтом, т. е. для определения широты места наблюдения.— Г. Я.

³ Деклинация — склонение магнитной стрелки, т. е. угол в горизонтальной плоскости между направлением географического меридиана и силовой линией магнитного поля Земли.— Г. Я.

⁴ Циклинация — наклонение магнитной стрелки, т. е. угол в вертикальной плоскости между силовой линией магнитного поля Земли и горизонтальной плоскостью.— Г. Я.

⁵ Ныне острова Комсомольской Правды.— Г. Я.

⁶ Выражение Э. Толля «птичьи горы» следует понимать как «птичьи базары».— П. В.

⁷ Э. Толль применяет устарелое название моря Лаптевых.— Г. Я.

⁸ Гидроцеи — гидроидные (Hydrozoa), тип кишечнополостных; мелкие колониальные морские животные, помещающиеся в твердых трубочках. К этому же классу относится упомянутая ранее сифонофора.— Г. Я.

⁹ В современной транскрипции Буолкалах — населенный пункт в низовьях реки Оленека, памятный Э. Толлю по его экспедиции 1893 г.— Г. Я.

¹⁰ На западном берегу острова Котельного. В современной транскрипции — лагуна Нерпалах.— Г. Я.

¹¹ Высота горы Де-Лонга равна, по определению Э. Толля, 1500 футов (457 м), а мыса Эммы — 900 футов (270 м).— П. В.

¹² Черта под цифрой означает достигнутое дно.— Авт.

¹³ Э. Толль называет так способ изучения морских течений, при котором в море сбрасываются порожние плотно закупоренные бутылки с запиской, содержащей название судна и экспедиции, координаты места выброски и дату, а также очередной номер. Обнаружение бутылок с запиской в другом месте позволяет судить о направлении и скорости течений.— Г. Я.

¹⁴ Южный мыс острова Котельного.— Г. Я.

¹⁵ Возвышенность на острове Новая Сибирь в его южной части. Сложена песками и глинами с прослоями бурого угля и с обильными остатками древесины, по которым и получила свое название.— Г. Я.

¹⁶ Эта горная порода определена как линарит реки Балыктаха.— П. В.

IV часть

¹ Э. Толль имеет в виду устьевой участок реки у Ванькина стана.— П. В.

² См. примечание 15 к III части.— Г. Я.

³ Болотный кипарис, секвойя, тополь.— П. В.

⁴ Северо-западный мыс острова Новая Сибирь.— Г. Я.

⁵ По современной транскрипции — залив Буорхая. В западной его части расположена известная бухта Тикси.— Г. Я.

⁶ Петер Ласиниус — начальник отряда Великой Северной экспедиции, которому была поручена опись берега на восток от устья Лены. Швед по национальности, поступивший на русскую службу в 1725 г., Ласиниус не имел опыта в полярных плаваниях. Из-за его неправильных распоряжений (он вдвое сократил паек на зимнее время) весь личный состав отряда (и он сам) заболел цингой на первой же зимовке 1735/36 г. Из 52 человек в живых осталось 13. Ласиниус умер одним из первых.— Г. Я.

⁷ Четыре эти предшественника Э. Толля, направлявшиеся по льду на север от Новосибирских островов, не смогли преодолеть так называемой Сибирской полыньи.— П. В.

⁸ Имеется в виду игра в рулетку.— П. В.

⁹ В 1910 г. принц Альберт Монакский основал Океанографический институт в Монако и Музей мореведения в Париже.— П. В.

¹⁰ Песня, посвященная солнцу, которой заканчивается 49-я руна Калесалы. Перевод Л. П. Бельского.— П. В.

¹¹ Т. е., на материке.— Г. Я.

¹² Э. Толль имеет в виду Большой Ляховский остров.— Г. Я.

¹³ Периостит — воспаление надкостницы.— Г. Я.

¹⁴ Т. е. в Михайловом стане.— Г. Я.

¹⁵ По фамилии — Яскевич.— П. В.

¹⁶ Т. е. на льду пролива Санникова между Новосибирскими островами и Малым Ляховским.— Г. Я.

¹⁷ В берлоги залегают только самки белого медведя на период родов и выкармливания. Но Э. Толль неправильно понял каюров — медведицы всегда устраивают берлоги на суше. Видимо, в данном случае речь шла о лежке медведя (на которых он может провести несколько суток после охоты).— Г. Я.

¹⁸ Возвышенность на острове Большом Ляховском.— Г. Я.

¹⁹ Западный мыс острова Большого Ляховского.— Г. Я.

²⁰ Чай-поварня — хижина на мысе Святой Нос; упоминающиеся далее «горы» — возвышенности на этом мысе.— Г. Я.

²¹ Аджергай — по-якутски — имеющий кудрявый, взъерошенный вид.— П. В.

²² Старый эвен, проводник Толля в поездках прошлых лет.— П. В.

²³ Штат на юге Австралии. Дарвин имеет в виду коренных австралийцев.— Г. Я.

²⁴ Причина ограниченной плодовитости женщин лежит в длительном кормлении грудью и сифилисе. Здесь было бы уместно привести данные из других районов, которые имеются по этому вопросу в моих прежних дневниках (1886 и 1893 гг.), а также статистические данные последней народной переписи из «Якутского календаря».— Авт.

²⁵ Теперь эта языковая группа называется тюркской.— Г. Я.

²⁶ Это и есть устарелое название эвенов.— Г. Я.

²⁷ Численность одулов (юкагиров) за последние 30 лет значительно увеличилась в связи с улучшением материальных условий жизни и организацией врачебно-медицинского обслуживания на Крайнем Севере.

В 1926 г. численность одулов не превышала 2000 человек.— Г. Я.

²⁸ В настоящее время наслег — адм.-территориальная единица в Якутской АССР, соответствующая сельсовету. В XVIII в. термин наслег (от русского «ночлег») был введен русской администрацией для обозначения якутских родов, образовавших сельскую общину.— П. В.

²⁹ Улус состоит из представителей всех наслегов и соответствует отчасти нашему уезду. Во главе улуса находится председатель — голова; его совет состоит из выборных кандидатов — заместителей головы, и тойонов.— Авт.

³⁰ 1878 год.— Г. Я.

³¹ Только что описанный способ сыроядения мяса.— Г. Я.

³² Обаяние (франц.).— П. В.

³³ Ископаемого.— Г. Я.

³⁴ Криоконит (по Норденшельду) представляет собою твердые частицы космического происхождения, падающие в полярных странах на землю в виде пыли.— П. В.

³⁵ Толль Э. Ископаемые ледники Ново-Сибирских островов, их отношение к трупам мамонтов и к ледниковому периоду. Зап. РГО, 1897, т. XXXII.— П. В.

³⁶ Уоллес. А. Дарвинизм. Изложение теории естественного подбора.— П. В.

³⁷ Э. Толль довольно верно подметил некоторые из причин вымирания малых народностей Севера. Однако большинство из названных им являются следствием одной общей национальной политики русского самодержавия — угнетением и нещадной эксплуатацией местного населения, отсутствием врачебной помощи и просвещения, попустительством русским торговцам в спаивании и обманах и т. п. Следует отметить, что Э. Толль

в противовес многим буржуазным ученым, механически применявшим чисто биологические законы (борьба за существование, вымирание видов и т. п.) для объяснения социальных явлений, идет в противоположном направлении. Он пытается объяснить вымирание мамонтов и современных им животных инфекционными заболеваниями, которые могли быть занесены переселившимися в эту область новыми видами, проводя аналогию с теми эпидемиями, которые в дореволюционное время опустошали северные районы, превращая их в почти безлюдные пустыни.— Г. Я.

³⁸ Т. е. южная часть Африки.— Г. Я.

³⁹ Э. Толль цитирует известный труд А. Уоллеса «Географическое распространение животных» в немецком переводе Мейера (1876 г.). На русском языке эта работа не издавалась.— Г. Я.

⁴⁰ См. прим. 39.— Г. Я.

⁴¹ См. прим. 39.— Г. Я.

⁴² См. прим. 39.— Г. Я.

⁴³ Карру — пустыня в Южной Африке.— Г. Я.

⁴⁴ Э. Толль цитирует Ч. Дарвина по одному из немецких изданий его собрания сочинений (Гаруса). Здесь цитата дается по последнему русскому изданию. Ч. Дарвин. «Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Перевод, вступительная статья и примечание проф. Л. С. Соболя, второе издание, Географгиз, 1955, стр. 135.— Г. Я.

⁴⁵ Там же, стр. 287—288.— Г. Я.

⁴⁶ Petermanns Mitt. Nr 651.— Авт.

⁴⁷ Герасимов. Зап. Минерал. об-ва, т. XXXVIII, вып. 2.— Авт.

⁴⁸ В отчете Ф. А. Матисена это письмо датировано 20 мая.— П. В.

Заключение

¹ Изв. АН СССР, 1904, т. XX, № 5, стр. 149.— П. В.

² Изв. РГО, 1906, т. 42, вып. 2—3, стр. 502.— П. В.

³ В этой записке показан старый стиль. По новому стилю партия Э. Толля высадились на остров Беннета 3 августа.— П. В.

⁴ Т. е. звена.— Г. Я.

⁵ Допрос Колчака. Центрархив, Госиздат, Ленинград, 1925, стр. 10.— П. В.

⁶ Изв. АН, 1904 г., стр. 88.— П. В.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вступление	3
Плавание Русской полярной экспедиции на яхте „Заря“	7
Часть первая	
Первая навигация с 21 июня 1900 г. по 10 сентября 1900 г.	9
Часть вторая	
Первая зимовка в Таймырском проливе с 1 октября 1900 г. по 25 августа 1901 г.	62
На зимовке	62
Первая санная поездка для устройства склада в фиорде Гафнера	70
Снова на борту „Зари“. На зимней стоянке	96
Вторая санная поездка на полуостров Челюскина	145
Снова на „Заре“	175
К устью Таймыры	198
Часть третья	
Плавание „Зари“ после освобождения из первой зимней гавани 25 августа 1901 г. до вмерзания в Нерпичьем заливе 23 сентября 1901 г.	211
Снова под парусами!	211
Часть четвертая	
Зимняя гавань в Нерпичьей губе острова Котельного с 24 сентября 1901 г. до 3 июня 1902 г.	244
На второй зимней стоянке	244
Посещение материка	263
Возвращение на „Зарю“ и отъезд на остров Беннета	307
Послесловие	322
Заключение	324
Примечания	332

Э. В. Толль
ПЛАВАНИЕ НА ЯХТЕ „ЗАРЯ“

Редактор *Г. В. Яников*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Н. И. Ногина*
Корректор *П. И. Чивикина*

Т08314. Сдано в производство 30/IV 1958 г. Подписано в печать 8/VIII—58 г. Формат 60×92 ¹/₁₆. Физических листов 22,37. Печатных листов 21,25, вкл. 1,12. Издательских листов 22,36. Тираж 20 000. Цена 6 р. 90 к. Переплет 2 р. Заказ № 1832.

Москва, В-71, Ленинский проспект 15, Географгиз
Набор Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Вадовая, 28.

Отпечатано с набора в 1-й тип.
Трансжелдориздата. МПС. Зак. 1106